Д. ПРЕСТОН,
Л. ЧАЙЛД

ГРАНИЦА ЛЬДОВ

Эксмо

ДУГЛАС ПРЕСТОН,
ЛИНКОЛЬН ЧАЙЛД

ГРАНИЦА ЛЬДОВ

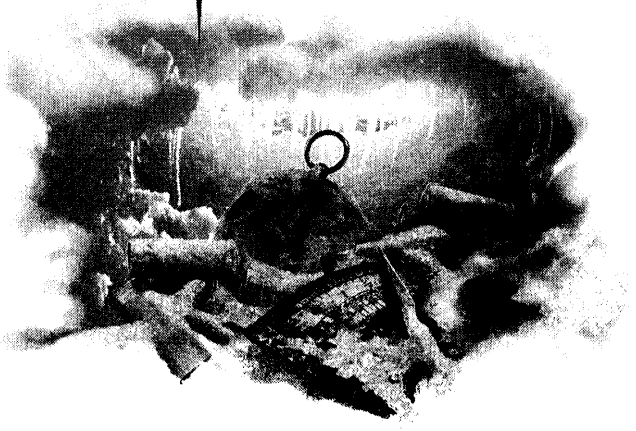

КНИГА–ЗАГАДКА КНИГА–БЕСТСЕЛЛЕР

КНИГА-ЗАГАДКА КНИГА-БЕСТСЕЛЛЕР

ДУГЛАС ПРЕСТОН
ЛИНКОЛЬН ЧАЙЛД

ГРАНИЦА ЛЬДОВ

«ДОМИНО»
Санкт-Петербург
ЭКСМО
Москва
2007

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)
П 73

Douglas Preston & Lincoln Child

The ice limit

© 2000 by Douglas Preston & Lincoln Child.
This edition published by arrangement
with Warner Books, Inc., New York, New York, USA. All rights reserved

Составитель серии *Александр Жикаренцев*

Оформление серии *Сергея Шикина*

Престон Д., Чайлд Л.

П 73 Граница льдов / Дуглас Престон, Линкольн Чайлд; [пер. с англ. Ж. Катковник]. — М.: Эксмо; СПб.: Домино, 2007. — 512 с. — (Книга-загадка, книга-бестселлер).

ISBN 978-5-699-23182-9

На пустынном острове у границы антарктических льдов уже несколько миллионов лет лежит самый большой из когда-либо упавших на Землю метеоритов. Палмер Ллойд, нью-йоркский миллиардер и известный собиратель редкостей, решает пополнить свою коллекцию этим таинственным пришельцем из глубин Вселенной. Вся операция по перевозке глыбы весом в четыре тысячи тонн должна проводиться в обстановке строжайшей секретности, чтобы ничто не помешало Ллойду завладеть вожделенным раритетом. Однако опасность угрожает не только извне, она таится в самом метеорите. Постепенно члены экспедиции начинают понимать, что не они захватили этот таинственный древний объект, а он захватил их и не собирается отпускать живыми.

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)

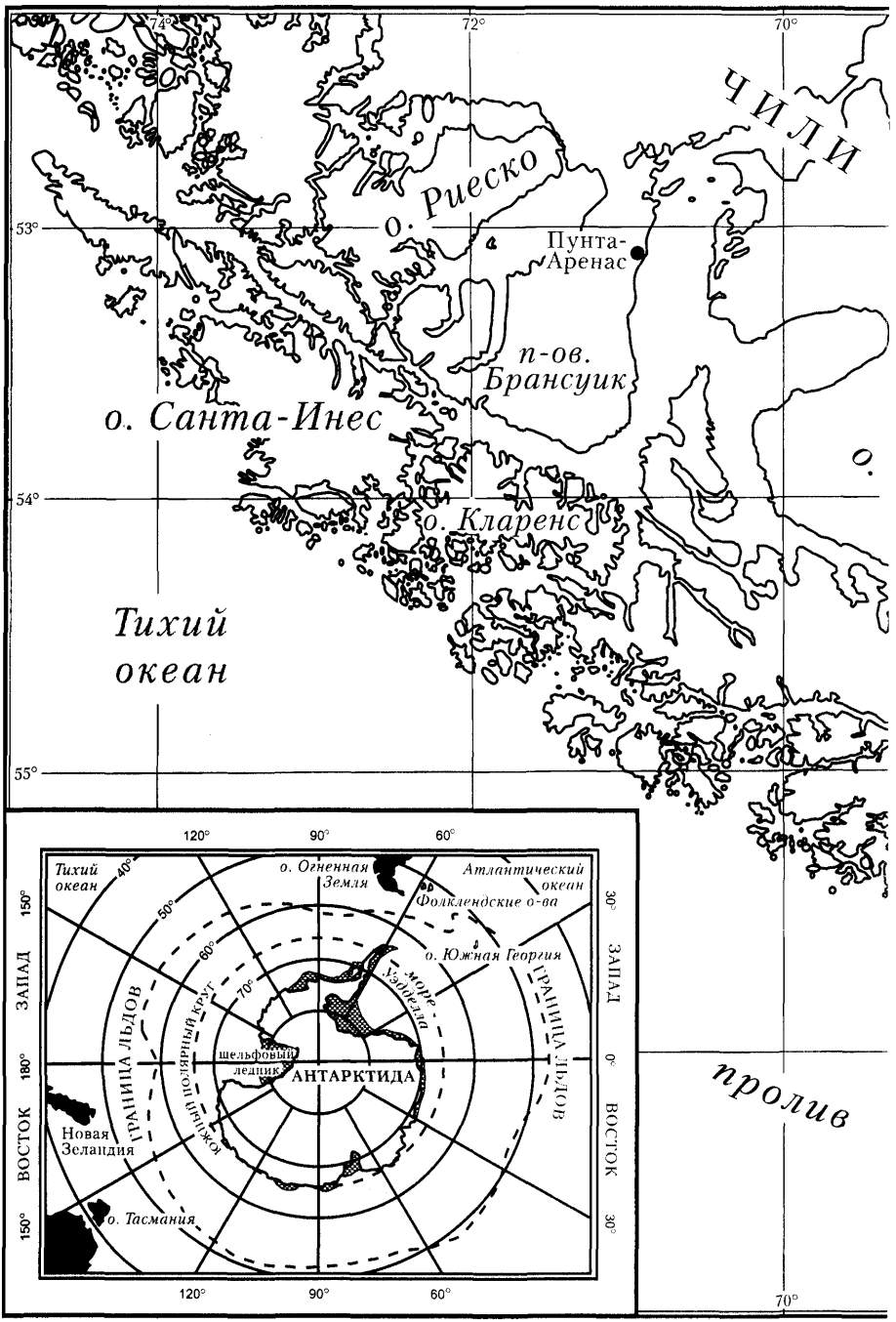
© Ж. Катковник, перевод с английского, 2007
© Текст. Оформление. ООО «ИД «Домино», 2007
© ООО «Издательство «Эксмо», издание на русском языке, 2007

ISBN 978-5-699-23182-9

Линкольн Чайлд посвящает эту книгу
своей дочери Веронике

Дуглас Престон посвящает эту книгу
Уолтеру Уинингсу Нельсону, художнику, фотографу
и товарищу по приключению

74°
72°
70°
ЧИЛИ
о. Риеско
53°
Пунта-Аренас
п-ов. Брансуик
о. Санта-Инес
54°
о. Кларенс
Тихий океан
55°
120°
90°
60°
Тихий океан
40°
о. Огненная Земля
Атлантический океан
Фолклендские о-ва
о. Южная Георгия
море Уэдделла
ЗАПАД
150°
180°
ВОСТОК
ГРАНИЦА ЛЬДОВ
Южный полярный круг
60°
70°
щельфовый ледник
АНТАРКТИДА
Новая Зеландия
о. Тасмания
0°
30°
пролив

ОГНЕННАЯ ЗЕМЛЯ
И МЫС ГОРН
Магелланов пролив
Атлантический океан
АРГЕНТИНА
Огненная Земля
пролив Бигля
Пуэрто-Уильямс
о. Наварино
о. Осте
пролив Ле-Мейр
о. Эстадос
о. Десоласьон
о. Барневельт
мыс Горн
о. Горн
Дрейка
о-ва Диего-Рамирес
68°
66°
64°
53°
54°
55°
56°
С
З
В
Ю

От авторов

«Граница льдов» частично обязана своим появлением реальной научной экспедиции. В 1906 году адмирал Роберт Э. Пири открыл в Северной Гренландии самый большой в мире метеорит, который он назвал Анайито. Он обнаружил его, потому что эскимосы, жившие в тех краях, использовали железные наконечники холодной ковки. Проведенный Пири анализ показал, что они имеют метеоритное происхождение. В конце концов Пири открыл Анайито, но только с громадными трудностями смог погрузить его на свой корабль. Когда эта огромная масса железа оказалась на борту судна, вышли из строя все судовые компасы. Пири удалось доставить Анайито в американский Музей естественной истории в Нью-Йорке, где он и экспонируется до наших дней в зале метеоритов. Пири рассказал об этом в своей книге «На севере у Великих льдов». Он пишет: «Никогда я не осознавал так полно необычайной значимости силы земного притяжения, как при обращении с этой горой железа».

Анайито настолько тяжел, что покоится на шести массивных стальных колоннах, которые пронзают пол зала метеоритов, проходят через подвал и крепятся к скальной породе под зданием.

Нет нужды говорить, что, хотя многое из упомянутого в книге действительно существует, «Ллойд индастриз», «Эф-

фективные инженерные решения», все персонажи, американские и чилийские корабли, описанные в романе, являются выдумкой. Мы взяли на себя смелость придать танкеру внешний вид, конструкцию и характеристики, наиболее подходящие для этого повествования.

Кроме того, хотя на карте есть большой остров под названием Десоласьон, расположенный в трехстах пятидесяти милях к северо-западу от границы льдов, наш остров, его особенности, размер и местоположение полностью вымышлены.

Остров Десоласьон
16 января, 13 часов 15 минут

Между двух бесплодных холмов пролегла длинная безымянная долина с пятнистым серо-зеленым дном, покрытым мхом, лишайниками и травами. Была середина января, разгар лета, и расселины между обломками скал заполнили крошечные цветы жирянки. На востоке бездонной синевой светилась стена снежника. Воздух наполняло гудение черной мошки и комаров. Летний туман, скрывавший остров Десоласьон, временно разошелся, позволив бледному солнечному свету испятнать дно долины.

По галечниковой ложбине медленно брел человек. Останавливался, потом продолжал движение, снова останавливался. Он шел напрямую: ни дорог, ни троп не было на островах у мыса Горн — самой нижней оконечности Южной Америки.

Нестор Масангкей был одет в поношенную непромокаемую одежду и засалившуюся кожаную шляпу. Его жидкая борода так пропиталась морской солью, что распалась на отдельные пряди, которые при ходьбе болтались подобно змеиным языкам. Масангкей вел за собой двух тяжело нагруженных мулов. Некому было слушать его голос, неблагозвучно комментирующий наследственность мулов, их характер и право на существование. Время от времени он подкреплял свое недовольство ударом прута, зажатого в коричневой от ветра и солн-

ца руке. Никогда ему не попадался мул, особенно из взятых напрокат, который ему понравился бы.

Однако в голосе Масангкея не было злости, и в удары он не вкладывал силы. В нем нарастало возбуждение. Обшаривая взглядом ландшафт, он отмечал каждую деталь: круто вздымающийся базальтовый склон на расстоянии мили, двухжерловую вулканическую вилку, необычное обнажение осадочной породы. Геология выглядела обещающей. Очень обещающей.

Масангкей шел по долине, глядя в землю. Время от времени подкованным крупными гвоздями сапогом он выбивал привлекший его внимание камень. Борода тряслась, Масангкей недовольно ворчал, и чудной караван двигался дальше. В центре долины сапог выбил из залежи очередной камень, но на этот раз Масангкей остановился. Поднял находку, осмотрел рыхлый камень, ковырнул его большим пальцем и растер приставшие к коже мелкие гранулы. Затем поднес песчинки к лицу и стал рассматривать их через ювелирную лупу.

Масангкей узнал в зеленоватом осколке с белыми вкраплениями минерал, известный как коэсит. Именно в надежде найти этот непримечательный с виду камень он и проделал путешествие в двенадцать тысяч миль.

На лице Масангкея появилась широкая улыбка, он воздел руки к небу и исторг громкий восторженный вопль. Холмы долго обменивались эхом его голоса, перекатывая звуки взад-вперед, взад-вперед, пока они наконец не замерли вдалеке.

Масангкей замолчал и посмотрел на холмы вокруг, представлявшие собой результат наносной эрозии. Он задержался взглядом на обнажении осадочных пород, слои которых четко разграничивались, и снова обратил взор к земле. Прошел с мулами еще десять ярдов, высмотрел второй камень и перевернул его ногой. Потом вывернул третий, за ним четвертый. Все они были из коэсита. Дно долины было практически выстлано им.

У самой границы снежника Масангкей увидел валун, бродягу ледникового периода. Он подвел к нему мулов и привя-

зал их. Затем пошел обратно медленно и сосредоточенно, подбирая камни, расчищая почву сапогом, мысленно рисуя карту распределения коэсита. Потрясающе! Это выходило за пределы даже его самых оптимистических предположений.

Масангкей явился на этот остров с реалистическими надеждами. Он знал по личному опыту, что местные легенды редко бывают беспочвенны. Ему вспомнилась пыльная библиотека музея, где он впервые наткнулся на легенду о Генуксе. Вспомнился запах ветхой монографии по антропологии, выцветшие фотографии артефактов и останков давно вымерших индейцев. Тогда это его почти не тронуло: мыс Горн был чертовски далеко от города Нью-Йорка. В прошлом предчувствия его часто подводили. Но вот он все-таки здесь.

И он нашел предмет вожделений всей своей жизни.

Масангкей глубоко вздохнул: он превзошел самого себя. Вернувшись к валуну, Масангкей запустил руку под брюхо головного вьючного мула. Торопясь, расстегнул пряжку, развязал пеньковую веревку и раскрыл защелки на деревянных коробах. Поднял крышку одного из них, вытащил длинный водонепроницаемый мешок и положил на землю. Достал из мешка шесть алюминиевых цилиндров, маленькую компьютерную клавиатуру и экран, кожаный ремень, две металлические сферы и никелево-кадмиевую батарею. Усевшись на землю по-турецки, он укрепил сферы на концах пятнадцатифутового алюминиевого стержня, а к его середине приладил компьютер и вставил в него аккумулятор. Готовую конструкцию Масангкей повесил на кожаный ремень, поднялся на ноги и с удовлетворением осмотрел продукт высоких технологий, совершенно не гармонирующий с примитивными вьюками. Это был электромагнитный томографический зонд, стоивший больше пятидесяти тысяч долларов. Десять тысяч уплачены, а остальное нужно отдавать в рассрочку, что будет трудно, учитывая прочие его долги. Конечно, когда этот проект окупится, он сможет расплатиться со всеми, даже со своим бывшим партнером.

Масангкей включил питание и подождал, пока аппаратура прогреется. Поставил экран в нужное положение и, взяв-

шись за ручку в середине штока, распределил вес конструкции на перекинутом через шею ремне, уравновесив зонд так же, как канатоходец балансирует свой шест. Свободной рукой он открыл файл установочных параметров, эталонировал и обнулил инструмент. После этого Масангкей стал как заведенный ходить по длинной низине, не отрывая взгляда от экрана. Пока он ходил, опустился туман, небо потемнело. Вблизи центра низины Масангкей неожиданно остановился.

Он с удивлением уставился на экран, потом откорректировал установочные данные и сделал шаг. Выругавшись, Масангкей выключил аппаратуру и вернулся к краю низины. Здесь он заново обнулил показания на экране и пошел под прямым углом к предыдущему направлению. Снова остановился. Удивление сменилось недоверием. Он отметил место двумя камнями, положив один на другой. После этого Масангкей дошел до дальней границы низины, развернулся и пошел назад, на этот раз быстрее. Легкий дождь капал ему на лицо и на плечи, но Масангкей не обращал внимания. Он нажал клавишу, и узкая бумажная лента, скручиваясь, полезла из компьютера. Масангкей внимательно изучил расплывающиеся под дождем записи. У него участилось дыхание. Первоначально он подумал, что показания неправильные, но теперь, после трех проходов, все прекрасно согласуется. Масангкей сделал еще один проход, оторвал ленту, быстро ее просмотрел и, свернув, положил в карман куртки.

После четвертого прохода он начал говорить сам с собой тихо, быстро и монотонно. Вернувшись к мулам, Масангкей сложил зонд в мешок и трясущимися руками отвязал поклажу со второго мула. Из-за спешки один из коробов упал на землю и раскрылся. Из него вывалились кирки, лопаты, скальные молотки, бур и связка динамита. Схватив кирку и лопату, Масангкей прибежал в центр низины и начал лихорадочно работать киркой, разбивая твердую поверхность. Затем лопатой убрал взрыхленный гравий, отбросив далеко в сторону. Так и работал, чередуя кирку с лопатой. Мулы с полным безразличием смотрели на него, опустив головы и прикрыв глаза.

Пока Масангкей работал, дождь усилился. В самых низких местах галечниковой равнины образовались мелкие лужи. С севера, из пролива Франклина, потянуло холодом. Стали слышны далекие раскаты грома. Прилетевшие чайки кружили с любопытством над головой у Масангкея, издавая крики, в которых ему слышалась обреченность.

Яма углубилась до фута, потом до двух. Под плотным слоем гравия оказался мягкий слой наносного песка, копать стало легко. Холмы скрылись за пеленой дождя и тумана. Масангкей продолжал работать, ни на что не обращая внимания. Он снял куртку, затем рубашку и даже майку. Грязь и вода, смешиваясь с потом на спине и груди, обрисовали бугры и впадины его мускулатуры. Пряди бороды напитались водой.

Внезапно, вскрикнув, он прекратил копать. Присел в яме и стал счищать руками землю и песок с твердой поверхности у себя под ногами. Потом распрямился, позволил дождю смыть с этой поверхности остатки грязи. И вдруг вздрогнул от потрясения и замешательства. Потом он опустился на колени, словно в молитве, и благоговейно раскинул свои потные руки на поверхности. Он дышал с трудом, в глазах застыло дикое изумление, пот и дождь стекали у него со лба, сердце колотилось от напряжения, возбуждения и невыразимого счастья.

В этот момент из ямы вырвалась взрывная волна ярчайшего света, сопровождаемая чудовищным гулом, который раскатился по долине, отражаясь и затихая среди дальних холмов. Оба мула повернули голову в направлении шума. Они увидели маленький сгусток тумана, который приобрел очертания краба, разлетелся и уплыл в дождь.

Привязанные мулы с безразличием отвернулись от зрелища. На остров Десоласьон спустилась ночь.

Остров Десоласьон
22 февраля, 11 часов

Длинное каноэ из коры рассекало воду пролива и стремительно двигалось благодаря приливному течению. Одинокая фигура, маленькая и согбенная, стоя на колене, мастерски работала веслом, удерживая утлый челнок на волнах. Из середины каноэ, где на подкладке из влажной глины был разложен тлеющий костерок, поднималась тонкая струйка дыма.

Лодка обогнула черные утесы острова Десоласьон, оказавшись в более спокойной воде маленькой бухты, и прошуршала по гальке пляжа. Человек вылез из нее и вытащил на берег за отметку самого высокого прилива.

Он услышал эту новость мимоходом от одного кочующего рыбака, в одиночестве живущего в этих холодных краях. Необычным было уже то, что человек, казавшийся иностранцем, посетил отдаленный и неприветливый остров, но еще необычней то, что он здесь и остался, если верить молве.

Он остановился, заметив что-то. Прошел вперед и поднял обрывок стекловолокна, потом еще один, рассмотрел их, подергал волокна на рваных краях и выбросил. Останки недавно разбившейся лодки. В конце концов, возможно, все объясняется очень просто.

Мужчина имел необычный вид. Это был старик с темной кожей, длинными седыми волосами и жиденькими усиками, свисавшими по щекам как паутинки. Несмотря на морозную

погоду, на нем были только грязная футболка и мешковатые шорты. Он ловко высморкался, зажав пальцем сначала одну ноздрю, потом другую. После чего стал карабкаться на скалу, возвышавшуюся над маленькой бухтой.

Забравшись наверх, старик остановился. Его черные блестящие глаза изучали землю в поисках примет. Гравийное плато, усеянное кочками мха, благодаря постоянной смене оттаивания и замерзания великолепно сохраняет следы ног и копыт.

Он пошел по неровному следу, ведущему наверх к снежнику. Там след продолжался вдоль края снежника, а потом спускался в долину за ним. На выступе, с которого открывался вид на долину, следы имели хаотичное расположение. Старик остановился, глядя вниз на бесплодную долину. Там внизу что-то было: цветные пятнышки среди однообразного ландшафта и солнечные блики от полированного металла.

Он поспешил вниз.

Сначала он наткнулся на мулов, привязанных у валуна. Они давно умерли. Его алчный взгляд рыскал по земле, загораясь при виде припасов и снаряжения. Потом увидел тело.

Приблизился, двигаясь теперь гораздо более почтительно. Тело лежало на спине примерно в сотне ярдов от недавно выкопанной ямы. Оно было нагим, за исключением клочков ткани, прилипших к обугленной плоти. Черные обожженные руки были подняты к небу, подобно лапам мертвой вороны, а согнутые в коленях ноги подтянуты к сломанной грудной клетке. Дождевая вода скопилась в пустых глазницах, образуя два крошечных озерца, в которых отражалось небо и облака.

Старик попятился, переступая с ноги на ногу подобно коту. Остановился. Долго стоял и с изумлением смотрел. Затем медленно отошел, не поворачиваясь спиной к почерневшему трупу. Его внимание теперь сосредоточилось на сокровище в виде ценного оборудования, валявшегося вокруг.

Нью-Йорк
20 мая, 14 часов

Торговый зал «Кристи» представлял собой большое помещение, отделанное светлой древесиной и освещенное свисавшими с потолка прямоугольными светильниками. Паркет из твердого дерева, уложенный безупречной елочкой, практически не был виден под бесчисленными рядами стульев, ни один из которых не пустовал. Все пространство за креслами в задней части зала заполнила толпа репортеров и опоздавших зрителей.

Когда председательствующий поднялся на подиум, стало тихо. Длинный экран кремового цвета позади него, на котором при обычном аукционе вывешивались картины или гравюры, был пуст.

Аукционист постучал молотком, огляделся, достал из кармана костюма карточку и посмотрел на нее. Осторожно положил карточку сбоку и снова поднял глаза.

— Я полагаю,— звучные английские гласные резонировали от легкого усиления,— некоторым из вас известно, что мы предлагаем сегодня.

Волна благожелательной веселости пробежала по рядам.

— К сожалению, мы не смогли доставить это сюда, чтобы вам показать. Оно довольно громоздко.

Снова в публике раздались смешки. Председатель явно наслаждался важностью предстоящего.

— Но я принес малую частицу этого, символ, так сказать, в качестве гарантии, что вы будете участвовать в торгах подлинной вещи.

Аукционист кивнул, и стройный молодой человек с повадками газели вышел на сцену, держа обеими руками небольшую бархатную шкатулку. Он открыл застежку, поднял шкатулку и полностью откинул крышку, демонстрируя ее содержимое аудитории. В толпе зашептались, и снова стало тихо.

Внутри на белом шелке покоился кривой желтый зуб. Он был длиной около семи дюймов, с сильно зазубренной внутренней поверхностью.

Председатель прочистил горло.

— Держателем лота номер один, на сегодня нашего единственного лота, является народ навахо по доверительному соглашению с правительством Соединенных Штатов Америки.— Он оглядел аудиторию.— Лот является окаменелостью. Замечательной окаменелостью.— Он сверился с карточкой.— В тысяча девятьсот девяносто шестом году пастух навахо по имени Уилсон Этситти потерял несколько овец в горах Лукачукай, что на границе Аризоны и Нью-Мексико. Пытаясь найти овец, он забрел в далекое ущелье, где обратил внимание на огромную кость, торчавшую из обрыва песчаника. Геологи называют этот слой песчаника «Формацией адской бухты», датируется он меловым периодом. Это информация из Музея естественной истории в Альбукерке. По соглашению с народом навахо сотрудники музея начали раскопки останков. В процессе работы выяснилось, что они имеют дело не с одним, а с двумя сцепившимися скелетами: тираннозавра и трицератопса. Челюсти тираннозавра сомкнулись на шее трицератопса, фактически обезглавив животное этим свирепым укусом. Трицератопс, в свою очередь, воткнул свой средний рог глубоко в грудь тираннозавра. Оба животных умерли в этом ужасном объятии.

Оратор откашлялся и продолжил:

— Битва была такой жестокой, что под трицератопсом палеонтологи обнаружили пять зубов тираннозавра, которых,

по-видимому, тот лишился в пылу сражения. Это один из них.

По залу снова прошелестело оживление. Аукционист кивнул ассистенту, который закрыл коробку.

— Каменная глыба с двумя динозаврами, весившая приблизительно триста тонн, была вывезена с гор и доставлена в музей в Альбукерке. Затем ее перевезли в Музей естественной истории в Нью-Йорке для дальнейшей обработки. Оба скелета до сих пор частично заключены в материнскую породу.— Он заглянул в карточку.— Согласно мнению ученых, консультировавших «Кристи», это наилучшим образом сохранившиеся останки динозавров, которые когда-либо были найдены. Они являются бесценными для науки. Главный палеонтолог нью-йоркского музея назвал их величайшим открытием в истории палеонтологии.

Он осторожно положил карточку и взял молоток. Словно по сигналу на сцене бесшумно возникли трое наблюдателей и замерли в ожидании. У открытых телефонных аппаратов с трубками в руках неподвижно стояли служащие.

— Примерная стоимость лота составляет двенадцать миллионов долларов, а начальная цена — пять миллионов долларов.

Председатель стукнул молотком. Последовали вялые редкие возгласы, кивки и элегантные взмахи номерными бирками.

— Пять миллионов. Шесть миллионов. Благодарю, семь миллионов!

Наблюдатели крутили головами, высматривая заявки, и сообщали председателю. Гул голосов в зале постепенно нарастал.

— Есть восемь миллионов!

Когда цена превысила рекордную цену, уплаченную когда-либо за ископаемое, раздались редкие аплодисменты.

— Десять миллионов. Одиннадцать миллионов. Благодарю вас, тринадцать. Четырнадцать. Пятнадцать.

Количество заявок существенно уменьшилось, но несколько телефонных абонентов наряду с полудюжиной присутству-

ющих продолжали торг. На экране справа от председателя высвечивалась цена в долларах, а под ней синхронно появлялись эквивалентные цены в британской и европейских валютах.

— Восемнадцать миллионов. У меня восемнадцать миллионов. Девятнадцать.

Гул превратился в рокот, и председатель осторожно постучал молотком. Торг продолжился тихо, но страстно.

— Двадцать пять миллионов. У меня двадцать пять миллионов. Двадцать семь от джентльмена справа.

Гул снова усилился, но на этот раз председатель не пытался подавить его.

— У меня тридцать два миллиона. Тридцать два с половиной, по телефону. Тридцать три. Благодарю вас, тридцать три с половиной. Тридцать четыре от леди напротив.

В торговом зале возрастала наэлектризованность, цена поднялась выше самых, казалось, фантастических прогнозов.

— Тридцать пять, по телефону. Тридцать пять с половиной от леди. Тридцать шесть!

В толпе возникло движение, сутолока: внимание множества присутствующих обратилось к двери на главную галерею. На ступеньках лестницы в форме полумесяца появился поразительный человек лет шестидесяти, внушительного, даже подавляющего вида. У него была бритая голова и борода клинышком. При движении поблескивал на свету костюм из темно-синего шелка от Валентино, драпировавший его массивное тело. Расстегнутая сверху безупречно белая рубашка от Тернбулла и Эссера дополнялась приспущенным галстуком-шнурком, удерживаемым на месте янтарем размером с кулак, который обрамлял единственное найденное перо археоптерикса.

— Тридцать шесть миллионов,— повторил председатель.

Однако его взгляд, как и у остальных, был прикован к вновь прибывшему.

Человек стоял на лестнице, его голубые глаза светились живостью и каким-то внутренним весельем. Он медленно под-

нял свою бирку. Все стихло. На тот невероятный случай, если бы кто-то не узнал этого человека, бирка развеивала сомнения: на ней был номер 001 — единственный персональный номер, выданный этому конкретному клиенту для участия в торгах аукциона «Кристи».

Председатель смотрел на него выжидающе.

— Сто,— произнес наконец человек негромко, но отчетливо.

Стало еще тише.

— Прошу прощения?

Голос председателя прозвучал сухо.

— Сто миллионов долларов,— отчетливо сказал человек, продемонстрировав при этом крупные, очень ровные и очень белые зубы.

Тишина стала абсолютной.

— У меня заявка на сто миллионов долларов,— сказал председатель немного дрогнувшим голосом.

Казалось, время остановилось. Где-то в здании едва слышно звонил телефон, с улицы долетел гудок автомобиля.

Чары разрушил резкий стук молотка.

— Лот номер один за сто миллионов долларов продан Палмеру Ллойду!

Комната взорвалась. Мгновенно все вскочили на ноги. Раздавались аплодисменты, приветствия, крики «браво», словно великий тенор завершил лучшее свое выступление. Однако были и недовольные — аплодисменты и приветствия прерывались шиканьем, свистом и глухим топотом. «Кристи» не приходилось еще иметь дело с толпой, столь близкой к истерии. Все участники, те, что «за», и те, что «против», прекрасно понимали: здесь творится история. Но человек, явившийся причиной волнений, уже ушел через главную галерею вниз по зеленому ковру, мимо кассира, и публика обнаружила, что адресуется к пустому дверному проему.

Пустыня Калахари
1 июня, 18 часов 45 минут

Сэм Макферлейн сидел на песке, скрестив ноги. Вечерний костер, разложенный из сушняка на голой земле, отбрасывал трепещущую сеть теней на колючий кустарник вокруг лагеря. Ближайшее поселение находилось в сотне миль у него за спиной.

Он оглядывал изможденные фигуры людей в пыльных набедренных повязках, сидевших на корточках вокруг костра. Бушмены сэн. Их глаза настороженно блестели. Требовалось немало времени, чтобы заслужить их доверие, но, однажды обретенное, оно оставалось нерушимым. «Совершенно иначе, чем там, дома»,— думал Макферлейн.

Перед каждым бушменом лежал обшарпанный от длительного употребления металлоискатель. Когда Макферлейн встал, бушмены не шелохнулись. Он заговорил медленно и нескладно на их странном щелкающем языке. Поначалу его ошибки в произношении вызывали хихиканье, но Макферлейн, имевший природную склонность к языкам, продолжал говорить все увереннее, и постепенно установилось уважительное молчание.

В завершение речи Макферлейн разгладил песчаный бугорок и стал прутиком рисовать схему. Бушмены, сидя на корточках, выворачивали шеи, чтобы рассмотреть чертеж. Вскоре схема обрела очертания, и бушмены понимающе кивали,

когда Макферлейн указывал на различные ориентиры. Это было пространство Макгадикгади-Пэнс, простиравшееся к северу от лагеря: тысяча квадратных миль песчаных холмов, высохших озер и солончаковых равнин. В самой глубине изображенной территории Макферлейн обвел кружок, воткнул прутик в его центр и с широкой улыбкой посмотрел на бушменов.

Наступило молчание, которое только подчеркивал доносившийся издалека крик одинокой птицы руору. Бушмены начали тихо переговариваться между собой, щелканье и клохтанье их языка напоминало шум гальки в реке. Костистый старик, глава клана, указал на схему, и Макферлейн наклонился вперед, чтобы лучше понимать его быструю речь. Старик сказал, что они знают эти места. Он начал описывать тропы, пересекающие отдаленные области и известные только клану сэн. Веточками и камешками отмечал места, где есть выходы воды, где водятся звери или можно найти съедобные коренья и растения. Макферлейн терпеливо слушал.

Наконец группа снова затихла. Вождь теперь заговорил с Макферлейном медленней. Да, они готовы сделать то, что хочет белый человек. Но они опасаются машин белого человека и не понимают, что ищет белый человек.

Макферлейн распрямился, выдернув прутик из песка. Затем достал из кармана маленький темный кусок железа не больше шарика для детского бильярда и поместил его в ямку, оставленную прутиком. Втолкнул его глубже и насыпал сверху еще песка. Потом поднялся, взял металлодетектор и включил. Раздался короткий, пронзительный свист. Сэн наблюдали за ним взволнованно, но молча. Макферлейн отошел от схемы на пару шагов и пошел обратно, водя детектором над поверхностью земли. Когда он пронес его над закопанным куском железа, раздался сигнал. Бушмены в тревоге отскочили назад и торопливо заговорили между собой.

Макферлейн улыбнулся, сказал несколько слов, и бушмены вернулись на свои места. Макферлейн выключил металлоискатель и протянул его вождю, тот нехотя взял его. Мак-

ферлейн показал, как включается прибор, потом широким движением вместе с вождем пронес его над кружком. Снова раздался сигнал. Вождь вздрогнул, но потом улыбнулся. Он повторял попытки одну за другой, и после каждого сигнала его улыбка становилась шире, а лицо от этого превратилось в сморщенную маску.

— Сан'а ай, Ма'гад'и'гади'иаад'ми,— сказал он, указав на соплеменников.

С помощью Макферлейна каждый бушмен в свою очередь брал детектор и проверял его действие на спрятанном кусочке железа. Постепенно понимание привело к смеху и глубокомысленным рассуждениям. В конце концов Макферлейн поднял руку, и все снова расселись у своих приборов. Они были готовы начать поиск.

Макферлейн достал из кармана кожаный мешочек, открыл его и вывернул. На ладонь его вытянутой руки высыпалось с десяток золотых крюгеррандов. Птица руору снова издала свой печальный зов, и на небе померк последний свет дня. Не спеша, соблюдая ритуал, Макферлейн дал каждому бушмену по золотой монете. Они принимали их с благоговением, двумя руками, склонив головы.

Вождь снова заговорил с Макферлейном. Завтра они свернут лагерь и начнут путешествие к сердцу Макгадикгади-Пэнс с машинами белого человека. Они поищут ту большую вещь, которую хочет белый человек. Когда они ее найдут, они вернутся. Они расскажут белому человеку, где она.

Неожиданно старик в тревоге поднял глаза к небу. Другие сделали то же самое. Макферлейн смотрел на них в замешательстве. Потом и сам услышал отдаленный рокот. Он проследил за их взглядами до темного горизонта. Бушмены уже были на ногах, похожие на вспугнутых птиц. Они заговорили быстро и взволнованно. Далеко в небе появился слабый пучок света, который постепенно становился ярче. Гудение становилось слышней. Острый луч прожектора вонзался в кустарник.

Издав крик, предупреждавший об опасности, старик бросил свой крюгерранд и исчез в темноте. За ним последовали остальные. Мгновение — и Макферлейн остался один в безмолвной темноте. Когда интенсивность света возросла, Макферлейн резко повернулся. Свет приближался прямо к лагерю. Теперь Макферлейн видел, что это большой вертолет. Винты рвали ночной воздух, ходовые огни мигали, огромный прожектор шарил по земле, пока не остановил свой ослепительный луч на нем.

Макферлейн бросился на землю за кустами и лежал, чувствуя себя беззащитным при таком ярком свете. Запустив руку в сапог, он вытащил маленький пистолет. Вокруг него вихрилась пыль, засыпая глаза, пустынный кустарник бешено раскачивался. Вертолет замедлился, вращаясь и снижаясь над открытой площадкой сбоку от лагеря, поток воздуха поднял каскад искр из костра. Когда вертолет приземлился, включились прожектора у него на крыше, которые залили окрестности еще более ярким светом. Винты выключились. Макферлейн ждал, вытирая с лица пыль и не спуская глаз с откидной двери вертолета, держа пистолет наготове. Вскоре дверь открылась, и вышел огромный, мощный человек.

Макферлейн наблюдал из-за колючих кустов. Человек был одет в шорты цвета хаки и хлопковую рубашку с карманами. На массивной бритой голове сидела шляпа от «Тили». Что-то тяжелое болталось в одном из огромных карманов его шорт. Человек направился к Макферлейну.

Макферлейн встал, оставляя кусты между собой и вертолетом, и нацелил пистолет в грудь человеку. Но незнакомца, по-видимому, это не беспокоило. Хотя он находился в тени и только силуэт его был виден в приглушенном свете от вертолета, Макферлейну показалось, что он разглядел зубы, блеснувшие в улыбке. Человек остановился в пяти шагах от него. Он был ростом по крайней мере шесть футов восемь дюймов. Макферлейн подумал, что никогда еще не видел такого высокого человека.

— Вас трудно отыскать,— сказал незнакомец.

В глубоком звучном голосе Макферлейн услышал едва заметную гнусавость — акцент Восточного побережья.

— Кто вы такой, черт возьми? — откликнулся Макферлейн, держа пистолет наведенным.

— Представляться гораздо приятней, когда оружие убрано.

— Достаньте из кармана свое оружие и бросьте на землю,— сказал Макферлейн.

Человек хохотнул и достал предмет, оказавшийся не оружием, а маленьким термосом.

— Кое-что противопростудное,— объяснил он.— Не хотите ко мне присоединиться?

Макферлейн посмотрел на вертолет, но единственным его обитателем был пилот.

— Я потратил месяц, чтобы завоевать их доверие,— сказал он тихо.— А вы их просто разогнали к черту, и все пропало. Я хочу знать, кто вы и зачем вы здесь. И лучше, чтобы повод был достаточно хорош.

— Боюсь, ничего хорошего в нем нет. Ваш напарник Нестор Масангкей умер.

Макферлейн почувствовал неожиданную слабость. Рука с пистолетом медленно опустилась.

— Умер?

Мужчина кивнул.

— Как?

— Занимался тем же, что и вы. Но мы не знаем, как он умер,— отвечал незнакомец.— Не могли бы мы переместиться ближе к костру? Не ожидал, что ночью в Калахари так холодно.

Макферлейн двинулся к костру весь во власти противоречивых эмоций, держа пистолет в опущенной руке. Он отметил, что вихрь, поднятый вертолетом, стер его песчаную схему и оголил маленький кусочек железа.

— А какое отношение вы имеете к Нестору? — спросил он.

Человек ответил не сразу. Он изучал место действия: десяток металлоискателей, брошенных разбежавшимися бушменами, золотые монеты на песке. Он наклонился, поднял

коричневый кусочек железа, взвесил его в руке и поднес к глазам. Потом взглянул на Макферлейна:

— Снова ищете метеорит Окаванго?

Макферлейн ничего не ответил, но его рука крепче сжала пистолет.

— Вы знали Масангкея лучше, чем кто-либо другой. Вы нужны мне, чтобы завершить его проект.

— И что же это был за проект? — спросил Макферлейн.

— Боюсь, я уже сказал все, что могу сказать.

— А я боюсь, что уже услышал все, что хотел услышать. Единственный человек, которому я помогаю, это я сам.

— Так мне и говорили.

Макферлейн, в котором снова вспыхнул гнев, подался вперед. Человек примирительно поднял руку:

— Самое малое, что вы можете сделать,— выслушать меня.

— Я не слышал даже вашего имени, да, честно говоря, и не стремлюсь. Спасибо за то, что принесли мне плохую весть. А теперь вам лучше вернуться в вертолет и убраться отсюда к чертям.

— Простите, что не представился. Я Палмер Ллойд.

Макферлейн расхохотался.

— Ага, а я — Билл Гейтс.

Но большой человек не рассмеялся — просто улыбнулся. Макферлейн в первый раз по-настоящему взглянул ему в лицо.

— Боже,— выдохнул он.

— Возможно, вы слышали, что я строю новый музей.

Макферлейн покивал головой:

— Так Нестор работал на вас?

— Нет. Но его деятельность недавно привлекла мое внимание, и я хочу закончить то, что он начал.

— Послушайте,— начал Макферлейн, засовывая пистолет за пояс.— Меня это не интересует. Наши пути с Нестором Масангкеем разошлись давным-давно. Но я уверен, что вам это известно.

Ллойд улыбнулся и поднял термос.

— Не могли бы мы поговорить об этом за пуншем?

Не ожидая ответа, Ллойд уселся у костра, как садятся белые люди,— задом в пыль, отвернул крышку и наполнил чашку дымящейся жидкостью. Он предложил ее Макферлейну, но тот отрицательно помотал головой.

— Вам нравится охотиться за метеоритами? — поинтересовался Ллойд.

— Бывают удачные дни.

— Вы действительно думаете, что найдете Окаванго?

— Думал, пока вы не упали с неба,— ответил Макферлейн, присаживаясь рядом.— Мне бы хотелось с вами поболтать, но каждую минуту, что вы сидите здесь с этим гудящим вертолетом, бушмены уходят все дальше. Поэтому повторяю: меня не интересует ваша работа. Ни в вашем музее и ни в каком другом. Кроме того, вы не можете заплатить мне столько, сколько я получу за Окаванго.

— А сколько это может быть? — спросил Ллойд, отпивая из чашки.

— Самое малое, четверть миллиона.

Ллойд кивнул.

— Предположим, вы его находите. Вычтем то, что вы задолжали всем из-за неудачи с Торнарссаком, и вы, возможно, останетесь на нуле.

Макферлейн неожиданно рассмеялся.

— Каждый должен когда-то совершить ошибку. У меня останется достаточно, чтобы положить начало поискам следующего камня. Метеоритов полно. Наверняка это доходней, чем зарплата куратора музея.

— Я говорю не о кураторстве.

— Тогда о чем?

— Я уверен, что вы могли бы догадаться. Я же не могу говорить о подробностях, пока не знаю, что вы с нами в одной лодке.— Он отхлебнул пунша.— Сделайте это для своего давнего напарника.

— Давнего экс-напарника.

Ллойд вздохнул.

— Вы правы. Я знаю о вас и Масангкее. Потеря Торнарсака не только ваша вина. Если и винить кого, так это бюрократов из нью-йоркского Музея естественной истории.

— Может, хватит болтать? Меня не интересует ваше предложение.

— Позвольте рассказать вам о компенсации. В качестве подъемных я уплачу четверть миллиона, которые вы задолжали, и кредиторы перестанут дышать вам в затылок. Если проект завершится успешно, я заплачу вам еще четверть миллиона. Если нет, вам придется удовольствоваться отсутствием долгов. В любом случае вы сможете продолжить работать в моем музее в качестве директора отдела космических исследований, если захотите. Я построю вам лабораторию, самую современную лабораторию. У вас будет работа, секретарь, лаборанты, шестизначная зарплата.

Макферлейн снова рассмеялся.

— Великолепно. Сколько времени потребует проект?

— Шесть месяцев. В поле.

Макферлейн перестал смеяться.

— Полмиллиона за шесть месяцев работы?

— Если добьемся успеха.

— В чем загвоздка?

— Ни в чем.

— Почему я?

— Вы знали Масангкея, его уловки, его манеру работать, его способ мышления. Есть большая странность в том, что он делал. Вам предстоит с этим разобраться. Кроме того, вы один из лучших охотников за метеоритами в мире. Вы наделены интуицией для их поиска. Люди говорят, что вы чувствуете их запах.

— Я не единственный.

Похвала вызвала у Макферлейна раздражение — в ней был привкус хитрости.

В ответ Ллойд протянул к нему руку, приподняв палец, на котором было надето кольцо. Когда он шевельнул кистью, благородно блеснул металл.

— Извините,— сказал Макферлейн.— Я целую кольцо только на руке у Папы Римского.

Ллойд хохотнул.

— Взгляните на камень,— велел он.

Присмотревшись, Макферлейн увидел, что кольцо на пальце Ллойда сделано из матового камня темно-фиолетового цвета в массивной платиновой оправе. Он сразу его узнал.

— Хороший камень. Но вы могли купить его у меня по оптовой цене.

— Не сомневаюсь. В конце концов, это же вы с Масангкеем рыскали по Чили и вывезли тектиты из Атакамы.

— Правильно. И я в тех краях до сих пор числюсь в розыске.

— Мы обеспечим вам надежную защиту.

— Так это в Чили, да? Видите ли, я знаю, как там выглядят тюремные камеры изнутри. Сожалею.

Ллойд ответил не сразу. Подняв палку, он сгреб в кучу разлетевшиеся угли и бросил туда палку. Костер разгорелся, заставляя отступить темноту. На ком-нибудь другом шляпа от «Тили» выглядела бы несколько нелепо, но Ллойд каким-то образом этого избежал.

— Доктор Макферлейн, если бы вы знали, что мы планируем, вы бы взялись за это бесплатно. Я предлагаю вам научное открытие века.

Макферлейн хмыкнул.

— С наукой я завязал,— сказал он.— С меня хватит пыльных лабораторий и музейных бюрократов на всю оставшуюся жизнь.

Ллойд вздохнул и поднялся.

— Ладно, похоже, я зря трачу время. Полагаю, придется обратиться к нашему выбору номер два.

Макферлейн помолчал.

— И кто это будет?

— Хьюго Брейтлинг с готовностью примет в этом участие.

— Брейтлинг? Да он не сможет найти метеорит, упавший у него на заднем дворе.

— Нашел же он метеорит Тули,— возразил Ллойд, отряхивая с шорт пыль. Он искоса взглянул на Макферлейна.— А тот крупней любого из найденных вами.

— Но это все, что он нашел. И это было чистое везение.

— Дело в том, что для этого проекта мне необходимо чистое везение.

Ллойд закрыл термос и бросил его к ногам Макферлейна.

— Побалуйте себя. Мне пора.

Он направился к вертолету. Пока Макферлейн наблюдал за ним, взревел двигатель, тяжелые винты пришли в движение, наращивая обороты, поднимая с земли клубы пыли. Вдруг Макферлейну пришло в голову: если вертолет сейчас улетит, он, возможно, никогда не узнает, как умер Масангкей и чем он занимался. Вопреки всему, он был заинтригован. Макферлейн бросил взгляд вокруг: брошенные помятые металлоискатели, открытый ветрам маленький лагерь, безнадежно унылый ландшафт.

Ллойд помедлил у двери вертолета.

— Пусть это будет миллион, для ровного счета! — крикнул Макферлейн в широкую спину.

Осторожно, чтобы не задеть шляпу, Ллойд просунул внутрь голову и стал залезать сам.

— Ну ладно, семьсот пятьдесят!

Последовала пауза. Потом Палмер Ллойд медленно повернулся, и на лице у него появилась широкая улыбка.

Долина реки Гудзон
3 июня, 10 часов 45 минут

Палмер Ллойд любил многие редкие и ценные вещи, но одной из тех, что он любил больше всего, было полотно Томаса Коула* «Солнечное утро на реке Гудзон». Еще студентом-стипендиатом в Бостоне он часто заходил в Музей изобразительных искусств и, проходя по галереям, держал глаза опущенными, чтобы не замарать зрение прежде, чем сможет остановиться перед этим восхитительным полотном. Ллойд предпочитал владеть тем, что любит, но полотно Томаса Коула невозможно было купить ни за какие деньги. Вместо него он купил нечто не менее замечательное.

В это солнечное утро он сидел на верхнем этаже своего офиса «Долина Гудзона» и глядел в окно, которое служило рамой тому самому виду, что изображен на картине Коула. Полоса чудесного света обрисовывала далекий горизонт, виднеющиеся в разрывах туманной дымки поля были изысканно свежими и зелеными. Склон горы на переднем плане, освещенный поднимающимся солнцем, сверкал. Немногое изменилось в Клоув-Вэлли с тех пор, как Коул написал этот пейзаж в 1827 году, и Ллойд, скупив обширные земли, попадающие в поле обзора, позаботился, чтобы так оставалось и впредь.

---

* Коул Томас (1801–1848) — американский живописец, один из основателей «школы реки Гудзон».

2-1240

Ллойд повернулся в кресле, посмотрел через стол из корня клена в противоположное окно. Отсюда уходил вниз склон горы, на котором сверкала мозаика из стекла и стали. Закинув руки за голову, Ллойд с удовлетворением стал изучать картину кипучей деятельности. Местность кишела бригадами рабочих, воплощающих мечту, его мечту, не имеющую себе равных.

— Замечательно сконструированное чудо,— пробормотал он едва слышно.

В центре делового кипения, зеленом в утреннем свете гор Катскилл, находился объемный купол — полномерная копия лондонского Хрустального дворца, который являлся первым зданием, выполненным целиком из стекла. По завершении его строительства в 1851 году он считался самым красивым из когда-либо сооруженных зданий. Правда, Хрустальный дворец пострадал от пожара 1936 года, а в 1942 году был разобран из опасений, что может оказаться прекрасным ориентиром для нацистских бомбардировщиков.

Ллойд видел, что под сводом купола уложены первые блоки пирамиды Хефрета Второго — малой пирамиды Древнего царства. Он улыбнулся немного печально, вспомнив поездку в Египет: хитроумные сделки с правительственными чиновниками, гвалт в аэропорту по поводу чемоданов, набитых золотом, которые никто не мог поднять, и много других утомительных мелодраматических сцен. Пирамида обошлась ему дороже, чем он ожидал, и это, конечно, не Хеопс, но не менее впечатляет.

Думая о пирамиде, Ллойд вспомнил о возмущении, которое вызвала ее покупка в мире археологии, и окинул взглядом газетные статьи и обложки журналов, развешанные в рамочках на ближайшей стене. «Куда делись все артефакты?» — было написано под карикатурой, на которой он, в ковбойской шляпе, с лукавым видом засовывал пирамиду под темный плащ. Ллойд посмотрел на другие заголовки, вставленные в рамки. «Гитлер коллекционеров?» — вопрошал один. А рядом — статья, порицающая его за последнее приобретение:

«Кости раздора: палеонтологи возмущены продажей». А обложка «Ньюсуик» гласила: «Что сделать с тридцатью миллиардами? Ответ: купить Землю». Стена была увешана такими назойливыми высказываниями противников, самозваных ревнителей нравственного отношения к культурному наследию. Ллойд находил это бесконечно смешным.

На встроенной в столешницу панели зазвенел маленький колокольчик, и голос секретаря сообщил:

— К вам мистер Глинн, сэр.

— Пригласите его.

Ллойд не старался скрыть в голосе изумление и волнение. Он не встречался с Эли Глинном раньше. Оказалось удивительно трудным уговорить его прийти лично.

Ллойд пристально посмотрел на мужчину, который вошел в его кабинет с непроницаемым выражением на загорелом лице, не имея в руках даже портфеля. В течение своей долгой и плодотворной деловой карьеры Ллойд убедился, что первое впечатление о человеке может быть весьма информативным, если знать, на что обращать внимание. Он отметил коротко стриженные каштановые волосы, квадратный подбородок, тонкие губы. На первый взгляд этот человек казался бесстрастным, как сфинкс. В нем не было ничего примечательного, ничего, что бы его выдавало. Даже серые глаза, осторожные и спокойные, были полуприкрыты. Все в нем выглядело обычным: обыкновенный рост, обыкновенное сложение, наружность приятная, но не красавец, хорошо одет, но не щеголь. «Единственная необычность в нем,— подумал Ллойд,— то, как он двигается». Его ботинки не производили ни звука, одежда не шуршала, в пространстве он чувствовал себя легко и свободно. Он двигался в помещении, как олень по лесу.

Но конечно, в биографии этого человека все было необычно.

— Мистер Глинн! — приветствовал его Ллойд, идя навстречу и протягивая руку.— Спасибо, что пришли.

Глинн молча кивнул и пожал протянутую руку, задержав ее ни слишком коротко, ни слишком длительно, ни слабо, ни крепко. Ллойд почувствовал себя обескураженным: ему не

удалось сформировать свое бесценное первое впечатление. Он взмахнул рукой в сторону окна и развернувшегося за ним наполовину завершенного строительства.

— Итак. Что вы думаете о моем музее?

— Большой,— ответил Глинн, не улыбнувшись.

Ллойд рассмеялся.

— Гетти среди музеев естественной истории. Или будет. Скоро. С утроенным вкладом.

— Интересно, что вы решили разместить его здесь, в ста милях от города.

— Легкий налет снобизма, вам не кажется? На самом деле я оказываю услугу нью-йоркскому Музею естественной истории. Если бы мы построили наш музей там, а не здесь, они бы через месяц оказались не у дел. Так как у нас все самое большое и самое лучшее, им осталось бы только обслуживать школьные экскурсии.— Ллойд хохотнул.— Пойдемте, нас ждет Сэм Макферлейн. Я по пути вам все покажу.

— Сэм Макферлейн?

— Он мой эксперт по метеоритам. Правда, мой он пока только наполовину, я бы сказал. Но я его обрабатываю. Еще не вечер.

Ллойд взял Глинна за локоть (ткань хорошо сшитого, хоть и не фирменного темного костюма оказалась лучше, чем он ожидал) и повел обратно через приемную, вниз по широкому дугообразному пандусу из гранита и полированного мрамора, по длинному коридору, ведущему к Хрустальному дворцу. Шум здесь был гораздо слышней, и их шаги заглушались криками, пульсирующим стрекотом перфораторов, прерывистыми очередями отбойных молотков.

С едва сдерживаемым торжеством Ллойд показывал достопримечательности.

— Здесь зал бриллиантов,— сказал он, махнув рукой в сторону большого подземного пространства, залитого фиолетовым светом.— Мы обнаружили на этом холме старые копи, поэтому проложили тоннель и разместили экспонаты в абсо-

лютно природном окружении. Это единственный из всех крупных музеев, где есть зал, полностью посвященный бриллиантам. Но поскольку мы владеем тремя самыми крупными образцами в мире, это кажется естественным. Вы, должно быть, слышали, как мы обошли японцев, приобретя у Де Бирса «Голубой мандарин»?

Ллойд озорно усмехнулся при воспоминании.

— Я читаю газеты,— сухо сказал Глинн.

— А это,— Ллойд еще более оживился,— будет галерея вымершей жизни. Почтовые голуби, птица додо с Галапагосских островов, даже мамонт, которого достали из сибирского льда, до сих пор прекрасно замороженный. У него во рту нашли остатки недожеванных лютиков, последней его пищи.

— О мамонте я тоже читал,— сказал Глинн.— Разве в Сибири не было стрельбы в связи с его приобретением?

Несмотря на колкость вопроса, тон Глинна оставался спокойным, без какого бы то ни было намека на осуждение, и Ллойд сразу ответил:

— Это удивительно, мистер Глинн, как быстро страны отказываются от своего так называемого культурного наследия, когда речь заходит о больших суммах денег. Прошу сюда, я покажу, что я имею в виду.

Он поманил своего гостя через наполовину завершенную арку, по сторонам которой стояли двое рабочих в защитных касках, в протянувшийся на сотню ярдов темный зал. Остановился, чтобы включить свет, и обернулся с ухмылкой.

— Следы «Литоли»,— сказал Ллойд с благоговением.

Глинн промолчал.

— Самые древние следы гуманоида, когда-либо обнаруженные. Подумайте только, три с половиной миллиона лет назад наши первые двуногие предки оставили эти следы, пройдя по слою влажного вулканического пепла. Они уникальны. Никто не знал, что австралопитеки были прямоходящими, пока не нашли эти следы. Они являются самым ранним доказательством нашей человечности, мистер Глинн.

— Институт охраны культурной среды Гетти не мог не заинтересоваться, услышав об этом приобретении,— заметил Глинн.

Ллойд более внимательно посмотрел на своего компаньона. Глинн оказался человеком, которого было трудно раскусить.

— Я вижу, вы проделали некоторую домашнюю работу. Гетти хотел оставить их погребенными там, где они были. Как вы думаете, надолго бы они сохранились при том положении, в котором теперь находится Танзания? — Он покачал головой.— Гетти платил миллион, чтобы их закопали обратно, а я потратил двадцать, чтобы перевезти их сюда, где от них есть польза ученым и бесчисленным посетителям.

Глинн осмотрел сооружение.

— Кстати об ученых, где они? Я вижу множество синих воротничков, но совсем не вижу белых.

Ллойд махнул рукой.

— Я призываю их, когда они мне нужны. По большей части я знаю, что хочу купить. Когда придет время, я заполучу лучших из них. Через курирующие их ведомства страны я организую отбор, чтобы отловить нужных. Будет так, словно Шерман* протрубил поход к морю. В нью-йоркском музее не успеют сообразить, что к чему.

Ускорив шаги, Ллойд повел своего посетителя из длинного зала по разветвленной системе коридоров в глубины дворца. В конце одного из коридоров они остановились у двери с табличкой «Конференц-зал». Перед дверью слонялся Сэм Макферлейн, выглядевший настоящим охотником за приключениями: худой, жилистый, голубые глаза выцвели на солнце. Над ними нависали волосы соломенного цвета, словно примятые не снимаемой годами широкополой шляпой. Ллойду хватило одного взгляда на него, чтобы понять, почему тот никогда не увлекался наукой. Посреди тусклых лабораторных стен, освещенных лампами дневного света, он был так же не

* Шерман Уильям Текумсе (1820–1891) — американский генерал, участник Гражданской войны 1861–1865 гг.

на месте, как были бы бушмены сэн, с которыми он расстался пару дней назад. С удовлетворением Ллойд отметил, что Макферлейн выглядит усталым. Несомненно, за последние два дня ему не удалось выспаться.

Ллойд достал из кармана ключ и открыл дверь. Помещение за ней всегда вызывало шок у всех, кто впервые сюда входил. Это было огромное восьмиугольное пространство, пока совершенно пустое, которое отделялось от вестибюля главного входа в музей тремя стенами из односторонне прозрачного стекла. Ллойд глянул на Глинна, чтобы оценить его реакцию, но тот остался по-прежнему невозмутимым.

Ллойда месяцами мучил вопрос, какую экспозицию разместить в этом грандиозном пространстве. Торг на аукционе «Кристи» снимал проблему: тогда Ллойд и решил, что центральное место должна занять битва динозавров. В сплетении их скелетов читается *агония, безрассудная мучительность* последней битвы.

И вдруг взгляд Ллойда упал на стол, заваленный аэрофотоснимками, распечатками и картами. В тот же миг он совершенно забыл о динозаврах. Вот что составит им конкуренцию, будет великой победой музея Ллойда! Вот что нужно водворить в центре Хрустального дворца, что станет величайшим моментом в его жизни!

— Позвольте вам представить доктора Макферлейна,— сказал Ллойд, отвернувшись от стола и глядя на Глинна.— Музей пригласил его на период реализации проекта.

Макферлейн пожал Глинну руку.

— Еще на прошлой неделе Сэм бродил по пустыне Калахари в поисках метеорита Окаванго. Жалкое применение его талантам. Я думаю, вы согласитесь, что мы нашли для него более интересное занятие.

Ллойд указал на Глинна.

— Сэм, это мистер Эли Глинн, президент корпорации «Эффективные инженерные решения». Пусть скучное название не вводит вас в заблуждение. Это замечательная компания. Мистер Глинн специализируется на таких делах, как подъем

нацистских подлодок, полных золота, выяснение причин взрыва космических кораблей и тому подобное. Короче говоря, на решении уникальных инженерных задач и анализе крупных аварий.

— Интересная работа,— признал Макферлейн.

Ллойд кивнул.

— Однако обычно к ЭИР обращаются постфактум. Уже после того, как облажаются.— Вульгарное выражение, произнесенное медленно и четко, повисло в воздухе.— Но я обращаюсь к ним сейчас, чтобы они помогли нам не облажаться с некой работой. И эта работа, джентльмены, является причиной нашей встречи.

Он указал на стол для переговоров.

— Сэм, я хочу, чтобы вы рассказали мистеру Глинну, что вы выяснили в последние дни, просмотрев эти данные.

— Прямо сейчас? — удивился Макферлейн, выглядевший необычно нервным.

— А когда же?

Макферлейн посмотрел на стол, помедлил, потом заговорил:

— У нас есть геофизические данные необычной области на островах у мыса Горн в Чили. Мистер Ллойд попросил меня их проанализировать. На первый взгляд данные кажутся... невероятными. Как вот эта томограмма.

Он поднял распечатку, посмотрел и уронил обратно. Его взгляд скользнул по остальным бумагам, и голос прервался.

Ллойд прочистил горло. Сэм потрясен всем этим, ему требуется некоторая помощь. Ллойд повернулся к Глинну:

— Вероятно, лучше мне ввести вас в курс дела. Один из наших поисковиков пересекся с неким агентом по торговле электронным оборудованием в Пунта-Аренасе в Чили. Тот пытался продать ржавый электромагнитный томографический зонд. Он входит в состав оборудования для горных изысканий, которое производит в Штатах «Де Виттер индастриз». Его нашли вместе с мешком образцов и некими записями ря-

дом с телом изыскателя на отдаленном острове неподалеку от мыса Горн. Наш человек купил его просто по наитию. Когда он внимательней присмотрелся к бумагам, которые удалось расшифровать, то понял, что они принадлежат Нестору Масангкею.— Взгляд Ллойда переместился на стол.— До своей смерти на том острове Масангкей был странствующим геологом, точнее, охотником за метеоритами. Два года назад они с Сэмом Макферлейном были напарниками.— Он заметил, как у Макферлейна напряглись плечи.— Когда наш человек это понял, он все переслал сюда для анализа. В приборе находился диск, подвергшийся коррозии, но одному из наших специалистов удалось извлечь с него данные. Мои люди с ними познакомились, однако это оказалось слишком далеко от сферы их интересов, чтобы они могли разобраться. Поэтому мы наняли Сэма.

Макферлейн перевернул страницу, потом вернулся к первой и сказал:

— Сначала я подумал, что Нестор забыл откалибровать прибор. Потом посмотрел остальные результаты.

Он положил распечатку и медленным, почти благоговейным движением отодвинул в сторону пару пострадавших от непогоды листков. Порылся в бумагах и вытащил одну.

— Мы не отправили наземную экспедицию,— продолжал Ллойд, обращаясь к Глинну.— Потому что последнее, чего мы хотели бы, это ненужное внимание. Но мы заказали облет острова. И тот листок, что Сэм держит сейчас, это данные, переданные спутником низкоорбитальной геофизической разведки.

Макферлейн осторожно положил листок.

— Мне очень трудно им доверять,— сказал он наконец.— Я просмотрел их больше десяти раз. Но от них никуда не деться. Они могут означать только одно.

— Да?

Голос Глинна был тихим, подбадривающим, без следа любопытства.

Ллойд ждал. Он знал, что собирается сказать Макферлейн, но хотел услышать это снова. И тот сказал:

— Думаю, я догадался, за чем охотился Нестор. Речь идет о самом большом в мире метеорите.

Ллойд заулыбался.

— Сэм, скажите мистеру Глинну, насколько он большой.

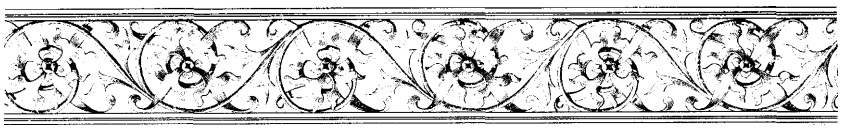
Макферлейн прочистил горло:

— Самым большим метеоритом в мире, найденным до сих пор, является Анайито, тот, что в нью-йоркском музее. Он весит шестьдесят одну тонну. А этот весит четыре тысячи тонн. Как минимум.

— Благодарю вас,— сказал Ллойд, всем существом излучая радость.

Его лицо расплылось в сияющей улыбке. Он повернулся и посмотрел на Глинна, но лицо того ничего не выражало. Последовало молчание. И снова заговорил Ллойд. Его голос был тихим и хриплым от волнения:

— Я хочу этот метеорит. Ваша работа, мистер Глинн, состоит в том, чтобы я его получил.

Нью-Йорк
4 июня, 11 часов 45 минут

«Лендровер» пробивался по Уэст-стрит. В окне со стороны пассажира мелькали покосившиеся причалы вдоль Гудзона. Полуденное небо над Джерси-сити было тускло-желтым. Макферлейн резко затормозил, затем свернул в сторону, чтобы разминуться с такси, вильнувшим подхватить пассажира из третьего ряда к тротуару. Руки и ноги сработали рефлекторно, а мысли Макферлейна были далеко.

Ему вспоминался день, когда упал метеорит Сарагоса. Он только закончил школу. Не было ни работы, ни планов относительно таковой. С томиком Карлоса Кастанеды в кармане он путешествовал автостопом по Мексиканской пустыне. Солнце садилось, и он подумывал о том, что пора найти место, где расстелить спальник. Вдруг ландшафт вокруг него осветился так, словно солнце выглянуло из-за тяжелых облаков. Но небо было совершенно чистым. А потом Макферлейн остановился как вкопанный. На песчаной почве перед ним появилась его вторая тень, сначала длинная и угловатая, как первая, но быстро убывавшая. Раздался поющий звук, а затем сильный взрыв. Макферлейн бросился на землю, думая о землетрясении или ядерном взрыве и даже об Армагеддоне. Забарабанил дождь. Только это оказался не дождь — вокруг падали тысячи крошечных камешков. Он поднял один из них — серый камень в черной корке, покрытый инеем и еще

сохранивший в глубине холод космического пространства, несмотря на огненный спуск через атмосферу.

Глядя на частицу из космоса, Макферлейн вдруг понял, на что он хочет потратить всю оставшуюся жизнь.

Но это было давно. Он старался меньше думать о тех идеалистических днях. Его взгляд остановился на запертом портфеле на пассажирском кресле, в котором лежал пострадавший от непогоды дневник Нестора Масангкея. О нем Макферлейн тоже старался думать как можно меньше.

Светофор переключился на зеленый, и Макферлейн свернул на узкую улицу с односторонним движением. В этом районе на самой границе Уэст-Виллидж располагались предприятия по консервированию мяса. Широко раскинулись старые грузовые платформы, на которых крепкие мужики вручную выгружали из рефрижераторов туши. По другой стороне улицы, словно используя преимущества соседства, выстроились рестораны с названиями вроде «Свиная яма» или «Задворки дядюшки Билли». Это было полной противоположностью штаб-квартире «Ллойд холдингз» на Парк-авеню, зданию из хрома и стекла, откуда ехал Макферлейн. «Подходящее местечко для корпорации, продающей кота в мешке»,— подумал Макферлейн. Он дважды сверился с адресом, лежавшим на приборной доске.

Макферлейн притормозил и остановил «лендровер» у дальнего края особенно ветхой разгрузочной платформы. Заглушив мотор, вышел в пропахшую мясом влажность и огляделся. За полквартала от него усердно перемалывала свой груз мусороуборочная машина. Даже с такого расстояния он чувствовал запах зеленой жижи, капавшей с заднего бампера. Это был уникальный запах нью-йоркских мусоровозов — почувствовав его однажды, никогда не забудешь.

Макферлейн глубоко вздохнул. Встреча еще не началась, а он уже чувствовал напряжение, ощущал защитную реакцию. Интересно, много ли Ллойд рассказал Глинну о них с Масангкеем. В действительности это не имело значения: то,

чего еще не знают, скоро станет известно. Скорость распространения сплетен превышает скорость падения метеоритов, за которыми он охотится.

Макферлейн взял с заднего сиденья тяжелую папку, захлопнул и запер дверь машины. Перед ним высился грязный фасад кирпичного массивного строения, занимающего большую часть квартала. Его взгляд поднялся этажей на десять и задержался на вывеске: «Прайс и Прайс. Консервирование свинины». Надпись почти стерлась от времени. Хотя на нижних этажах окна были заложены кирпичом, Макферлейн рассмотрел новые стекла и проблески хрома на верхних этажах.

Похоже, единственным входом служил грузовой проем с металлической дверью. Макферлейн нажал на кнопку звонка сбоку от нее и стал ждать. Спустя считанные секунды раздался тихий щелчок, и двери бесшумно разъехались на смазанных направляющих.

Макферлейн вошел в слабо освещенный коридор, который заканчивался у нескольких стальных дверей, значительно более новых, оснащенных панелями для электронных ключей и устройствами распознавания по сетчатке глаза. Когда Макферлейн подходил, одна из дверей открылась и пружинящим шагом атлета вышел человек небольшого роста, темнокожий, чрезвычайно мускулистый, в тренировочном костюме с эмблемой Массачусетского технологического института. У него были курчавые черные волосы с сединой на висках и темные умные глаза. От него веяло беззаботностью, что противоречило духу конторы.

— Доктор Макферлейн? — спросил он с дружеским рыком, протягивая волосатую руку.— Я Мануэль Гарса, работаю в ЭИР инженером-строителем.

Рукопожатие оказалось на удивление деликатным.

— Это штаб-квартира вашей корпорации? — спросил Макферлейн с кривой усмешкой.

— Мы предпочитаем анонимность.

— Ну, по крайней мере, вам не приходится далеко ходить за отбивными.

Гарса хрипло рассмеялся:

— Нет, если любить их в сыром виде.

Макферлейн вошел в дверь вслед за Гарсой и оказался в помещении, похожем на пещеру, ярко освещенную галогенными лампами. Ровными рядами стояли акры металлических столов. На них покоились предметы с номерными бирками: груды песка, камней, оплавленные самолетные двигатели, искореженные куски металла. Повсюду сновали люди в халатах. Мимо них прошел лаборант в белых перчатках, он бережно, словно вазу эпохи Мин, нес кусок асфальта.

Гарса проследил за взглядом Макферлейна, озиравшего комнату, и посмотрел на часы.

— У нас есть еще несколько минут. Хотите, проведу экскурсию?

— Почему бы и нет? Мне всегда нравились хорошие свалки.

Гарса прошел между столами, кивая разным специалистам, и остановился у особенно длинного стола, усыпанного грудами слипшихся черных камней.

— Узнаете?

— Пахоухоу, прекрасный образчик лавы с Гавайских островов. Несколько вулканических бомб. Вы, парни, вулкан строите?

— Нет,— ответил Гарса.— Только что разнесли один.

Он указал на детальную модель вулканического острова на дальнем конце стола, с городом, ущельями, лесами и горами. Гарса запустил руку под столешницу и нажал на кнопку. Раздалось урчание и нарастающий гул, и вулкан начал извергать лаву, сливавшуюся извилистыми потоками по его склонам вниз и подбиравшуюся к модели города.

— Лава изготовлена по особому рецепту из метилцеллюлозы.

— Лучше, чем моя старая железная дорога.

— Правительству некой страны третьего мира потребовалась наша помощь. На одном из их островов проснулся дремавший вулкан. В результате на вершине вулкана образовалось озеро лавы, которое грозило скоро переполниться и про-

литься на город с шестидесятитысячным населением. Нашим делом было спасение города.

— Забавно. В новостях мне об этом ничего не попадалось.

— Забавного там ничего не было. Правительство не собиралось эвакуировать город. Он является маленьким оффшорным банковским раем. В основном деньги от наркотиков.

— Возможно, вам стоило позволить ему сгореть подобно Содому и Гоморре.

— Мы не Бог, а строительная фирма. Нас не волнует моральный статус клиентов, которые платят.

Макферлейн рассмеялся, почувствовав себя немного свободнее.

— Как же вы это остановили?

— Мы заблокировали с помощью оползней вот эти две долины. Потом проделали в вулкане дыру с помощью бризантной взрывчатки и посредством серии взрывов создали отводной канал с противоположной стороны. В процессе этого мы истратили немалую часть мирового запаса неармейской взрывчатки. Вся лава вылилась в море, создав для нашего клиента почти тысячу акров новой недвижимости. Это, конечно, не возместило ему выставленного нами счета, но помогло.

Гарса двинулся дальше. Они прошли мимо нескольких столов с остатками фюзеляжа и обгоревшей электроники.

— Авиакатастрофа. Бомба террориста,— объяснил Гарса, но комментировать не стал.

Дойдя до дальнего конца помещения, он открыл маленькую белую дверь и повел Макферлейна по лабиринту пустых коридоров. Макферлейн слышал шипение воздухоочистительных установок, стук клавиш и странные равномерные тяжелые удары где-то в глубине под ногами.

Потом Гарса открыл другую дверь, и Макферлейн застыл от удивления. Открывшееся пространство было огромным, высотой не меньше шести этажей, а в длину футов двести. По краям его громоздился целый лес высокотехнологичного оборудования: ряды цифровых кинокамер, мощный кабель, огромные экраны для сценических видеоэффектов. Вдоль од-

ной стены стояло несколько длинных уголоватых «линкольнов» с откидным верхом производства начала шестидесятых. В каждой машине сидело по четыре тщательно одетых манекена — два впереди и два сзади.

В центре огромного пространства располагалась модель городского перекрестка с работающими светофорами. Со всех сторон его окружали фасады зданий различной высоты. В дорожном асфальте тянулся желоб с тросом, прицепленным к переднему бамперу еще одного «линкольна» с четырьмя манекенами. Дорога кончалась эстакадой, где стоял сам Эли Глинн с мегафоном в руке.

По знаку Гарсы Макферлейн прошел вперед и встал на тротуаре в тени какой-то пластиковой растительности. Что-то странно знакомое было для него в этой картине.

Глинн на эстакаде поднял мегафон и сказал:

— Тридцать секунд.

— Синхронизация по цифровому вводу,— донесся далекий голос.— Начинаем.

Последовало множество откликов. И снова голос издалека:

— Всем зеленый.

— Всем приготовиться,— скомандовал Глинн.— Включить питание, и поехали!

Все пришло в движение. Послышалось гудение, система блоков потянула лимузин вдоль канавки. Техники за цифровыми кинокамерами вели непрерывную съемку.

Где-то поблизости раздался оглушительный хлопок, потом еще два подряд. Макферлейн инстинктивно пригнулся, распознав в звуках выстрелы. Но они больше никого не встревожили, и он посмотрел в направлении шума. Ему показалось, что выстрелы прозвучали из кустарника справа. Макферлейн присмотрелся к просветам в листве, разглядел две винтовки на стальных подставках и вдруг все понял.

— Дили-плаза*,— пробормотал он.

---

* Площадь в Далласе, где в ноябре 1963 года был убит президент США Джон Ф. Кеннеди.

Гарса улыбнулся.

Макферлейн приблизился к винтовкам. Проследив направление их стволов, он заметил, что у манекена на заднем сиденье справа голова разлетелась вдребезги.

Глинн подошел к машине сбоку и стал рассматривать манекены. Потом сказал что-то тому, кто был с ним рядом, показав траектории полета пуль. Когда он направился к Макферлейну, техники столпились вокруг машины, фотографируя и делая записи.

— Добро пожаловать в мой музей, мистер Макферлейн,— сказал Глинн, пожимая ему руку.— Буду признателен, если вы сойдете с нашего травяного бугра. В этих винтовках еще сохранилось несколько боевых патронов.

Затем он обратился к Гарсе:

— На этот раз полное совпадение. В дополнительных прогонах нет нужды.

— Так значит, вы только что завершили проект? — спросил Макферлейн.

Глинн кивнул:

— Недавно всплыли некоторые новые свидетельства. Потребовалось их проанализировать.

— И что вы выяснили?

Глинн холодно взглянул на него:

— Возможно, когда-нибудь вы прочтете об этом в «Нью-Йорк таймс», доктор Макферлейн. Но я в этом сомневаюсь. А сейчас могу только сказать, что теперь я с бóльшим уважением отношусь к теориям заговора, чем месяц назад.

— Очень интересно. Это должно обойтись в целое состояние. Кто же за это платит?

Повисло многозначительное молчание.

— Какое отношение это имеет к технике? — спросил наконец Макферлейн.

— Самое прямое. ЭИР была основоположницей научного анализа аварий. Половина наших работ именно в этой области. Понимание того, как вещь выходит из строя, является самой важной составляющей в решении технической задачи.

— Но здесь...— Макферлейн указал в направлении воссозданной площади.

Глинн слегка улыбнулся.

— Разве вы не считаете, что убийство президента является довольно серьезным сбоем? Не говоря уж о недобросовестном его расследовании. Кроме того, наша работа по анализу сбоев, подобных этому, помогает нам безукоризненно решать технические задачи.

— Безукоризненно?

— Именно. У ЭИР не бывает сбоев. Никогда. Это наша торговая марка,— сказал Глинн и, махнув рукой Гарсе, направился к двери.— Мало рассчитать, как что-то сделать, нужно также проанализировать все возможные пути, ведущие к аварии. Только тогда можно быть уверенным в успехе. Вот почему у нас не бывает сбоев. Мы не подписываем контракта, пока не уверены в успехе. В наших проектах не бывает отказов.

— Поэтому вы еще не подписали контракт с музеем Ллойда?

— Да. И потому вы сегодня здесь.

Глинн достал из кармана золотые часы с великолепной гравировкой, посмотрел время и спрятал их обратно. Затем быстро повернул ручку двери и шагнул в нее.

— Пошли, остальные уже ждут.

Штаб-квартира ЭИР
13 часов

После недолгого спуска в грузовом лифте и прохода по лабиринту белых коридоров Макферлейн обнаружил, что его привели в конференц-зал. Комната с низким потолком и простой мебелью выглядела излишне убогой, как излишне роскошным был кабинет Палмера Ллойда. Среди пустых стен без окон находились только круглый стол из экзотической древесины да темный экран в дальнем конце помещения.

За столом сидели двое и смотрели на Макферлейна оценивающим взглядом. Ближе к нему оказалась молодая брюнетка, одетая в широкие брюки с нагрудником в стиле фермерского комбинезона. Красавицей она не была, но в глубине ее живых карих глаз светились золотистые искорки. Она насмешливо уставилась на Макферлейна, и ему стало как-то неуютно. Среднего роста, стройная, обыкновенная, скулы и нос потемнели от здорового загара. Длинноватые руки с длинными пальцами лущили арахис в большую пепельницу на столе. Она была похожа на подросшую девчонку-сорванца.

Рядом сидел человек в белом халате, худой как щепка, с исполосованным ожоговыми шрамами лицом. Одно веко казалось немного прикрытым, что придавало глазам комичный вид, словно он подмигивал. Но в остальном в этом человеке не было ничего веселого: он выглядел мрачным, измученным, натянутым как струна. И безостановочно катал по столешнице карандаш.

Глинн представил его:

— Это Юджин Рочфорт, ведущий инженер. Специализируется на уникальных инженерных проектах.

Рочфорт принял комплимент, сжав губы, отчего они побелели.

— А это доктор Рейчел Амира. Она начинала у нас физиком, но вскоре мы стали эксплуатировать ее редкий математический талант. Если у вас есть задача, она выдаст вам решение уравнения. Рейчел, Джин, познакомьтесь с доктором Сэмом Макферлейном, охотником за метеоритами.

Они в ответ кивнули. Макферлейн все время ощущал на себе их взгляды, пока открывал папку и доставал бумаги. Он снова почувствовал напряженность.

Глинн принял у него скоросшиватель.

— Мне бы хотелось обрисовать проблему в целом, а потом мы ее всесторонне обсудим.

— Не возражаю,— согласился Макферлейн, усаживаясь на стуле.

Глинн обвел всех непроницаемым взглядом своих серых глаз. Потом достал из кармана пиджака несколько листков с заметками.

— Начну с общих сведений. Местом действия является маленький остров на южной оконечности Южной Америки, один из островков у мыса Горн, известный под названием Десоласьон. Он принадлежит Чили. Его длина около восьми миль, ширина — три мили.

Он помолчал, оглядывая присутствующих, и продолжил:

— Наш клиент Палмер Ллойд настаивает, чтобы мы действовали предельно быстро. Он опасается возможной конкуренции со стороны музеев. Значит, работать придется в самый разгар южноамериканской зимы. У мыса Горн температура в июле колеблется от нуля до минус тридцати пяти градусов по Цельсию. Мыс Горн — самая южная точка континентов вокруг Антарктики. Он на тысячу миль ближе к Южному полюсу, чем африканский мыс Доброй Надежды. В указанном месяце длительность светового дня пять часов. Остров

Десоласьон — место неприветливое. Бесплодные, продуваемые ветрами равнины, поверхность преимущественно вулканического происхождения. Имеется несколько котловин с осадочными породами третичного периода. Остров рассечен снежником. На северном конце находится старый вулкан. Высота прилива тридцать — тридцать пять футов, острова омываются реверсивным течением в шесть узлов.

— Чудное место для пикника,— пробормотал Гарса.

— Ближайшее поселение расположено на острове Наварино в проливе Бигля, примерно в сорока милях севернее островов группы Горн. Это чилийская военно-морская база Пуэрто-Уильямс с прилепившимся к ней поселением индейцев-метисов, живущих в лачугах.

— Уильямс? — переспросил Гарса.— Я думал, речь идет о Чили.

— Все эти земли первоначально нанесены на карту англичанином.

Глинн взглянул на свои заметки на столе.

— Доктор Макферлейн, насколько я понял, вы бывали в Чили.

Макферлейн кивнул.

— Что вы можете нам сказать об их военных моряках?

— Славные ребята.

Открылась дверь, и официант стал расставлять на столе бутерброды и кофе. В наступившей тишине инженер Рочфорт начал карандашом раздраженно выбивать дробь на столе.

— Они активно патрулируют прибрежные воды,— продолжал Макферлейн.— Особенно на юге, вдоль границы с Аргентиной. У двух этих стран давний спор о границах, как вам, по-видимому, известно.

— Что можно добавить к тому, что я сказал относительно климата?

— Я как-то был в Пунта-Аренасе поздней осенью. Бураны, дожди со снегом, частые туманы. Не говоря уж о вилливау.

— Вилливау? — спросил Рочфорт высоким срывающимся голосом.

— По существу, это порывы ветра, которые длятся одну-две минуты, но могут достигать скорости двести восемьдесят километров в час.

— А как насчет якорных стоянок? — спросил Гарса.

— Я бы сказал, там нет подходящих якорных стоянок. На островах у мыса Горн, как я слышал, кораблю негде пришвартоваться.

— Мы любим бросать вызов,— заметил Гарса.

Глинн собрал свои записки, аккуратно их сложил и засунул обратно в карман пиджака. Каким-то образом Макферлейн понял, что тот знает ответы на все свои вопросы.

— Ясно, что перед нами трудная задача, даже кроме метеорита,— подытожил Гарса.— Давайте теперь поговорим о нем. Рейчел, насколько я понимаю, у тебя есть вопросы, касающиеся параметров.

— У меня есть комментарии в отношении параметров,— сказала Амира.

Она опустила взгляд на лежащие перед ней записи, а потом с приторной улыбкой уставилась на Макферлейна. Она держалась высокомерно, и у Макферлейна это вызывало досаду.

— Да? — спросил Макферлейн.

— Я не верю ни единому слову.

— Чему именно вы не верите?

Она указала рукой на его папку.

— Вы эксперт по метеоритам, так? Тогда вы знаете, почему никто никогда не находил метеоритов тяжелее шестидесяти тонн. Чуть больше, и он разлетается при ударе. А метеорит больше двухсот тонн от столкновения испаряется. Каким же образом монстр вроде этого остался целым?

— Я не могу...— начал Макферлейн.

Но Амира перебила его:

— Во-вторых, железные метеориты ржавеют. Пяти тысяч лет достаточно, чтобы самый большой из них стал штабелем тонких пластинок. Если этот каким-то образом пережил удар, почему он еще там? Как вы можете объяснить геологический отчет, свидетельствующий, что он упал тридцать миллионов

лет назад, был погребен в осадочных породах и только теперь вылез вследствие эрозии?

Макферлейн откинулся на стуле. Она ждала, вопросительно подняв брови.

— Вы когда-нибудь читали о Шерлоке Холмсе? — спросил Макферлейн, улыбаясь про себя.

Амира округлила глаза.

— Не хотите ли вы процитировать старую пословицу, что если исключено невозможное, то оставшееся, каким бы невероятным оно ни было, должно быть правдой, так?

Макферлейн стрельнул в нее удивленным взглядом:

— А разве это не так?

Амира победоносно улыбнулась, а Рочфорт покачал головой.

— Итак, доктор Макферлейн,— продолжала Амира, рисуясь.— Таков источник вашего научного авторитета? Сэр Артур Конан Дойл?

Макферлейн медленно выдохнул.

— Данные собрал некто другой. Я не могу за них поручиться. Я могу только сказать, что, если они точны, это не что иное, как метеорит.

Наступило молчание.

— Кем-то собранные данные,— сказала Амира, очистив орех и отправив его в рот.— Случайно не доктором Масангкеем?

— Да.

— Вы знали друг друга, насколько я понимаю?

— Мы были партнерами.

— Ох.— Амира кивнула, словно слышала об этом впервые.— И поэтому, если данные собраны доктором Масангкеем, вы в высшей степени им доверяете? Вы ему доверяете?

— Абсолютно.

— Интересно, сказал бы он то же самое о вас,— произнес Рочфорт тихим высоким четким голосом.

Макферлейн повернул голову и уставился на инженера.

— Давайте продолжим,— сказал Глинн.

Макферлейн отвернулся от Рочфорта и постучал по своей папке тыльной стороной ладони.

— На острове есть огромная круглая залежь засоренного и оплавленного коэсита. Непосредственно в центре ее находится плотная масса ферромагнитного материала.

— Естественные залежи железной руды,— предположил Рочфорт.

— Аэросъемка показывает сильное нарушение осадочных горизонтов вокруг этого места.

— Что? — заинтересованно спросила Амира.

— Смешались слои осадочных пород.

Рочфорт тяжело вздохнул.

— Что это доказывает?

— Слои осадочных пород перемешиваются, когда падает метеорит.

Рочфорт продолжал стучать карандашом.

— Как? Чудом?

Макферлейн снова на него посмотрел, надолго задержав взгляд.

— Вероятно, мистер Рочфорт хотел бы убедиться на опыте?

— Хотел бы.

Макферлейн взял сэндвич, рассмотрел его, понюхал и состроил вопросительную гримасу.

— Арахисовое масло и джем?

— Нельзя ли перейти к опыту? — спросил Рочфорт сдавленным, раздраженным голосом.

— Конечно.

Макферлейн положил сэндвич на стол между собой и Рочфортом. Затем поднял свою чашку и осторожно полил сэндвич кофе.

— Что он делает? — обратился Рочфорт к Глинну, не снижая голоса.— Я знал, что это ошибка. Нам следовало пригласить одного из руководителей.

Макферлейн поднял руку:

— Потерпите. Мы только что приготовили здесь залежь осадочных пород.

Он взял еще один сэндвич и положил его сверху, затем стал поливать его кофе, пока тот не промок.

— Вот. Этот сэндвич — залежь осадочных пород: хлеб, арахисовое масло, джем, снова хлеб. Слоями. А мой кулак,— он поднял руку выше головы,— метеорит.

Макферлейн ударил кулаком по сэндвичу, расквасив его.

— О господи! — крикнул Рочфорт, отскочив назад.

Его рубашка была забрызгана арахисовым маслом. Он стоял, отряхивая с рук намокший хлеб.

На дальнем конце стола с удивлением на лице сидел Гарса. Глинн остался невозмутимым.

— Теперь исследуем остатки сэндвичей на столе,— продолжал Макферлейн так спокойно, словно читал студентам лекцию.— Пожалуйста, обратите внимание, что все слои перевернулись. Нижний слой хлеба стал верхним, арахисовое масло и джем поменялись местами, а верхний слой хлеба оказался на дне. Вот что делает метеорит, когда поражает осадочную породу: он разбивает слои, переворачивает их и складывает в обратном порядке.

Он посмотрел на Рочфорта:

— Будут еще комментарии?

— Это возмутительно,— ответил Рочфорт, протирая платком очки.

— Сядьте, пожалуйста, мистер Рочфорт,— тихо сказал Глинн.

К удивлению Макферлейна, Амира рассмеялась глубоким дружеским смехом.

— Это было замечательно, доктор Макферлейн. Очень развлекательно. Нам не повредит немного поволноваться во время наших встреч.

Она повернулась к Рочфорту:

— Если бы ты заказал клубные сэндвичи, как я предлагала, такого бы не случилось.

Рочфорт, сердито хмурясь, вернулся на место.

— Как бы то ни было,— продолжал Макферлейн, вытирая руку салфеткой,— перевернутые осадочные слои означают только одно — образовавшийся при столкновении кратер.

Все вместе указывает на падение метеорита. Теперь, если у вас есть лучшее объяснение, я бы хотел его услышать.

— А вдруг это корабль пришельцев? — с надеждой спросил Гарса.

— Мы рассматривали такую возможность, Мануэль,— сухо заметила Амира.

— И что?

— Слышал о бритве Оккама?* Это кажется маловероятным.

Рочфорт продолжал оттирать с очков арахисовое масло.

— В предположениях нет никакой пользы. Почему не послать наземную бригаду, чтобы проверить, собрать достоверную информацию?

Макферлейн взглянул на Глинна: тот слушал, прикрыв глаза.

— Мистер Ллойд и я доверяем тем данным, что у нас есть. И он не хочет привлекать к тому месту больше внимания, чем он уже привлек. На то есть причина.

Вдруг заговорил Гарса:

— Да, и это подводит нас к следующей проблеме, которую нужно обсудить: как вывезти из Чили то, что бы там ни оказалось. Я так понимаю, что вы знакомы с такого рода операциями?

«Звучит вежливее, чем контрабанда»,— подумал Макферлейн. Вслух он сказал:

— Более или менее.

— И что вы думаете?

— Это металл. Запасы железной руды не подпадают под действие законов о национальном наследии. По моей рекомендации Ллойд создал компанию, которая сейчас занимается получением лицензии на разработку месторождения полезных ископаемых на острове. Я предложил, чтобы мы появи-

---

* Принцип «бритва Оккама», сформулированный философом XIV века Уильямом Оккамом, гласит: «Не нужно множить сущности без необходимости», т. е. не нужно прибегать к сложным объяснениям там, где вполне годятся простые.

лись там как разработчики этого месторождения, вычерпали его и вывезли. Тут нет ничего юридически незаконного.

Амира снова улыбнулась:

— Но если правительство Чили поймет, что это самый большой в мире метеорит, а не простое месторождение железной руды, оно может сорвать покров с вашей операции.

— «Сорвать покров» — это слишком мягко сказано, нас всех могут перестрелять.

— Участь, которой вы едва избежали при вывозе контрабандных тектитов Атакамы? — спросил Гарса.

До сих пор Гарса оставался дружелюбным, не выказывал ни враждебности, как Рочфорт, ни язвительности, как Амира. Все же Макферлейн почувствовал, что краснеет.

— Нам приходится рисковать. Это часть работы.

— Похоже.— Гарса рассмеялся, переворачивая листы в папке.— Я поражаюсь, что вы собираетесь вернуться туда. Этот проект может вызвать международный скандал.

— Когда Ллойд снимет покрывало с метеорита в своем музее, я гарантирую, вот тогда действительно разразится международный скандал,— ответил Макферлейн.

— Суть в том,— спокойно вмешался Глинн,— что пока все должно сохраняться в секрете. А то, что произойдет после завершения нами работы, дело мистера Ллойда.

Некоторое время все молчали.

— Остался один вопрос,— наконец продолжил Глинн.— Он касается вашего экс-напарника, доктора Масангкея.

«Начинается»,— подумал Макферлейн, решив сохранять твердость.

— Есть какие-нибудь идеи относительно причины его гибели?

Макферлейн замялся. Это был не тот вопрос, которого он ждал.

— Ни единой,— ответил он после заминки.— Тело не было найдено. Это могло быть переохлаждение или голод. Климат там негостеприимный.

— Но не было ли каких-то медицинских проблем, которые могли внести свою лепту?

— Недоедание в детстве. Ничего больше. Или что-то, о чем я не знал. В его дневнике нет никаких упоминаний о болезни или о голоде.

Макферлейн увидел, что Глинн собирает листки в свою папку. Похоже, встреча подошла к концу.

— Ллойд просил дать ответ,— сказал Макферлейн.

Глинн отложил папку в сторону.

— Это будет стоить миллион долларов.

Макферлейн на мгновение растерялся. Сумма была меньше, чем он ожидал. Но его особенно поразило, как быстро Глинн это понял.

— Естественно, мистер Ллойд должен подписать, так как сумма выглядит умеренной...

Глинн поднял руку.

— Боюсь, вы не поняли. Миллион долларов будет стоить лишь оценка нашей возможности взяться за этот проект.

Макферлейн пристально посмотрел на него.

— Вы хотите сказать, что миллион долларов только за согласие?

— На самом деле даже хуже того,— сказал Глинн.— Мы можем решить, что ЭИР вообще не возьмется за работу.

Макферлейн покачал головой.

— Ллойду этого очень хочется.

— С проектом много неясностей, и главная из них: что именно мы найдем, когда там окажемся. Есть политические проблемы, инженерные проблемы, научные проблемы. Чтобы с ними разобраться, мне придется построить масштабную модель. Понадобится арендовать время на суперкомпьютере. Многие часы. Нам потребуются конфиденциальные консультации физиков, инженеров-строителей, юристов-международников, даже историков и политологов. Все будет еще дороже из-за желания мистера Ллойда сделать это быстро.

— Хорошо, хорошо. Когда мы получим ответ?

— В течение семидесяти двух часов после получения от мистера Ллойда подписанного чека.

Макферлейн облизнул губы. Ему подумалось, что самому-то ему недоплачивают.

— И что, если ответ «нет»? — спросил он.

— Тогда у Ллойда будет утешение — он, по крайней мере, будет знать, что проект невыполним. Если есть способ извлечь этот метеорит, мы его найдем.

— Вам доводилось кому-нибудь отказывать?

— Часто.

— Правда? Когда, например?

Глинн слегка откашлялся.

— Как раз в прошлом месяце некое восточноевропейское государство хотело поручить нам уложить в бетон ненужный атомный реактор и провезти его незамеченным через границу, чтобы с ним возились в соседней стране.

— Вы шутите,— не поверил Макферлейн.

— Вовсе нет,— ответил Глинн.— Разумеется, мы должны были им отказать.

— Их ассигнования были недостаточными,— внес ясность Гарса.

Макферлейн покачал головой и захлопнул свою папку.

— Если вы покажете мне, где телефон, я перешлю Ллойду ваше предложение.

Глинн кивнул Гарсе, тот встал.

— Проходите сюда, пожалуйста, доктор Макферлейн,— сказал он, придерживая для него дверь.

Когда дверь с шипением закрылась, Рочфорт позволил себе еще один всплеск гнева, сбрасывая со своего халата комочек красноватого джема.

— Мы же не обязаны с ним работать, правда? Он же не ученый, он — падальщик.

— У него докторская степень по космической геологии,— сказал Глинн.

— Степень скончалась много лет назад от пренебрежения ею. Но я сейчас говорю не только о моральных качествах этого человека, не о том, как он обошелся со своим партнером. Посмотри на это.— Он указал на свою рубашку.— Он же без царя в голове. Он непредсказуем.

— Такого понятия, как непредсказуемый человек, не существует,— возразил Глинн.— Есть человек, которого мы не понимаем.— Он посмотрел на месиво на своем столе, стоившем пятьдесят тысяч долларов.— Нам действительно придется разобраться во всем, что касается доктора Макферлейна. Рейчел, я намерен поручить тебе совершенно необычное дело.

Амира послала Рочфорту еще одну язвительную улыбку.

— Ну, естественно.

— Ты назначаешься ассистентом доктора Макферлейна.

Амира онемела, улыбка сползла с ее лица. Глинн спокойно продолжал, не давая ей времени отреагировать:

— Ты будешь за ним присматривать. Будешь регулярно писать рапорты и отдавать их мне.

— Я тебе не доносчик! — взорвалась Амира.— И уж наверняка, черт возьми, не шпион!

Теперь на лице Рочфорта появилось выражение, которое могло бы сойти за веселое изумление, если бы в нем не просвечивала неприязнь.

— Твои рапорты будут чисто наблюдательными,— объяснил Глинн.— Они будут тщательно изучаться психиатром. Рейчел, ты сильный аналитик, а психоанализ ничуть не хуже математики. Конечно, ты будешь ассистентом только номинально. Что касается того, что ты не шпион, так у доктора Макферлейна пестрое прошлое. В этой экспедиции он будет единственным, кто выбран не нами. Мы должны за ним присматривать.

— Разве это дает мне право шпионить за ним?

— Предположим, я не просил тебя этого делать. Если бы ты застала его за действиями, которые могут поставить экспедицию под угрозу, ты ведь не раздумывая сказала бы мне. Все, о чем я прошу,— это немного формализовать процесс.

Амира покраснела и промолчала. Глинн собрал свои бумаги, и они тут же исчезли в глубинах его костюма.

— Все это, возможно, пустые разговоры, если проект окажется невыполнимым. В первую очередь мне нужно проверить одну вещь.

Музей Ллойда
7 июня, 15 часов 15 минут

Макферлейн мерил шагами свой кабинет в новехоньком административном здании, безостановочно расхаживая от стены к стене, словно зверь в клетке. Часть огромного помещения занимали нераспакованные коробки, а поверхность письменного стола была завалена синьками, записками, картами и распечатками. Он позаботился только о том, чтобы снять целлофан с одного стула. Остальная мебель оставалась в упаковке, в офисе пахло новым ковром и свежей краской. За окнами с лихорадочной скоростью шло строительство. Становилось тревожно от того, как быстро тратились огромные деньги. Но если кто и мог себе это позволить, так это Ллойд, полагал Макферлейн. Многоотраслевые компании в составе «Ллойд холдингз», занимавшиеся аэрокосмическим машиностроением, строительством защитных сооружений, разработкой суперкомпьютеров, созданием систем электронной обработки данных, давали достаточный доход, чтобы владелец стал одним из двух-трех самых богатых людей в мире.

Заставив себя сесть, Макферлейн сдвинул в сторону бумаги на столе, освобождая место, открыл нижний ящик и вынул пострадавший от непогоды дневник Масангкея. Даже сам вид слов тагальского языка вызывал массу сладостных, почти всегда с привкусом горечи воспоминаний, поблекших, словно старые пожелтевшие фотографии.

Он открыл обложку, перелистал страницы и снова принялся разглядывать странную неразборчивую последнюю запись. Масангкей вел дневник нерегулярно. Было невозможно определить, сколько точно прошло дней между этой записью и его смертью.

Макферлейн просмотрел перевод, сделанный им для Ллойда:

«Сижу у костра в дыму, пытаясь спастись от проклятых комаров. А я-то думал, что в Южной Гренландии было плохо. Остров Десоласьон — хорошее название. Мне всегда было интересно, как выглядит край земли. Теперь я знаю.

Это выглядит обещающе: перевернутые слои, необычный вулканизм, аномалии, зафиксированные со спутника. Все согласуется с легендами ейган. Но это ничего не объясняет. Он должен был двигаться чертовски быстро, может, слишком быстро для эллиптической орбиты. Я постоянно думаю о сумасшедшей теории Макферлейна. Господи, иногда мне почти хочется, чтобы старый ублюдок был здесь и видел это. А будь он здесь, то, без сомнения, нашел бы способ провернуть дело.

Завтра начну количественное исследование долины. Если он здесь, даже глубоко, я его найду. Завтра все решится».

Так и случилось. Он умер. Совсем одинокий, в одном из самых удаленных мест на земле.

Макферлейн откинулся на спинку стула. «Сумасшедшая теория Макферлейна...» В оригинале было выражение гораздо более нелестное, но Ллойду не нужно знать все.

Но это несущественно. А суть в том, что его собственная теория действительно была сумасшедшей. Теперь его, умудренного жизненным опытом, удивляло, что он так настойчиво держался за нее, так долго и такой дорогой ценой.

Все известные метеориты были рождены внутри Солнечной системы. Его теория межзвездных метеоритов, пришедших из других звездных систем, казалась нелепой в прошлом. Трудно представить, что камень может пролететь через безграничность космического межзвездного пространства и случайно упасть на Землю. Математики всегда говорили, что это возможно с вероятностью порядка квинтиллион к единице.

Так почему он не отступался? Его мечта найти межзвездный метеорит была нереальной, нелепой, даже дерзкой. А еще существенней то, что она лишила его здравомыслия и в конечном счете почти погубила его жизнь.

Странным было упоминание его теории в дневнике Масангкея. Наличие перевернутых слоев ожидаемо. Что же ему показалось необычным? Что привело в замешательство?

Макферлейн закрыл дневник, встал и подошел к окну. Он вспомнил круглое лицо Масангкея, его густые черные, неопрятные волосы, насмешливую улыбку, глаза, лучившиеся юмором, жизнерадостностью и умом. Он вспомнил тот последний день около нью-йоркского музея. Яркий солнечный свет вызолотил все до болезненного сверкания. Масангкей в покосившихся очках торопливо спускался по лестнице и кричал: «Сэм, они дали нам зеленый свет! Мы на пути в Гренландию!» Потом с болью вспомнился вечер, когда они действительно нашли метеорит Торнарссак, и Масангкей, поднявший драгоценную бутылку виски, в чьей янтарной глубине виднелся отблеск костра, когда он надолго приложился к горлышку, прислонясь спиной к темному металлу. Боже, ну и похмелье было на следующий день... Но они нашли этот метеорит, лежавший открыто, словно кто-то осторожно положил его на гравий, чтобы все видели. За долгие годы они вместе нашли много метеоритов, но ничего подобного этому. Камень прилетел под острым углом, даже отскочил от ледника и кувыркался много миль. Это был великолепный сидерит в форме морского конька...

А теперь он покоится в саду позади дома какого-то токийского бизнесмена. Это стоило ему дружбы Масангкея. И испорченной репутации.

Макферлейн смотрел в окно, возвратясь в сегодняшний день. Над кронами кленов и белых дубов росла постройка, непостижимо неуместная в долине Гудзон: древняя, состарившаяся от солнца египетская пирамида. Пока он смотрел, кран вознес над кронами деревьев еще один блок из извест-

няка и стал осторожно опускать на наполовину завершенную постройку. С блока сбежала струйка песка, которую разнесло ветром. На поляне перед пирамидой Макферлейн видел самого Ллойда. Листва бросала тень на его большую панаму. У этого человека явная слабость к театральности.

Раздался стук в дверь, и с папкой под мышкой вошел Глинн. Он пробрался между коробками и встал рядом с Макферлейном, глядя на сцену внизу.

— Ллойд и мумию приобрел в качестве аксессуара? — спросил он.

Макферлейн хрюкнул от смеха:

— Можете себе представить, приобрел. Не оригинал, тот был украден много лет назад. Другого беднягу, который не мог и предположить, что проведет вечность в долине реки Гудзон. У Ллойда есть копии некоторых сокровищ короля Тата для усыпальницы. По-видимому, не удалось купить оригиналы.

— Даже тридцать миллиардов не все могут,— сказал Глинн, отворачиваясь от окна.— Пора?

Они оставили здание и спустились по гравиевой дорожке к лесу. В кронах у них над головами трещали цикады. Вскоре они вышли на песчаную поляну. Пирамида вздымалась прямо перед ними, совершенно желтая на фоне небесной лазури. Незавершенная постройка распространяла запах древней пыли и безграничных просторов пустыни.

Ллойд увидел их и сразу пошел навстречу, протягивая обе руки.

— Эли! — загудел он добродушно.— Вы опаздываете. Можно подумать, что вам предстоит передвинуть Эверест, а не кучу железа.

Он ухватил Глинна за локоть и повел к каменным скамьям у дальней стороны пирамиды. Макферлейн устроился напротив. Здесь, в тени пирамиды, было прохладно. Ллойд указал на тонкую папку под мышкой у Глинна:

— Это все, что купил мой миллион долларов?

Глинн ответил не сразу. Он смотрел на пирамиду.

— Какой высоты она будет в законченном виде? — спросил он.

— Семьдесят семь футов,— гордо сказал Ллойд.— Это гробница фараона Древнего царства Хефрета Второго. Маленького правителя во всех отношениях. Несчастный ребенок умер в тринадцать лет. Конечно, я хотел бы большую. Но это единственная пирамида, найденная вне долины Нила.

— А какие размеры у основания?

— Сто сорок футов.

Глинн помолчал немного, прикрыв глаза.

— Интересное совпадение,— произнес он.

— Совпадение?

Взор Глинна снова обратился к Ллойду.

— Мы повторно проанализировали параметры вашего метеорита. Мы думаем, он весит примерно десять тысяч тонн. Столько же, как эта пирамида. Используя в качестве отсчета стандартные никелево-железные метеориты, это означает, что ваш камень примерно сорок футов в диаметре.

— Великолепно! Чем больше, тем лучше.

— Перемещение метеорита будет эквивалентно перемещению этой вашей пирамиды. Но не блок за блоком, а целиком.

— И что?

— Возьмите, к примеру, Эйфелеву башню,— сказал Глинн.

— Я бы не взял. Она чертовски безобразна.

— Эйфелева башня весит примерно пять тысяч тонн.

Ллойд смотрел на него.

— Ракета «Сатурн», самый тяжелый земной объект, когда-либо перемещенный людьми, весит три тысячи тонн. Перемещение вашего метеорита сравнимо с перемещением двух башен Эйфеля или трех ракет «Сатурн».

— К чему вы клоните? — спросил Ллойд.

— А к тому, что десять тысяч тонн, когда вы задумаетесь о них,— ошеломительный вес. Двадцать миллионов фунтов. А мы говорим о перетаскивании его через полсвета.

Ллойд заулыбался.

— Тяжелейший объект, когда-либо перемещенный человеком. Мне это нравится. Лучшей рекламы мне и не нужно. Я не вижу, в чем проблема. Погрузите его на борт и можете доставить прямо в долину Гудзон, практически к нашему порогу.

— Погрузить его на борт корабля — это и есть проблема, особенно последние пятьдесят футов с берега в трюм. Самый мощный в мире кран поднимает меньше тысячи тонн.

— Постройте причал и закатите его на борт.

— У острова Десоласьон в двадцати футах от берега глубина доходит до двухсот футов. Так что построить стационарный причал невозможно. А плавучий причал метеорит утопит.

— Отыщите более мелкое место.

— Мы проверили. Такого нет. Фактически есть только одно возможное место для погрузки на восточной стороне острова. Между метеоритом и этим местом лежит снежник. В его середине глубина снега двести футов. Это означает, что нам придется тащить ваш камень вокруг снежника, чтобы доставить его на корабль.

Ллойд хмыкнул.

— Я начинаю понимать проблему. Почему не привести туда большой корабль, поставить кормой к берегу и закатить чертову штуку в трюм. Самый большой супертанкер имеет грузоподъемность полмиллиона тонн сырой нефти. Этого более чем достаточно.

— Если просто закатить метеорит в трюм корабля, он пробьет дно насквозь. Это не сырая нефть, вес которой без труда распределяется при заполнении трюма.

— Тогда к чему ходить вокруг да около? Вы склоняетесь к отказу? — спросил Ллойд.

Глинн покачал головой.

— Напротив, мы хотим взяться за эту работу.

Ллойд просиял.

— Превосходно! Зачем все эти мрачные разговоры?

— Я просто пытаюсь вас подготовить к громадности той работы, которую вы хотите проделать. И к соответствующей громадности нашего счета.

У Ллойда вытянулось лицо.

— И сколько?

— Сто пятьдесят миллионов долларов. Включая аренду транспортных средств до музея Ллойда.

Ллойд побледнел.

— Бог мой! Сто пятьдесят миллионов за камень в десять тысяч тонн. Это...

— Семь долларов пятьдесят центов за фунт,— подсказал Глинн.

— Неплохо,— заметил Макферлейн.— Если учесть, что за хороший метеорит цена доходит до ста баксов за фунт.

Ллойд взглянул на него.

— Правда?

Макферлейн кивнул.

— В любом случае,— продолжал Глинн,— поскольку работа очень необычная, мы возьмемся за нее при двух условиях.

— Каких?

— Первое условие — двойное обеспечение. Как вы поймете из докладной записки, наши стоимостные оценки не особенно умеренные. Но мы считаем, чтобы быть абсолютно уверенными, необходимо заложить двойной бюджет.

— То есть это будет стоить триста миллионов долларов?

— Нет, мы уверены, что это будет стоить сто пятьдесят миллионов, иначе мы не представили бы эту сумму. Но, учитывая все неизвестные переменные и сокрушительный вес метеорита, нам нужно некоторое пространство для маневра.

— Пространство для маневра.— Ллойд покачал головой.— А второе условие?

Глинн достал папку из-под мышки и положил на колено.

— Аварийный сброс.

— Что это такое?

— Люк, сделанный в днище транспортного средства, чтобы в случае жесточайшей опасности метеорит можно было сбросить за борт.

Ллойд, казалось, не понял.

— Сбросить за борт метеорит?

— Если он сорвется с крепления, то может потопить корабль. В этом случае у нас должна быть возможность избавиться от него быстро.

Ллойд слушал, и бледность, покрывавшая лицо, уступила место краске гнева.

— Вы хотите сказать, что, как только мы окажемся в штормовом море, вы сбросите метеорит за борт. Забудьте об этом.

— В соответствии с расчетами доктора Амиры, нашего математика, вероятность такой необходимости не превышает одной пятитысячной.

Заговорил Макферлейн:

— Я думал, он платит большие деньги, потому что вы гарантируете успех. Сброс метеорита во время шторма мне таковым не представляется.

Глинн посмотрел на него.

— Нашей гарантией является то, что ЭИР никогда не терпит неудач в своей работе. И эта гарантия недвусмысленная. Но мы не можем давать гарантии на Божий промысел. Естественные системы в своей основе непредсказуемы. Если налетит яростный ураган и пустит судно ко дну, мы не станем это рассматривать как именно нашу неудачу.

Ллойд покачался на каблуках.

— Так вот, ни в коем случае я не собираюсь сбрасывать метеорит на дно океана. Поэтому никакие аварийные сбросы строить незачем.

Он отошел от них на несколько шагов, потом остановился лицом к пирамиде, сложив руки.

— Такова цена ангажемента,— тихо проговорил Глинн, но в голосе его звучала абсолютная убежденность.

Некоторое время Ллойд хранил молчание. Он тряс головой, явно захваченный внутренней борьбой. Наконец он повернулся.

— Ладно,— сказал он.— Когда мы начинаем?

— Сегодня, если хотите.

Глинн встал, аккуратно положив папку на каменную скамью.

— Это даст общее представление обо всех предварительных приготовлениях, которые должны быть сделаны, наряду с затратами на них. Все, что нам требуется, это ваше «добро» и предварительная оплата в пятьдесят миллионов долларов. Как вы увидите, ЭИР проработала все детали.

Ллойд взял папку.

— Я прочитаю это до ланча.

— Я думаю, вам будет интересно. А теперь я, пожалуй, лучше вернусь в Нью-Йорк.

Глинн кивнул каждому отдельно:

— Джентльмены, наслаждайтесь вашей пирамидой.

Затем он повернулся, пересек песчаную поляну и скрылся в густой тени кленовой рощи.

Милберн, Нью-Джерси
9 июня, 14 часов 45 минут

Эли Глинн сидел неподвижно за рулем ничем не примечательного четырехдверного седана. Инстинктивно он поставил машину так, чтобы солнечные лучи максимально отражались от ветрового стекла и прохожим было трудно его заметить. Он хладнокровно отмечал виды и звуки типичного предместья Восточного побережья: ухоженные лужайки, вековые деревья, отдаленный шум транспорта на скоростной дороге.

Открылась входная дверь маленького дома эпохи Георгов, что находился через два здания от него, и вышла женщина. Глинн выпрямился почти неуловимым движением. Он пристально наблюдал, как она спускалась по лестнице, помедлив, оглянулась через плечо. Но дверь была уже закрыта. Она отвернулась и живо пошла в его направлении с высоко поднятой головой, расправив плечи. Светлые золотистые волосы блестели на солнце.

Глинн открыл папку, лежавшую на пассажирском кресле, и посмотрел на фотографию, приколотую к бумагам внутри. Это была она. Он убрал папку и посмотрел через заднее стекло. Даже без формы женщина излучала властность, компетентность и самоконтроль. И ничто в ней не свидетельствовало, какими трудными были для нее последние восемнадцать месяцев. Это хорошо. Очень хорошо. Когда она подошла ближе, Глинн опустил пассажирское окно. Судя по имевшемуся у него описанию ее характера, неожиданность давала большую надежду на успех.

— Капитан Бриттон? — окликнул он.— Меня зовут Эли Глинн. Могу я с вами поговорить?

Она остановилась. Он заметил, что удивление на ее лице уступает место заинтересованности. Не было ни тревоги, ни страха, только спокойная уверенность.

Женщина подошла к машине.

— Да?

Автоматически Глинн моментально отметил про себя, что женщина не пользуется духами и крепко прижимает к боку свою сумочку. Высокого роста, но изящная. Лицо бледное, но крошечные морщинки вокруг зеленых глаз и россыпь веснушек свидетельствовали о годах, проведенных на солнце и ветру. У нее был грудной голос.

— В действительности то, что я хочу сказать, может потребовать некоторого времени. Могу я вас куда-нибудь подвезти?

— В этом нет нужды. Вокзал всего в нескольких кварталах.

Глинн кивнул.

— Едете домой, в Нью-Рочелли? Неудобно с пересадкой. Я буду рад вас отвезти.

На этот раз удивление длилось несколько дольше, и когда оно погасло, в глазах цвета морской волны осталась задумчивость.

— Мама всегда говорила, чтобы я не садилась в машину к незнакомцам.

— Ваша мама правильно говорила, но, я думаю, вам будет интересно то, что я хочу вам сказать.

Женщина обдумала услышанное, затем кивнула.

— Очень хорошо,— сказала она, открыла пассажирскую дверь и села.

Глинн отметил, как она положила сумку на колени, а правую руку многозначительно оставила на ручке двери. Глинна не удивило, что она приняла предложение. Но на него произвела впечатление ее способность оценить ситуацию, проиграть варианты и быстро принять решение. Именно этого следовало ожидать от нее, судя по досье, имевшемуся в его распоряжении.

— Вам придется показывать мне направление,— сказал Глинн, отъезжая от тротуара.— Я не ориентируюсь в этой части Нью-Джерси.

Это было не совсем так. Глинн знал десяток путей до графства Уэстчестер, но ему хотелось видеть, как она справится с ролью ведущего даже в таком простом случае. Пока они ехали, Бриттон оставалась собранной, кратко указывала направление в манере человека, привыкшего к исполнению своих приказаний. Женщина производила сильное впечатление, возможно, тем более сильное из-за ее единственной катастрофической неудачи.

— Позвольте мне с самого начала исключить кое-что,— начал Глинн.— Я знаю вашу прошлую историю, и она не имеет никакого отношения к тому, о чем я хочу поговорить.

Угловым зрением Глинн отметил, что она напряглась. Но когда Бриттон заговорила, ее голос звучал спокойно.

— Кажется, в этом случае мне следует сказать: «Вы застали меня врасплох, сэр».

— Я в настоящий момент не могу вдаваться в подробности, но я здесь, чтобы предложить вам должность капитана нефтеналивного танкера.

Несколько миль они проехали в молчании. Наконец Бриттон посмотрела на Глинна.

— Если бы вы действительно знали мою историю, как вы сказали, то вряд ли предложили бы мне это.

Ее голос остался спокойным, но Глинн мог прочесть многое в ее лице: интерес, гордость, подозрительность, возможно, надежду.

— Вы ошибаетесь, капитан Бриттон. Я знаю историю целиком. Я знаю, что вы были одной из немногих женщин, получивших квалификацию капитана танкерного флота. Я знаю, что вы подвергались остракизму и соглашались на наименее популярные маршруты. Вам пришлось преодолевать невероятное сопротивление.— Он помолчал.— Я знаю, что вы были найдены на мостике вашего последнего судна в состоянии опьянения. Что у вас диагностировали алкоголизм и вы лечились в реабилитационном центре. В результате лечения вы

с успехом подтвердили свою лицензию капитана флота. Но с тех пор, как вы год назад покинули центр реабилитации, вы не получали новых предложений принять командование. Я что-нибудь пропустил?

Глинн внимательно наблюдал за ее реакцией.

— Нет, ничего не пропущено,— ответила Бриттон ровным голосом.

— Буду откровенным, капитан. Это очень необычное дело. У меня есть небольшой список капитанов, к которым я мог бы обратиться, но я думаю, они откажутся от командования.

— В то время как я в безвыходном положении,— сказала тихо Бриттон, продолжая смотреть вперед.

— Если бы вы были в безвыходном положении, вы бы приняли тот панамский грузовой пароход или либерийское судно с вооруженной охраной и подозрительным грузом.— Глинн заметил, что она прищурилась.— Видите ли, капитан Бриттон, по роду своей деятельности я анализирую природу аварий.

— Что же это за род деятельности, мистер Глинн?

— Инженерия. Наш анализ показывает, что люди, однажды оступившиеся, с вероятностью девяносто процентов не наступят на те же грабли.

«Я сам живой пример истинности этой теории» — эту фразу Глинн вслух не произнес, но был готов. Он позволил себе окинуть взглядом капитана Бриттон. Что же побудило его почти отказаться от сдержанности, привычной как дыхание? Это заслуживало дальнейшего обдумывания.

Он перевел взгляд на дорогу.

— Мы внимательнейшим образом изучили вашу биографию. Когда-то вы были прекрасным капитаном с алкогольными проблемами. Теперь вы просто прекрасный капитан, на чью осмотрительность, я знаю, можно положиться.

Бриттон утвердительно кивнула.

— Осмотрительность,— повторила она со слегка иронической улыбкой.

— Если вы примете предложение, я скажу гораздо больше. Но сейчас я могу сказать только, что плавание не будет

долгим. Оно будет выполняться под покровом глубокой тайны. Пункт назначения находится в южных широтах, в той области, которую вы хорошо знаете. Финансовое обеспечение более чем достаточное, и вы сами наберете команду из тех, кто выдержит нашу проверку. Все офицеры и команда получат втрое больше по сравнению с обычной оплатой.

Бриттон нахмурилась.

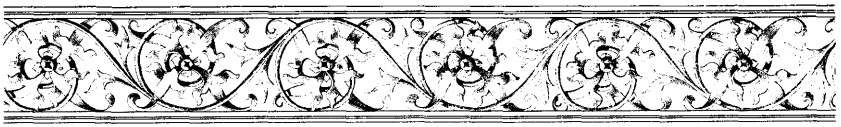
— Если вы знаете, что я отказала либерийцам, значит, знаете, что я не провожу тайно наркотики, не переправляю оружие, вообще не занимаюсь контрабандой. Я не нарушаю законов, мистер Глинн.

— Миссия законная, но настолько необычная, что требует абсолютно преданной делу команды исполнителей. И еще кое-что. Если миссия будет успешной... Нет, следует так сказать: когда миссия будет успешно завершена, поскольку именно это я и должен обеспечить, она получит огласку очень благоприятную. Не для меня, я избегаю подобных вещей, а для вас. Это может быть полезным во многих отношениях. Вы окажетесь снова в списке действующих капитанов, например. Это придаст вам дополнительный вес на слушаниях по опеке над вашим ребенком. Вероятно, перестанут быть необходимыми эти долгие визиты по выходным.

Это последнее замечание произвело эффект, на который Глинн и рассчитывал. Бриттон быстро взглянула на него, потом оглянулась через плечо, словно немедленно отодвигая дом георгианской эпохи, оставшийся у них далеко позади. Потом она снова посмотрела на Глинна.

— Я читала Уистена Одена сегодня утром в поезде. Мне попалась поэма под названием «Атлантида»,— сказала Бриттон.— Последняя строфа звучит примерно так: «Все маленькие домашние боги расплакались, но ты все-таки попрощайся с ними сейчас и выйди в море».

Она улыбнулась. И если бы Глинн обращал внимание на подобные вещи, он бы заметил, что улыбка была совершенно очаровательной.

Порт Элизабет
17 июня, 10 часов

Палмер Ллойд помедлил перед глухой дверью — грязным прямоугольником в колоссальном металлическом строении, вздыбившемся перед ним. Из-за спины, где его шофер, прислонившись к лимузину, читал бульварную газету, до него доносился рев с главной магистрали Нью-Джерси, отдававшийся эхом от старых складских зданий. Впереди за сухими доками Марш-стрит блестел на солнце порт Элизабет. Неподалеку над контейнеровозом по-матерински склонился кран. За портом сцепка буксиров толкала баржу, груженную машинами. А еще дальше вздымался над чернотой задворок Байонны манящий силуэт Манхэттена, сверкая на солнце подобно драгоценному ожерелью.

Ллойда внезапно охватила ностальгия. Прошло много лет с тех пор, как он был здесь последний раз. Он вспомнил, как взрослел в жестоком окружении в Рагуэйе около порта. В своем нищем детстве Ллойд провел немало дней, рыская по докам, дворам и заводам.

Он вдохнул знакомый заводской воздух, смешанный с запахом болот, смолы и серы. Он все еще помнил чувство, которое вызывало в нем это место: множество труб со шлейфами пара и дыма, блестящие резервуары нефтеперегонных заводов, густое сплетение высоковольтных линий. Он находил красоту в обнаженных мускулах индустрии. «Места вроде пор-

та Элизабет,— размышлял он,— это средоточие торговли и производства. Именно они дают обитателям городков модных лавок, торгующих подделками, достаток, который позволяет им презрительно отзываться о безобразности этих мест, глядя из комфорта своих собственных».

Ему казалось странным, что он так скучает по дням своего детства, хотя все его мечты осуществились. И было удивительно, что своим самым большим успехом он обязан именно этим местам, где его корни. Еще мальчишкой он начал коллекционировать. Без денег создал собственную коллекцию по естественной истории, собирая всякую всячину. Он находил наконечники стрел на размытых берегах, ракушки среди прибрежного сора, камни и минералы в заброшенных шахтах. Он откапывал окаменелости в карьере, обнажившем слои юрского периода вблизи Хакенсака, и десятками ловил бабочек на окрестных болотах. Ловил лягушек, ящериц, змей и хранил их в джине, который таскал у отца. Ллойд собрал прекрасную коллекцию до того, как их дом сгорел вместе с этим сокровищем в день его пятнадцатилетия. Это была самая болезненная потеря в его жизни. Потом он уже ничего не коллекционировал. Поступил в колледж, затем занялся бизнесом, поднимаясь по лестнице успеха. И однажды его осенило: теперь он может купить самое лучшее из того, что может предложить мир, он компенсирует ту потерю. То, что начиналось как хобби, переросло в страсть, родилась мечта о музее Ллойда. И вот он снова здесь, в доках Джерси, и намерен заявить свои права на величайшее сокровище.

Ллойд глубоко вздохнул и взялся за ручку двери, его охватила дрожь предвкушения. Тонкая папка Глинна оказалась шедевром, действительно стоившим того миллиона, что он заплатил. План был блестящим. Учтены все возможные неожиданности, все трудности предусмотрены. Потрясение и гнев по поводу цены сменились горячим желанием действовать еще прежде, чем он успел дочитать. И сейчас, после десяти дней нетерпеливого ожидания, он увидит почти завершенной первую стадию плана по транспортировке тяжелейшего

объекта, когда-либо перемещенного людьми. Ллойд повернул ручку и вошел.

Внушительный фасад здания оказался лишь намеком на громадность представшего его взору помещения. Вид такого большого пространства без внутренних перекрытий и перегородок, совершенно открытого до недосягаемого потолка, временно лишал глаз способности правильно оценить размеры, но казалось, что длина его не меньше четверти мили. Словно металлическая паутина, рабочие мостки протянулись по всему заполненному пыльной дымкой пространству. Из его глубин на Ллойда накатила какофония шумов: стрекот клепальных молотков, лязганье стали, треск сварки.

А в центре этой лихорадочной активности находилось оно — громадное судно, поддерживаемое в сухом доке огромными стальными опорами, над которыми возвышался его выпуклый нос. Среди танкеров этот не был самым крупным, но, вытащенный из воды, он казался Ллойду наиболее гигантской вещью, какую ему доводилось видеть. По левому борту белой краской было написано имя корабля: «Ролвааг». Подобно муравьям, вокруг него сновали люди и машины. На лице Ллойда появилась улыбка, стоило ему вдохнуть густые запахи горячего металла, красок и дизельного топлива. Что-то у него внутри радовалось, наблюдая пахучую трату денег, даже его собственных.

Появился Глинн с рулоном чертежей в руке, в каске с аббревиатурой ЭИР на голове. Ллойд посмотрел на него, продолжая улыбаться, и в безмолвном восхищении потряс головой.

Глинн подал Ллойду каску.

— Вид с лесов еще лучше,— сказал он.— Встретимся там с капитаном Бриттон.

Ллойд водрузил на голову каску и последовал за Глинном в маленький лифт. Они спустились футов на сто, потом вышли на рабочие мостки, которые тянулись вдоль всех четырех стен сухого дока. Пока они шли, Ллойд поймал себя на том, что не может отвести глаз от громадного корабля, который прости-

рался перед ним. Он был потрясающим. И он принадлежал ему.

— Судно построено в Ставангере в Норвегии шесть месяцев назад.— Сухой голос Глинна почти терялся в грохоте строительства, который нарастал им навстречу.— При том, что мы с ним делаем, мы не могли взять его напрокат, а потому были вынуждены купить.

— Двойное финансирование,— пробормотал Ллойд.

— Мы, конечно, сможем потом продать пароход и возместить почти все затраты. Я думаю, вы увидите, что «Ролваг» стоит своих денег. Это произведение искусства. Двойной корпус с глубокой осадкой в расчете на бурю. Он вмещает сто пятьдесят тысяч тонн. Малыш по сравнению с танкерами, которые перевозят до полумиллиона тонн.

— Он замечательный. Если бы я мог на время оставить свои дела, все бы отдал за рейс с вами.

— Мы будем ежедневно общаться по спутниковой связи, и, я полагаю, вы сможете разделить с нами все, кроме морской болезни.

По мере их продвижения по рабочим мосткам весь левый борт судна оказался у них в поле зрения. Ллойд остановился.

— В чем дело? — спросил Глинн.

Ллойд молчал, не находя слов, и наконец пробормотал:

— Я просто никогда не думал, что это будет выглядеть так правдоподобно.

В глазах Глинна мелькнуло веселье:

— «Промышленный свет и магия» прекрасно справляются с работой, не находите?

— Голливудская фирма?

Глинн кивнул.

— Зачем изобретать колесо. У них лучшие в мире создатели видеоэффектов. И они не болтливы.

Ллойд ничего не ответил. Он просто стоял у ограждения, глядя вниз. У него на глазах сверкающий нефтеналивной танкер, произведение искусства, превращался в потрепанный ру-

довоз, направляющийся в свое последнее плавание. Передняя половина замечательного корабля представляла прекрасное чистое пространство окрашенного металла, жесткую геометрическую безупречность сварных швов и пластин листовой стали, все светилось новизной шестимесячного судна. Но от середины и до кормы контраст не мог казаться более разительным. Задняя половина корабля выглядела так, словно он пережил кораблекрушение. Кормовую надстройку будто перекрашивали раз двадцать: на облупившихся поверхностях проступили слои краски разных цветов и оттенков. Одно из крыльев мостика, и первоначально необычное по виду, казалось, было отломано, а потом снова приварено. Огромные ржавые потеки спускались вниз от вмятин на корпусе. В покореженных перилах некоторые секции заменяли грубо приваренные трубы, арматурный прут и угловое железо.

— Прекрасная маскировка,— одобрил Ллойд.— Как и строительство шахты.

— Мне особенно нравится радарная мачта,— сказал Глинн, указывая на корму.

Даже с такого расстояния Ллойд мог видеть, что краска с нее почти полностью слезла, а куски металла свободно болтаются на старых проводах. Несколько стержней антенны были сломаны и грубо сварены встык, все покрыто слоем копоти.

— Внутри этих остатков мачты,— продолжал Глинн,— находится современнейшее оборудование: пи-кодовая и дифференциальная глобальные навигационные системы, системы переднего обзора и пассивной радиоэлектронной разведки, а также другое радарное оборудование, новейшие станции связи. Если мы попадем в любую нестандартную ситуацию, на мачте достаточно электроники, которую можно включить простым нажатием кнопки.

Ллойд наблюдал, как развернулась стрела крана с тяжелым шаром на тросе. Крановщик осторожно тюкнул грузом в левый борт один раз, потом второй и третий, подвергая изумительно ровный металл новым оскорблениям.

В средней секции корабля трудились маляры с толстыми шлангами, покрывая безупречно чистую палубу имитацией смолы, нефти и гравия.

— Вычистить все это будет трудно,— сказал Глинн.— Но однажды мы сгрузим метеорит и будем готовы продать судно.

Ллойд перевел взгляд на Глинна. Хорошо сказано: «Однажды мы сгрузим метеорит». Меньше чем через две недели корабль выйдет в море. А когда он вернется и с желанной добычи можно будет наконец снять покров, весь мир заговорит о том, что он совершил.

— Разумеется, мы почти ничего не трогаем внутри,— сказал Глинн, когда они снова пошли вдоль мостков.— Жилые помещения просто роскошные: просторные каюты, всюду деревянные панели, компьютерный контроль освещения и климата, спортивные залы, комнаты отдыха и так далее.

Ллойд остановился, заметив оживленное движение у дыры, прорезанной в передней части корпуса. Бульдозеры, гусеничные трактора, фронтальные погрузчики, трелевщики с колесами выше человеческого роста и другое тяжелое горное оборудование ожидало погрузки на корабль. С ревом дизельных двигателей и скрежетом переключаемых передач машины одна за другой въезжали внутрь.

— Ноев ковчег индустриальной эры,— сказал Ллойд.

— Оказалось дешевле и быстрее вскрыть борт, чем грузить тяжелое оборудование краном,— объяснил Глинн.— «Ролвааг» спроектирован как типовой танкер. Три четверти объема корпуса отведено под загрузку нефтью. Остальное пространство занято обычными трюмами, отсеками, машинным отделением и тому подобным. Мы построили специальные отсеки для оборудования и материалов, которые потребуются для работы. Уже загружены тысяча тонн лучшей, высокопрочной стали Мансгейма, четверть миллиона футов слоистого деревянного бруса и все от авиашин до генераторов.

— А что за контейнеры на палубе? — указал Ллойд.

— Они там специально, чтобы создавать впечатление, что «Ролвааг» подрабатывает, перевозя железнодорожные кон-

тейнеры. Внутри них лаборатории с очень сложным оборудованием.

— Расскажите мне о них.

— Серый контейнер, ближайший к носу,— гидротехническая лаборатория. У нас есть высокоскоростная система автоматического проектирования, фотолаборатория, технический склад, морозильная установка, электронный микроскоп и лаборатория рентгеновской кристаллографии, водолазный комплект, изотопная и радиационная лаборатория. Под палубой находятся больничная палата и операционная, лаборатория для определения биологической опасности и два машинных цеха. Но в них нет ни единого окна, так что они игры не испортят.

Ллойд покачал головой.

— Начинаю понимать, куда уходят мои деньги. Не забывайте, Эли, я покупаю в основном операцию по извлечению. Наука может подождать.

— Я не забываю. Но, принимая во внимание множество неясностей и тот факт, что у нас только один шанс, чтобы извлечь метеорит, мы должны быть готовы ко всему.

— Конечно. Поэтому я и отправляю Сэма Макферлейна. И если все пойдет по плану, его опыт нужно использовать в решении инженерных проблем. Я не хочу, чтобы тратилось много времени на научные тесты. Просто вывезите эту штуку из проклятого Чили. У нас будет потом сколько угодно времени для возни с ним.

— Сэм Макферлейн,— откликнулся Глинн.— Интересный выбор. Странный парень.

Ллойд посмотрел на него:

— Только не говорите мне, что я совершил ошибку.

— И не собирался. Я лишь выражаю удивление вашим выбором космического геолога.

— Этот парень как нельзя лучше подходит для такой работы. Мне не нужна там толпа ученых зануд. Сэм работал как в лаборатории, так и в поле. Он может все это делать. Он не идет на компромиссы. Он знает Чили. Наконец, парень, на-

шедший эту штуку, был когда-то его партнером, а он блестяще проанализировал данные.

Ллойд доверительно наклонился, ухватив Глинна за плечо:

— Да, он принял неправильное решение пару лет назад. И это была большая ошибка. Что ж, теперь до конца жизни ему никто не должен доверять? Кроме того, вы же будете за ним присматривать. На тот случай, если его станет одолевать соблазн.

Он разжал руку и повернулся снова к кораблю.

— Кстати о соблазне. Куда будет помещен метеорит?

— Идите за мной,— сказал Глинн.— Я покажу.

Поднявшись по нескольким лестницам, они пошли по мосткам, уложенным на бимсы*. У ограждения стояла одинокая фигура, безмолвная, прямая, облаченная в форму капитана. Морской офицер до мозга костей. Когда они приблизились, человек отступил от ограждения и остановился в ожидании.

— Капитан Бриттон,— представил Глинн.— Мистер Ллойд.

Ллойд протянул руку и замер.

— Женщина? — непроизвольно выпалил он.

Она отреагировала мгновенно:

— Вы очень наблюдательны, мистер Ллойд.

Ее рукопожатие было крепким и коротким.

— Салли Бриттон.

— Простите,— извинился Ллойд.— Я просто не ожидал.

Почему же Глинн его не предупредил? Он отметил взглядом нарядную униформу и прядь светлых волос, выбившуюся из-под фуражки.

— Рад, что вы смогли нас встретить,— сказал Глинн.— Я хотел, чтобы вы увидели корабль, прежде чем мы его совершенно обезобразим.

— Спасибо, мистер Глинн,— ответила Бриттон с едва заметной улыбкой.— Не думаю, что мне в жизни доводилось видеть что-нибудь столь же отталкивающее.

---

* Поперечные балки, связывающие борта судна. Придают жесткость корпусу и служат для настила палубы.

— Это чистая косметика.

— Я намерена потратить следующие несколько дней на то, чтобы действительно убедиться в этом.

Она указала на большие выступы сбоку надстройки:

— Что находится за ними?

— Дополнительные средства обеспечения безопасности,— объяснил Глинн.— Мы приняли все возможные меры безопасности, а потом еще некоторые.

— Интересно.

Ллойд заинтересованно посмотрел на ее профиль.

— Эли ничего о вас не говорил,— посетовал он.— Не могли бы вы рассказать мне о себе?

— Я была офицером корабля пять лет и капитаном три года.

Ллойд обратил внимание на прошедшее время.

— На чем вы плавали?

— На танкерах и супертанкерах для перевозки сырой нефти. Объемом больше двухсот пятидесяти тысяч тонн.

— Она несколько раз ходила вокруг мыса Горн,— вмешался Глинн.

— Вокруг мыса Горн? Я не знал, что маршрут еще существует.

— Супертанкеры не могут проходить по Панамскому каналу,— объяснила Бриттон.— Маршрут вокруг мыса Доброй Надежды предпочтительней, но иногда график требует перехода у мыса Горн.

— Это одна из причин, по которой мы ее пригласили,— сказал Глинн.— Море там бывает трудным.

Ллойд кивнул, продолжая смотреть на Бриттон. Она ответила ему спокойным взглядом, невозмутимым, несмотря на столпотворение внизу.

— Вы знаете о необычности нашего груза? — спросил Ллойд.

Она кивнула.

— Вас это тревожит?

Бриттон посмотрела на него.

— Нет, меня это не тревожит.

Что-то в ее ясных зеленых глазах говорило иное. Ллойд открыл рот, чтобы спросить, но Глинн мягко вмешался:

— Пойдем, я покажу вам люльку.

Они прошли дальше по мосткам. Теперь чрево корабля, затянутое клубами дыма от сварки и выхлопов машин, оказалось прямо под ними. Часть палубного настила была снята, в нем зияла огромная дыра. На краю стоял инженер Мануэль Гарса. Одной рукой он держал рацию около уха, а второй жестикулировал. Заметив их наверху, он помахал им.

Заглянув вниз в открывшееся пространство, Ллойд смог рассмотреть поразительно сложную конструкцию, изящную, как кристаллическая решетка. Ряды желтых натриевых ламп вдоль ее граней заставляли грандиозную глубину сверкать и светиться подобно сказочному гроту.

— Это трюм? — спросил Ллойд.

— Не трюм, а танк. Точней, центральная емкость номер три. Мы поместим метеорит в самом центре корабля, чтобы добиться максимальной устойчивости. Под главной палубой построен дополнительный коридор, ведущий из надстройки и обеспечивающий доступ сюда. Обратите внимание на механические двери, которые мы установили на каждой заглушке цистерны.

Люлька опускалась далеко вниз. Ллойд щурился от света бесчисленных ламп.

— Будь я проклят,— сказал он вдруг,— она же наполовину сделана из дерева! — Он повернулся к Глинну.— Уже халтурите?

Уголки рта Глинна резко дернулись вверх в короткой улыбке.

— Дерево, мистер Ллойд, основной строительный материал.

Ллойд покачал головой.

— Дерево? Для веса в десять тысяч тонн? Я не могу в это поверить.

— Дерево идеальный материал. Оно слегка подается, но не деформируется. Благодаря большой силе трения дерево как бы прилипает к тяжелым объектам, намертво удерживая их на месте. Сорт дуба, который мы используем, прослоенный эпоксидной смолой, имеет прочность на излом выше, чем сталь. Дерево можно резать и гнуть по форме трюма. Оно не пробьет стальной корпус при шторме, ему не свойственна усталость, как металлу.

— Но почему такая сложная конструкция?

— Нам приходится решать небольшую проблему,— сказал Глинн.— При весе в десять тысяч тонн метеорит должен быть абсолютно неподвижен в крепеже. Если «Ролвааг» попадет в плохую погоду на обратном пути в Нью-Йорк, даже малейший сдвиг в положении метеорита может дестабилизировать корабль. Деревянная люлька не только зафиксирует штуковину на месте, но и распределит ее вес равномерно по танку, имитируя загрузку сырой нефтью.

— Поразительно,— восхитилась Бриттон.— Вы взяли внутренние размеры и на них основывались в расчетах?

— Да. Доктор Амира — компьютерный гений. Она выполнила расчеты, которые потребовали целых десяти часов работы суперкомпьютера, но в результате мы получили конфигурацию. Мы, естественно, не можем ее полностью закончить, пока не знаем точных размеров камня. Это построено на основании данных облета, полученных от мистера Ллойда. Но когда мы откопаем метеорит, то построим вокруг него вторую оплетку, которую вложим в эту.

Ллойд кивнул.

— А что делают вон те люди?

Он указал на самое дно, где несколько рабочих, едва видимых сверху, ацетиленовыми горелками врезались в обшивку корпуса.

— Аварийный сброс,— ровным голосом ответил Глинн.

Ллойд почувствовал всплеск раздражения.

— Вы не собирались этого делать реально.

— Мы это уже обсуждали.

Ллойд попытался говорить убедительно.

— Послушайте, если вы откроете дно корабля, чтобы сбросить метеорит во время шторма, проклятое судно все равно утонет. Любому идиоту это понятно.

Глинн остановил на Ллойде взгляд своих серых непроницаемых глаз.

— При выполнении сброса потребуется всего шестьдесят секунд, чтобы открыть цистерну, освободиться от метеорита и закрыть ее снова. Танкеры не тонут за шестьдесят секунд, каким бы сильным ни был шторм. Напротив, приток воды компенсирует неожиданную потерю балласта, когда произойдет сброс метеорита. Доктор Амира все это тоже учла. Поправка оказалась совсем небольшой.

Ллойд уставился на Глинна — этому человеку доставляло удовольствие решение проблемы сброса бесценного метеорита на дно Атлантики!

— Скажу одно: если кто-то сбросит мой метеорит, я сброшу его самого.

Капитан Бриттон рассмеялась, веселый звонкий звук заглушил грохот, доносившийся снизу. Оба мужчины повернулись к ней.

— Не забывайте, мистер Ллойд,— произнесла она твердо,— пока этот метеорит ничей. И нас отделяет от него огромное водное пространство.

Борт «Ролваага»
26 июня, 0 часов 35 минут

Макферлейн перешагнул порог люка и аккуратно закрыл за собой стальную дверь. Он стоял на самом верху корабельной надстройки, и у него было такое чувство, словно это крыша мира. Гладкая поверхность Атлантики, пятнистая в слабом свете звезд, лежала более чем в ста футах под ним. Легкий бриз доносил далекий крик чаек и удивительно пах морем.

Макферлейн прошел вперед к перилам и ухватился за них руками. Он думал об огромном корабле, который будет ему домом в течение следующих нескольких месяцев. Прямо у него под ногами находился мостик, а под ним — целый этаж надстройки, по каким-то загадочным причинам оставленный Глинном незанятым. Под ним располагались каюты старших офицеров. А еще шестью этажами ниже лежала главная палуба, протянувшаяся до носа на одну шестую мили. Всплеск звездного света обрисовал носовую часть полубака. Там осталась система трубопроводов и вентильной арматуры танка, вокруг были размещены многочисленные старые контейнеры, ставшие лабораториями и производственными помещениями. Все вместе было похоже на детский город из деревянных кубиков.

Вскоре ему предстоит присутствовать на «ночном ланче». Это будет первая официальная трапеза на борту корабля. Но он должен был сначала подняться сюда, чтобы убедить себя — плавание действительно началось.

Макферлейн глубоко вдохнул, пытаясь выкинуть из головы суету последних дней: размещение лабораторий и электронного оборудования. Он крепче ухватился за перила, чувствуя, как в нем нарастает радость. «Похоже, это произошло»,— подумал он. Даже тюремная камера в Чили казалась предпочтительней присутствия Ллойда, постоянно заглядывающего ему через плечо, заранее озабоченного несущественными мелочами. Что бы ни ожидало их в конце плавания, чем бы ни оказалась находка Нестора Масангкея, они наконец в пути.

Макферлейн повернулся и прошел до кормового ограждения. Из глубины судна доносилось еле слышное монотонное гудение двигателей, но здесь, наверху, не чувствовалось даже намека на вибрацию. Он увидел вдалеке мигающие проблески маяка на мысе Мэй: один короткий, один длинный. После того как Глинн оформил документы таможенного досмотра, используя только ему известные частные каналы, они под покровом ночи покинули порт Элизабет, до конца сохранив секретность. Скоро они выйдут на главные морские пути, пролегающие за континентальным шельфом, и повернут на юг. Если все пойдет по плану, через пять недель они снова увидят этот маяк. Макферлейн попытался представить, что будет, если они успешно завершат миссию: неистовый шум, научное открытие и, возможно, его собственная реабилитация.

Макферлейн горько улыбнулся про себя. В жизни так не бывает. Проще представить себя снова в Калахари, с достаточным количеством денег в кармане, слегка пополневшим на корабельных харчах, разыскивающим неуловимых бушменов для продолжения поисков метеорита Окаванго. Но что бы он ни сделал, уже не изменить того, как он обошелся с Нестором, особенно теперь, когда его друг и партнер умер.

Макферлейн почувствовал, что к запаху моря примешался аромат табака. Оглядевшись, он понял, что он не один. На дальней стороне сигнального мостика в темноте мигнула красная точка и снова исчезла. Кто-то тихо стоял там — собрат пассажир наслаждался ночью.

Потом красная точка дернулась и закачалась, когда человек поднялся, чтобы подойти к нему. С удивлением Макферлейн понял, что это Рейчел Амира, сотрудник Глинна и его собственный, не внушающий доверия ассистент. Между пальцев ее правой руки была зажата толстая, выкуренная до последних нескольких дюймов сигара. Макферлейн тихонько вздохнул, недовольный вторжением этой язвительной женщины в его размышления.

— Чао, босс. Будут какие-нибудь приказания?

Макферлейн промолчал, почувствовав досаду при слове «босс». Он не нанимался никем руководить. Амира не нуждается в няньке. Она и сама не выглядит довольной этим назначением. О чем Глинн думал?

— Три часа в море, а мне уже надоело,— сказала она, протянув сигару.— Не желаете?

— Спасибо, нет. Хочу почувствовать вкус еды.

— Корабельной стряпни? Вы, должно быть, мазохист,— предположила Амира и с тоскливым вздохом оперлась на перила рядом с ним.— Этот пароход вызывает у меня дрожь.

— Почему?

— Он такой холодный, роботизированный. Думая о плавании, я представляла сильных мужчин, снующих по палубе и исполняющих громкие команды. Только посмотрите туда.— Она показала пальцем за плечо.— Восемьсот футов палубы, и ничто не шелохнется. Это корабль с привидениями. Безлюдный. Все делается компьютерами.

«В ее словах что-то есть»,— подумал Макферлейн. Хотя «Ролвааг», по современным стандартам, считался супертанкером среднего размера, он был огромен. А чтобы его обслуживать, нужна небольшая вахтенная смена экипажа. Вместе с командой, специалистами и инженерами ЭИР и строительной бригадой на борту меньше ста человек. Круизное судно, размером вдвое меньше «Ролваага», могло бы вместить две тысячи человек.

— И он такой чертовски огромный,— услышал Макферлейн ее слова, так созвучные его мыслям.

— Благодарите за это Глинна. Ллойд был бы гораздо счастливей, потратив на меньший корабль меньше денег.

— А вы знаете, что такие танкеры — это первые из сделанных человеком судов, на которые из-за их огромных размеров оказывает влияние вращение Земли?

— Нет, я этого не знал,— ответил Макферлейн и подумал: «Этой женщине нравится звук собственного голоса».

— А чтобы эта «детка» остановилась, ей нужно три морские мили при команде двигателям «полный назад».

— Вы неисчерпаемый кладезь сведений о танкерах.

— О! Я хорошо умею поддерживать разговор за выпивкой.

Амира выпустила в темноту кольцо дыма.

— В чем еще вы хороши?

Амира засмеялась.

— Я не очень плоха в математике.

— Наслышан об этом.

Макферлейн отвернулся, оперся на перила, надеясь, что она поймет намек.

— Знаете, не можем же мы все становиться стюардессами, когда вырастаем.

Наступила благословенная тишина, пока Амира дымила своей сигарой. Однако всего через минуту она воскликнула:

— Эй, знаете что, босс?

— Буду вам признателен, если вы не будете меня так называть.

— Но вы же им являетесь?

Макферлейн повернулся к ней:

— Я не просил об этом назначении. Мне не нужен ассистент. Мне это нравится не больше, чем вам.

Амира выпустила дым, язвительная улыбка тронула губы, глаза наполнились весельем.

— У меня появилась идея,— сказал Макферлейн.

— Какая?

— Давайте считать, что вы не мой ассистент.

— Вы что, меня уже увольняете?

Макферлейн вздохнул, подавляя импульсивную реакцию.

— Нам придется проводить вместе много времени. Давайте работать на равных, ладно? Глинну не нужно этого знать. Я думаю, мы оба станем счастливей.

Амира посмотрела на удлинившийся столбик пепла на конце сигары и выбросила ее в море. Когда она заговорила, ее голос звучал более дружески.

— Я просто обалдела от вашей выходки с сэндвичем. Рочфорт фанатически благопристоен. Оказаться вымазанным джемом для него величайшее унижение. Мне это понравилось.

— Я всего-навсего привел доказательство.

Амира хихикнула, и Макферлейн глянул в ее сторону, на глаза, блестевшие в полутьме, на темные волосы, сливающиеся с темнотой позади нее. За маской девчонки-сорванца скрывался сложный человек. Он снова повернулся к морю.

— К тому же я не собираюсь становиться приятелем Рочфорта.

— И никто не собирается. Он же получеловек.

— Как Глинн. Не думаю, что он хоть раз помочился, не просчитав предварительно все возможные траектории.

Последовало молчание. Макферлейн понял, что шутка была ей неприятна.

— Позвольте мне рассказать вам немного о Глинне,— заговорила Амира.— За всю жизнь у него было только две работы: «Эффективные инженерные решения» и армия.

Что-то в ее голосе заставило Макферлейна взглянуть на нее.

— До создания ЭИР Глинн был разведчиком в войсках особого назначения. Допрос заключенных, фотослежка, подводные взрывы — такого рода деятельность. Он возглавлял команду «А». Начинал в воздушно-десантных войсках, потом стал рейнджером*. Во Вьетнаме зарабатывал свои доллары в программе «Феникс».

— Интересно.

---

* Рейнджер (армия США) — боец разведывательно-диверсионных воздушно-десантных войск.

— Чертовски.— Амира говорила почти с яростью.— Они показали себя молодцами в жарких ситуациях. Гарса рассказывал, что у команды было прекрасное соотношение убитых ими и собственных потерь.

— Гарса?

— Он был в команде Глинна инженером-строителем. Его заместителем. Только тогда они не строили, а взрывали.

— Вам все это рассказал Гарса?

Амира замялась:

— Кое-что Эли мне сам рассказывал.

— Так что случилось?

— Его подразделение попало в переплет, когда они удерживали мост на границе с Камбоджей. Из-за ошибочных разведывательных данных о противнике Эли потерял всю команду, кроме Гарсы. Теперь Глинн руководит ЭИР и все разведывательные данные собирает сам. Так что, Сэм, я думаю, у вас сложилось о нем ошибочное мнение.

Амира достала из кармана арахис и очистила его.

— Вы, похоже, его хорошо знаете.

Неожиданно у Амиры затуманился взор. Она пожала плечами, потом улыбнулась. Чувственность во взгляде померкла так же быстро, как появилась.

— Как красиво,— сказала она, кивнув на еще видимый за простором воды маяк на мысе Мэй, который словно махал им в темноте ночи, как последний привет Северной Америки.

— Это точно,— откликнулся Макферлейн.

— Хотите поспорить, сколько миль до него?

Макферлейн нахмурился.

— Простите?

— Маленькое пари. На расстояние до этого маяка.

— Я не спорщик. Кроме того, у вас, по-видимому, наготове какая-нибудь загадочная математическая формула.

— Тут вы правы.

Она очистила еще несколько орехов, закинула их в рот и выбросила в море шелуху.

— Итак?

— Итак, что?

— Вот мы, идем на край земли, отправились, чтобы откопать самый большой камень, который кто-либо видел. Итак, мистер охотник за метеоритами, что вы думаете об этом на самом деле?

— Я думаю...— начал Макферлейн и замолчал.

Он осознал, что не позволяет себе надеяться, будто этот второй шанс, который и возник-то из ниоткуда, может действительно принести удачу.

— Я думаю,— сказал он вслух,— нам лучше спуститься вниз, к обеду. Если мы опоздаем, наш капитан, пожалуй, протащит нас под килем в наказание. А на таком танкере это не шуточное дело.

«Ролвааг»
26 июня, 0 часов 55 минут

Они вышли из лифта. Здесь, пятью этажами ниже, Макферлейн почувствовал глубинную вибрацию, слабую, но постоянно отзывающуюся в ушах и в костях.

— Нам сюда,— сказала Амира, указав в глубину голубого с белым коридора.

Макферлейн пошел за ней, глядя по сторонам. В сухом доке он проводил дни и большинство ночей на палубе в лабораторных контейнерах и сегодня впервые оказался внутри судовой надстройки. По прошлому опыту он представлял корабли как тесное пространство, вызывающее клаустрофобию. Но «Ролвааг», по-видимому, строился по другим стандартам: коридоры были широкими, каюты и общие помещения просторными, превосходно оборудованными, в коврах. Заглядывая в дверные проемы, Макферлейн увидел кинозал мест на пятьдесят с большим экраном, отделанную деревом библиотеку. Затем они повернули за угол, и Амира толкнула дверь — они оказались в кают-компании.

Макферлейн остолбенел. Он ожидал увидеть безликую столовую рабочего корабля. Но «Ролвааг» снова его удивил. Обеденный зал оказался просторным помещением, занимающим всю кормовую часть полубака. Из огромных иллюминаторов было видно кипение кильватерной струи, теряющейся в темноте. Десяток круглых столов, накрытых белоснежными ска-

тертями и украшенных свежими цветами, рассчитанных каждый на восемь человек, были расставлены вокруг незанятого центра. Стюарды в накрахмаленной униформе стояли по своим местам. Макферлейн сразу почувствовал себя плохо одетым.

Народ уже потянулся к столам. Макферлейна предупредили, что места распределяются в соответствии с рангом, по крайней мере вначале, и предполагается, что он сядет за стол капитана. Оглядевшись, Макферлейн увидел Глинна, стоявшего около ближайшего к иллюминаторам стола. Макферлейн пошел к нему по темному ковру.

Глинн уткнулся носом в маленький томик, который спрятал в карман при их приближении. Но прежде чем книга исчезла, Макферлейн успел прочитать название: «Избранные стихи» Уистена Одена. Глинн никак не ассоциировался для него с любителем поэзии. Возможно, он составил не совсем правильное суждение об этом человеке.

— Какая роскошь,— признал Макферлейн.— Особенно для нефтеналивного танкера.

— На самом деле это достаточно стандартно,— откликнулся Глинн.— На таких больших судах места достаточно много. Они так дороги в эксплуатации, что практически не стоят в портах. Это означает, что команда месяцами находится на борту. Выгодней, чтобы она была довольна.

Теперь уже многие занимали свои места за столами, стало шумно. Макферлейн смотрел на морских офицеров, специалистов, экспертов из ЭИР. Подготовка к походу происходила так быстро, что он успел познакомиться, возможно, с десятью из семидесяти с лишним человек, что находились сейчас в помещении.

Вдруг в кают-компании наступила тишина. Макферлейн взглянул на дверь и увидел, как вошла капитан «Ролваага» Бриттон. Он знал, что капитан — женщина, но не ожидал ни того, что она так молода, не больше тридцати пяти, ни такой потрясающей выправки. Она держалась с естественным достоинством. На ней была безупречная форма: морской китель с

золотыми пуговицами, белоснежная рубашка, на узких плечах — маленькие золотые погоны. Бриттон направилась к ним неторопливой походкой, которая говорила об уверенности в себе и еще о чем-то. Вероятно, о железной воле, подумал Макферлейн.

Капитан заняла свое место, в столовой возникла суета, когда все последовали ее примеру. Бриттон сняла фуражку, открыв тугой узел светлых волос, и положила ее на маленький боковой столик, который, похоже, был предназначен именно для этой цели. Когда Макферлейн увидел ее вблизи, он заметил, что ее глаза выглядят старше, чем она сама.

К капитану подошел седоватый мужчина в офицерской форме и зашептал ей что-то на ухо. Он был высоким и худым, с темными глазами, сидящими в еще более темных глазницах. Бриттон кивнула, и он отступил назад, оглядывая сидящих за столами. Его легкие, плавные движения напомнили Макферлейну большого хищника.

Бриттон указала на него, подняв вверх ладонь:

— Позвольте представить первого помощника капитана «Ролваага» Виктора Хоуэлла.

Раздались приветствия, Хоуэлл кивнул и отошел, чтобы занять свое место за соседним столом. Глинн спросил тихо:

— Могу я закончить представления?

— Конечно,— ответила Бриттон.

У нее был чистый четкий голос со следами легкого акцента.

— Это специалист по метеоритам из музея Ллойда доктор Сэм Макферлейн.

Капитан через стол протянула Макферлейну руку, оказавшуюся прохладной и сильной.

— Салли Бриттон,— представилась она.— Добро пожаловать на борт, доктор Макферлейн.

В ее акценте улавливалась шотландская картавинка.

Глинн продолжал по кругу:

— А это доктор Рейчел Амира, математик из моей команды, и Юджин Рочфорт, главный инженер.

Рочфорт взглянул вверх, нервно коротко кивнул, его умные глаза, в которых светилась одержимость, заметались. Он был в синем пиджаке, который выглядел бы вполне приемлемо, не будь сшит из полиэфирного полотна, блестевшего под светом ламп в обеденном зале. Его взгляд остановился на Макферлейне и снова перескочил на кого-то. Ему, по-видимому, было не по себе.

— А это доктор Патрик Брамбелл, корабельный врач. Не новичок в штормовом море.

Брамбелл одарил сидевших за столом лукавой улыбкой и поклонился по-японски. Это был человек неопределенного возраста с заостренными чертами лица, с высоким лбом, отмеченным тонкими параллельными морщинами, с сутулой спиной и совершенно лысой, словно из фарфора, головой.

— Вам доводилось работать корабельным врачом? — спросила вежливо Бриттон.

— Никогда не схожу на сушу, если этого можно избежать,— произнес Брамбелл весело с ирландским выговором.

Бриттон кивнула. Она вынула из кольца салфетку, развернула ее и положила на колени. Ее движения, ее пальцы, речь — все казалось экономичным, безукоризненно отточенным. Она была так холодна и невозмутима, что Макферлейну подумалось, что это своего рода защитная реакция. Когда он брал салфетку, то заметил в центре стола серебряный держатель с картонкой меню: консоме «Ольга», баранина «Виндалу», цыпленок под майонезом «Тирамису».

Макферлейн тихо присвистнул.

— Вам не нравится меню, доктор Макферлейн? — спросила Бриттон.

— Напротив. Я ожидал сэндвичи с яйцом и салатом и фисташковое мороженое.

— Хороший обед является традиционным на корабле,— сказала Бриттон.— Мой шеф-повар, мистер Сингх, один их лучших на флоте. Его отец готовил для британского Адмиралтейства во времена господства над Индией.

— Ничто лучше, чем превосходно приготовленный «Виндалу», не напоминает о том, что мы смертны,— провозгласил Брамвелл.

— Всему свое время,— заявила Амира, потирая руки и оглядываясь вокруг.— Где бар-стюард? Мечтаю о коктейле.

— Мы разопьем эту бутылку,— вмешался Глинн, указывая на открытую бутылку «Шато Марго», которая стояла рядом с цветами.

— Славное вино. Но перед обедом нет ничего лучше сухого мартини «Бомбей». Даже если обед в полночь.

Глинн сказал:

— Сожалею, Рейчел, но на борту корабля не разрешены спиртные напитки.

Амира посмотрела на него.

— Спиртные напитки? — повторила она со смешком.— Вот это новость, Эли. Ты вступил в Христианскую женскую лигу трезвости?

Глинн продолжал спокойно:

— Капитан разрешает один бокал вина до или во время обеда. На корабле нет никаких крепких напитков.

Было впечатление, что в голове у Амиры вспыхнула лампочка. Веселость мгновенно исчезла, лицо неожиданно запылало. Она стрельнула взглядом в капитана и сказала:

— Ага.

Проследив за взглядом Амиры, Макферлейн заметил, что лицо Бриттон слегка побледнело под загаром.

Глинн продолжал смотреть на Амиру, лицо которой полыхало все ярче.

— Я думаю, что качество бордо вполне примирит тебя с ограничением.

Амира молчала, на ее лице читалось замешательство.

Бриттон взяла бутылку и наполнила все бокалы, кроме своего. «Все тайное становится явным»,— подумал Макферлейн. Когда стюард поставил перед ним тарелку с консоме, он мысленно сделал заметку не забыть спросить потом об этом у Амиры.

Шум разговоров за соседними столами стал громче, заполнив краткую неловкую паузу. За ближайшим столом захохотал над шуткой Мануэль Гарса, намазывая своей мясистой рукой масло на хлеб.

— Каково это — управлять таким большим кораблем? — спросил Макферлейн.

Это был не просто вежливый вопрос, чтобы заполнить паузу. Бриттон чем-то заинтриговала Макферлейна. Ему хотелось понять, что скрывается за ее красотой и безупречностью.

— Эти суда некоторым образом сами собой управляют. Мне остается позаботиться, чтобы команда работала ровно и предотвращала неполадки. Таким кораблям не нравятся мелкая вода, повороты и сюрпризы. Моя забота — обеспечить, чтобы мы не столкнулись ни с чем подобным.

— Наверное, неприятно командовать, скажем так, старой ржавой кастрюлей?

Бриттон обдумала ответ.

— Некоторые вещи на море обычное явление. И этот корабль не останется таким навсегда. На обратном пути домой я намерена использовать все свободные руки в работах по очистке.— Она повернулась к Глинну.— Кстати, хочу попросить вас об одолжении. Наша экспедиция довольно... необычна. В команде это обсуждают.

Глинн понимающе кивнул.

— Конечно. Завтра, если вы соберете их вместе, я с ними поговорю.

Бриттон одобрительно кивнула. Вернулся стюард и проворно заменил тарелки. Над столом распространился душистый аромат карри и тамаринда. Макферлейн занялся «Виндалу», сразу поняв, что это, возможно, самое фантастическое блюдо, которое ему доводилось есть.

— Вот это да. Просто превосходно,— пробормотал Брамбелл.

— Сколько раз вы огибали мыс Горн? — спросил Макферлейн, сделав большой глоток воды.

Он почувствовал, что на лбу у него выступил пот.

— Пять,— ответила Бриттон.— Но те плавания всегда были в разгар летнего сезона в Южном полушарии, когда меньше шансов попасть в плохую погоду.

Что-то в ее голосе насторожило Макферлейна.

— Но такое большое и мощное судно не должно бояться шторма, не так ли?

Бриттон чуть улыбнулась.

— Район мыса Горн несравним ни с одним другим местом на земле. Бури силой пятнадцать баллов не являются редкостью. Вы, несомненно, слышали о знаменитых вилливау?

Макферлейн кивнул.

— Так вот, там бывает другой ветер, гораздо более гибельный, хотя и менее известный. Местные называют его пантеоньеро, «кладбищенский ветер». Он может дуть, не ослабевая, со скоростью свыше ста узлов в течение нескольких дней. Свое имя он заслужил тем, что сдувает моряков прямо в их могилу.

— Но ведь даже сильнейший ветер не может нанести ущерб «Ролваагу»? — спросил Макферлейн.

— Конечно, пока мы не потеряем рулевое управление. Но «кладбищенские» ветры загоняют неосмотрительные и беспомощные суда в ревущие шестидесятые. Так мы называем океанское пространство между Южной Америкой и Антарктидой. Для моряка это худшее место на земле. Там поднимаются гигантские волны. Это единственное место, где волны и ветер могут вместе обогнуть землю, не разбиваясь о сушу. Волны становятся все больше и больше, доходя до двухсот футов высоты.

— Господи,— ужаснулся Макферлейн.— Надеюсь, вы в такое не попадали?

Бриттон покачала головой.

— Нет,— ответила она.— Никогда в прошлом и не хотела бы в будущем.

Она помолчала, потом сложила салфетку и посмотрела на Макферлейна через стол:

— Вы когда-нибудь слышали о капитане Гоникатте?

— Английский моряк? — раздумчиво произнес Макферлейн.

Бриттон кивнула:

— Он вышел из Лондона в тысяча шестьсот седьмом году на четырех кораблях, держа путь в Тихий океан. За тридцать лет до этого Дрейк обогнул мыс Горн, но при этом потерял пять из шести кораблей. Гоникатт решил доказать, что можно пройти, не потеряв ни единого судна. Они попали в шторм, когда подходили к проливу Ле-Мейр. Команда призывала Гоникатта вернуться, но он настоял на продолжении плавания. Огромная волна, чилийцы называют ее «тигрес», потопила два корабля меньше чем за минуту. С двух других сорвало мачты. Через несколько дней корабли, подгоняемые к югу нарастающей бурей, пересекли границу льдов.

— Границу льдов?

— Это там, где воды южных океанов встречаются с почти замерзающими водами Антарктики, где начинается лед. Океанографы называют это антарктической конвергенцией. В какой-то момент ночью корабли Гоникатта бросило на ледяной остров.

— Как «Титаник»,— тихо сказала Амира.

Это были первые слова, произнесенные ею за последние несколько минут.

Капитан посмотрела на нее.

— Не айсберг. Ледяной остров. Гора, которая погубила «Титаник», детский кубик в сравнении с тем, что встречается за границей льдов. Тот, о который разбились корабли Гоникатта, был, по-видимому, размером миль двадцать на сорок.

— Вы сказали, сорок миль? — поразился Макферлейн.

— Были сообщения и об островах большего размера. Больше некоторых государств. Они различимы из космоса. Гигантские тарелки, сброшенные с ледяных полок Антарктиды.

— Господи!

— Из ста с лишком человек, бывших еще живыми, тридцати удалось залезть на ледяной остров. Они собрали какие-то обломки, которые забросило наверх, и развели маленький

костер. В течение двух следующих дней половина из них умерли от переохлаждения. Им приходилось переносить костер, потому что он погружался в лед. У них начались галлюцинации. Некоторые говорили, что огромное существо в саване, с шелковистыми белыми волосами и с красными зубами уносит членов команды.

— Подумать только,— сказал Брамбелл, прервав интенсивное поглощение пищи,— это же прямо из «Повести Артура Гордона Пима» Эдгара По.

Бриттон помолчала, глядя на него.

— Совершенно верно,— сказала она.— Фактически По позаимствовал идею. Говорилось, что создание отъедает у них уши, пальцы ног и рук и колени, оставляя остальные части тела разбросанными по льду.

Слушая ее, Макферлейн осознал, что разговоры за ближайшими столами прекратились.

— В течение последующих двух недель моряки умирали один за другим. Скоро из-за голода их осталось всего десять человек. У выживших был единственный выбор.

Амира состроила гримасу и со звяканьем положила вилку.

— Мне кажется, я знаю, что дальше.

— Да. Им пришлось есть то, что моряки иносказательно называют «долговязой свиньей». Их собственных умерших собратьев.

— Славно,— сказал Брамбелл.— Полагаю, это вкусней свинины, если приготовлено должным образом. Передайте, пожалуйста, ягнятину.

— Примерно через неделю один из выживших заметил приближение останков судна, раскачиваемых огромными волнами. Это была кормовая часть одного из их собственных кораблей, который во время шторма развалился надвое. Они начали спорить. Гоникатт и с ним еще несколько человек хотели рискнуть поплыть на этих останках кораблекрушения. Но те сидели глубоко в воде, и у большинства не хватало духа выйти на них в море. В результате только Гоникатт, его старшина-рулевой и один рядовой матрос отважились плыть. Стар-

шина умер от холода, не успев забраться на борт развалины. Но Гоникатт и матрос сумели это сделать. Последний раз они видели тот массивный ледовый остров тем же вечером. Его развернуло мертвой зыбью и медленно потащило к Антарктиде и к забвению. Когда он исчезал в тумане, им казалось, что они видели создание в саване, разрывавшее на куски их товарищей. Тремя днями позднее их развалину выбросило на рифы вокруг островов Диего-Рамирес, юго-западнее мыса Горн. Гоникатт утонул, и до берега добрался только матрос. Он выжил, питаясь моллюсками, гуано бакланов, мхом и бурыми водорослями. Он постоянно поддерживал огонь, используя торф, в слабой надежде, что какое-нибудь судно будет проходить мимо. Спустя шесть месяцев его сигнал был замечен на испанском судне, которое его и приняло на борт.

— Наверное, он был рад видеть этот корабль,— сказал Макферлейн.

— И да, и нет,— сказала Бриттон.— Англия в то время воевала с Испанией. Он провел последующие десять лет в темнице в Кадисе. Но в конце концов его выпустили, и он вернулся в свою родную Шотландию, женился на девушке на двадцать лет его моложе и вел жизнь фермера, далеко-далеко от моря.

Бриттон помолчала, поглаживая сложенную салфетку кончиками пальцев.

— Этим простым матросом,— добавила она тихо,— был Уильям Маккейл Бриттон. Мой предок.

Она отпила воды из стакана, промокнула губы салфеткой и кивком велела стюарду подавать следующее блюдо.

«Ролвааг»
27 июня, 15 часов 45 минут

Макферлейн облокотился на перила главной палубы, наслаждаясь ленивым, почти незаметным движением корабля. «Ролвааг» шел «в балласте» — балластные цистерны были частично заполнены морской водой, чтобы компенсировать недостаточную загрузку, и поэтому он сидел в воде высоко. Слева от Макферлейна высилась кормовая надстройка судна — монолитное многоэтажное сооружение, оживляемое только рядами иллюминаторов да раскинутыми крыльями мостика. За горизонтом в ста милях к западу лежал Миртл-Бич и низкая береговая линия Южной Каролины.

На палубе вокруг Макферлейна расположились пятьдесят с лишним душ, которые составляли команду «Ролваага». Маленькая группа, если учитывать огромность судна. Но больше всего Макферлейна поразила ее интернациональность: африканцы, португальцы, французы, англичане, американцы, китайцы и индонезийцы жмурились на послеполуденном солнце и болтали друг с другом на нескольких языках. Макферлейн подумал, что чушь им не скормишь, и надеялся, что Глинн тоже отметил этот факт.

В группе громко рассмеялись. Макферлейн оглянулся и увидел Амиру. На палубе Амира была единственной из работников ЭИР. Она сидела с группой обнаженных до пояса африканцев. Они разговаривали и весело смеялись.

Солнце садилось в море субтропиков, утопая в гряде облаков персикового цвета, стоявших подобно грибам у далекого горизонта. Поверхность океана была маслянистой и гладкой, с едва заметным намеком на зыбь.

Открылась дверь в надстройке, и Глинн неторопливо вышел на центральный переходной мостик, протянувшийся прямо как стрела над тысячефутовым носом «Ролваага». За ним шла капитан Бриттон в сопровождении первого помощника и нескольких старших офицеров.

Макферлейн смотрел на капитана с новым интересом. После обеда, немного смущаясь, Амира рассказала ему всю историю целиком. Два года назад Бриттон посадила танкер на риф Три Брата у Шпицбергена. Нефти в цистернах не было, но танкер получил значительные повреждения. С точки зрения закона она в это время была пьяна. Хотя не было никаких доказательств, что это было причиной аварии, поскольку выяснилось, что имела место ошибка рулевого, она с тех пор не капитанствовала. «Неудивительно, что она согласилась на это плавание»,— думал Макферлейн, наблюдая за ней. И Глинн, должно быть, понимал, что ни один капитан, уверенный в своем положении, никогда бы не пошел в этот рейс. Макферлейн удивленно потряс головой. Глинн не стал бы полагаться на случайность, особенно в отношении командира «Ролваага». Он, должно быть, что-то знает об этой женщине.

Амира пошутила на этот счет таким образом, что Макферлейн почувствовал себя неловко.

— Не очень-то справедливо наказывать весь корабль за слабость одного человека,— сказала она Макферлейну.— Спорим, команда не слишком довольна. Представьте их растягивающими бокал вина на весь обед? Она красотка, только дубовата несколько, вам не кажется? — закончила она и состроила гримасу.

Глинн дошел до собравшихся. Он остановился, сложив за спиной руки и глядя вниз на основную палубу и на поднятые вверх лица.

— Я Эли Глинн,— начал он тихим, ровным голосом.— Президент компании «Эффективные инженерные решения». Многим из вас в общих чертах известна цель нашей экспедиции. Ваш капитан попросила меня рассказать о ней более подробно. После этого мы будем рады ответить на ваши вопросы.— Он оглядел компанию внизу.— Мы идем к крайней оконечности Южной Америки, чтобы откопать метеорит для музея Ллойда. Если мы не ошибаемся, это будет самый большой из когда-либо найденных метеоритов. Как знают многие из вас, в трюме построена для него специальная люлька. План прост. Мы встанем на якорь у одного из островов в районе мыса Горн. Моя команда с вашей помощью откопает метеорит, транспортирует его на судно и поместит в люльку. Затем мы доставим его в музей Ллойда. Некоторые беспокоятся относительно законности этой операции. Мы заявили о разработке месторождения на острове. Метеорит является рудным телом, никаких законов мы не нарушим. С другой стороны, потенциально возможны практические сложности, поскольку Чили не знает, что мы откапываем метеорит. Но уверяю вас, эта возможность очень отдаленная. Все проработано до мельчайших деталей, и никакие сложности нам не грозят. Острова у мыса Горн необитаемы. Ближайшее поселение, Пуэрто-Уильямс, находится в пятидесяти милях. Даже если чилийские власти узнают, что мы делаем, мы готовы заплатить разумную цену за метеорит. Как видите, нет причин для тревоги и даже для волнения. Есть вопросы?

Поднялось с десяток рук. Глинн кивнул ближайшему человеку, дородному смазчику в промасленном комбинезоне.

— Что такое этот метеорит? — прогудел он под шум одобрения.

— По-видимому, это будет железо-никелевая масса весом около десяти тысяч тонн. Инертная куча металла.

— Что в ней замечательного?

— Мы считаем, что это самый крупный метеорит, когда-либо найденный человеком.

Поднялось еще несколько рук.

— Что будет, если нас поймают?

— То, что мы делаем, стопроцентно законно,— заявил Глинн.

Встал человек в голубой униформе, один из судовых электриков. У него была копна рыжих волос и буйная борода. Глинн вежливо ждал.

— Мне это не нравится,— произнес матрос с сильным йоркширским акцентом.— Если проклятые чилийцы нас поймают на умыкании их камня, случиться может все. Если все легально на сто процентов, почему просто не купить у них этот чертов камень?

Глинн посмотрел на электрика, ничто не дрогнуло у него в глазах.

— Могу я узнать ваше имя?

— Льюис.

— Потому, мистер Льюис, что чилийцы по политическим соображениям не смогут нам его продать. С другой стороны, они не владеют необходимой технологией, чтобы извлечь его из земли и вывезти с острова, так он и останется там, погребенным, возможно, навечно. В Америке его будут изучать. Он будет выставлен в музее, и любой сможет его увидеть. Метеорит не является культурным наследием Чили. Он мог бы упасть в любом месте, даже в Йоркшире.

Приятели Льюиса засмеялись. Макферлейн был рад видеть, что Глинн, кажется, завоевывает их доверие своей прямотой.

— Сэр,— обратился к нему худощавый парень в форме младшего судового офицера.— Зачем этот аварийный сброс?

— Аварийный сброс,— начал Глинн спокойно, его голос звучал ровно, почти завораживающе,— это практически излишняя предосторожность. В том маловероятном случае, когда метеорит станет подвижным в своей колыбели, скажем во время сильнейшего шторма, единственное средство освободиться от этого балласта — сбросить в океан. Это ничем не отличается от того, как действовали моряки в девятнадцатом веке, вынужденные выбрасывать груз за борт во время жес-

токого шторма. Но шанс, что его сброс окажется необходимым, совершенно ничтожен. Идея заключается в том, чтобы сохранить команду и корабль даже ценой потери метеорита.

— Как вы задействуете сброс? — выкрикнул кто-то.

— Я знаю ключ. Знает его и ведущий инженер Юджин Рочфорт, и руководитель строительных работ Мануэль Гарса.

— А как насчет капитана?

— Кажется благоразумным оставить выбор в руках персонала ЭИР,— сказал Глинн.— В конце концов, это наш метеорит.

— Но это чертово судно наше!

Ропот команды перекрыл шум ветра и гудение двигателей. Макферлейн посмотрел на капитана Бриттон. Она стояла позади Глинна руки по швам, с каменным лицом.

— Капитан согласилась с этим необычным положением. Мы спроектировали устройство аварийного сброса, и мы знаем, как его задействовать. В том маловероятном случае, когда им придется воспользоваться, это должно делаться с величайшей осторожностью, с точным соблюдением последовательности действий, теми, кто этому обучен. Иначе камень может потопить корабль.

Он посмотрел вокруг:

— Еще вопросы?

Установилось беспокойное молчание.

— Я понимаю, это необычный рейс,— продолжал Глинн.— Некоторая неуверенность, даже нервозность естественны. Как в любом плавании, риск всегда существует. Я сказал вам: все, что мы делаем, законно, но я бы ввел вас в заблуждение, сказав, что чилийцы сочли бы это таковым. Поэтому каждый из вас получит премию в пятьдесят тысяч долларов, если наша миссия закончится успешно.

Поднялся шум, все заговорили. Глинн поднял руку, и снова установилась тишина.

— Если кому не по душе эта экспедиция, он может уволиться. Мы организуем ему возвращение в Нью-Йорк и выплату компенсации.

Он посмотрел прямо на электрика Льюиса.

Тот ответил ему внимательным взглядом, потом широко улыбнулся.

— Ты меня убедил, приятель.

— У нас у всех много работы,— сказал Глинн, адресуясь ко всей группе.— Если вам есть что еще сказать или спросить, сделайте это сейчас.

Он обвел их вопросительным взглядом. Затем, убедившись в полном молчании команды, кивнул, повернулся и пошел по мосткам обратно.

«Ролвааг»
16 часов 20 минут

Команда маленькими группами, тихо переговариваясь, стала расходиться по своим местам. Неожиданно налетевший ветер рванул ветровку Макферлейна. Он повернулся, чтобы уйти внутрь, и увидел Амиру. Она стояла у ограждения с правого борта, продолжая разговаривать с группой палубных матросов. Амира что-то сказала, и компания вокруг нее расхохоталась.

Макферлейн пошел в офицерскую гостиную. Как и большинство помещений судна, которые он видел, она была большой и обставлена дорогой удобной мебелью. Но для него она имела особое притяжение из-за никогда не пустующего кофейника. Он налил себе чашку и стал пить, удовлетворенно вдыхая аромат.

— Не хотите добавить сливок? — услышал он женский голос у себя за спиной.

Макферлейн повернулся и увидел капитана Бриттон. Затворив дверь, она с улыбкой подошла к нему. Ветер потрепал крепкий узел волос под офицерской фуражкой, и несколько выбившихся прядок свисали, обрамляя длинную изящную шею.

— Нет, спасибо, я предпочитаю черный.

Макферлейн наблюдал, как она наливала себе кофе, положив ложку сахара. Некоторое время они пили молча.

— Я хочу вас спросить,— сказал Макферлейн, в основном чтобы поддержать разговор.— Этот кофейник, кажется, всегда полный. И кофе на вкус совершенно свежий. Как вам удается творить это чудо?

— Никакого чуда. Стюард каждые тридцать минут меняет кофейник, выпит он или нет. Сорок восемь кофейников в день.

Макферлейн потряс головой.

— Замечательно,— сказал он.— Но и корабль замечательный.

Капитан Бриттон сделала глоток.

— Хотите экскурсию?

Макферлейн посмотрел на нее. Несомненно, капитану «Ролваага» есть чем заняться кроме него. С другой стороны, это неплохое развлечение. Жизнь на судне быстро вошла в монотонную колею. Он допил последний глоток кофе и поставил чашку.

— Звучит заманчиво,— сказал он.— Мне давно хотелось узнать, какие секреты скрываются внутри этого большого старого корпуса.

— Секретов немного,— сказала Бриттон, открывая дверь и приглашая его следовать за собой по широкому коридору.— Просто много-много места, куда можно залить нефть.

Открылась дверь с главной палубы, и появилась стройная фигура Рейчел Амиры. Увидев их, Амира остановилась. Бриттон ей холодно кивнула, затем повернулась и пошла по коридору. Когда они дошли до поворота, Макферлейн оглянулся, Амира продолжала наблюдать за ними с глупой ухмылкой на губах.

Открывая огромное число двойных дверей, Бриттон привела его на камбуз, где мистер Сингх властвовал над помощниками, стюардами и множеством работающих плит. Здесь были огромные морозильные камеры, наполненные бараньими и говяжьими тушами, цыплятами, утками и еще какими-то мраморными красно-белыми тушами, о которых Макферлейн подумал, что это козлятина.

— Вы можете здесь накормить армию солдат,— сказал Макферлейн.

— Мистер Сингх, возможно, сказал бы, что вы, ученые, едите не хуже,— улыбнулась Бриттон.— Пойдем, не будем ему мешать.

Они прошли мимо бильярдной и бассейна, спустились на один этаж, где Бриттон показала ему комнату отдыха команды и столовую. Еще этажом ниже они оказались в жилом отсеке команды. Большие каюты с отдельными ванными, встроенные между галереями по правому и по левому борту судна. Они задержались в конце коридора с левого борта. Здесь шум двигателей был заметно слышней. Коридор казался бесконечным, слева иллюминаторы, справа двери кают.

— Все построено по гигантским стандартам,— заметил Макферлейн.— И везде так пусто.

Бриттон засмеялась.

— Посетители всегда так говорят. Судном в основном управляет компьютер. Мы прокладываем курс с помощью геофизических данных, получаемых со спутника, и он поддерживается автоматически. Даже обнаружение столкновений осуществляется электроникой. Тридцать лет назад судовой электрик занимал скромное место. Теперь специалисты-электронщики стали очень требовательными.

— Все это производит глубокое впечатление.— Макферлейн повернулся к Бриттон.— Не поймите меня неправильно, но я все удивляюсь, почему Глинн выбрал для этой работы танкер. Зачем столько трудов, чтобы превратить танкер в рудовоз? Почему не взять хотя бы сухогруз? Или большой контейнеровоз. Бог знает, насколько дешевле это было бы.

— Думаю, я смогу это объяснить. Идите за мной.

Бриттон открыла дверь, и они вышли. Ковры и деревянные панели уступили место штампованному металлу и линолеуму. Они спустились на несколько пролетов и прошли в дверь с табличкой «грузовая аппаратная». В помещении доминировала большая электронная схема, смонтированная на дальней переборке. На ее поверхности мигали красным и желтым светом бесчисленные лампочки.

— Это имитационная схема судна,— сказала Бриттон, пригласив Макферлейна подойти ближе.— По ней мы отслеживаем, как и куда производится загрузка. Прямо отсюда мы контролируем балласт, грузовые насосы и клапаны.

Она указала на множество измерительных приборов и переключателей, расположенных под диаграммой:

— Это система регулирования давления в насосах.

Бриттон подвела Макферлейна к офицеру, наблюдавшему за множеством компьютерных экранов.

— Этот компьютер рассчитывает распределение груза. А те представляют автоматическую индикаторную систему судна. Они контролируют давление, объем и температуру во всех судовых танках.— Она дотронулась до бежевого корпуса ближайшего монитора.— Вот почему Глинн выбрал танкер. Этот ваш метеорит очень тяжелый. Погрузить его будет чрезвычайно сложно. С помощью компьютеров мы можем перемещать морскую воду из танка в танк, уравновешивая продольный и боковой крены судна, какие бы страшные перекосы не угрожали танкеру. Мы сохраним равновесие. Не думаю, что кому-то понравится, если мы опрокинемся вверх дном в тот момент, когда эту штуку опустят в танк.

Бриттон передвинулась к дальнему концу ряда аппаратуры для контроля балласта.

— Кстати о компьютерах. Вы имеете хотя бы слабое представление, что это такое?

Она указала на высокую, стоявшую особняком черную стальную колонку, на поверхности которой не было ничего, кроме замочной скважины и таблички с надписью «метрика безопасности».

— Есть еще одна такая, только поменьше, наверху, на мостике. Никто из моих офицеров не может понять, что это.

Макферлейн пробежался пытливой рукой по скошенной фронтальной поверхности колонки.

— Я тоже. Может быть, она управляет устройством сброса?

— И я сначала так подумала. Но у меня впечатление, что она связана с разными ключевыми системами судна.

Бриттон вывела его из аппаратной в коридор с металлическим полом к ожидающему лифту.

— Хотите, чтобы я спросил у Глинна?

— Нет, не стоит. Я сама его спрошу как-нибудь потом. Но я все говорю и говорю о «Ролвааге»,— сказала она, нажимая кнопку лифта.— А мне интересно, как становятся охотниками за метеоритами.

Пока лифт шел вниз, Макферлейн смотрел на Бриттон. Он думал о том, что у нее очень хорошая осанка: прямые плечи, высоко поднятый подбородок. Но это не военная выправка, скорее проявление спокойного чувства собственного достоинства. Ей известно, что он охотник за метеоритами. Интересно, знает ли она о Масангкее и о фиаско с метеоритом Торнарссак?

«У нас с ней много общего,— решил Макферлейн.— Трудно представить, как непросто было снова надеть форму и подняться на мостик, думая о том, что люди говорят у нее за спиной».

— Я в Мексике попал под метеоритный дождь.

— Потрясающе. И вы выжили.

— За всю историю метеорит угодил в человека только однажды,— сказал он.— Это была женщина, страдающая ипохондрией, она лежала в кровати. Падение метеорита замедлилось при прохождении через верхние этажи дома, так что она отделалась большим синяком. Но конечно, из постели он ее вышиб. А мне метеоритный дождь, наверное, вбил в голову желание продолжить учебу и стать космическим геологом. Но роль рассудительного ученого мне никогда особенно не удавалась.

Бриттон рассмеялась. У нее был очень приятный смех.

— Что изучает космический геолог?

— Пока добираешься до действительно интересного, проходишь длинный список наук: геология, химия, астрономия, физика, счисления.

— Звучит более заманчиво, чем те предметы, что изучают для лицензии капитана. А действительно интересным что было?

— Для меня кульминацией явилась возможность в аспирантуре изучать марсианский метеорит. Я искал результат воздействия космических лучей на химический состав, пытаясь найти способ определить возраст камня.

Дверь лифта открылась, и они вышли.

— Настоящий марсианский камень? — удивилась Бриттон, выходя из лифта в еще один бесконечный коридор.

Макферлейн пожал плечами.

— Мне нравится искать метеориты. Немного похоже на охоту за сокровищами. И я люблю изучать метеориты. Но ненавижу протирать локти на факультетских посиделках или ездить на конференции и беседовать с альпинистами о выбросах при столкновениях и о механике образования кратеров. Полагаю, чувства были взаимными. Как бы то ни было, моя академическая карьера продлилась всего пять лет. В работе было отказано. С тех пор я сам по себе.

Макферлейн затаил дыхание, думая о своем бывшем партнере и осознавая, что очень неудачно выразился. Но спутница не стала расспрашивать, и удобный момент был упущен.

— Я знаю только, что метеориты — это камни, падающие с неба,— сказала Бриттон.— Откуда они берутся? Кроме как с Марса, конечно.

— Марсианские метеориты большая редкость. Большинство из них — каменные глыбы из внутреннего пояса астероидов. Маленькие кусочки и мусор остались от планет, раскрошившихся вскоре после образования Солнечной системы.

— Эту штуку, которой вы теперь заняты, маленькой не назовешь.

— Но большинство из них маленькие. Сильный удар происходит не обязательно из-за большой массы. Тунгусский метеорит, упавший в Сибири в тысяча девятьсот восьмом году, ударил с силой, эквивалентной взрыву водородной бомбы в десять мегатонн.

— Десять мегатонн?!

— Это еще пустяки. Метеориты, бывает, поражают Землю с кинетической энергией больше ста миллионов мегатонн.

Взрыв такой силы приводит к концу геологической эры, убивает динозавров и вообще всем портит жизнь.

— Господи,— покачала головой Бриттон.

Макферлейн рассмеялся.

— Не беспокойтесь. Они большая редкость. Один каждые сто миллионов лет.

Они миновали множество коридоров, и Макферлейн чувствовал, что он совершенно перестал ориентироваться.

— Все метеориты одинаковые?

— Нет, нет. Но большинство из упавших на Землю метеоритов обыкновенные хондриты.

— Хондриты?

— В основном это старые серые камни. Достаточно неинтересные.— Макферлейн помедлил.— Бывают никелево-железные. По-видимому, и тот, который мы поймали, принадлежит к этому типу. Но самый интересный тип метеоритов называется си-ай-хондриты.

Он замолчал. Бриттон быстро взглянула на него.

— Это трудно объяснить. Вам это может быть неинтересно.

Макферлейн вспомнил, как в свои юные, полные энтузиазма и наивности годы он не единожды заставлял стекленеть глаза всех присутствующих на званых обедах.

— Мне пришлось изучать навигацию по звездам,— сказала Бриттон.— Испытайте меня.

— Идет. Си-ай-хондриты слеплены непосредственно из чистой, первоначальной пыли того облака, из которого образовалась Солнечная система. Это делает их очень интересными. Они несут в себе ключ к разгадке образования Солнечной системы. Они очень старые. Старше, чем Земля.

— И сколько ей?

— Четыре с половиной миллиарда лет.

— Потрясающе.

Макферлейн отметил, что в глазах у нее светится неподдельный интерес.

— Есть теоретические предположения, что существует еще более интересный тип метеоритов...

Макферлейн резко замолчал, проверяя себя. Он не хотел, чтобы вернулась прежняя одержимость. Не теперь. Он шел дальше в неожиданном молчании, ловя на себе заинтересованный взгляд Бриттон.

Коридор закончился задраенным люком. Бриттон повернула рычаг и потянула на себя дверь. Навстречу им вырвалась звуковая волна — мощный рев бесконечного числа лошадиных сил. Макферлейн последовал за капитаном по узкому мостику. Внизу, примерно в пятидесяти футах, он увидел две огромные турбины, ревущие в унисон. Не видно было ни одного человека. По-видимому, и турбинами тоже управляли компьютеры. Макферлейн приложил ладонь к металлической стойке и почувствовал сильную вибрацию.

Пока они шли по мостику, Бриттон смотрела на него с легкой улыбкой.

— «Ролвааг» приводится в движение паровыми котлами, а не дизельными моторами, как другие суда,— сказала она, повысив голос, чтобы перекрыть шум.— Хотя у нас есть аварийный дизель для электричества. На современных судах вроде этого нельзя терять источник энергии, потому что сразу лишаетесь всего: компьютеров, навигации, пожарного оборудования. Мы называем это «покойник в воде».

Они прошли еще через одну тяжелую дверь машинного зала в передней части судна. Бриттон закрыла ее, затянула запорный рычаг и пошла по коридору, который закончился у закрытых дверей лифта. Макферлейн следовал за ней, радуясь тишине. Капитан остановилась у лифта и посмотрела на него оценивающим взглядом. Вдруг он понял, что у нее на уме было не только показать ему замечательный «Ролвааг».

— Мистер Глинн хорошо говорил,— заговорила наконец Бриттон.

— Я рад, что вы так думаете.

— Знаете, команда может быть суеверной. Просто удивительно, как быстро слухи и предположения обретают черты реальности в каютах. Я думаю, этот разговор сильно ударит по сплетням.

Она немного помолчала и снова заговорила:

— У меня было чувство, что мистеру Глинну известно много больше, чем он сказал. Но действительность не дает оснований так считать. Я думаю, он знает меньше, чем хочет показать.— Она искоса взглянула на Макферлейна.— Это так?

Макферлейн замялся. Он не знал, что сказали капитану Ллойд и Глинн, а точнее, что они утаили. Однако он считал, что чем больше она знает, тем благополучней будет судно. Он чувствовал родство с ней. Они оба совершили большую ошибку. Их обоих жизнь потрепала сильней, чем обычного человека. В душе он доверял Салли Бриттон.

— Вы правы,— сказал он.— Суть в том, что мы почти ничего о нем не знаем. Мы не знаем, как такая большая штука пережила удар. Мы не знаем, почему его не съела ржавчина. Те немногие данные электромагнитных и гравитационных измерений камня, которые у нас есть, противоречивы, даже невероятны.

— Понимаю,— сказала Бриттон и посмотрела Макферлейну в глаза.— Он может быть опасен?

— Так думать нет причин.— Он замялся.— Думать, что не опасен, тоже нет причин.

Наступила пауза.

— Меня интересует, представляет ли он опасность для моего судна и моей команды?

Макферлейн пожевал губы, обдумывая ответ.

— Опасность? Он адски тяжелый. Его будет очень сложно перемещать. Но когда он будет успешно уложен в люльку, хочется верить, что это будет менее опасно, чем полный груз горючей нефти.— Он посмотрел на нее.— И Глинн кажется человеком, который никогда не рискует.

Бриттон задумалась на мгновение. Затем кивнула:

— На меня он произвел такое же впечатление: осторожен до предела. Мне нравится иметь на борту такого человека, потому что в следующий раз, когда я посажу корабль на риф, я собираюсь тонуть вместе с кораблем.

«Ролвааг»
3 июля, 14 часов 15 минут

Когда славный корабль «Ролвааг» пересекал экватор в виду берегов Бразилии и дельты Амазонки далеко на западе, на носовой палубе судна начался освященный временем ритуал, который соблюдается на океанских судах сотни лет.

Тридцатью футами ниже палубы и почти на девятьсот футов ближе к корме доктор Патрик Брамбелл распаковывал последнюю коробку с книгами. С тех пор как он начал работать, ему почти каждый год приходилось хоть раз пересекать эту линию, и он находил в высшей степени безвкусными сопутствующие этому событию церемонии: «нептунов чай», в котором кипятятся носки и рукавицы палубных матросов, и пошлые шутки «морских волков».

Он с самого выхода «Ролваага» из порта распаковывал и размещал свою обширную библиотеку. Это занятие он любил почти так же, как чтение книг, и никогда не позволял себе спешить. Сейчас он провел скальпелем вдоль последнего стыка, заклеенного упаковочной лентой, открыл картонную коробку и заглянул внутрь. Трепетными пальцами вынул верхнюю книгу — «Анатомию меланхолии» Бертона, погладил ее прекрасную, отделанную кожей обложку и поставил на последнюю свободную полку. Следующим появился «Неистовый Роланд», потом роман Гюисманса «Наоборот», «Лекции о Шекспире» Кольриджа, эссе доктора Джонсона «Праздно-

шатающийся». Ни одна из книг не имела касательства к медицине. Фактически из тысячи с лишним книг различной тематики, составлявших походную библиотеку Брамбелла, только десяток, не более, могли быть отнесены к профессиональным справочным пособиям. Их он держал отдельно, в медицинском кабинете, чтобы удалить профессиональный налет со своей взлелеянной библиотеки. Доктор Брамбелл был в первую очередь читателем, а уж во вторую — врачом.

Наконец коробка опустела. Брамбелл вздохнул, испытывая смешанное чувство удовлетворения и сожаления, и отступил назад, обозревая ряды книг, аккуратно расставленных на полках. Пока он этим занимался, послышался стук далекой двери, а потом звук размеренных шагов. Брамбелл ждал, не двигаясь, надеясь, что это не к нему, но уже уверенный в неизбежном. Шаги смолкли, и со стороны приемной донесся легкий двойной стук.

Брамбелл снова вздохнул, совсем иначе, чем раньше, быстро оглядел каюту в поисках хирургической маски, поднял ее и надел. Брамбелл убедился, что это неплохой способ поторопить пациента. Он последний раз бросил любящий взгляд на книги, вышел из каюты и закрыл за собой дверь.

По пути к приемной Брамбелл прошел длинным коридором мимо лазаретных палат с пустыми койками, мимо операционной и патологоанатомической лаборатории. В приемной оказался Эли Глинн со скоросшивателем под мышкой.

Взгляд Глинна остановился на хирургической маске.

— Я не сообразил, что вы с кем-то.

— Ни с кем,— сказал Брамбелл через маску.— Вы первый посетитель.

Глинн еще задержал взгляд на маске. Потом кивнул:

— Прекрасно. Мы можем поговорить?

— Конечно.

Брамбелл повел его в смотровую. Он находил Глинна самым необычным созданием из всех, кого встречал. Человек культурный, не получающий от этого удовольствия; человек

с даром рассказчика, никогда им не пользующийся; человек с прикрытыми серыми глазами, который сделал своей профессией изучение слабостей других людей, скрывая свои собственные.

Брамбелл закрыл за собой дверь смотровой.

— Садитесь, пожалуйста, мистер Глинн,— сказал он и указал на скоросшиватель.— Я полагаю, это медицинские карточки? Они опоздали. К счастью, у меня еще не было нужды к ним обращаться.

Глинн сел.

— Я отобрал несколько штук, на которые, вероятно, вам следует обратить внимание. Большинство обычны, но есть исключения.

— Понятно.

— Начнем с команды. У Виктора Хоуэлла тестикулярный крипторхизм.

— Странно, что у него это не скорректировано.

Глинн поднял глаза.

— Возможно, ему не нравится мысль о ноже там, внизу.

Брамбелл кивнул.

Глинн пролистнул несколько карточек. В них были жалобы на болезни, присущие любой произвольно выбранной человеческой группе: несколько диабетиков, хроническое смещение дисков, один случай аддисоновой болезни.

— Довольно здоровая команда подобралась,— заметил Брамбелл, испытывая слабую надежду, что встреча подошла к концу.

Но нет. Глинн достал еще пачку карточек и объяснил:

— Здесь психологические характеристики.

Брамбелл просмотрел список имен.

— А где люди из ЭИР?

— У нас немного другая система,— сказал Глинн.— Сведения о сотрудниках ЭИР доступны только при особой необходимости.

Брамбелл ничего не сказал. С таким человеком, как Глинн, спорить бесполезно. Глинн достал из своего портфеля еще две

карточки, положил их Брамбеллу на стол и откинулся на спинку стула.

— В действительности меня волнует только один человек.

— И кто же это?

— Макферлейн.

Брамбелл стянул маску на подбородок.

— Лихой охотник за метеоритами? — спросил он удивленно.— Это правда, парень приносит с собой атмосферу какого-то беспокойства.

Глинн постучал пальцем по верхней карточке.

— Я буду подавать вам регулярные рапорты о нем.

Брамбелл удивленно поднял брови.

— Макферлейн — единственная ключевая фигура, выбранная не мной,— объяснил Глинн.— У него сомнительный послужной список, мягко говоря. Поэтому я хочу, чтобы вы оценили этот рапорт и те, что за ним последуют.

Брамбелл неодобрительно посмотрел на карточку.

— Для кого вы шпионите?

Брамбелл ожидал, что Глинн обидится, но тот не подал виду.

— Лучше я оставлю это при себе.

Брамбелл кивнул. Он притянул к себе рапорт и просмотрел.

— Скрытен относительно экспедиции и ее шансов на успех,— прочитал он вслух.— Мотивации не ясны. Подозрителен в отношении научного сообщества. Чувствует себя чрезвычайно неловко в роли руководителя. Стремится к одиночеству.

Брамбелл отложил рапорт.

— Я не вижу ничего необычного.

Глинн кивнул на вторую папку, гораздо более толстую.

— Это история жизни Макферлейна. Среди прочего здесь есть сведения о неприятном случае в Гренландии несколько лет назад.

Брамбелл вздохнул. Он был совершенно не любопытным человеком и подозревал, что именно это и было основной причиной, почему Глинн его нанял.

— Я посмотрю это позднее.

— Давайте посмотрим сейчас.

— Может, вы вкратце перескажете мне?

— Хорошо.

Брамбелл прислонился к спинке стула, сложил руки и приготовился слушать.

— У Макферлейна был коллега по имени Масангкей. Впервые они объединились, чтобы вывезти контрабандой тектиты провинции Атакама из Чили, чем и заработали себе в этой стране дурную славу. После этого они успешно разыскали несколько небольших, но важных метеоритов. Они хорошо сработались. У Макферлейна начались неприятности с его работой в музее, и он ушел на свободные хлеба. У него инстинктивное умение находить метеориты, но охотой за ними невозможно заниматься постоянно без материальной поддержки. В отличие от Макферлейна Масангкей был вполне лоялен к музейной политике и выполнил несколько прекрасных работ. Они сошлись очень близко. Даже породнились: Макферлейн женился на сестре Масангкея, Малу. Но отношения начали постепенно портиться. Не исключено, что Макферлейн завидовал успешной музейной карьере Масангкея. А может, Масангкей завидовал тому, что Макферлейн был прирожденным полевым ученым. Но главную роль тут сыграла любимая теория Макферлейна.

— Что за теория?

— Макферлейн верил, что однажды будет найден межзвездный метеорит, который пролетел громадное расстояние из другой звездной системы. Все ему говорили, что это математически невозможно, что все метеориты прилетают из нашей Солнечной системы. Но Макферлейн был так захвачен своей идеей, что это походило на шаманизм и традиционно мыслящему Масангкею не нравилось. Как бы то ни было, но примерно три года назад в Гренландии, около Торнарссака, было отмечено падение большого метеорита. Его отследили спутники и зафиксировали сейсмографические датчики, что позволяло вычислить место падения. Его траектория была

даже снята любительской кинокамерой. Нью-йоркский Музей естественной истории совместно с правительством Дании наняли Масангкея, чтобы он нашел метеорит. Масангкей привлек Макферлейна. Они нашли Торнарссак, но это потребовало гораздо больше времени и стоило гораздо больше денег, чем они ожидали. Они залезли в долги. Нью-йоркский музей это игнорировал. Но все осложнялось еще трениями, возникшими между Масангкеем и Макферлейном. Макферлейн экстраполировал орбиту Торнарссака на основании данных спутника и пришел к выводу, что метеорит летел по гиперболической орбите. Это означало, что камень пришел из пространства за пределами Солнечной системы. Он думал, что это межзвездный метеорит, который он искал всю свою жизнь. Масангкей же ужасно нервничал из-за недостаточности ассигнований и не хотел его слушать. Много дней они ждали, охраняя метеорит, но денег все не было. Наконец Масангкей уехал, чтобы пополнить запасы и поговорить с датскими чиновниками. Он оставил Макферлейна с камнем и, к сожалению, со спутниковой антенной. Насколько я понимаю, у Макферлейна произошел психологический срыв. Он остался в одиночестве на неделю. Ему стало казаться, что нью-йоркский музей не сможет обеспечить дополнительное финансирование и метеорит в конце концов будет кем-нибудь похищен, разбит и продан на черном рынке, а он больше никогда его не увидит и не сможет изучать. С помощью спутниковой антенны он связался с известным ему японским коллекционером, который мог купить метеорит целиком и хранить его. Короче, он предал своего коллегу. Когда Масангкей получил дополнительное финансирование и вернулся с припасами, японцы уже там побывали. Они времени не теряли и быстро увезли метеорит. Масангкей почувствовал себя обманутым, а научный мир обозлился на Макферлейна. Ему этого так и не простили.

Брамбелл сонно кивнул. История была интересной. Из нее могла бы получиться хорошая, увлекательная новелла. Джек Лондон мог бы прекрасно ее использовать. А еще лучше — Конрад.

— Меня беспокоит Макферлейн,— сказал Глинн, врываясь в его мысли.— Мы не можем допустить, чтобы здесь произошло нечто подобное. Это все погубит. Если он смог предать брата своей жены, он, не задумываясь, предаст Ллойда и ЭИР.

— Зачем ему это? — Брамбелл зевнул.— У Ллойда глубокие карманы, и он с готовностью подписывает чеки.

— Макферлейн, конечно, наемник, но здесь дело много сложней. Метеорит, который мы хотим заполучить, обладает некоторыми очень странными особенностями. Если Макферлейном снова завладеет старая идея в связи с этим метеоритом, как это случилось в связи с Торнарссаком...— Глинн замялся.— К примеру, вдруг нам придется воспользоваться аварийным сбросом, что произойдет в самой экстремальной ситуации, когда на счету каждая секунда. Я не хочу, чтобы кто-то пытался этому помешать.

— Какова моя роль в этом?

— Вы занимались психиатрией. Я хочу, чтобы вы внимательно читали эти периодические рапорты. Если вы заметите любую причину для беспокойства, особенно начальные признаки срыва, подобного предыдущему, пожалуйста, дайте мне знать.

Брамбелл снова просмотрел обе папки, старую и новую. Содержимое старой папки было странным. Удивляло, откуда Глинн получил всю эту информацию. Сомнительно, что это были данные психиатрических или медицинских обследований. Многие отчеты были подписаны именами без указания принадлежности к врачебному званию. Некоторые вообще не были подписаны. Каков бы ни был источник, он имел очень сильный душок.

Брамбелл наконец посмотрел на Глинна и захлопнул папку.

— Я просмотрю это, да и к нему самому буду присматриваться. Я не уверен, что мое мнение относительно происшедшего совпадет с вашим.

Глинн встал, чтобы уйти. Его серые глаза остались непроницаемы, как графит. Брамбелла это подсознательно раздражало.

— А гренландский метеорит? — спросил доктор.— Он оказался из межзвездного пространства?

— Нет, конечно. Это обыкновенный камень из астероидного пояса. Макферлейн ошибался.

— А жена? — спросил Брамбелл через мгновение.

— Чья жена?

— Жена Макферлейна. Малу Масангкей.

— Она от него ушла. Вернулась на Филиппины и снова вышла замуж.

Глинн ушел. Звук его осторожной поступи затихал в коридоре. Прислушиваясь к удаляющимся шагам, врач задумался. Затем ему на память пришла строчка из Конрада. Он произнес ее вслух:

— «Ни один человек не осознает, на какие хитрые уловки он пускается, чтобы избежать зловещего призрака самопознания».

С чувством возвращающегося удовлетворения он отодвинул в сторону папки и пошел обратно в свою каюту. Располагающий к лени экваториальный климат, а также что-то связанное с самим Глинном заставило доктора подумать о Моэме, точнее, о его коротких рассказах. Он пробежался пальцами по толстым корешкам книг. Каждая при прикосновении рождала мир воспоминаний и эмоций. Нашел ту, что искал, уселся в большое вращающееся кресло и с трепетной радостью открыл обложку.

«Ролвааг»
11 июля, 7 часов 55 минут

Макферлейн вышел на паркетную палубу и с интересом огляделся вокруг. Он впервые оказался на мостике, и, без сомнения, это было самое впечатляющее место на «Ролвааге». По ширине мостик был таким, как сам корабль. С трех сторон помещения доминировали огромные квадратные иллюминаторы, отклоненные наружу снизу вверх и снабженные стеклоочистителями. Двери с обеих сторон вели на крылья мостика. Сзади было еще две двери. На одной буквами из меди было обозначено: «штурманская рубка», на другой — «радиорубка». Под передними иллюминаторами всю ширину мостика занимало оборудование: пульты, ряды телефонов, управление контрольными постами по всему судну. За стеклами на штормовые пустыни океана налетел предрассветный шквал. Единственным освещением было свечение экранов и панелей приборов. Ряд окон поменьше позволял посмотреть назад, между трубами. За кормой судна пенилась белая двойная линия кильватерной струи, исчезающая у горизонта.

В центре помещения находился пульт оперативной системы управления. Рядом с ним Макферлейн увидел капитана — неясно различимую в почти полной темноте фигуру. Она говорила в телефонную трубку, иногда наклонялась, шепотом давала указания рулевому, стоявшему рядом с ней. Его глаза

5-1240

освещал холодный зеленый свет, исходивший от экрана радара.

Макферлейн присоединился к молчаливому бдению. Шквал начал стихать, у горизонта забрезжил серый рассвет. Далекий полубак пересекла одинокая фигура палубного матроса, занятого своими делами. Над волнами кремового цвета, расходящимися от носа судна, с криком летали несколько упорных чаек. Это потрясающе контрастировало со знойными тропиками, которые они пересекли меньше чем неделю назад.

После того как «Ролвааг» в удушливую жару и сильный ливень пересек экватор, на судне распространилась апатия. Макферлейн тоже ее чувствовал: он зевал во время игры в шаффлборд*, бездельничал в каюте, глядя на стены, обшитые калифорнийским орехом. Но по мере продвижения на юг воздух свежел, океанские волны стали длинней и тяжелей, и перламутр тропического неба сменился яркой лазурью, запятнанной облаками. Когда стало прохладнее, Макферлейн ощутил, что общая вялость сменилась нарастающим возбуждением.

Дверь на мостик открылась, и появились две фигуры: третий помощник капитана, заступающий на утреннюю вахту с восьми до двенадцати, и Эли Глинн. Глинн молча встал рядом с Макферлейном.

— Как дела? — спросил Макферлейн едва слышно.

Прежде чем Глинн успел ответить, сзади послышался легкий щелчок. Макферлейн оглянулся и увидел, что из радиорубки вышел Виктор Хоуэлл, ожидающий смены вахты.

Третий помощник подошел и прошептал что-то капитану на ухо. Капитан взглянула на Глинна.

— Держи справа по носу,— сказала она, кивнув на горизонт, который казался лезвием ножа на фоне неба.

По мере того как светало, стало виднее движение по воде горбов и впадин. Рассветные лучи пробились сквозь толщу облаков справа по ходу судна. Отойдя от рулевого, капитан

---

* Популярная на судах игра, в которой деревянные диски палками толкают по разделенной на девять клеток площади.

подошла к иллюминатору, и стояла, сцепив руки за спиной. В этот момент верхушки облаков осветились пучком света. А потом внезапно весь горизонт на западе озарился словно взрывом. Макферлейн прищурился, пытаясь сообразить, на что он смотрит. Затем понял, что это сверкают в рассветных лучах снежные вершины горной гряды, покрытой ледниками.

Капитан повернулась к стоявшим сзади и сухо сказала:

— Впереди земля. Горы Огненной Земли. Через несколько часов мы пройдем проливом Ле-Мейр в Тихий океан.

Она подала Макферлейну бинокль. Макферлейн посмотрел на гряду далеких и неприступных гор, похожих на бастионы забытого континента, с вершинами, набросившими длинные снежные покрывала.

Глинн расправил плечи, отвернулся от иллюминатора и посмотрел на Виктора Хоуэлла. Первый помощник подошел к технику на дальнем конце мостика, тот сразу встал и исчез за дверью, ведущей в правое крыло мостика. Хоуэлл подошел к командному пульту и сказал третьему помощнику:

— Иди выпей кофе, я подменю тебя минут на пятнадцать.

Младший офицер перевел взгляд с Хоуэлла на капитана, удивленный нарушением процедуры.

— Вы хотите, чтобы я внес это в вахтенный журнал, мэм? — спросил он.

Бриттон покачала головой.

— Нет необходимости. Просто возвращайся через четверть часа.

Когда парень ушел с мостика, капитан повернулась к Хоуэллу:

— Бэнкс связался с Нью-Йорком?

Первый помощник кивнул.

— Мы на связи. Мистер Ллойд ждет.

— Очень хорошо. Соединяйте.

Макферлейн подавил вздох, подумав: «Неужели недостаточно одного раза в день?» Он уже начинал бояться ежедневных полуденных переговоров с музеем Ллойда. Само собой, Ллойд всегда говорил что-то несущественное, хотел знать,

сколько морских миль прошло судно, всех обстоятельно расспрашивал, разрабатывая схемы и подвергая сомнениям каждый план. Макферлейн удивлялся терпению Глинна.

Из динамика, привинченного к переборке, послышался треск, потом Макферлейн услышал голос Ллойда, звучавший громко даже на просторном мостике.

— Сэм? Сэм, вы здесь?

— Это капитан Бриттон, мистер Ллойд,— сказала Бриттон, приглашая всех подойти к микрофону на консоли командной системы.

— Мы видим берега Чили. Нам день пути до Пуэрто-Уильямса.

— Замечательно! — выкрикнул Ллойд.

Глинн подошел к микрофону.

— Мистер Ллойд, это Эли Глинн. Завтра мы проходим чилийскую таможню. Доктор Макферлейн, капитан и я сойдем на берег в Пуэрто-Уильямсе, чтобы представить судовые документы.

— Разве это необходимо? — спросил Ллойд.— Зачем идти вам всем?

— Позвольте мне объяснить ситуацию. Первая проблема состоит в том, что таможенники могут пожелать подняться на борт судна.

— Господи,— произнес Ллойд.— Это может свести насмарку всю игру.

— Потенциально возможно. Поэтому необходимо предотвратить это посещение. Чилийцам любопытно встретиться с верхушкой — с капитаном и ведущим горным инженером. Если мы отправим подчиненных, они почти наверняка будут настаивать на посещении судна.

— А как же со мной? — удивился Макферлейн.— Я-то в Чили персона нон грата, вы не забыли? Мне лучше не высовываться.

— Сожалею, но вы наш главный козырь,— отозвался Глинн.

— Это еще почему?

— Вы единственный из нас, кто бывал в Чили. У вас больше опыта в ситуациях такого рода. В случае, если события будут развиваться неожиданно, нам придется положиться на вашу интуицию.

— Чудесно. Не думаю, что мне должным образом оплачивают такой риск.

— Несомненно,— прозвучал раздраженный голос Ллойда.— Послушайте, Эли, а если они все равно захотят подняться на борт?

— Мы на этот случай приготовили специальную комнату для приема.

— Комнату для приема? Меньше всего нам нужно, чтобы они там все облазали.

— Комната не вызовет у них желания задержаться. Если они поднимутся на борт, их проводят в носовую рубку управления очисткой танков. Это не очень удобное место. Мы расставили там несколько металлических стульев и стол с пластмассовой столешницей. Отопление будет выключено. Мы покрыли часть палубы химической жидкостью, пахнущей экскрементами и рвотой.

По мостику разнесся металлический смех Ллойда, усиленный динамиком.

— Эли, боже упаси иметь вас врагом. Ну а если они захотят увидеть мостик?

— У нас разработана стратегия и на этот случай. Верьте мне, Палмер, когда мы пообщаемся с таможенниками на берегу, едва ли им захочется подниматься на борт, а тем более посмотреть мостик.

Он повернулся к Макферлейну:

— Учтите, что вы совершенно не говорите по-испански. Просто следуйте за мной. Позвольте вести переговоры нам с капитаном Бриттон.

Возникла пауза.

— Вы сказали, что это наша первая проблема,— сказал наконец Ллойд.— Есть другие?

— Есть еще одно дело, которое мы должны сделать, пока будем в Пуэрто-Уильямсе.

— Могу я спросить, что это за дело?

— Я планирую нанять Джона Паппапа. Нам нужно его разыскать и взять на борт.

Ллойд заворчал.

— Эли, я начинаю подозревать, что вам нравится устраивать мне сюрпризы. Кто этот Джон Паппап и зачем он нам нужен?

— Он наполовину ейган, наполовину англичанин.

— Что еще за ейган, черт возьми?

— Индейцы ейган были коренными обитателями островов около мыса Горн. Теперь они исчезли. Осталось несколько метисов. Паппап стар, возможно, ему под семьдесят. Фактически он свидетель исчезновения своего народа, последний, кто еще хранит некоторые знания местных индейцев.

Динамик некоторое время молчал, затем снова ожил:

— Эли, этот план кажется непродуманным. Вы сказали, что вы планируете его нанять? А он-то об этом знает?

— Еще нет.

— А если он откажется?

— Когда мы до него доберемся, он будет не в состоянии сказать «нет». Кроме того, вы наверняка слышали о старой морской традиции «насильственной вербовки»?

Ллойд заворчал.

— Теперь мы собираемся добавить похищение к нашему списку нарушений закона.

— В этой игре высокие ставки,— сказал Глинн.— Вы это знали, когда мы начинали. Паппап вернется домой богачом. С этой стороны нам ничего не грозит. Единственная проблема найти его и доставить на судно.

— Есть еще сюрпризы?

— На таможне доктор Макферлейн и я покажем фальшивые паспорта. Этот путь с наибольшей вероятностью ведет к успеху, хотя и сопряжен с небольшим нарушением чилийских законов.

— Минуточку,— вмешался Макферлейн.— Путешествовать с поддельным паспортом значит нарушать американские законы.

— Об этом никогда не узнают. Я устроил, чтобы сведения о паспортах потерялись в пути между Пуэрто-Уильямсом и Пунта-Аренасом. Мы сохраним, естественно, ваш настоящий паспорт, в который будут проставлены все надлежащие визы и штампы прибытия и убытия. Во всяком случае, они будут выглядеть таковыми.

Он огляделся вокруг, словно ожидая возражений. Их не оказалось. Первый помощник был у штурвала, невозмутимо управляя судном. Капитан Бриттон смотрела на Глинна. Ее глаза были широко открыты, но она хранила молчание.

— Прекрасно,— подвел итог Ллойд.— Но знаете, Эли, этот ваш план заставляет меня нервничать. Я хочу, чтобы вы связались со мной немедленно после возвращения из таможни.

Динамик резко замолк. Бриттон кивнула Хоуэллу, и тот исчез в радиорубке.

— Каждому, кто пойдет в порт, нужно иметь соответствующий вид. Доктор Макферлейн может остаться в том, в чем есть.

Глинн быстро окинул его несколько пренебрежительным взглядом.

— Но капитану Бриттон следует быть одетой менее формально.

— Вы сказали, что мы пойдем с фальшивыми паспортами,— сказал Макферлейн.— Полагаю, имена у нас тоже будут фальшивыми?

— Правильно. Вы доктор Сэм Видманштаттен.

— Славно.

Они помолчали.

— А вы сами? — спросила Бриттон.

В первый раз на своей памяти Макферлейн слышал, как смеется Глинн. Это был тихий короткий всхлип, похожий на покашливание.

— Зовите меня Ишмаил,— сказал он.

Чили
12 июля, 9 часов 30 минут

На следующее утро огромный «Ролвааг» замер неподвижно в Гори-Роудс — широком проливе между тремя островами, поднимающимися из Тихого океана. Свет зимнего солнца придавал всему четкий рельеф. Макферлейн опирался на ограждение в маленьком маломощном катере и смотрел на танкер, от которого они медленно удалялись. С моря он казался еще больше. Макферлейн увидел Амиру. Она стояла высоко на корме и куталась в парку на три размера больше, чем нужно.

— Эй, босс! — крикнула она, помахав.— Не подхватите триппер!

Катер закачался на волнах и повернул в сторону пустынного острова Наварино, самого южного участка обитаемой суши на земной поверхности. В отличие от скалистого побережья, мимо которого они проплывали накануне днем, восточные склоны Наварино пологи и однообразны: замерзшие, покрытые снегом болота спускаются к широким галечным пляжам, утрамбованным тихоокеанским прибоем. Не замечалось никаких признаков жилья. До Пуэрто-Уильямса отсюда примерно двадцать миль вверх по проливу Бигля в спокойной воде. Макферлейна трясло. Он попытался плотней закутаться в свою парку. Одно дело находиться на острове Десоласьон, отдаленном даже по стандартам этих богом забытых мест, и со-

всем другое — торчать в чилийском порту. Эта необходимость заставляла его нервничать. На тысячу миль отсюда найдется достаточно людей, которые помнят его и были бы рады ознакомить его с рабочим концом пастушьего кнута. Всегда есть шанс, пусть ничтожный, что один из них окажется здесь.

Он почувствовал движение сбоку. Рядом с ним у ограждения встал Глинн. На нем была засаленная стеганая куртка, несколько слоев грязных вязаных рубашек и оранжевая шапочка. В руке он держал потертый портфель. Его лицу, обычно безукоризненно выбритому, было позволено зарасти. На губе прилепилась согнутая сигарета, и Макферлейн видел, что Глинн действительно ее курит, вдыхая и выдыхая дым со всеми признаками получаемого при этом удовольствия.

— Не могу поверить, что мы знакомы, — сказал Макферлейн.

— Я Эли Ишмаил, ведущий горный инженер.

— Ну, мистер горный инженер, если бы я не был в курсе, то не усомнился бы, что вы действительно наслаждаетесь.

Глинн вынул сигарету изо рта, посмотрел на нее и бросил в сторону замерзшего берега.

— Удовольствие не так уж несовместимо с успехом.

Макферлейн указал на его поношенную одежду.

— Где вам, кстати, удалось раздобыть все это?

— Пара художников по костюмам прилетали из Голливуда, пока обрабатывался корабль,— ответил Глинн.— У нас два полных рундука. Достаточно для маскировки при любом неожиданном повороте событий.

— Будем надеяться, что этого не потребуется. Какой у нас в точности порядок действий?

— Элементарный. Наше дело представиться на таможне, урегулировать любые вопросы, связанные с разрешением на разработку месторождения, представить наши гарантии и разыскать Джона Паппапа. Мы — группа разведочного бурения, прибыли добывать железную руду. Компания на грани банкротства, и это наш последний шанс. Если кто-нибудь говорит по-английски и будет вас расспрашивать, агрессивно

настаивайте, что мы — первоклассная фирма. Но насколько возможно, вообще старайтесь не разговаривать. И если на таможне произойдет что-то неподобающее, реагируйте так, как для вас естественно.

— Естественно? — Макферлейн покачал головой.— Для меня естественно было бы бежать сломя голову.

Он помолчал.

— Как насчет капитана? Вы думаете, у нее получится?

— Как вы могли заметить, она не типичный морской капитан.

Катер врезался в волны с осторожностью, намеренно разрегулированный дизель сильно стучал снизу. Открылась дверь каюты, и к ним присоединилась Бриттон, одетая в старые джинсы, бушлат и старую фуражку с золотыми капитанскими нашивками. На шее у нее висел бинокль. Впервые Макферлей видел ее не в безукоризненной морской форме — перемена добавила ей живости и привлекательности.

— Могу я похвалить ваш наряд? — сказал Глинн.

Макферлейн взглянул на него с удивлением: ему не доводилось слышать, чтобы Глинн хвалил кого-нибудь раньше.

Капитан одарила его в ответ улыбкой.

— Не можете. Я его ненавижу.

Катер обогнул с севера остров Наварино, вдалеке возникли темные очертания. Макферлейн разглядел, что это был огромный корабль.

— Боже,— сказал Макферлейн.— Посмотрите на его размеры, нам нужно обойти его далеко стороной, а то нас потопит кильватерная струя.

Бриттон подняла бинокль. Довольно долго смотрела в него, потом опустила.

— Не думаю,— сказала она.— Он никуда не спешит.

Несмотря на то что нос корабля был направлен к ним, казалось, потребовалась вечность, чтобы к нему приблизиться. Сдвоенные мачты слегка покосились на одну сторону. Вскоре Макферлейн понял, что корабль потерпел аварию, сел на риф в самой середине пролива.

Глинн взял бинокль, предложенный ему Бриттон.

— Это «Капитан Праксос»,— сообщил он.— Судя по виду, грузовое судно. Должно быть, отнесло на мелководье.

— Трудно поверить, что судно таких размеров может потерпеть кораблекрушение в этих защищенных водах,— удивился Макферлейн.

— Этот пролив спокоен только при северо-восточных ветрах, таких как сегодня,— сказала холодно Бриттон.— Если они смещаются к западу, канал превращается в аэродинамическую трубу. Возможно, у этого судна были проблемы с двигателем, когда это произошло.

Они замолчали. Корпус судна приближался. Несмотря на яркий свет утреннего солнца, корабль оставался странным образом не в фокусе, словно его окружало облако тумана. От форштевня до кормы оно словно мхом было покрыто ржавчиной и гнилью. Железные трубы обвалились, одна свисала с борта, опутанная тяжелыми цепями, другая лежала среди каких-то обломков на палубе. Ни единой птицы не сидело на гнию щей надстройке, и даже волны, казалось, избегали касаться его обросших гнилью бортов. Была в нем призрачность, сюрреалистичность: мертвый часовой, молчаливо предостерегающий всех, кто проходит мимо.

— Кто-то должен сообщить об этом в торговую палату в Пуэрто-Уильямсе,— сострил Макферлейн.

Шутка не вызвала смеха. Все чувствовали себя подавленно. Рулевой прибавил обороты, словно пытался скорей оставить позади останки кораблекрушения, и они вошли в пролив Бигл. Здесь темные и неприступные гребни гор вырастали из воды, в их складках мерцали снежники и ледники. Налетел порыв ветра, и Макферлейн еще плотней завернулся в парку.

— Направо Аргентина, налево Чили,— сообщил Глинн.

— Держу курс посредине,— сказала Бриттон, поворачиваясь к рулевой рубке.

Часом позже слева по носу в сумеречном свете вырос Пуэрто-Уильямс: совокупность старых деревянных домов, желтых с красными крышами, примостившихся во впадине между холмами. Позади вздымалась цепь суровых гор, белых и острых как зубы. У подножия города примостился ряд ветхих причалов. В гавани стояли на якоре деревянные землечерпалки и одномачтовые рыболовные шлюпы с осмоленными корпусами. Неподалеку Макферлейн увидел Баррио-де-лос-Индос — сборище покосившихся дощатых домишек и глиняных мазанок, столбики дыма, поднимающиеся из труб. За ними находилась сама военно-морская база: ряд безобразных сооружений из гофрированного металла. Поблизости стояли на якоре два подобия плавучих баз и старый эсминец.

Казалось, в считанные минуты ясное утреннее небо потемнело. Когда они подошли к одному из причалов, их встретила волна запаха тухлой рыбы, сквозь который пробивалась вонь канализации и водорослей. Из ближайших домишек вышли несколько мужчин и, поскальзываясь, спустились по сходням на берег. Крича и жестикулируя, они приглашали катер пристать, размахивая поднятыми вверх тросами или показывая на крепильные утки. Катер проскользнул к причалу, и между двумя ближайшими к нему мужчинами завязался яростный спор, который прекратился, только когда Глинн угостил их сигаретами.

Прибывшие выбрались на скользкий причал и посмотрели наверх, на унылый город. Редкие хлопья снега оседали на плечах Макферлейна.

— Где здесь таможенная контора? — спросил Глинн одного из мужчин по-испански.

— Я отведу вас туда,— сказали трое одновременно.

Появились и женщины. Они столпились вокруг с пластиковыми корзинами, наполненными морскими ежами и мидиями, и, отталкивая друг друга, совали им моллюсков в лицо.

— Морской еж,— сказала одна из женщин на ломаном английском.— Очень хорошо для мужчины. Делать твердый. Ми фуэрте.

Она показала напряженную поднятую руку для демонстрации результата. Мужчины засмеялись. У старухи было морщинистое лицо и единственный, замечательно белый зуб, придававший ей легкомысленный вид.

— Нет, спасибо, сеньора,— сказал Глинн, прокладывая дорогу сквозь толпу, чтобы следовать за провожатыми.

Их повели наверх по причалу, потом вдоль береговой линии по направлению к военно-морской базе. Здесь они остановились у менее обшарпанного причала рядом с низким дощатым строением. Из единственного окна струился свет, душистый дым горящего дерева вился из жестяной трубы на дальней стене. Рядом с дверью висел поблекший чилийский флаг. Глинн расплатился с провожатыми и толкнул дверь, Бриттон вошла за ним, а следом — Макферлейн. Он глубоко вдохнул прохладный густой воздух, внушая себе, что навряд ли кто-нибудь здесь узнает его в связи с делом об Атакама.

Внутри было так, как он и ожидал: изрезанный стол, печка-буржуйка, темноглазый чиновник. Добровольное посещение чилийского государственного учреждения, даже такого отдаленного и провинциального, заставляло Макферлейна нервничать. Его взгляд непроизвольно метнулся к обтрепанной пачке объявлений о находящихся в розыске, свисавшей со стены на ржавой металлической прищепке. «Спокойно»,— сказал он себе.

У таможенника были гладко зачесанные назад волосы и безукоризненная униформа. Он им улыбнулся, обнаружив ряд золотых зубов.

— Пожалуйста, садитесь,— сказал он по-испански.

У него был мягкий женоподобный голос. Человек излучал добродушное благополучие, что казалось неуместным до экстравагантности в таком жалком месте. Доносившиеся из задней комнаты таможенной конторы громкие голоса спорщиков вдруг стихли. Макферлейн подождал, пока сели Глинн и Бриттон, потом последовал их примеру, осторожно пристроившись на изрезанном деревянном стуле. В буржуйке трещал огонь, распространяя приятное тепло.

— Угощайтесь,— сказал таможенник, подталкивая к ним коробку из кедра, полную сигарет.

Все отказались, кроме Глинна, взявшего две. Одну он сунул в рот, а вторую положил в карман.

— Спасибо,— сказал он с улыбкой.

Чиновник перегнулся через стол, давая Глинну прикурить от золотой зажигалки. Глинн глубоко затянулся сигаретой без фильтра, потом наклонился, чтобы сплюнуть с языка крошку табака. Макферлейн перевел взгляд с него на Бриттон.

— Добро пожаловать в Чили,— приветствовал их чиновник по-английски, повертев зажигалку в своих изящных руках, прежде чем спрятать в карман кителя. Затем он снова перешел на испанский.— Вы с американского рудовоза «Ролвааг», конечно?

— Да,— ответила Бриттон тоже по-испански.

С кажущейся беззаботностью она вынула из потертой кожаной папки стопку бумаг и пачку паспортов.

— Ищете железо? — спросил чиновник с улыбкой.

Глинн кивнул.

— И вы надеетесь найти железо на острове Десоласьон?

«Улыбка не без злорадства,— подумал Макферлейн.— Или это подозрительность?»

— Конечно,— немедленно отозвался Глинн, подавив влажный кашель.— У нас самое современное горное оборудование и прекрасный рудовоз. Эта операция является высокопрофессиональной.

Слегка удивленное выражение на лице чиновника свидетельствовало, что он уже получил информацию о ржавой кастрюле, бросившей якорь у входа в пролив. Он подтянул к себе бумаги и поверхностно просмотрел их.

— Потребуется некоторое время на их обработку,— сказал он.— Возможно, мы захотим навестить судно. Где капитан?

— Я капитан «Ролваага»,— ответила Бриттон.

У чиновника взлетели вверх брови. В задней комнате таможенной конторы зашаркали ногами, и оттуда появились еще двое чиновников неизвестного ранга. Они подошли к печке и сели на скамейку около нее.

— Вы капитан? — удивился таможенник.

— Да.

Чиновник хмыкнул, взял бумаги, бегло их просмотрел и снова взглянул на Бриттон.

— А вы, сеньор? — спросил он, переведя взгляд на Макферлейна.

Глинн ответил вместо Макферлейна.

— Это доктор Видманштаттен, ведущий ученый. Он не говорит по-испански. Я ведущий инженер Эли Ишмаил.

Макферлейн почувствовал на себе взгляд чиновника.

— Видманштаттен,— медленно произнес таможенник, словно пытался распробовать имя.

Двое других таможенников повернулись посмотреть на него. У Макферлейна стало сухо во рту. Его лицо не появлялось на страницах чилийских газет лет пять по меньшей мере. И тогда он носил бороду. «Не о чем беспокоиться»,— уговаривал он себя. У него на висках выступил пот.

Чилиец удивленно уставился на него, словно зафиксировал его смятение каким-то профессиональным шестым чувством.

— Не говорите по-испански? — спросил его чиновник, прищурив глаза.

Наступило молчание. Потом Макферлейн непроизвольно сказал первое, что ему пришло в голову, коверкая слова.

Чилийцы неожиданно расхохотались.

— Он хорошо говорит,— сказал чиновник, сидящий за столом. Макферлейн откинулся на спинку стула и облизал губы, осторожно выдохнув.

Глинн снова закашлялся, ужасным мучительным кашлем.

— Простите,— извинился он, достал платок и вытер им подбородок, потом сильно тряхнул им, разбрызгивая мокроту, и стал убирать его в карман.

Чиновник посмотрел на платок, потер свои изящные руки.

— Я надеюсь, вы не с чем-то опасным появились в нашем сыром климате?

— Это пустяки,— успокоил его Глинн.

Его глаза налились кровью и блестели, он выглядел больным. Макферлейн смотрел на него с растущим беспокойством.

Бриттон деликатно кашлянула в руку.

— Простуда,— сказала она.— Перебирает на судне всех по очереди.

— Всего лишь простуда? — спросил чиновник, его брови тревожно выгнулись.

— Ну...— Бриттон замялась.— Наш лазарет переполнен...

— Ничего серьезного,— перебил ее Глинн, голосом, хриплым от слизи.— Возможно, легкий грипп. Вы же знаете, как это на судне, когда все скопились на крошечном пространстве.

Он засмеялся, смех перешел в новый приступ кашля.

— Кстати, мы были бы рады принять вас на борту нашего судна сегодня или завтра, как вам удобно.

— Возможно, в этом не будет необходимости,— сказал чиновник.— При условии, что ваши бумаги в порядке.

Он пролистал бумаги.

— Где разрешение на разработку месторождения?

Основательно прочистив горло, Глинн наклонился над столом и достал из кармана куртки документы на тисненой бумаге с печатями. Взяв их кончиками пальцев, таможенник просмотрел верхний лист, потом, встряхнув кистью руки, перешел к следующему. Он положил документы на исцарапанную крышку стола.

— Я огорчен,— сказал он, печально покачав головой.— Но они не по форме.

Макферлейн заметил, как двое других таможенников переглянулись.

— Неужели? — удивился Глинн.

Атмосфера в комнате неожиданно изменилась, в ней было напряженное ожидание.

— Вам придется привезти из Пунта-Аренаса правильную форму,— сказал таможенник.— Тогда я ее проштампую, а до тех пор подержу ваши паспорта у себя.

— Это и есть правильная форма,— сказала Бриттон, ее голос стал жестким.

— Позвольте мне об этом позаботиться,— обратился к ней Глинн по-английски.— Я думаю, они хотят получить деньги.

Бриттон вспыхнула.

— Что? Они хотят взятку?

Глинн сделал успокаивающий жест рукой:

— Спокойно.

Макферлейн смотрел на этих двоих и задавался вопросом, естественны ли их действия или это лишь игра.

Глинн обратился к таможенному чиновнику, на лице которого застыла фальшивая улыбка.

— Может быть, мы могли бы купить правильные формы прямо здесь?

— Такая возможность есть,— ответил таможенник.— Но они очень дорогие.

С громким сопением Глинн поднял свой портфель и положил его на стол. Несмотря на его грязный и поношенный вид, таможенник взглянул на портфель с плохо скрытым предвкушением. Глинн отстегнул пряжки, поднял крышку, делая вид, что скрывает от чилийцев содержимое портфеля. Внутри были еще бумаги и десять пачек американских двадцатидолларовых банкнот, стянутых резинками. Глинн достал половину пачек и выложил их на стол.

— Этого будет достаточно? — спросил он.

Чиновник улыбнулся и откинулся на спинку стула, составив пальцы домиком.

— Боюсь, что нет, сеньор. Лицензии на разработку месторождений очень дороги.

Он отвел свой изощренный взгляд от раскрытого портфеля.

— Тогда сколько?

Чиновник сделал вид, будто что-то подсчитывает в уме.

— Еще столько же, тогда будет достаточно.

Наступило молчание. Затем Глинн молча достал из портфеля остальные пачки купюр и положил их на стол.

Для Макферлейна словно разрядилась напряженная атмосфера. Чиновник собрал на столе пачки. Бриттон выглядела возмущенной, но сдерживалась. Двое таможенников, сидев-

ших на скамейке у печки, широко улыбались. Единственным исключением была вновь появившаяся поразительная фигура, что выскользнула из задней комнаты на каком-то этапе переговоров и осталась у двери. Это был высокий мужчина с коричневым, словно ножом вырезанным лицом и проницательными черными глазами, густыми бровями и заостренными ушами, что придавало ему очень значительный, мефистофельский вид. Он был в чистой, но потертой форме чилийского военного флота с какими-то золотыми нашивками на плечах. Макферлейн обратил внимание, что его левая рука по-военному вытянута вдоль бока, правая лежит на животе, а парализованная кисть изогнута коричневой запятой. Человек посмотрел на таможенников, на Глинна, на деньги на столе, и его губы тронула легкая презрительная улыбка.

Пачки денег были теперь разложены на четыре стопки.

— Как насчет квитанции? — спросила Бриттон.

— К сожалению, это не в наших правилах,— ответил таможенник, развел руками и снова улыбнулся.

Быстро отодвинувшись назад, он убрал одну стопку денег к себе в стол, две другие передал таможенникам на скамейке.

— Для сохранности,— объяснил он Глинну.

Последнюю стопку денег он протянул человеку в морской форме, который был занят пристальным разглядыванием Макферлейна. Положив здоровую руку поверх больной, моряк деньги не взял. Таможенник подержал их мгновение, потом стал что-то быстро говорить приглушенным голосом.

Человек в форме ответил коротко по-испански, затем шагнул вперед и повернулся к группе Глинна, его глаза светились ненавистью.

— Вы, американцы, думаете, что все можете купить,— сказал он на правильном английском.— Нет, не можете. Я не такой, как эти продажные чиновники. Оставьте при себе ваши деньги!

Таможенник резко заговорил, тряся пачкой банкнот перед ним.

— Не дурите, возьмите деньги.

С легким щелчком Глинн аккуратно закрыл портфель.

— Это фарс, и вы все это знаете. Нас грабят,— сказал моряк, переходя на испанский.

Он плюнул в сторону печки. В наступившей тишине Макферлейн ясно расслышал шипение плевка на горячем металле.

— Грабят? — удивился чиновник.— Что вы имеете в виду?

— Вы думаете, американцы пришли бы сюда за железом? — спросил моряк.— Тогда вы дураки. Им здесь нужно что-то другое.

— Скажите нам, мудрый команданте, зачем же они здесь?

— На острове Десоласьон нет железа. Их могло сюда привести только одно. Золото!

После некоторой паузы чиновник рассмеялся низким горловым, невеселым смехом. Он повернулся к Глинну.

— Золото? — заговорил он более резко, чем раньше.— Поэтому вы здесь? Чтобы украсть у Чили золото?

Макферлейн взглянул на Глинна. К своему ужасу, он увидел виноватый взгляд и такой откровенный страх на лице Глинна, который мог бы вызвать подозрения у самого нерадивого чиновника.

— Мы здесь, чтобы добывать железную руду,— сказал Глинн как-то совершенно неубедительно.

— Я должен вас проинформировать, что лицензия на добычу золота будет гораздо дороже,— сказал таможенник.

— Но мы здесь, чтобы добывать железную руду.

— Ну хорошо, хорошо,— успокоил его таможенник.— Давайте поговорим по-дружески. Не будем создавать ненужных проблем. Ваша история про железо...

Он понимающе улыбнулся. Наступила долгая выжидательная тишина, пока Глинн не нарушил ее своим кашлем.

— При таких обстоятельствах, возможно, было бы уместно некоторое отчисление. При условии, что вся бумажная работа будет выполнена без задержек.

Чиновник ждал. Глинн снова открыл портфель. Он вытащил оттуда бумаги и запихнул в карман. Потом пошарил по дну теперь пустого портфеля, словно что-то искал там. Раз-

дался тихий щелчок, фальшивое дно отскочило. Появился желтый блеск, отразившийся на удивленном лице чиновника.

— Матерь божия! — прошептал он.

— Это для вас. И для ваших товарищей. Сейчас,— сказал Глинн.— А когда по возвращении мы будем проходить таможню и все пройдет успешно, вы получите вдвое больше. Но если ложные слухи о нахождении золота на острове Десоласьон дойдут до Пунта-Аренаса или если к нам наведаются незваные гости и мы не сможем завершить операции по добыче, вы ничего не получите.

Он неожиданно чихнул, забрызгав слюной портфель.

— Да, да. Все будет в порядке,— поспешно согласился чиновник.

Чилийский команданте пришел в ярость:

— Посмотрите на себя, вы похожи на кобелей, обнюхивающих суку, у которой течка.

Двое таможенников поднялись со скамьи, подошли к нему и стали возбужденно убеждать его, показывая на портфель. Но команданте оттолкнул их.

— Мне стыдно быть с вами в одной комнате. Вы продали бы собственных матерей.

Таможенник повернулся к нему на стуле.

— Я думаю, вам лучше вернуться на свое судно, команданте Валленар,— сказал он ледяным тоном.

Моряк посмотрел поочередно на каждого в комнате, затем молча обогнул стол и вышел из комнаты, оставив дверь биться на ветру.

— Что с ним? — спросил Глинн.

— Вы должны простить команданте Валленара,— сказал таможенник, доставая из другого ящика стола бумаги и печать.

Сунув печать в штемпельную подушечку, он быстро проштамповал бумаги, явно стремясь поскорей отделаться от посетителей.

— Он идеалист в стране прагматиков. Но он никто. Не будет ни слухов, ни помех вашей работе. Даю вам слово,— заверил таможенник, подавая через стол бумаги и паспорта.

Глинн взял их и повернулся, чтобы уйти, но замешкался.

— Еще одно. Мы наняли человека по имени Джон Паппап. Вы не знаете, где можно его найти?

— Паппапа? — Чиновник был явно изумлен.— Этого старика? Зачем?

— Нам было сказано, что он очень хорошо знает острова около мыса Горн.

— Представить не могу, кто вам мог это сказать. Вам не повезло. Он откуда-то получил деньги несколько дней назад. Это означает только одно, и я бы попытался сначала наведаться в «Эль Пикороко» на Колледжон-Барранка.

Чиновник поднялся, сверкая своей золотой улыбкой.

— Желаю вам успеха в поисках железа на острове Десоласьон.

Пуэрто-Уильямс
11 часов 45 минут

Покинув контору таможни, они пошли в сторону от моря и стали подниматься на холм к Баррио-де-лос-Индос. Крутая грунтовая дорога скоро уступила место мешанине из снега и подмерзшей грязи. Поперек импровизированной дороги были уложены бревна, образующие ступени. К дороге лепились являвшие жалкое зрелище домишки, сколоченные из разномастных пиломатериалов и окруженные заборами из неошкуренной древесины. Стайка детей, хихикая и показывая на незнакомцев пальцами, следовала за ними. Осел с огромной вязанкой дров прошел мимо, спускаясь с холма вниз, и едва не столкнул в лужу Макферлейна, который с трудом удержал равновесие и запоздало выругался.

— Что в этом маленьком спектакле было спланировано заранее? — спросил он Глинна, понизив голос.

— Все, кроме появления команданте Валленара. И вашего небольшого всплеска. Не совсем по сценарию, но успешно.

— Успешно? Они теперь думают, что мы нелегально добываем золото. Я бы назвал это катастрофой.

Глинн снисходительно улыбнулся.

— Лучше и быть не могло. Если бы они задумались, они бы никогда не поверили, что американская компания послала рудовоз на край земли для разработки месторождения железа. Вспышка команданте Валленара пришлась как раз во-

время. Благодаря ему мне не пришлось стараться заронить эту идею в их головы.

Макферлейн покачал головой.

— Подумайте о слухах, которые это породит.

— Слухи уже есть. То количество золота, которое мы им дали, заставит их молчать до конца жизни. Теперь наши доброхоты из таможни положат конец слухам и прикажут исключить остров из соглашений. Они гораздо лучше справятся со своей работой, чем мы. И у них прекрасный стимул для этого.

— Как насчет команданте? — спросила Бриттон.— Не похоже, что он принял эту программу.

— Не каждого можно подкупить. К счастью, у него нет ни власти, ни возможностей. Здесь заканчивают службу только те военные морские офицеры, которые были осуждены за преступления или опозорили себя каким-то образом. Таможенники очень постараются держать его в узде. Это, несомненно, означает подкуп командующего военно-морской базой. Но мы дали этим чиновникам более чем достаточно, чтобы всех охватить.— Глинн вытянул губы.— Все же нам следует больше узнать о команданте Валленаре.

Склон стал положе. Они перешагнули канаву с пенящимся потоком. Глинн спросил направление у прохожего, и они свернули в узкую боковую улочку. На деревню опускался серый полуденный туман, а вместе с ним леденящий холод влажного воздуха. В сточной канаве лежал раздувшийся труп мастифа. Макферлейн вдохнул запах рыбы и сырой земли, заметил шаткий деревянный щит, рекламирующий фанту и местное пиво, и против воли перенесся на пять лет назад. После двух безуспешных попыток перебраться в Аргентину им с Нестором Масангкеем, обремененным грузом тектитов Атакамы, в конце концов удалось перебраться в Боливию около городка Анкуакью, внешне совершенно не похожего на этот городок, но родственного ему по духу.

Глинн остановился. Перед ними в конце улочки было оседающее здание, крытое красной крышей. Синяя лампочка мигала над вывеской с надписью: «Эль Пикороко». Из откры-

той двери на улицу доносилось слабое биение музыкального ритма.

— Мне кажется, я начинаю понимать некоторые из ваших методов,— сказал Макферлейн.— Этот таможенник сказал, что Паппапу кто-то прислал деньги. Этот кто-то, случайно, не вы?

Глинн наклонил голову, но не ответил.

— Я думаю, мне лучше подождать здесь,— сказала Бриттон.

Макферлейн прошел вслед за Глинном в темноватое помещение. Он увидел сколоченный из досок обшарпанный бар, несколько деревянных столов со следами от бутылок, почерневшую от копоти мишень для английской игры в дартс. Бармен выпрямился, шум разговоров стих, немногочисленные посетители уставились на вошедших.

Глинн направился к стойке и сделал заказ. Бармен принес две кружки теплого пенящегося пива.

— Мы ищем сеньора Паппапа,— сказал Глинн.

— Паппапа? — Бармен улыбнулся оскудевшей зубами широкой улыбкой.— Он в задней комнате.

Они прошли за барменом сквозь занавеску из стекляруса в маленький закуток с отдельным столиком и сосудом Дьюара на нем. На скамье около стены растянулся худой старик в неописуемо грязной одежде. С верхней губы свисали тонкие усы. С головы на скамейку свалилась вязаная шляпа, которая выглядела сшитой из обрезков старых половиков.

— Спит или пьян? — поинтересовался Глинн.

Бармен расхохотался.

— И то и другое.

— Когда он протрезвеет?

Бармен наклонился, пошарил у Паппапа в карманах и вытащил маленькую пачку грязных денежных купюр. Он пересчитал их и снова засунул Паппапу в карман.

— Он протрезвеет к следующему вторнику.

— Но мы наняли его на наше судно.

Бармен снова рассмеялся, теперь более цинично.

Глинн задумался на миг или, по крайней мере, сделал такой вид.

— У нас приказ доставить его на борт. Могу я попросить вас подрядить пару ваших посетителей помочь нам?

Бармен кивнул и пошел обратно в бар, откуда вернулся с двумя крепкими мужиками. Обменявшись несколькими словами и получив деньги, эти двое подняли Паппапа со скамьи и закинули его руки к себе на плечи. Его голова свесилась вперед. В их объятиях Паппап казался легким и хрупким, как сухой лист.

Выйдя на улицу, Макферлейн глубоко, с удовольствием, вдохнул воздух. Он был зловонным, но все же лучше спертой атмосферы бара. Подошла Бриттон, стоявшая в тени у дальнего заведения. При виде Паппапа ее глаза сузились.

— Сейчас он смотрится не очень,— сказал Глинн.— Но будет прекрасным лоцманом в гавани. Он пятьдесят лет лавировал на каноэ в водах между островами у мыса Горн. Он знает все течения, ветры, рифы, погоду, приливы и отливы.

Бриттон подняла брови.

— Этот старик?

Глинн кивнул.

— Как я сказал Ллойду сегодня утром, он наполовину ейган. Его предки были коренными жителями островов. Он практически последний, кто знает язык, песни и легенды. Основную часть времени проводит на островах, питается мидиями, растениями и корнями. Если его спросить, он, возможно, скажет, что острова около мыса Горн принадлежат ему.

— Как колоритно,— сказал Макферлейн.

Глинн повернулся к нему.

— Да. И так случилось, что это он нашел тело вашего партнера.

Макферлейн резко остановился.

— Это так,— продолжал Глинн, понизив голос.— Он подобрал томографический зонд, образцы породы и продал их в Пунта-Аренасе. А сверх всего, его отсутствие в Пуэрто-Уильямсе нам очень поможет. Теперь, когда мы привлекли внима-

ние к острову Десоласьон, не нужно, чтобы он что-то рассказывал и распространял слухи.

Макферлейн снова посмотрел на пьяницу.

— Так этот негодяй ограбил моего партнера.

Глинн сжал руку Макферлейна.

— Он ужасно беден. Он нашел мертвого человека рядом с ценными вещами. Понятно и простительно, что он решил извлечь выгоду. Он никому не нанес ущерба. Если бы не он, вашего старого друга могли бы так и не найти. А у вас никогда бы не появилась возможность завершить его работу.

Макферлейн вырвался, хотя не мог не признать, что Глинн прав.

— Он нам будет очень полезен,— сказал Глинн.— Могу вам это обещать.

Макферлейн молча пошел позади группы, спускавшейся к гавани по темному склону холма.

«Ролвааг»
14 часов 50 минут

К тому времени, как катер вышел из пролива Бигл и приблизился к «Ролваагу», на море опустился плотный туман. Маленькая группа пассажиров внутри рулевой рубки примостилась на спасательных средствах. Поддерживаемый в вертикальном положении между Глинном и Салли Бриттон, Паппап по-прежнему не приходил в себя. Несколько раз пришлось пресекать его попытки упасть на бок и удобно притулиться к капитанскому бушлату.

— Он притворяется? — спросила капитан, убирая хрупкую на вид руку старика с лацкана своего бушлата и осторожно его отталкивая.

Глинн улыбнулся. Макферлейн отметил: сигареты, мучительный кашель и слезящиеся глаза — все пропало, и вернулась обычная холодность.

Впереди над высокой волной появились призрачные очертания танкера. Его борта росли, возвышались над ними и снова исчезали в густом тумане. Катер подошел к судну и был зацеплен к шлюпбалке. Когда их подняли на палубу, Паппап задвигался. Макферлейн помог ему встать на дрожащие ноги. «В нем не больше девяноста фунтов»,— подумал Макферлейн. Вокруг клубился туман.

— Джон Паппап? — сказал Глинн своим спокойным голосом.— Я Эли Глинн.

Паппап взял протянутую руку и молча пожал. Потом он пожал руку каждому, кто был вокруг него, включая рулевого катера, стюарда и двух удивленных палубных матросов. Капитану он пожимал руку последней и дольше, чем остальным.

— Вы в порядке? — спросил Глинн.

Старик смотрел вокруг блестящими черными глазами и поглаживал свои усы. Он не выглядел ни удивленным, ни возмущенным незнакомым окружением.

— Мистер Паппап, вам, по-видимому, интересно, что вы здесь делаете?

Неожиданно рука Паппапа нырнула в карман и извлекла пачку грязных банкнот. Он их пересчитал, хмыкнул, удовлетворенный тем, что его не ограбили, и положил их обратно.

Глинн указал на стюарда.

— Мистер Девис покажет вам вашу каюту, где вы сможете помыться и переодеться в чистую одежду. Вас это устраивает?

Паппап с интересом посмотрел на Глинна.

— Может быть, он не говорит по-английски,— пробормотал Макферлейн.

Взгляд Паппапа немедленно переместился на Макферлейна:

— Говорит на собственном короля, я говорит.

Голос у Паппапа оказался высоким и мелодичным. Макферлейн расслышал в нем сложное разноголосье акцентов, но доминирующим был английский кокни.

— Я буду рад ответить на все ваши вопросы, как только вы устроитесь,— сказал Глинн.— Мы встретимся завтра утром в библиотеке.

Он кивнул Девису. Не сказав ни слова, Паппап последовал за стюардом. Все следили за ним взглядом, пока стюард вел его к кормовой надстройке.

Над головами ожило судовое переговорное устройство.

— Капитана на мостик,— раздался металлический голос Виктора Хоуэлла.

— Что случилось? — спросил Макферлейн.

Бриттон покачала головой.

— Пойдем узнаем.

С мостика, окруженного обволакивающей влажной серостью, не было видно ничего, даже палубы судна. Едва они вошли, Макферлейн сразу ощутил напряженность. Вместо обычного состава вахтенных здесь находились еще несколько офицеров. Из радиорубки доносилось лихорадочное щелканье клавиатуры компьютера.

— Что происходит, мистер Хоуэлл? спокойно спросила Бриттон.

Хоуэлл поднял глаза от экрана ближайшего монитора.

— Радиолокационный контакт.

— Кто это? — спросил Макферлейн.

— Неизвестный. Не отвечают на наши запросы. Принимая во внимание их скорость и размер на радаре, возможно, это канонерская лодка.

Он снова повернулся к монитору и пощелкал переключателями.

— Слишком далеко, чтобы получить хорошую картинку на экране.

— Какая дистанция? — спросила Бриттон.

— Похоже, они ходят по кругу, словно что-то ищут. Подождите, курс определился. Восемь миль, пеленг один-шесть-ноль неизменный, курс устойчивый. Наша радиолокационная разведка засекла их радар. Нас срисовали.

Капитан быстро подошла к нему и посмотрела в тубус радара.

— Пеленг постоянный, дистанция сокращается. Расчетное время до встречи?

— Двенадцать минут при сохранении скорости и направления. Курс встречно-пересекающийся,— ответил Хоуэлл.

Бриттон повернулась к третьему офицеру, находившемуся на посту у монитора командной системы управления.

— Мы на ходу?

Офицер кивнул:

— Пары подняты, мэм. Двигатели раскручены.

— Командуйте машинному отделению дать ход.

— Есть.

Офицер поднял черную телефонную трубку. Появилась легкая вибрация, когда повысились обороты двигателей. Включилась тревожная сигнализация, предупреждающая экипаж о столкновении.

— Выполняете маневр уклонения? — спросил Макферлейн.

Бриттон отрицательно покачала головой.

— Мы для этого слишком велики, даже при выруливании двигателями. Но намерены попытаться.

Далеко наверху на радарной мачте туманный ревун произвел оглушительный сигнал.

— Курс не изменился,— сообщил Хоуэлл, с головой влезший в тубус радара.

— Судно слушается руля,— сообщил третий офицер.

— Прямо руля,— распорядилась Бриттон.

Она подошла к радиорубке, открыла серую металлическую дверь и спросила:

— Есть успехи, Бэнкс?

— Не отвечают.

Макферлейн подошел к иллюминаторам. Стеклоочистители удаляли налет слякоти, которая тут же возобновлялась. Сквозь тяжелый туман пыталось пробиться солнце.

— Могут они нас не слышать? — спросил Макферлейн.

— Они нас слышат,— сказал тихо Глинн.— Они прекрасно знают, что это мы.

— Курс тот же,— сообщил Хоуэлл, продолжая следить за радаром.— Девять минут до столкновения.

— Произвести выстрел сигнальными ракетами в направлении судна,— приказала Бриттон, возвращаясь к командному монитору.

Хоуэлл передал приказ. Бриттон повернулась к вахтенному офицеру:

— Как слушается руля?

— Как свинья, мэм, на такой-то скорости.

Макферлейн ощутил, что корабль сильно вздрогнул.

— Пять минут и столкновение,— сказал Хоуэлл.

— Пустить еще серию ракет.

Бриттон взяла микрофон с пульта командной станции:

— Неопознанное судно в трех тысячах ярдов по левому борту, говорит танкер «Ролвааг». Измените ваш курс на двадцать градусов вправо, чтобы избежать столкновения. Повторяю, измените курс на двадцать градусов вправо.

Она повторила это по-испански, затем увеличила громкость приемника. Все, кто был на мостике, молча вслушивались в шум радиопомех. Бриттон положила микрофон, посмотрела на рулевого, потом на Хоуэлла.

— Три минуты до столкновения,— сказал Хоуэлл.

Бриттон объявила по внутренней связи:

— Всему экипажу, говорит капитан. Быть готовыми к столкновению на носу с правого борта.

Сквозь истончившуюся пелену тумана снова раздался сигнал туманного ревуна. Сирена затихла, на мостике замигали лампочки.

— Подходит справа по носу,— сказал Хоуэлл.

— Привести в готовность противопожарные средства и средства борьбы за живучесть судна,— откликнулась Бриттон.

Затем она сдернула с переборки мегафон, подбежала к двери на правое крыло мостика, распахнула ее и исчезла. Не сговариваясь, Глинн и Макферлейн выбежали вслед за ней. Оказавшись снаружи, Макферлейн мгновенно промок от холодного плотного тумана. Снизу слышались беспорядочная беготня и крики. Туманный ревун, звучавший на открытой палубе еще громче, казалось, дробил вокруг них воздух. Бриттон добежала до дальнего конца крыла, наклонилась над огражде-

нием, висящим в сотне футов над поверхностью воды, и приготовила мегафон.

Туман начинал расходиться, клубясь по верхней палубе. Но справа по носу, казалось, он сгущается, становится снова темней. Вдруг из мглы проступил лес антенн, бледный свет переднего огня. Еще раз исторг свое предупреждение туманный ревун, но судно неумолимо на полной скорости надвигалось на них. Кремовые пенные водовороты разбивались о серые борта. Очертания корабля стали ясней. Эсминец — борта изъязвлены, исполосованы ржавчиной, на надстройке развевается чилийский флаг, нос и корма угрожающе ощетинились четырехдюймовыми орудиями.

Бриттон кричала в мегафон. Завывала сирена. Макферлейн чувствовал, как дрожит крыло мостика от усиленной работы двигателей: капитан пыталась уклониться от столкновения. Но быстро повернуть громадное судно было невозможно. Ожидая удара, Макферлейн напряг ноги и ухватился за перила.

В последний момент эсминец отклонился влево, проскользнув мимо танкера не более чем в двадцати ярдах. Бриттон опустила мегафон. Все взгляды были устремлены на эсминец. Каждое его орудие, от больших башенных до сорокамиллиметровых пушек, было наведено на мостик «Ролваага». Глядя на военный корабль, Макферлейн испытывал смешанное чувство недоумения и ужаса. Его взгляд остановился на верхнем мостике эсминца.

Он стоял там один в полной форме — команданте военно-морского флота, которого они видели утром в таможне. Он пронесся так близко под ними, что Макферлейн разглядел капельки влаги на его лице.

Капитан Валленар склонился к установленному на ограждении пулемету. Отверстое дуло пулеметного ствола, покрытого морской солью и ржавчиной, было нацелено прямо на них, нагло суля смерть. Валленар искоса посмотрел на каждого из них своими черными глазами. Его парализованная рука была плотно прижата к груди. И пока эсминец проходил ми-

мо, он медленно поворачивался вместе с пулеметом, держа их на прицеле.

А потом эсминец скрылся за кормой «Ролваага», скользнув обратно в туман, и призрак исчез. Никто не нарушил гнетущего молчания. Макферлейн услышал, как двигатели эсминца увеличили обороты, и почувствовал слабое покачивание, когда кильватерная струя прошла под танкером. Это легкое покачивание, сродни движению детской колыбели, вверх-вниз, могло бы быть очень успокаивающим, если бы не вселяло ужас.

«Ролвааг»
13 июля, 6 часов 30 минут

Макферлейн беспокойно ворочался в предрассветной темноте своей каюты. Льняные простыни обвились вокруг него, подушка под головой намокла от пота. Еще в полусне он инстинктивно потянулся к успокаивающему теплу Малу. Но ее место было пустым. Он сел и стал ждать, чтобы лихорадочно бившееся сердце заработало ровно, а голова освободилась от образов ночного кошмара, от видений судна, носившегося по штормовому океану. Он протер глаза и осознал, что не все было сном. Движение судна изменилось: вместо обычного слабого покачивания Макферлейн чувствовал содрогание корпуса и сильную качку. Сбросив простыни, он подошел к иллюминатору и отодвинул штору. Стекло заиндевело, вдоль нижней кромки образовалась толстая наледь.

Темнота каюты показалась ему угнетающей. Макферлейн торопливо оделся, желая выйти на свежий воздух, несмотря на мерзкую погоду. Во время его спуска на два пролета вниз к главной палубе судно накренилось, и он был вынужден ухватиться за перила, чтобы сохранить равновесие. Когда Макферлейн открыл дверь, ведущую на палубу, в лицо ударил ледяной ветер. Бодрящий порыв унес с собой остатки ночного кошмара. В полутьме он разглядел, что с наветренной стороны вентиляционные решетки, шлюпбалки и контейнеры покрыты коркой льда, на палубе слякоть. Теперь Макферлейн

ясно слышал рокот тяжелых волн, бьющих по всей длине корабля. Здесь качка ощущалась заметней. На темных валах волн периодически возникали огромные белые гребни. Сквозь вой ветра слышалось шипение разбивающихся о борт водяных валов.

Кто-то стоял, наклонившись над перилами с правого борта, вытянув голову вперед. Макферлейн подошел и увидел, что это Амира, по-прежнему закутанная в слишком большую для нее парку.

— Что вы здесь делаете? — удивился Макферлейн.

Амира обернулась. Он отметил зеленоватый цвет ее лица, спрятанного глубоко в меховом капюшоне. Ветер трепал несколько выбившихся прядок черных волос.

— Пытаюсь поблевать,— ответила она. А у вас какие оправдания?

— Не спится.

Амира кивнула.

— Я надеюсь, что эсминец появится снова. Ничего так не хочу, как исторгнуть содержимое своего желудка на этого противного маленького команданте.

Макферлейн не ответил. Встреча с чилийским кораблем и предположения относительно мотивов, которыми руководствовался команданте Валленар, были основной темой разговоров во время обеда накануне вечером. И Ллойд, услышав о случившемся, пришел в ужасное волнение. Лишь Глинн казался невозмутимым.

— Вы только гляньте на это,— сказала Амира.

Проследив за ее взглядом, Макферлейн увидел у левого борта темную фигуру бегуна в сером тренировочном костюме. Присмотревшись, он понял, что это Салли Бриттон.

— Только она в достаточной мере мужчина, чтобы бегать в такую погоду,— кисло сказала Амира.

— Она сильная.

— Скорей, сумасшедшая.— Амира захихикала.— Полюбуйтесь на то, что прыгает под свитером.

Макферлейн, смотревший именно на это, промолчал.

— Не поймите меня неправильно. Меня это интересует чисто с научной точки зрения. Я думаю, как рассчитать уравнение состояния для такой довольно впечатляющей груди.

— Уравнение состояния?

— Это то, чем мы, физики, занимаемся. Это включает все физические характеристики объекта: температуру, давление, плотность, эластичность...

— Представляю картинку.

— Посмотрите,— сказала Амира, резко сменив тему.— Вон там еще одна жертва кораблекрушения.

В суровой зимней дали Макферлейн увидел очертания большого судна с разбитой о скалы кормой.

— Которое это? Четвертое? — предположила Амира.

— Кажется, пятое.

По мере продвижения «Ролваага» от Пуэрто-Уильямса на юг к мысу Горн им все чаще приходилось видеть останки судов. Некоторые были почти такими же большими, как «Ролвааг». Настоящее кладбище кораблей, и зрелище это уже не вызывало удивления.

Бриттон обогнула нос и приближалась к ним.

— Вот и она,— сказала Амира.

Поравнявшись с ними, Бриттон перешла на бег на месте. Ее тренировочный костюм, намокший от снега и дождя, облепил тело. «Уравнение состояния»,— подумал про себя Макферлейн.

— Хочу, чтобы вы знали,— сказала она.— В девять часов я собираюсь отдать приказ об обязательности спасательного снаряжения при нахождении на палубе.

— Зачем это? — удивился Макферлейн.

— Приближается шквал.

— Приближается? — спросила Амира с усмешкой.— Похоже, он уже здесь.

— Когда мы выйдем из-за острова Наварино, мы попадем навстречу шторму. Находиться на палубе без спасательного снаряжения будет запрещено.

Бриттон отвечала на вопрос Амиры, но смотрела при этом на Макферлейна.

— Спасибо, что предупредили,— поблагодарил Макферлейн.

Бриттон кивнула им и убежала. Через минуту ее уже не было.

— Что вы имеете против нее? — спросил Макферлейн.

Амира помолчала немного.

— Что-то меня в ней бесит. Слишком она совершенна.

— Я думаю, это то, что называют аурой власти.

— Несправедливо, что все страдают из-за ее проблем с пьянством.

— Таково решение Глинна,— объяснил Макферлейн.

Амира вздохнула и потрясла головой.

— Да, это вполне в характере Эли, правда? Можно поспорить, что к этому привела непрерывная цепь непогрешимых логических построений. Он просто не рассказывает никому о них.

Новый порыв ветра вызвал у Макферлейна озноб.

— С меня, пожалуй, моря уже достаточно. Во всяком случае, пока. Не хотите пойти позавтракать?

Амира простонала.

— Вы идите. Я еще здесь побуду. Рано или поздно должно же стошнить.

После завтрака Макферлейн отправился в судовую библиотеку, где ему назначил встречу Глинн. Библиотека, как и все на судне, была просторной. Иллюминаторы, занимавшие одну из стен, сейчас были частично залеплены мокрым снегом. За ними Макферлейн видел снег, летящий почти горизонтально и ввинчивавшийся далеко внизу в черную воду.

Стеллажи предлагали широкий выбор книг: навигационные правила и соглашения, энциклопедии, сборники «Ридерс дайджест», забытые бестселлеры. Макферлейн покопался в них в ожидании Глинна, стараясь подавить беспокойство. Чем ближе они подходили к острову Десоласьон, к месту, где умер Масангкей, тем сильнее он нервничал. Теперь уже совсем близко. Сегодня они обогнут мыс Горн и встанут наконец на якорь у островов.

Рука Макферлейна задержалась на небольшой книжке «Повествование Артура Гордона Пима из Нантакета». Именно эту книгу Эдгара Аллана По упоминала Бриттон во время обеда в первую ночь на море. Интересно. Макферлейн взял ее с собой на ближайший диван. Темная кожа дивана была скользкой на ощупь. Макферлейн удобно устроился и раскрыл книгу. Он почувствовал приятный запах проклеенного холста и старой бумаги.

«Мое имя Артур Гордон Пим. Мой отец был уважаемым поставщиком судовых запасов в Нантакете, где я родился. Мой дед со стороны отца был адвокатом с хорошей практикой. Ему во всем сопутствовала удача, и так же удачно он спекулировал акциями Эдгартон-Нью-Банк, как он тогда назывался».

Начало оказалось разочаровывающе сухим, и Макферлейн вздохнул с облегчением, когда увидел, что дверь открылась и вошел Глинн. Позади него, кланяясь и улыбаясь, шел Паппап, в котором почти невозможно было узнать пьяницу, доставленного на борт накануне. Его длинные седые волосы были зачесаны со лба назад, а аккуратно подстриженные, но все же клочковатые усы прикрывали отвисшую губу.

— Простите, что заставил вас ждать,— извинился Глинн.— Я поговорил с мистером Паппапом. Он, кажется, согласен нам помогать.

Паппап улыбнулся и опять пожал им руки. Макферлейна удивило, какой прохладной и сухой оказалась его рука.

— Подойдем к иллюминаторам,— сказал Глинн.

Макферлейн последовал за ним и посмотрел наружу. В разрывах клубившегося тумана он смог теперь разглядеть, что на северо-востоке из воды поднялся голый остров, немногим больше зазубренной вершины затопленной горы. Белый прибой терзал его подножие.

— Это остров Барневельт,— показал Глинн.

Вдали прошел грозовой фронт, словно стянув занавес со штормового горизонта. Показался другой остров, черный, неровный, с вершинами гор, покрытыми снегом и туманом.

— А это остров Дисит. Самый восточный из островов у мыса Горн.

Очередная молния высветила множество торчавших из воды вершин гор. Пока они смотрели, свет исчез так же быстро, как и появился. Казалось, ночь сомкнулась вокруг судна. Новый шквал ударил со всей силой, яростно колотя в борта градом, словно обстреливая судно пулеметным огнем. Макферлейн ощутил, как большой корабль накренился.

Глинн вынул сложенный листок бумаги и протянул его Макферлейну.

— Я получил это полчаса назад.

Макферлейн с интересом его развернул. Это была короткая каблограмма.

«Ни в коем случае не высаживайтесь на известный остров без дальнейших указаний от меня.

Ллойд».

Макферлейн вернул бумажку Глинну, тот убрал ее обратно в карман.

— Ллойд ничего не говорил мне о своих планах. Как вы думаете, что это может означать? И почему просто не позвонить или не воспользоваться электронной почтой?

— Потому что, возможно, у него нет поблизости телефона.

Глинн показал вверх:

— Вид с мостика даже лучше. Не хотите пойти вместе?

Почему-то Макферлейн сомневался, что главу ЭИР интересует вид, но последовал за ним. Глинн, однако, оказался прав: с мостика ярость волн повергала в еще больший трепет. Сердитые черные валы бросались друг на друга и разбивались. Ветер разрывал их сверху и прокладывал глубокие борозды к их подошвам. Пока Макферлейн смотрел, «Ролвааг» зарылся носом в мощную волну и затем с трудом выбрался на поверхность, вода каскадами сливалась с бортов.

Бриттон повернулась к ним. Ее лицо казалось призрачным при искусственном освещении.

— Я вижу, вы привели лоцмана,— сказала она, посмотрев на Паппапа с некоторым сомнением.— Когда понадобится огибать мыс Горн, посмотрим, какой он нам даст совет при подходе.

Вмешался Виктор Хоуэлл, стоявший рядом с ней.

— Это как раз сейчас,— сказал он.

Грозовой разряд далеко впереди судна бросил слабый свет на выступающие из моря изрезанные ущельями горы, которые выглядели выше и темнее остальных.

— Мыс Горн,— сказал Глинн.— Но нас ожидает не только это. К нам гость...

— Капитан! — прервал его третий офицер, склонившийся над экраном.— На радаре воздушный контакт. Приближается с северо-востока.

— Пеленг?

— Ноль-четыре-ноль точно, мэм. Прямо на нас.

Атмосфера на мостике стала напряженной. Виктор Хоуэлл подошел к третьему офицеру и посмотрел через его плечо на экран.

— Дальность и скорость? — спросила Бриттон.

— Сорок миль, скорость примерно сто семьдесят узлов, мэм.

— Самолет-разведчик?

Хоуэлл разогнулся.

— В такую погоду?

Сильный порыв ветра застучал по иллюминаторам дождем.

— Это наверняка не какой-нибудь любитель на «сессне»,— пробормотала Бриттон.— Может это быть коммерческий рейс, отклонившийся от курса?

— Маловероятно. Единственное, что здесь летает, это чартерные гидропланы. Но никогда в такую погоду.

— Военные?

Никто не ответил. На мостике все молчали, было слышно только завывание ветра и шум моря.

— Пеленг? — спросила капитан снова.

— Тот же самый, мэм.

Она медленно кивнула.

— Очень хорошо. Оповестите посты, мистер Хоуэлл.

Неожиданно из радиорубки выглянул офицер связи Бэнкс.

— Откуда птичка? Это же вертолет «Ллойд холдингз».

— Вы уверены?

— Я проверил позывные.

— Мистер Бэнкс, свяжитесь с вертолетом.

Глинн прочистил горло. Макферлейн взглянул на него, тот убирал в карман куртки сложенный листок бумаги. Пока все волновались, он не выказывал ни тревоги, ни удивления.

— Я думаю,— произнес он тихо.— Нужно подготовить посадочную площадку.

Капитан уставилась на него.

— В такую погоду?

Из радиорубки появился Бэнкс.

— Они просят разрешения на посадку, мэм.

— Я не могу в это поверить! — крикнул Хоуэлл.— Мы в центре шторма силой восемь баллов.

— Я не могу поверить, что у вас есть выбор,— сказал Глинн.

В течение следующих десяти минут велись активные приготовления к приему вертолета. Когда Макферлейн и Глинн подошли к двери, ведущей на корму, строгий на вид член экипажа, не сказав ни слова, вручил им страховочные ремни. Макферлейн опоясался и застегнул пряжку. Матрос проверил крепление, одобрительно буркнул и открыл дверь.

Макферлейн вышел наружу. Порыв ветра грозил перетащить его за ограждение. С трудом Макферлейн пристегнул свой ремень к наружному поручню и двинулся к посадочной площадке. Вдоль палубы стояли члены команды, их ремни безопасности были надежно закреплены на металлическом поручне. Хотя двигатели судна сбросили обороты настолько, чтобы только обеспечивать достаточную скорость для рулевого управления в штормовом море, на палубе качало. Десять сигнальных фонарей, расставленные по периметру, проблескивали алыми вспышками сквозь мокрый снег.

— Вон он! — крикнул кто-то.

Макферлейн, щурясь от ветра, вгляделся. Вдалеке в воздухе висело огромное тело вертолета, сияли его ходовые огни. Когда вертолет приблизился, Макферлейн увидел, что порывами ветра его болтает то влево, то вправо. Неожиданно включилась тревожная сигнализация, и на надстройке судна зажглись оранжевые габаритные огни. Макферлейн слышал гул вертолетного двигателя, превозмогавшего ярость бури. Хоуэллу приходилось что есть мочи кричать в прижатый к лицу мегафон, указывая направление.

Вертолет начал выполнять вираж, чтобы выйти на позицию зависания. Макферлейн видел в носовой кабине пилота, сражавшегося с рычагами управления. Воздушный поток от лопастей атаковал людей на палубе мокрым снегом с удвоенной силой. Брюхо вертолета ходило из стороны в сторону, пока он осторожно снижался над раскачивающейся палубой. Сильнейшим порывом ветра вертолет бросило к борту, и пилот немедленно увел машину, чтобы выполнить второй заход. Был один напряженный момент, когда Макферлейн был уверен, что пилот теряет контроль, но затем колеса коснулись посадочной площадки и члены команды бросились подкладывать под них деревянные стопоры. Дверь грузового отсека откатилась. Высыпала толпа мужчин и женщин с приборами и оборудованием.

Затем Макферлейн увидел спрыгнувшего на мокрую посадочную площадку Ллойда, узнаваемая фигура которого была еще огромней, чем обычно, из-за теплой одежды и сапог. Ллойд побежал от вертолета, зюйдвестка у него на голове хлопала на ветру. Заметив Макферлейна и Глинна, он радостно им помахал. Матрос догнал Ллойда, чтобы обеспечить его страховочным ремнем, но тот отмахнулся. Подойдя к Макферлейну и Глинну, Ллойд вытер с лица дождевую воду и обхватил их руками.

— Джентльмены! — с широкой улыбкой на лице пророкотал он, перекрывая бурю.— С меня кофе.

«Ролвааг»
11 часов 15 минут

Глянув на часы, Макферлейн вошел в лифт и нажал на кнопку среднего этажа мостика. Он много раз проезжал мимо, каждый раз удивляясь, почему Глинн запретил выход на него. Когда лифт мягко пошел вверх, он понял, для кого этаж был зарезервирован. Получалось, будто Глинн с самого начала знал, что его займет Ллойд.

Дверь лифта открылась. Теперь здесь кипела жизнь. Звенели телефоны, стрекотали факсы и принтеры, суетились люди. За столами, поставленными вдоль одной стены, сидели несколько секретарей, мужчин и женщин, отвечающих на телефонные звонки, работающих на компьютерах, заботящихся о процветании бизнеса «Ллойд холдингз».

К Макферлейну направился мужчина в светлом костюме, прокладывая себе путь через столпотворение. Макферлейн узнал слишком большие уши, вялый рот и полные поджатые губы Пенфолда, личного ассистента Ллойда. Казалось, Пенфолд никогда ни к чему не подходил прямо, всегда под некоторым углом, словно подойти прямо было бы непростительной дерзостью.

— Доктор Макферлейн? — осведомился Пенфолд высоким нервным голосом.— Сюда, пожалуйста.

Он провел Макферлейна через дверь, потом по коридору в маленькую гостиную с диванами черной кожи, расставлен-

ными вокруг стеклянного стола, декорированного золотыми листьями. Открылась дверь в кабинет, и Макферлейн услышал сильный басовитый голос Ллойда.

— Садитесь, пожалуйста,— сказал Пенфолд.— Мистер Ллойд скоро освободится.

Он исчез, а Макферлейн устроился на скрипнувшем кожей диване. Здесь была целая стена телевизионных экранов, подключенных к различным каналам новостей со всего мира. На столе лежали последние номера ведущих журналов: Макферлейн взял один из них, начал рассеянно перелистывать, потом снова отложил. Почему Ллойд появился так внезапно? Что-то пошло не так?

— Сэм!

Подняв голову, Макферлейн увидел стоявшего в проеме двери Ллойда, целиком заполняющего его своим телом, излучающего силу, жизнерадостность и безграничную уверенность в себе.

Макферлейн встал. Ллойд пошел к нему, сияя, протягивая руки.

— Сэм, как я рад вас видеть снова,— воскликнул он, стиснув плечи Макферлейна своими мощными руками, и стал его разглядывать.— Не могу выразить, как это здорово быть здесь. Заходите!

Макферлейн последовал за широкой спиной, прекрасно драпированной «Валентино». Внутренний офис Ллойда был строгим. Ряд иллюминаторов, через которые вливался холодный антарктический свет, два простых вращающихся кресла, письменный стол с телефоном, портативный компьютер. И два винных бокала рядом с откупоренной бутылкой «Шато Марго».

Ллойд указал на вино.

— Выпьете?

Макферлейн усмехнулся и кивнул. Ллойд наполнил рубиновой жидкостью бокал, потом налил второй для себя. Он устроился в кресле и поднял бокал.

— Ваше здоровье!

Они чокнулись, и Макферлейн сделал глоток изысканного вина. Он не был большим знатоком, но даже имей он совершенно притупленный вкус, он не мог бы не оценить купаж.

— Ненавижу привычку Глинна держать меня в неизвестности,— сказал Ллойд.— Почему было не сказать мне о сухом законе на судне, Сэм? Или об этой истории с Бриттон? Я не могу понять, что Глинн думает об этом. Ему следовало поставить меня в известность еще в порту Элизабет. Слава богу, что не возникло никаких проблем.

— Она превосходный капитан,— ответил Макферлейн.— Очень умело управляет судном. Знает его вдоль и поперек. Команда ее боготворит. Ее слово — закон.

Ллойд внимал, хмурясь.

— Приятно слышать.

Зазвонил телефон. Ллойд снял трубку.

— Да? — сказал он нетерпеливо.— У меня совещание.

Наступила пауза, пока Ллойд слушал. Макферлейн наблюдал за ним, думая о том, что сказанное Ллойдом о Глинне отражает действительность. Скрытность для Глинна привычна или, возможно, инстинктивна.

— Я перезвоню сенатору,— вскоре сказал Ллойд.— И больше никаких звонков.

Он отошел к иллюминатору и остановился там, сцепив руки за спиной. Хотя буря несколько поутихла, панорамные стекла оставались залепленными мокрым снегом.

— Потрясающе,— выдохнул Ллойд с чем-то похожим на благоговение в голосе.— Подумать только, через час мы будем на острове. Господи, Сэм, мы почти уже там!

Он отвернулся от иллюминатора. Озабоченность уступила место ликованию.

— Я принял решение. Эли тоже должен об этом услышать, но я хочу, чтобы вы узнали первым.— Он помолчал. Вздохнул.— Я собираюсь водрузить флаг, Сэм.

Макферлейн посмотрел на него.

— Что вы собираетесь?

— Сегодня днем я на катере отправлюсь на остров Десоласьон.

— Совсем один?

У Макферлейна возникло странное ощущение в желудке.

— Совсем один. И этот сумасшедший старый Паппап, конечно, чтобы проводить меня к метеориту.

— Но погода...

— Погода что надо!

Ллойд принялся безостановочно ходить от одного кресла к другому.

— Такие моменты выпадают на долю очень немногим, Сэм.

Макферлейн сел в кресло. Странное ощущение усилилось.

— Совсем один? — повторил он.— Вы не хотите делиться открытием?

— Нет, не хочу. Зачем мне это нужно? Пири поступил так же на самом последнем броске к Северному полюсу. Глинн должен понять. Возможно, ему это не понравится, но это моя экспедиция. Я пойду один.

— Нет,— произнес тихо Макферлейн.— Не пойдете.

Ллойд прекратил шагать.

— Меня вы здесь не оставите.

Ллойд удивленно повернулся, посмотрел на Макферлейна своим пронизывающим взглядом.

— Вас?

Макферлейн молча встретил его взгляд.

Через мгновение Ллойд рассмеялся.

— Знаете, Сэм, вы уже не тот прячущийся в кустах человек, которого я впервые увидел в пустыне Калахари. Мне в голову не приходило, что вас может заботить нечто подобное.— Неожиданно улыбка исчезла.— Что вы будете делать, если я скажу «нет»?

Макферлейн поднялся.

— Не знаю. Что-нибудь необдуманное и неблагоразумное, по-видимому.

Казалось, вся фигура Ллойда стала еще больше.

— Вы мне угрожаете?

Макферлейн выдержал его взгляд.

— Да. Полагаю, да.

Ллойд продолжал пристально смотреть на него.

— Ну и ну.

— Вы меня отыскали. Вы знали, о чем я мечтал всю свою жизнь.

Макферлейн настороженно следил за выражением лица Ллойда. Этот человек не привык, чтобы ему противоречили.

— Я там был, чтобы избавиться от своего прошлого. А вы появились, дразня им, словно морковкой на палке. Вы знали, что я куплюсь. И вот теперь я здесь, и вы не можете меня оставить в стороне. Я не допущу этого.

Наступило напряженное молчание. До слуха Макферлейна доносилось далекое постукивание клавиш, телефонные звонки. Затем жесткость внезапно исчезла с лица Ллойда. Он положил руку на лысую голову и погладил свою блестящую макушку. Потом стал причесывать пальцами бородку.

— Если я возьму вас, тогда как быть с Глинном? А Амира? Или Бриттон? Каждый захочет приобщиться.

— Нет. Только мы двое. Я это заслужил, и вы это заслужили. И все. У вас хватит власти, чтобы было так.

Ллойд продолжал смотреть на него.

— Я думаю, новый Сэм Макферлейн мне нравится,— сказал он наконец.— Во всяком случае, я никогда полностью не верил в циничность действий того крутого мужика. Но должен вас предупредить, Сэм, пусть эта ваша заинтересованность будет здоровой. Мне нужно выразиться ясней? Я не хочу повторения той истории с Торнарссаком.

Макферлейна охватил гнев.

— Я сделаю вид, что не слышал этого.

— Нет, вы слышали. Давайте уж без жеманства.

Макферлейн ждал.

Ллойд опустил руку, неодобрительно улыбнувшись.

— Прошло много лет с тех пор, как кто-то стоял передо мной вот так. Это бодрит. Черт с вами, Сэм, ладно. Сделаем это вместе. Но вы понимаете, что Глинн попытается воспре-

пятствовать.— Ллойд снова пошел к иллюминаторам, глядя на часы.— Он будет квохтать, как наседка.

В этот момент, словно по расчету — позднее Макферлейн понял, что, очевидно, так оно и было,— в кабинет проскользнул Глинн. За ним вошел молчаливый Паппап, похожий на призрака, быстро превратившийся в постоянную составляющую окружения Глинна. Его внимательные черные глаза светились радостью. Паппап прикрывал рот, кланяясь и как-то странно приседая.

— Как раз вовремя, как всегда,— загрохотал Ллойд, поворачиваясь к Глинну и хватая его за руку.— Послушайте, Эли, я кое-что решил. Я бы хотел получить от вас благословение, но знаю, что не получу. Поэтому хочу предупредить заранее: нет такой силы ни на небе, ни на земле, которая может мне помешать это сделать. Это ясно?

— Яснее некуда,— ответил Глинн, удобно устроившись в одном из кресел и скрестив ноги.

— Нет смысла со мной спорить об этом. Решение принято.

— Прекрасно. Хотелось бы, чтобы и я мог пойти.

Какое-то мгновение Ллойд казался ошеломленным, потом в его взгляде появилось бешенство.

— Ах, мерзавец. Вы установили прослушивающие устройства на судне.

— Не смешите. Я знал с самого начала, что вы будете настаивать на том, чтобы первым нанести визит метеориту.

— Это невозможно. Я сам-то не знал...

Глинн махнул рукой.

— Неужели вы думаете, что, взвешивая все возможные пути к провалу и к успеху, мы не принимали во внимание ваш психологический портрет? Мы знали, что вы собираетесь сделать, прежде чем вы сами это узнали.— Он взглянул на Макферлейна.— Сэм настаивает на том, чтобы пойти с вами?

Ллойд просто кивнул.

— Понятно. Лучше всего вам пойти на том катере, что установлен на корме слева. Он самый маленький и самый маневренный. Я договорился с мистером Хоуэллом, что он вас от-

везет. Кроме того, я приказал приготовить рюкзаки с едой, водой, спичками, горючим, фонариками и тому подобным. И конечно, прибор спутниковой навигации и приемопередающее устройство. Я полагаю, вы хотите, чтобы Паппап был вашим проводником?

— Буду рад помочь,— заявил Паппап.

Ллойд перевел взгляд с Глинна на Паппапа и обратно. Потом грустно улыбнулся.

— Никому не нравится быть предсказуемым. Для вас бывает что-нибудь неожиданным?

— Вы наняли меня, чтобы неожиданностей не было, мистер Ллойд. У вас будет всего несколько светлых часов. Поэтому вам нужно выходить сразу, как судно войдет в пролив Франклина. Можно отложить это до следующего утра.

Ллойд покачал головой.

— Нет. Я здесь ненадолго.

Глинн кивнул, словно ожидал и этого.

— Паппап рассказывал мне о маленьком серповидном пляже на подветренной стороне острова. Вы сможете втащить катер по гальке. Вам придется обернуться туда и обратно очень быстро.

Ллойд вздохнул.

— Вы действительно знаете, как лишить жизнь всякой романтики.

— Нет,— сказал Глинн, вставая.— Я просто ликвидирую неопределенность.

Он кивнул на иллюминаторы.

— Если вам нужна романтика, посмотрите вон туда.

Они увидели маленький остров, только что оказавшийся в поле зрения. Он выглядел чуть чернее, чем темная вода вокруг него.

— Это, джентльмены, остров Десоласьон.

Макферлейн смотрел на остров со смешанным чувством любопытства и тревоги, снова оживающей в нем. Единственный луч света пробежал по суровым скалам, исчезая и вновь появляясь, подчиняясь капризам все обволакивающего тума-

на. Огромные волны разбивались о скалистые берега острова. На северном конце острова Макферлейн разглядел двойную вулканическую вилку — две скалистые пирамиды. Мощный снежник изогнулся в центральной долине. Его ледяная середина была очищена и отполирована ветром, бирюзовое украшение на однотонном морском фоне.

Спустя минуту Ллойд заговорил:

— Слава богу, вот он. Наш остров, Эли, на краю земли. Наш остров. И мой метеорит.

Позади него раздалось странное хихиканье. Макферлейн повернулся и увидел Паппапа, молчавшего в течение всего разговора и прикрывавшего рот тонкими пальцами.

— В чем дело? — резко спросил Ллойд.

Но Паппап не ответил и продолжал хихикать, кланяясь и пятясь, не отводя глаз от Ллойда, пока не вышел из кабинета.

Остров Десоласьон
12 часов 45 минут

Не прошло и часа, как танкер всей своей махиной вдвинулся в пролив Франклина, который был скорей не проливом, а бухтой неправильной формы, окруженной крутыми склонами островов. Чувствуя себя неуклюжим в толстом спасательном жилете, надетом поверх теплой куртки и непромокаемого плаща, Макферлейн сидел в середине открытого катера, ухватившись руками за планшир. Волны, которые заставляли «Ролвааг» только неприятно раскачиваться, сейчас бросали суденышко словно детский бумажный кораблик. Первый помощник капитана Виктор Хоуэлл стоял у штурвала с очень сосредоточенным лицом и старательно удерживал курс. Джон Паппап пробрался на нос и, как озорной мальчишка, свешивался вниз, держась обеими руками за причальный крюк. Последний час он был для «Ролваага» лоцманом импровизированного порта, его немногословные команды превратили то, что могло быть мучительным продвижением по незнакомому фарватеру, в обычное дело. Теперь его лицо было обращено к острову, легкий снег оседал на его узких плечах.

Катер подпрыгивал и раскачивался, и Макферлейн крепче сжимал руки. Но вот качка сразу уменьшилась, они оказались с подветренной стороны острова, название которого — Десоласьон — в переводе с испанского означает «отчаяние». Остров словно вставал перед ними на дыбы, вполне отвечая

своему названию: черные скалы торчали подобно сломанным пальцам сквозь пятна нанесенного ветром снега. Показалась пещера, совершенно черная из-за тени от козырька, нависавшего над ней. Повинуясь указаниям Паппапа, Хоуэлл направил катер к ней. За десять ярдов от берега он заглушил мотор, одновременно подняв гребной вал. Лодка проглиссировала, слегка въехав на галечный пляж. Паппап выпрыгнул из нее, как обезьяна, Макферлейн за ним следом. Он повернулся, протягивая руку Ллойду.

— Я еще не такой старик, слава богу,— сказал Ллойд, подхватив рюкзак и вылезая из катера.

Взревел мотор, катер отошел назад.

— Я вернусь в три! — крикнул Хоуэлл.

Макферлейн понаблюдал, как он удаляется от берега, и увидел свинцового цвета стену плохой погоды, которая, как ему показалось, шла на них. Он обхватил себя руками, чтобы согреться, и, хотя знал, что «Ролвааг» всего в миле от них, ему хотелось бы, чтобы тот находился в поле зрения. «Нестор был прав,— думал он.— Это действительно край земли».

— Ну, Сэм, у нас два часа,— сказал Ллойд.— Так используем их наилучшим образом.

Он вытащил из кармана маленькую камеру.

— Пусть Паппап снимет наше первое приземление. Куда он делся?

Макферлейн оглядел небольшой пляж, Паппапа нигде не было видно.

— Паппап! — крикнул Ллойд.

— Поднимайся сюда, парень! — пришел сверху тихий отклик.

Посмотрев туда, Макферлейн увидел на козырьке над пещерой силуэт на фоне темнеющего неба. Одной рукой он махал, а другой указывал на ближайшую расселину в скале.

— Как он оказался там так быстро? — удивился Макферлейн.

— Он чудной человечек, правда? — Ллойд покачал головой.— Надеюсь, он помнит дорогу.

Они пошли по гальке к основанию скалы. Пляж был замусорен осколками льда, выброшенными на берег штормом. Остро пахло мхом и солью. Макферлейн покосился на черный базальтовый утес, глубоко вздохнул и начал восхождение по узкой расселине. Подниматься было трудней, чем представлялось снизу. Из-за смерзшегося снега было скользко, последние ярдов пятнадцать пришлось карабкаться по предательски обледенелым валунам. Он слышал, как Ллойд, пыхтя, следовал за ним. Для его шестидесяти лет тот был в неплохой форме, двигался довольно быстро. Вскоре они выбрались наверх.

— Хорошо! — крикнул Паппап, хлопая в ладоши и аплодируя.— Очень хорошо!

Макферлейн согнулся, положив для отдыха кисти рук на колени. Холодный воздух обжигал легкие, хотя он весь вспотел под паркой. Рядом пытался отдышаться Ллойд. О съемке больше не было сказано ни слова.

Распрямившись, Макферлейн разглядел, что они находятся на равнине, усыпанной камнями. За ней в четверти мили лежал длинный снежник, протянувшийся к центру острова. Небо затянуло облаками, усилился снег.

Не сказав больше ни слова, Паппап повернулся и резво зашагал прочь. Ллойд и Макферлейн старались не отставать, пока шли по равномерно поднимающемуся склону. Удивительно быстро снегопад превратился во вьюгу, сократив окружающий мир до белого кокона. Словно призрак, едва различимый в двадцати футах впереди, шел Паппап. По мере того как они набирали высоту, ветер становился сильней. Снег несся параллельно земле. Теперь Макферлейн был рад, что Глинн настоял на сапогах, рассчитанных на мороз, и на арктических парках.

Они добрались до гребня горы. Снежный вихрь отнесло в сторону, и Макферлейну представилась возможность увидеть мельком долину внизу. Они находились на краю седловины, возвышавшейся над снежником. Отсюда было видно, как он велик: огромный голубовато-белый массив, почти ледник по своей неприступности. Он пролегал по середине долины, окру-

женной низкими холмами. За ним как два клыка торчали вулканические пики. Макферлейн видел, что из долины к ним поднимается новый снежный вихрь: ровная стена белизны, которая быстро поглощает ландшафт.

— Великолепный вид отсюда, правда? — сказал Паппап.

Ллойд кивнул. Опушка его парки была в инее, в бороде образовались льдинки.

— Интересно, у этого большого снежника есть название?

— О да,— сказал Паппап, несколько раз покачав головой, его усы раскачивались в такт.— Его называют Блевотина Генуксы.

— Как образно. А те два пика?

— Пасть Генуксы.

— Имеет смысл,— сказал Ллойд.— Кто такой Генукса?

— Легенда индейцев ейган,— ответил Паппап и больше ничего не добавил.

Макферлейн внимательно посмотрел на проводника. Он вспомнил упоминание легенды индейцев ейган в дневнике Масангкея. Интересно, не эта ли легенда и привела его сюда?

— Меня всегда интересовали старые легенды,— сказал он как бы невзначай.— Не расскажете нам эту?

Паппап пожал плечами, снова энергично кивая головой.

— Я не верю никаким старым суевериям,— сказал он.— Я христианин.

И снова быстрым шагом стал спускаться с горы к снежнику. Макферлейну пришлось почти бежать, чтобы не отставать от него. Он слышал, как Ллойд поспешает за ними.

Снежник лежал в глубокой впадине. По краям скопились раскрошившиеся валуны и кучи наносной породы. Когда они подошли к снежнику, на них налетел новый шквал. Макферлейну пришлось наклониться вперед, чтобы противостоять ветру.

— Вперед, ребятишки! — крикнул Паппап сквозь вьюгу.

Они двигались параллельно снежнику, круто вздымавшемуся рядом, как бок огромного животного. Время от времени Паппап останавливался и внимательно приглядывался.

— Здесь,— сказал он наконец и ударил по отвесной стене ногой, сделав опору для ноги, поднялся, снова ударил.

С осторожностью Макферлейн полез за ним, используя опоры, вырубленные Паппапом, и отворачивая лицо от ветра.

Крутая боковина снежника постепенно выравнивалась, но тем яростней становились вихри.

— Скажите Паппапу идти медленней! — крикнул сзади Ллойд.

Однако Паппап пошел быстрей.

— Генукса был сыном Екайджиса, бога ночного неба,— начал он вдруг говорить со странными напевными интонациями.— У Екайджиса было два сына: Генукса и его брат-близнец Герекса. Герекса всегда был любимцем отца. Зеницей ока. Время шло, и Генукса все больше завидовал брату. Он хотел завладеть его силой.

— Ага, старая история о Каине и Авеле,— сказал Ллойд.

На верху снежника обнажился голубой лед. «В этом есть что-то невероятно странное,— думалось Макферлейну,— пробираться через этот центр небытия, средоточие первозданной белизны, к громадному мистическому камню и к могиле бывшего партнера, слушая из уст старика легенду острова Десоласьон».

— Ейган верят, что кровь — источник жизни и силы,— продолжал Паппап.— Настал такой день, когда Генукса убил своего брата. Перерезал Герексе горло и пил его кровь и всю выпил. И его кожа стала цвета крови, и он обрел силу. Но его отец, Екайджис, узнал об этом. Он заточил Генуксу в подземную тюрьму на острове. И иногда, если подойти к острову слишком близко ветреной ночью при сильном прибое, можно видеть вспышки света и слышать злобные вопли, когда Генукса пытается сбежать.

— Он сбежит когда-нибудь? — спросил Ллойд.

— Не знаю, парень. Плохо будет дело, если сумеет.

Снежник пошел под уклон, закончившись шестифутовым гребнем. Они осторожно перелезли по очереди через край и съехали вниз на твердую землю. Ветер постепенно ослабевал,

и снег теперь падал медленнее. Огромные хлопья кружились и опускались на землю подобно пеплу. Но ветер все же подметал бесплодную равнину почти дочиста. Впереди, в нескольких сотнях ярдов, Макферлейн увидел огромный валун. Пока он присматривался, Паппап побежал к нему.

За ним, широко шагая, двинулся Ллойд. Макферлейн медленно пошел следом. С подветренной стороны валуна лежал сморщенный кусок шкуры. Неподалеку валялись кости животных и два черепа. Вокруг одного из них был обернут недоуздок. Конец старой веревки, служившей поводом, завязан вокруг валуна. Валялось несколько консервных банок, большой кусок брезента, промокший спальник и две рваные седельные сумки. Под брезентом что-то лежало.

— Боже мой,— сказал Ллойд.— Это, должно быть, мулы вашего напарника. Они умерли от голода, привязанные к этому камню.

Ллойд пошел к камню, но Макферлейн остановил его, подняв руку в перчатке. Потом сам медленно пошел к валуну. Он наклонился и осторожно поднял край брезента. Встряхнул его, чтобы очистить от снега, и отбросил в сторону. Но тела Масангкея там не оказалось, только его вещи. Он увидел пачки лапши и банки сардин. Банки взорвались, и куски сардин разлетелись по замерзшей поверхности. «Нестор всегда любил сардины»,— подумал он с болью.

Ему вспомнилось прошлое. Это случилось пять лет назад и несколькими тысячами миль севернее. Они с Нестором прятались в глубоком дренажном колодце около грунтовой дороги с рюкзаками, под завязку набитыми тектитами Атакамы. Всего в нескольких футах от них шли бронемашины, закидывая колодец гравием. И тем не менее они были в эйфории от успеха, похлопывали друг друга и смеялись. Они были голодны, но не решались развести костер, опасаясь, что их заметят. Масангкей достал из рюкзака банку сардин и предложил ее Макферлейну.

«Ты смеешься? — прошептал Макферлейн.— У них вкус еще хуже, чем запах».

«За это я их и люблю,— шепотом сказал Масангкей.— Амой ик-ик юнг кемей мо!»

Макферлейн посмотрел на него озадаченно. Но вместо объяснений Масангкей начал смеяться, сначала тихонько, а потом все громче. Почему-то в атмосфере величайшей опасности и напряжения его веселье оказалось непреодолимо заразительным. Не понимая почему, Макферлейн тоже начал корчиться в конвульсиях смеха, сжимая драгоценные рюкзаки, а машины, что за ними охотились, ездили туда и обратно у них над головой.

Макферлейн вернулся в настоящее. Он сидел на корточках в снегу, вокруг его ног валялись банки мерзлых консервов и какая-то одежда. Им овладело странное чувство. Кучка хлама выглядела такой жалкой. А место, где его напарник умер в полном одиночестве, внушало ужас. Макферлейн почувствовал пощипывание в уголках глаз.

— Итак, где метеорит? — услышал Макферлейн вопрос Ллойда.

— Что? — спросил Паппап.

— Яма, дружище, где яма, которую выкопал Масангкей?

Паппап неопределенно махнул на снежную круговерть.

— Проклятье, отведите меня туда!

Макферлейн посмотрел на Ллойда, потом на Паппапа, который уже пошел вперед, поднялся и направился за ними.

Пройдя четверть мили, Паппап остановился. Макферлейн сделал еще несколько шагов вперед, вглядываясь в раскопанную впадину. Ее края оползли внутрь, на дне образовался сугроб. Почему-то он думал, что яма будет больше. Он почувствовал, как Ллойд схватил его за руку и сжал так крепко, что ему стало больно, несмотря на слои шерсти и пуха.

— Подумайте только, Сэм,— прошептал Ллойд.— Он прямо здесь. Прямо у наших ног.— Он оторвал взгляд от ямы и посмотрел на Макферлейна.— Чертовски хочется на него посмотреть.

Макферлейн осознал, что ему следовало бы чувствовать что-нибудь еще, кроме глубокой печали и ужасающей, зловещей тишины.

Ллойд снял рюкзак, отстегнул крышку и вытащил термос и три пластиковые чашки.

— Горячий шоколад?

— Конечно.

Ллойд грустно улыбнулся.

— Уж этот мне Эли. Мог бы снабдить нас бутылкой коньяка. Ладно, по крайней мере хоть что-то горячее.

Он отвинтил крышку и разлил дымящийся напиток. Ллойд поднял свою чашку, Макферлейн и Паппап повторили его жест.

— За метеорит Десоласьон!

Голос Ллойда прозвучал глухо в тишине снегопада.

— Масангкей,— услышал Макферлейн себя после короткой паузы.

— Простите?

— Метеорит Масангкей.

— Сэм, это не по правилам. Метеориты всегда называют по месту, где они...

Ощущение пустоты внутри исчезло.

— Плевать на правила,— сказал Макферлейн, опуская чашку.— Его нашел он, а не вы. И не я. Он умер ради этого.

Ллойд посмотрел на него. Его взгляд, казалось, говорил: «Немного поздновато для угрызений совести».

— Мы обсудим это позднее,— сказал Ллойд спокойно.— Сейчас просто выпьем за эту штуку, как бы она ни называлась.

Они чокнулись пластиковыми чашками и залпом выпили горячий шоколад. Пролетела невидимая чайка, снег поглотил ее крик, в котором Макферлейну послышалась обреченность. Он почувствовал, как внутри разливается приятное тепло и неожиданный гнев отпускает. Уже начинало темнеть, и белизна на границах их маленького мира приобретала сероватый оттенок. Ллойд собрал чашки и термос, положил их в рюкзак. Было ощущение некоторой неловкости. «Возможно, в такие осознанные исторические моменты всегда так бывает»,— подумал Макферлейн.

Была и другая причина для неловкости. Они еще не нашли тело Масангкея. Макферлейн поймал себя на том, что не может оторвать взгляд от земли из страха увидеть его, не может повернуться к Паппапу и спросить, где оно.

Ллойд долго смотрел на яму около ног и наконец взглянул на часы.

— Давайте попросим Паппапа нас сфотографировать.

Макферлейн послушно встал рядом с Ллойдом, когда тот передавал свою камеру Паппапу.

Щелкнул затвор, но Ллойд продолжал стоять неподвижно, сфокусировав взгляд на чем-то неподалеку.

— Посмотрите,— сказал он, указывая за плечо Паппапа, на серовато-коричневую кучу на небольшом взгорке в сотне ярдов от ямы.

Они подошли. Останки скелета лежали полузанесенные снегом, распавшиеся кости были почти не видны, за исключением будто улыбающейся кривобокой челюсти. Рядом лежала лопата без ручки и нога в сгнившем ботинке.

— Масангкей,— прошептал Ллойд.

Макферлейн стоял молча. Они столько вместе пережили. Его бывший друг, бывший шурин превратился теперь в холодную кучку разбросанных костей на дне мира. Как он умер? Замерз? Неожиданный инфаркт? Ясно, что не от голода, рядом с мулами полно продуктов. И почему кости сломаны и раскиданы? Птицы? Животные? Остров кажется совершенно безжизненным. А Паппап даже похоронить его не счел нужным.

Ллойд повернулся к Паппапу:

— Что могло его убить, как вы думаете?

Паппап в ответ просто фыркнул.

— Попробую догадаться. Генукса.

— Если ты веришь в легенды, парень,— сказал Паппап.— Как я уже говорил, я не верю.

Ллойд некоторое время смотрел на Паппапа жестким взглядом. Потом вздохнул и пожал плечо Макферлейну.

— Сожалею, Сэм,— сказал он.— Понимаю, как вам тяжело.

Они постояли в молчании еще недолго над жалкими останками. Потом Ллойд засобирался.

— Время идти,— сказал он.— Хоуэлл приплывет в три часа, и я бы не хотел провести ночь на этих скалах.

— Скоро пойдем,— сказал Макферлейн, продолжая смотреть на останки.— Сначала мы должны его похоронить.

Ллойд помедлил в нерешительности. Макферлейн призвал свою решимость, ожидая протеста. Но великан сказал:

— Конечно.

Пока Ллойд собирал кости в кучу, Макферлейн выискивал под снегом булыжники и выковыривал их из мерзлой земли заледеневшими пальцами. Вместе они складывали над останками пирамиду из камней. Паппап стоял в стороне, наблюдая.

— Вы не собираетесь нам помочь? — спросил его Ллойд.

— Не я. Как я уже сказал, я христианин. Я есть. Библия говорит: позвольте мертвым хоронить мертвецов.

— Не очень-то по-христиански было очищать его карманы, не так ли? — сказал Макферлейн.

Паппап сложил руки с глупой виноватой улыбкой на лице.

Макферлейн вернулся к работе, и через пятнадцать минут они закончили. Он соорудил крест из двух палок и осторожно воткнул его на вершине невысокой горки камней. Затем он отошел назад, стряхивая с перчаток снег.

— Canticum graduum de profundis clamavi ad te Domine,— сказал он тихо.— Покойся с миром, дружище.

Потом он кивнул Ллойду, и они пошли на восток, к белой громаде снежника. Небо становилось все темней. У них за спиной собирался с силами новый снежный заряд.

Остров Десоласьон
16 июля, 8 часов 42 минуты

Макферлейн смотрел на новую гравийную дорогу, похожую на черную змею, прорезавшую сверкающие просторы белого снега. Он потряс головой, улыбаясь про себя в завистливом восхищении. За три дня, прошедших после первого посещения, остров изменился до неузнаваемости.

Сильный рывок, и половина кофе из чашки выплеснулась Макферлейну на непромокаемые штаны.

— Господи! — вскрикнул он, отводя в сторону руку с чашкой и отряхивая брюки.

Из кабины ему улыбнулся водитель, крепкий малый по имени Эванс.

— Сожалею,— посочувствовал он.— Эти «каты» ездят совсем не так, как «эльдорадо».

Несмотря на огромный кузов и шины размером в два человеческих роста, кабина трактора-тягача была рассчитана только на одного человека, и Макферлейн уселся на площадке рядом с ней, скрестив ноги. Прямо под ним ревел мощный дизельный двигатель. Это не имело значения. Сегодня был особый день. Сегодня они откапывают метеорит.

Макферлейн вспоминал последние семьдесят два часа. В первую же ночь их прибытия Глинн запустил ошеломительный процесс разгрузки. Все происходило с поразительной скоростью и результативностью. К утру большая часть оборудо-

вания, которое могло вызвать подозрения, была перемещена с помощью тяжелых машин в сборные ангары на острове. В то же самое время рабочие ЭИР под руководством Гарсы и Рочфорта с помощью взрывов выровняли пляж, построили причалы и волнорезы из камней и стали, проложили широкую дорогу от берега высадки в обход снежника к месту расположения метеорита. По ней-то и ехал сейчас Макферлейн. Бригада рабочих ЭИР сгрузила часть передвижных контейнерных лабораторий и производственных помещений, перевезла на рабочую площадку, где их разместили среди домиков из гофрированного металла.

Но когда тягач обогнул снежник и подъехал к рабочей площадке, Макферлейн увидел, что самые поразительные изменения произошли на склоне, в миле от нее. Там армия рабочих с тяжелым оборудованием начала разработку открытого карьера. Вдоль него выросло с десяток бараков. Периодически гремели взрывы, над карьером поднимались тучи пыли. На одной стороне росли отвалы, неподалеку был вырыт пруд для щелочного раствора, который обычно используют при обогащении руды.

— Что там происходит? — крикнул Макферлейн Эвансу, указывая на склон.

— Разработка месторождения.

— Я вижу. Но что они добывают?

Эванс расплылся в улыбке:

— Ничего!

Макферлейн не мог удержаться от смеха. Глинн поражал его воображение. Любой, увидев все это, подумает, что настоящие работы развернуты на склоне, а постройки вокруг метеорита — просто складские помещения.

Он отвел взгляд от фиктивной выработки и посмотрел на дорогу впереди. Снежник Генуксы сверкал, словно захватывал свет, втягивал его вглубь, превращая в бесчисленные оттенки синего и бирюзового. Припорошенная свежим снегом «Пасть Генуксы» за ним выглядела теперь менее зловещей.

Предыдущую ночь Макферлейн вообще не спал, но чувствовал себя тем не менее очень бодрым. Меньше чем через час

они будут знать. Они его увидят. Они смогут к нему прикоснуться.

Тягач снова подскочил, Макферлейн крепче ухватился за металлический поручень одной рукой, а другой опрокинул в рот остатки кофе из стаканчика. Было солнечно, но все же чертовски холодно. Макферлейн смял пластиковый стаканчик и засунул в карман парки. Большой трактор выглядел только слегка менее потрепанным, чем сам «Ролвааг», но Макферлейн видел, что и это тоже иллюзия: интерьер машины был совершенно новым.

— Хорошая машина,— крикнул он Эвансу.

— О да,— откликнулся парень, выдохнув облако пара.

Дорога стала ровней, и скорость увеличилась. По пути встретили еще один тягач и бульдозер, направлявшиеся к берегу. Водители радостно приветствовали Эванса. Макферлейн осознал, что ему ничего не известно о мужчинах и женщинах, управлявших тяжелыми машинами. Кто они? Что они думают об этом странном предприятии?

— Вы работаете на Глинна? — спросил он Эванса.

Эванс кивнул.

Казалось, он постоянно носит улыбку на своем грубом морщинистом лице с нависшими щетинистыми бровями.

— Хотя не постоянно. Некоторые из парней работают на нефтяных вышках, кто-то строит мосты, да мало ли где. У нас даже есть бригада с раскопок в Бостоне. Но когда зовет ЭИР, все бросаешь и бегом к ним.

— Это почему же?

Эванс улыбнулся еще шире.

— Они платят в пять раз больше, вот почему.

— Тогда, пожалуй, я работаю не на того.

— О, я уверен, вы зарабатываете достаточно, доктор Макферлейн.

Эванс сбросил скорость, чтобы пропустить грейдер, металлические ножи которого ярко блестели на солнце.

— Это самое большое дело, в котором вы участвовали с ЭИР?

— Нет,— мотнул головой Эванс, газанул, и машина снова понеслась вперед.— Эту работу можно считать средней.

Снежник остался позади. Впереди Макферлейн видел широкую выемку размером около акра, выдолбленную в мерзлой земле. Вокруг рабочей зоны были размещены четыре гигантские инфракрасные параболические антенны, направленные вниз. Рядом, словно солдаты на смотру, выстроились в ряд грейдеры. Вокруг сновали инженеры и рабочие, собирались группами и что-то обсуждали, делали замеры, говорили по радио. Вдалеке огромная машина, похожая на трейлер на гигантских металлических подошвах, оснащенная высокотехнологичной аппаратурой на выносных штативах, подползала к снежнику. Сбоку, маленькая и жалкая, стояла пирамида, которую они с Ллойдом сложили над останками Масангкея.

Эванс остановился на границе рабочей площадки. Макферлейн спрыгнул и пошел к строению с вывеской «интендант». Внутри за столом рядом с импровизированной кухней сидели Ллойд с Глинном и что-то обсуждали. Амира накладывала со сковороды еду на тарелку. Неподалеку, свернувшись, дремал Паппап. В комнате пахло кофе и беконом.

— Вы как раз вовремя,— сказала Амира, возвращаясь к столу с тарелкой, в которой было по меньшей мере десять кусков бекона.

— Валяетесь в постели, пока все работают. Вам следовало бы подавать пример своему ассистенту.

Она полила на горку бекона кленового сиропа, размешала, подхватила кусок бекона со стекающим сиропом и отправила его в рот.

Ллойд согревал руки о чашку с кофе.

— Рейчел, при вашем пристрастии к еде,— сказал он шутливо,— вам полагалось бы уже умереть.

Амира рассмеялась.

— Мозг тратит больше калорий за минуту мыслительной работы, чем тело во время бега. Как бы иначе я оставалась такой грациозной и сексуальной? — отвечала она, постукивая себя по лбу.

— Когда мы откопаем камень? — спросил Макферлейн.

Глинн откинулся на стуле, вытянул из кармана свои золотые часы и открыл их.

— Полчаса. Мы собираемся открыть часть поверхности не больше, чем необходимо, чтобы вы могли провести исследования. Доктор Амира поможет вам взять пробы и проанализировать результаты.

Они все это уже подробно обговорили, но Глинн всегда повторял дважды. Макферлейн кивнул. «Двойное обеспечение»,— подумал он.

— Мы должны его окрестить,— сказала Амира, положив в рот очередной кусок бекона.— Кто-нибудь принес шампанское?

Ллойд сморщился.

— К сожалению, это больше похоже на съезд лиги трезвенников, чем на научную экспедицию.

— Полагаю, вам придется разбить о камень один из ваших термосов с горячим шоколадом,— пошутил Макферлейн.

Глинн наклонился, поднял сумку, достал из нее бутылку «Перье Жуэ» и осторожно поставил на стол.

— «Флер де Шампань»,— прошептал Ллойд почти благоговейно.— Мое любимое. Эли, вы лжец, вы мне никогда не говорили, что на борту есть шампанское.

Глинн только молча улыбнулся.

— Если мы собираемся эту штуку крестить, кто-нибудь подумал об имени? — спросила Амира.

— Сэм хочет дать метеориту имя Масангкей,— сказал Ллойд.— Я склоняюсь к тому, чтобы придерживаться обычной практики и назвать его Десоласьон.

Наступило неловкое молчание.

— Мы должны выбрать имя,— прервала молчание Амира.

— Нестор Масангкей пожертвовал жизнью, чтобы найти метеорит,— сказал Макферлейн тихим голосом, твердо глядя на Ллойда.— Если бы не он, нас бы здесь не было. С другой стороны, вы финансировали экспедицию и тем выиграли право назвать камень.

Он продолжал упорно смотреть на миллиардера.

7-1240

Когда Ллойд заговорил, его голос звучал необычно тихо.

— Мы даже не знаем, захотел бы Нестор Масангкей удостоиться такой чести,— сказал он.— Это не тот случай, чтобы нарушать традицию, Сэм. Мы дадим метеориту имя Десолясьон, но зал, в котором его разместим, назовем в честь Нестора. Мы установим табличку с детальным описанием его открытия. Это приемлемо?

Макферлейн подумал немного и кивнул головой.

Глинн передал бутылку Ллойду и встал. Все вышли на улицу, где светило яркое утреннее солнце. Пока они шли, Глинн поравнялся с Макферлейном.

— Вы, конечно, понимаете, что на каком-то этапе нам придется эксгумировать тело вашего друга,— сказал Глинн, кивнув в направлении пирамиды из камней.

— Зачем? — изумился Макферлейн.

— Нужно узнать причину смерти. Доктор Брамбелл должен изучить останки.

— Для чего?

— Нельзя оставлять свободные концы. Сожалею.

Макферлейн начал возражать, но остановился. Как всегда, логику Глинна было невозможно оспорить.

Вскоре они остановились на границе очищенной площадки. Яма, выкопанная Нестором, исчезла.

— Мы сняли грунт, оставив три фута над верхушкой камня,— объяснял Глинн.— Брали образцы из каждого слоя. Основную массу снимем грейдерами, а на последнем футе в ход пойдут лопаты и щетки. Мы не хотим, чтобы на метеорите появилась хоть одна лишняя царапина.

— Правильно,— одобрил Ллойд.

Гарса и Рочфорт стояли вместе около выстроившихся в ряд грейдеров. Теперь Рочфорт подошел к ним. Его лицо обветрилось, стало багровым.

— Готовы? — спросил Глинн.

Рочфорт кивнул. Водители заняли места в грейдерах, заработали двигатели, из выхлопных труб вылетели клубы дыма и пара.

— Есть проблемы? — спросил Ллойд.

— Никаких.

Глинн посмотрел на Гарсу и поднял большой палец, давая добро. Инженер, одетый в свой обычный спортивный костюм, повернулся, поднял кулак и описал им круг. Грейдеры пришли в движение. Они двигались медленно, заполняя воздух выхлопами дизелей и постепенно опуская ножи. За первым грейдером шли несколько рабочих в белых куртках, в руках у них были мешки для образцов. Они подбирали камни и землю из открытого грейдером слоя и складывали их в мешки для последующего анализа.

Ряд грейдеров за проход снял шесть дюймов грунта. Ллойд смотрел на их работу и хмурился.

— Страшно думать об этих огромных ножах, орудующих так близко к моему метеориту.

— Не волнуйтесь,— успокоил его Глинн. Мы рассчитали очень тщательно. Нет ни малейшей опасности, что они могут его задеть.

Грейдеры сделали еще один проход. Затем Амира медленно прошла через центр расчищенной площади с протонным магнитометром на колесах. На дальнем конце она остановилась, пощелкала клавишами на фронтальной панели прибора и оторвала узкую бумажную ленту, которая выползла из него. Амира вернулась к ним, катя магнитометр за собой.

Глинн взял бумажку.

— Он здесь,— сказал он, передавая бумажку Ллойду.

Ллойд схватил бумажку, Макферлейн заглянул в нее сбоку. Слабая неровная линия представляла землю. Под ней, гораздо темней, обозначилась верхняя полукруглая граница большого формирования. Бумажка дрожала в мощных руках Ллойда. Макферлейн подумал: «Господи, там, внизу, действительно что-то есть». До этого момента он не вполне в это верил.

— Еще пятнадцать дюймов,— сказала Амира.

— Время перейти на археологический режим работы,— сказал Глинн.— Мы будем копать не там, где копал Масангкей, чтобы взять образцы нетронутого грунта.

Группа последовала за ним по только что открытому слою гравия. Амира сняла еще несколько показаний, воткнула в землю несколько стоек, начертила на земле решетку и пристегнула белые шнуры, ограничивающие квадрат со стороной два метра. Появилась бригада рабочих, которые стали осторожно снимать грунт на площади квадрата.

— Как получилось, что земля не промерзла? — спросил Макферлейн.

Глинн кивнул на четыре колонки.

— Мы установили над зоной инфракрасное облучение.

— Вы подумали обо всем,— одобрительно сказал Ллойд, покачивая головой.

— Вы нам платите именно за это.

Рабочие продолжали копать в обозначенном квадрате, понемногу углубляясь и время от времени отбирая образцы минералов и песка. Один из них прекратил копать и поднял объект неровных очертаний с наросшим на его поверхности песком.

— Интересно,— сказал Глинн, подходя.— Что это?

— Покажите,— попросила Амира.— Странно. Почти как стекло.

— Фульгурит,— объяснил Макферлейн.

— Что?

— Фульгурит. Он образуется, когда сильная молния бьет в мокрый песок. Она проплавляет канал, превращая песок в стекло.

— Вот зачем я его нанял,— сказал Ллойд, посмотрев с улыбкой вокруг.

— Вот еще один,— сообщил рабочий.

Они осторожно копали вокруг. Фульгурит торчал из песка и был похож на ветку дерева.

— Метеориты являются ферромагнетиками,— сказал Макферлейн, наклоняясь и руками в перчатках осторожно вытаскивая из песка кусок фульгурита.— Этот, должно быть, притянул больше молнии, чем ему полагалось.

Рабочие продолжали копать, им попалось еще несколько фульгуритов. Каждый из них завернули в ткань и упаковали

в деревянный ящик. Амира помахала над землей своим инструментом.

— Осталось шесть дюймов,— сообщила она.

— Переключайтесь на щетки,— приказал Глинн.

Теперь только двое рабочих склонились над ямой, остальные заняли позиции у них за спиной. Макферлейн видел, что на этой глубине почва была влажной, почти насыщена водой, и рабочие не сметали песок, а стирали грязь. По мере того как яма углублялась сантиметр за сантиметром, становилось все тише.

— Сними опять показания,— сказал Глинн.

— Еще дюйм,— сообщила Амира.

Макферлейн наклонился вперед. Двое рабочих использовали жесткие пластиковые щетки, загоняя жижу на совки, которые передавали рабочим, стоящим у них за спиной.

И вот щетка коснулась твердой поверхности. Двое рабочих отошли от ямы и осторожно сгребли лопаткой грунт, оставив тонкий слой, покрывающий твердую поверхность внизу.

— Смойте это,— приказал Глинн.

Макферлейну даже показалось, что он услышал что-то вроде предвкушения в его голосе.

— Ну, скорей же! — крикнул Ллойд.

Прибежал рабочий, разматывая тонкий шланг. Глинн сам взял у него из рук наконечник, направил его на покрытый грязью метеорит и нажал. В течение нескольких секунд слышалось только тихое шипение воды, смывавшей с поверхности метеорита последний слой грязи.

Глинн прекратил подачу воды. Вода стекла с обнаженной поверхности метеорита. Внезапное оцепенение, ощущение волнующей непредсказуемости охватило компанию.

А потом раздался глухой стук, с которым ударилась о влажную почву небрежно брошенная бутылка шампанского.

Остров Десоласьон
9 часов 55 минут

Палмер Ллойд стоял у самого края ямы, его глаза были устремлены на обнажившуюся поверхность метеорита. На мгновение он испытал замешательство от удивительного зрелища. А потом постепенно пришел в себя, почувствовал, как стучит в висках кровь, как воздух наполняет грудь, как холодит нос и щеки. Но осталось всепоглощающее удивление. Он смотрел на это, видел и не мог поверить.

— Марго,— пробормотал он.

Его голос был едва слышен, хотя вокруг все молчали, онемев от потрясения.

Ллойд совершал паломничество к наиболее значительным из железных метеоритов в мире: Гоба, Анайито, Вилламет и Вумэн. Несмотря на разницу формы, они все имели изъязвленную коричневато-черную поверхность. Все железные метеориты выглядели похожими.

Но этот метеорит был алого цвета. «Нет,— подумал Ллойд, когда его мозг снова заработал,— слово "алый" не совсем то. Глубокий, чистый густой цвет полированного сердолика, даже еще богаче. Фактически это цвет настоящего бордо, того экономно распиваемого "Шато Марго", которым приходится ограничиваться на "Ролвааге"».

Потрясенное молчание нарушил одинокий голос. Ллойд узнал его, в нем слышалась властность, присущая голосу Глинна.

— Пожалуйста, всем отойти от раскопа.

Машинально Ллойд отметил, что никто не двинулся с места.

— Отойдите,— повторил Глинн более резко.

На этот раз тесный круг зрителей нехотя отступил на несколько шагов. Вместе с ними отступили их тени, солнечный свет упал на раскоп. И снова у Ллойда перехватило дыхание. При солнечном освещении поверхность метеорита выглядела гладким металлом, больше всего похожим на золото. Подобно золоту, этот алый металл, казалось, поглощает свет, забирая его извне, затемняя окружающий мир, но приобретая несказанное внутреннее свечение. Он был не только прекрасен, но и неописуемо необычен.

И это был его метеорит.

Неожиданно Ллойд испытал огромную радость, что эта замечательная вещь лежит здесь у его ног, что удивительная траектория его жизни предоставила ему возможность найти ее. Доставить в свой музей самый большой метеорит в истории человечества — уже великое дело. Но теперь ставки гораздо выше. Это не случайность, что он, возможно, единственный человек на земле, обладающий дальновидностью и ресурсами, находится здесь в это время и в этом месте и смотрит на этот восхитительный объект.

— Мистер Ллойд,— услышал он голос Глинна,— я сказал отойти.

Вместо этого Ллойд наклонился вперед. Глинн сказал громче:

— Палмер, не делайте этого!

Ллойд уже спустился в яму. Он спрыгнул прямо на поверхность метеорита, упал на колени и стал поглаживать пальцами в перчатках слегка рифленую металлическую поверхность. Повинуясь порыву, он наклонился и приложился к ней щекой.

Наверху все затаили дыхание.

— Какой он на ощупь? — раздался вопрос Макферлейна.

— Холодный,— откликнулся Ллойд, поднимаясь. Он услышал в своем голосе дрожь, почувствовал слезы, замерзающие у него на онемевших щеках.— Он ужасно холодный.

Остров Десоласьон
13 часов 55 минут

Макферлейн уставился на экран ноутбука у себя на коленях. Курсор неодобрительно мигнул с почти пустого экрана. Макферлейн вздохнул и поерзал, пытаясь устроиться удобней на складном металлическом стуле. Единственное окно домика под вывеской «Интендант» было покрыто изморозью, сквозь стены слышалось завывание ветра. Ясная с утра погода сменилась снегопадом. Но внутри домика угольная печка распространяла замечательное тепло.

Макферлейн кликнул мышкой и, выругавшись, закрыл компьютер. На ближайшем столе затрещал принтер. Макферлейн беспокойно поерзал на стуле. Он снова мысленно проигрывал события этого утра. Минута благоговейного молчания, Ллойд, неожиданно прыгающий в яму, Глинн, предостерегающий его, впервые, насколько мог вспомнить Макферлейн, назвав того по имени. Триумфальное крещение и полное смятение в голове от лавины вопросов, на которые не было ответа. Макферлейн чувствовал себя оглушенным, у него захватывало дух.

У Макферлейна тоже возник порыв прыгнуть в яму, потрогать эту штуку, убедиться, что она действительно существует. Но он испугался. Метеорит оказался такого сочного цвета, резко контрастирующего с одноцветным ландшафтом, что напоминал зияющую кровавую рану среди белоснежных

простыней операционного стола. Он вызывал отвращение и восторг одновременно. И он возродил в нем надежду, которая, как он думал, умерла.

Открылась дверь, впустив завывание метели. Макферлейн поднял голову и увидел входившую Амиру.

— Заканчиваете отчет? — спросила она, снимая парку и стряхивая снег.

В ответ Макферлейн указал на принтер. Амира подошла, схватила распечатку и расхохоталась.

— «Метеорит красного цвета»,— прочитала она вслух.

Она бросила распечатку Макферлейну на колени.

— Что мне нравится в человеке, так это лаконичность.

— Зачем тратить бумагу на множество бесполезных предположений? Пока мы не получим кусок для изучения, как я могу сказать, что это такое, черт возьми?

Она взяла стул и села рядом с Макферлейном. Макферлейну подумалось, что при нарочитой своей несерьезности Амира очень внимательно за ним наблюдает.

— Вы изучали метеориты многие годы. Сомневаюсь, что ваши предположения были бы бесполезными.

— А что вы думаете?

— Я отвечу, если вы скажете мне, что вы думаете.

Макферлейн посмотрел вниз на узор столешницы из фанеры, напоминающий волны, поводил вдоль них пальцем. Они имели фрактальное совершенство береговой линии, снежинки или множества Мандельброта. Они напомнили ему, каким сложным является все вокруг: Вселенная, атом, кусок дерева... Боковым зрением он видел, как Амира достала из кармана металлический футляр для сигары и вытряхнула из него на ладонь окурок.

— Пожалуйста, не нужно,— попросил он.— Мне так не хочется выходить на холод.

Амира убрала сигару.

— Я же знаю, у вас в голове что-то крутится.

Макферлейн пожал плечами.

— Ладно,— сказала Амира.— Вы хотите знать, что я думаю? Вы ушли в отказ.

Макферлейн обернулся посмотреть на нее.

— Именно. У вас была любимая теория, в которую вы верили, несмотря на насмешки ваших коллег. Разве не так? И когда показалось, что вы наконец нашли ей подтверждение, вы попали в передрягу. Вы так разволновались, что утратили присущую вам здравость суждений и плохо обошлись со своим другом. А в довершение всего ваши предположения не оправдались.

Макферлейн снова на нее посмотрел:

— Я не знал, что вы специализировались еще и в психиатрии.

Она наклонилась вперед, убеждая:

— Естественно, я слышала историю. Однако дело в том, что сейчас вы получили то, что искали все эти годы. Вы имеете более чем подтверждение. У вас есть доказательство. Но вы не решаетесь это признать. Вы боитесь снова ступить на ту дорогу.

Макферлейн с минуту смотрел ей в глаза. Он чувствовал, что гнев его прошел. Он расслабился. Мысли беспорядочно кружили в голове. «Неужели она права?» — подумал он.

Амира засмеялась.

— Рассмотрим, например, цвет. Вы знаете, почему металлы не бывают насыщенного красного цвета?

— Нет.

— Объекты имеют определенный цвет в зависимости от способа взаимодействия с протонами света. Возьмем «Джолли Рэнчер».

Амира запустила руку в карман и достала мятый бумажный пакетик.

— Что это за чертовщина — «Джолли Рэнчер»?

Она бросила ему леденец, другой вытряхнула себе на ладонь. Зажав зеленый ромбик между большим и указательным пальцами, подняла руку вверх.

— Каждый объект, если это не абсолютно черное тело, поглощает одни световые волны и отражает другие. Эта конфета зеленая, потому что отражает волны зеленой части светового спектра вам в глаза, в то время как другие — поглощает. Я проделала несколько прикидочных вычислений и не смогла найти ни единой теоретической комбинации сплава металлов, который отражал бы такой красный свет. Похоже, ни один сплав известных металлов не может быть красным. Желтым, белым, оранжевым, фиолетовым, серым, но не красным.

Она забросила в рот зеленую конфету, с хрустом раскусила и начала жевать. Макферлейн положил свой леденец на стол.

— Что вы хотите этим сказать?

— Вы и сами знаете. Я говорю, что он сделан из некоего странного элемента, которого мы никогда не видели. Так что прекратите осторожничать. Я уверена, вы думали: «Это он. Это межзвездный метеорит».

Макферлейн поднял руку.

— Ладно, это правда. Я думал об этом.

— И?

— Все когда-нибудь найденные метеориты состояли из известных элементов: никеля, железа, углерода, силикона. Они все сформировались здесь, в нашей Солнечной системе, из изначального облака пыли, которое когда-то окружало Солнце.— Он замолчал, тщательно подыскивая слова.— Ничего удивительного, как вам известно, что я предположил возможность появления метеоритов извне Солнечной системы. Осколка чего-то, пролетавшего мимо и пойманного полем солнечного притяжения. Межзвездный метеорит.

Амира с пониманием улыбнулась.

— Но математики утверждали, что это невозможно. Вероятность этого равна одной квинтиллионной.

Макферлейн кивнул.

— Я проделала несколько вычислений, пока мы плыли. Математики ошибались. Они основывались на ложных допущениях. Вероятность примерно одна миллиардная.

Макферлейн рассмеялся.

— Да? Миллиардная, квинтиллионная. Какая разница!

— Это одна миллиардная каждый год.

Макферлейн перестал смеяться.

— Вот именно,— сказала Амира.— За миллиарды лет есть более чем шанс, что один такой приземлился. Это не только возможно, это вероятно. Я воскресила для вас вашу теорию. Вы передо мной в долгу, победитель.

В интендантской установилось молчание, слышалось только завывание ветра. Затем Макферлейн начал говорить:

— Вы действительно верите, что этот метеорит сделан из какого-то сплава или металла, которого не существует в Солнечной системе?

— Да. И вы сами тоже в это верите. Поэтому вы и не написали рапорт.

Макферлейн медленно продолжал, почти про себя:

— Если бы этот металл где-то существовал, мы бы нашли хотя бы его следы. В конце концов, Солнце и планеты сформировались из одного и того же облака пыли. Значит, он должен был прилететь извне. Это неизбежно.

Он посмотрел на Амиру. Она усмехнулась:

— Читаете мои мысли.

С минуту они сидели, поглощенные размышлениями об одном и том же.

— Нам нужно получить образцы с него,— сказала наконец Амира.— В моем распоряжении прекрасное лабораторное оборудование для анализов и высокоскоростной алмазный бур тоже. Я бы сказала, что кусок килограммов в пять для начала будет то, что надо, как думаете?

Макферлейн кивнул.

— Но давайте держать при себе наши соображения. Ллойд и остальные должны появиться здесь с минуты на минуту.

Словно по сигналу, снаружи послышались шаги, дверь отворилась, и появился Ллойд, еще более чем обычно похожий на медведя в толстой парке на фоне тусклого синего света. За

ним вошел Глинн, затем Рочфорт и Гарса. Последним продвинулся боком ассистент Ллойда Пенфолд. Он дрожал, его полные губы посинели и сморщились.

— Там холодно, будто у ведьмы за пазухой,— крикнул Ллойд, топая ногами и протягивая руки к печке.

Его переполняло веселье. Люди из ЭИР, в отличие от него, сразу расселись за столом. Они выглядели подавленно.

Ренфолд занял позицию в углу комнаты, держа в руке рацию.

— Мистер Ллойд, сэр, нам пора на посадочную площадку,— сообщил он.— Если вертолет не поднимется в течение часа, вам ни за что не попасть в Нью-Йорк вовремя на собрание акционеров.

— Да-да. Одну минуту. Я хочу услышать, что скажет Сэм.

Пенфолд вздохнул и стал что-то бубнить в микрофон.

Глинн посмотрел на Макферлейна своими серыми серьезными глазами.

— Отчет готов?

— Конечно,— кивнул Макферлейн и подал ему распечатку.

Глинн взглянул на нее.

— Я не настроен шутить, доктор Макферлейн.

Впервые Макферлейн видел, чтобы Глинн позволил себе выказать раздражение или другие сильные эмоции по какому-либо поводу. Ему пришло в голову, что Глинн тоже был потрясен тем, что они обнаружили в яме. «Это человек, который ненавидит сюрпризы»,— подумал он.

— Мистер Глинн, я не могу основывать отчет на предположениях,— сказал он.— Мне необходимо изучить метеорит.

— Я знаю, что необходимо,— сказал Ллойд громко.— Нам необходимо убрать его к дьяволу с этого острова в международные воды, прежде чем чилийцы что-нибудь учуют. Изучать его вы сможете и после.

Макферлейну подумалось, что это заявление стало последним аккордом в продолжительном споре между Глинном и Ллойдом.

— Доктор Макферлейн,— сказал Глинн,— возможно, я сумею упростить дело. Меня особенно интересует одно: он представляет опасность?

— Мы знаем, что он не радиоактивен. Он может оказаться ядовитым, я полагаю. Большинство металлов таковы, в той или иной степени.

— Насколько ядовитым?

Макферлейн пожал плечами.

— Палмер прикасался к нему и остался живым.

— Он был последним, кто это сделал,— отрезал Глинн.— Я приказал, чтобы никто, ни при каких обстоятельствах не допускал непосредственного контакта с метеоритом.

Он помолчал.

— Еще что-нибудь? На нем могут быть вирусы?

— Он пролежал здесь миллионы лет, так что чужеродные микробы рассеялись давным-давно. Возможно, стоит взять образцы почвы, собрать мох, лишайник и другие растения в округе, чтобы посмотреть, нет ли чего необычного.

— Что нужно искать?

— Мутационные изменения, например, или признаки низкоуровневого воздействия токсинов или тератогенов.

Глинн кивнул.

— Я поговорю с доктором Брамбеллом об этом. Доктор Амира, есть какие-нибудь мысли относительно его металлургических свойств? Это металл, не так ли?

Послышался хруст конфеты.

— Да, это наиболее вероятно, поскольку он ферромагнетик. Он не окисляется, подобно золоту. Однако я не могу понять, как металл может быть красного цвета. Мы с доктором Макферлейном как раз говорили о необходимости взять образцы.

— Образцы?

Все онемели, так изменился голос Ллойда.

— Естественно,— сказал Макферлейн, приходя в себя.— Это стандартная процедура.

— Вы собираетесь отрезать кусок от моего метеорита?

Макферлейн посмотрел на Ллойда, потом на Глинна.

— Вы видите в этом проблемы?

— Вы чертовски правы, есть проблемы,— жестко сказал Ллойд.— Это музейный экспонат. Он будет выставлен. Я не хочу, чтобы его долбили или сверлили.

— Из всех найденных крупных метеоритов нет ни одного, который не резали. Мы возьмем только пятикилограммовый кусок. Этого будет достаточно для всех тестов, которые кто-то может захотеть провести. Такого куска хватит на многие годы.

Ллойд тряхнул головой:

— Ни за что!

— Мы должны это сделать,— страстно сказал Макферлейн.— Невозможно изучать метеорит без выпаривания, плавления, полировки, травления. Учитывая размеры метеорита, такой образец — капля в море.

— Это не Мона Лиза,— пробормотала Амира.

— Невежественное замечание,— сказал Ллойд, обернувшись к ней, вздохнул и поник.— Резать его кажется таким... кощунством. Разве мы не можем оставить его неисследованным?

— Совершенно невозможно,— сказал Глинн.— Нам необходимо узнать о нем больше, прежде чем я разрешу его двигать. Доктор Макферлейн прав.

Ллойд уставился на него, лицо его начало наливаться краснотой.

— Прежде чем вы разрешите его двигать? Послушайте меня, Эли. Я подчиняюсь всем вашим маленьким правилам. Я играю в вашу игру. Но давайте не забывать, что по счетам плачу я. Это мой метеорит. Вы подписали контракт доставить его мне. Вы любите хвалиться, что вы никогда не терпите неудач. Если судно вернется в Нью-Йорк без метеорита, это будет вашим провалом. Я прав?

Глинн посмотрел на Ллойда. Потом он начал говорить так спокойно, словно разговаривал с ребенком.

— Мистер Ллойд, вы получите свой метеорит, но важно, чтобы при этом никто без необходимости не пострадал. Разве не того же самого хотите вы сами?

Ллойд замялся.

— Конечно, это так.

Макферлейн был потрясен, как быстро Глинну удалось перевести Ллойда в оборонительную позицию.

— Тогда все, о чем я прошу,— дайте возможность действовать с осторожностью.

Ллойд облизал губы.

— Просто получается какая-то мучительная задержка. Почему? Метеорит — красный. Так я вас спрашиваю, что в этом плохого? По-моему, это великолепно. Или все забыли о нашем друге с его эсминцем? Чего у нас здесь нет, так это времени.

— Мистер Ллойд! — позвал Пенфолд умоляюще. Он держал рацию так, как нищий держит подаяние.— Вертолет. Пожалуйста!

— Вот проклятье! — крикнул Ллойд. Через мгновение он обернулся.— Ладно, черт с вами, берите ваши образцы. Только прикройте дыру, чтобы ее не было видно. Да поторапливайтесь, чтобы к моему прилету в Нью-Йорк этого сукина сына уже начали двигать.

Он протопал к двери. Пенфолд следом за ним. Дверь захлопнулась. Минуту или две в комнате было тихо. Потом Амира встала.

— Пошли, Сэм,— сказала она.— Давайте посверлим этот леденец.

Остров Десоласьон
14 часов 15 минут

После тепла интендантской ветер словно ножом полосовал кожу. Макферлейн сразу начал дрожать. Он шел вслед за Амирой к техническим складам, с любовью думая о сухой жаре Калахари.

Контейнер оказался длинней и шире, чем остальные. Потрепанный снаружи, внутри он был просторным и чистым. В слабом освещении поблескивали мониторы и смонтированное в стойки диагностическое оборудование, питающиеся от центрального генератора из соседнего ангара. Амира подошла к большому металлическому столу, на котором лежал сложенный треножник и высокоскоростной портативный бурильный агрегат. Если бы не кожаный ремень на нем, Макферлейн никогда бы не подумал, что эта машина «портативная». Она была похожа на базуку двадцать первого века.

Амира с любовью похлопала по буру.

— Разве можно не любить высокотехнологичные игрушки, способные разрушать? Посмотрите на эту прелесть. Видели когда-нибудь такое?

— Никогда.

Макферлейн наблюдал, как Амира умело разобрала бурильный агрегат на части и осмотрела их. Оставшись довольна осмотром, она собрала бур снова, вставила в розетку вилку кабеля и опробовала машину.

— Посмотрите на это.

Она показала длинный, устрашающего вида металлический стержень с подобным луковице расширяющимся концом.

— Десять каратов промышленных алмазов только на одном долоте.

Она нажала на кнопку, и электронный зажимной патрон со щелчком закрылся. Амира повесила бур на плечо и запустила его, помещение наполнилось низким гулом.

— Время пробурить скважину,— сказала она, усмехаясь.

Они вышли со склада технического оборудования в сумрак. Макферлейн разматывал электрический кабель. Над открытым метеоритом для маскировки построили легкий сарай. Внутри его ряды галогенных ламп заливали холодным светом мелкий раскоп. На краю ямы уже стоял Глинн и смотрел вниз, держа в руке рацию. Его небольшая фигура рельефно выделялась на свету.

Они подошли к Глинну. В белом свете ламп метеорит у их ног отсвечивал багровым цветом, как свежая рана. Сняв перчатки, Амира взяла у Макферлейна треногу, быстро расставила ее и закрепила на ней бур.

— Эта штука имеет потрясающую вакуумную систему,— сказала она, указывая на узкий коллектор под головкой бура.— Всасывает все до единой пылинки. Если металл и ядовитый, это не имеет значения.

— Пусть так, но я эвакуирую всех с площадки,— сказал Глинн и быстро распорядился по рации.— И помните, держитесь подальше. Не трогайте его.

Он махнул рабочим, чтобы уходили.

Макферлейн смотрел, как Амира включила питание, проверила индикаторные лампочки вдоль боковой панели бура и уверенно нацелила долото сверху на метеорит.

— Такое впечатление, что вам это не впервой,— удивился Макферлейн.

— Так и есть. Эли заставил меня потренироваться раз десять.

Макферлейн посмотрел на Глинна.

— Вы это репетировали?

— Каждый шаг,— сказала Амира.

Она извлекла из кармана большого размера блок дистанционного управления и принялась за настройку.

— И не только это. Все. Он планирует все наши проекты как вторжение — день «Д». Тренируешься, пока задница не отвалится, потому что в реальности можно сделать только один выстрел.

Она отступила на шаг и подула на руки.

— Вам бы стоило посмотреть на тот огромный железный шар, который Эли заставил нас откапывать и таскать по территории снова и снова. Мы назвали его Большая Берта. Я возненавидела ту штуку.

— Где вы этим занимались?

— На ранчо Бар-Крос около Боузмена в Монтане. А вы думали, что мы с первого раза, да?

Настроив блок дистанционного управления и установив бур в рабочую позицию над обнаженной поверхностью метеорита, Амира повернулась к стоявшему рядом ящику, отбросила укрепленную на петлях крышку и достала небольшую металлическую банку. Она сорвала с нее крышку и, отстранившись назад, опрокинула банку над поверхностью метеорита. Полилась черная клееобразная субстанция, покрывая красную поверхность вязким слоем. Маленькой кисточкой Амира обмазала конец алмазной головки бура остатками содержимого банки. Затем из того же ящика она достала тонкий лист резины и осторожно прижала его к слою герметика.

— Нужно подождать немного, чтобы склеилось,— объяснила она.— Мы не хотим, чтобы даже мельчайшая частичка пыли от метеорита попала в воздух.

Она порылась в кармане парки и вытащила футляр с сигарой, взглянула на выражение лиц Глинна и Макферлейна, вздохнула и стала лущить арахис.

Макферлейн покачал головой.

— Арахис, конфеты, сигары. Что еще вы делаете из того, что мама не велит?

Она посмотрела на него.

— Неистовый секс, рок-н-ролл, экстремальное катание на лыжах, блэк-джек с большими ставками.

Макферлейн рассмеялся. Потом спросил:

— Вы нервничаете?

— Не столько нервничаю, сколько взволнована. А вы?

Макферлейн задумался об этом на мгновение. Было ощущение, словно он заставляет себя волноваться, внушает мысль, что нашёл в конце концов ту самую вещь, за которой охотился долгие годы.

— Да,— ответил он.— Взволнован.

Глинн вытащил свои золотые карманные часы, открыл крышку, посмотрел на циферблат.

— Пора.

Амира подошла к агрегату и отрегулировала шкалу настройки. Низкое гудение наполнило замкнутое помещение. Она проверила положение бура, отступила на шаг и подкорректировала настройку через пульт дистанционного управления. Гудение перешло в вой. Амира подвигала рычажок переключателя, и вращающийся бур послушно опустился, затем снова поднялся.

— Пять на пять,— сказала Амира, взглянув на Глинна.

Глинн достал из открытого ящика три респиратора и передал два из них Амире и Макферлейну.

— Теперь мы отсюда выйдем и будем управлять на расстоянии.

Макферлейн надел респиратор, обжав холодную резину вокруг рта, и вышел наружу. Без капюшона ветер жестоко хлестал по ушам и затылку. Изнутри отчетливо доносился шум вращающегося бура, похожий на жужжание сердитого шмеля.

— Дальше,— приказал Глинн.— Минимальное расстояние сто футов.

Они отошли от постройки. В воздухе кружил снег, опускаясь на площадку белым покрывалом.

— Если окажется, что это межзвездный корабль, то кто-то внутри может сильно описаться, когда мистер Алмазная Головка пробурит его,— сказала Амира глуховатым от волнения голосом.

Строение было едва видимо сквозь снежную пелену, открытая дверь казалась бледным белым прямоугольником в серой круговерти.

— Все готово.

— Хорошо,— сказал Глинн.— Проходи герметик. Остановимся на глубине один миллиметр под поверхностью метеорита. Проверим, нет ли каких ловушек.

Амира кивнула и двинула рычажок пульта управления. Жужжание стало громче, потом неожиданно стало глухим. Бежали секунды.

— Смешно. Я совсем не продвигаюсь, сказала Амира.

— Увеличь обороты.

Амира снова двинула рычажок, жужжание стало громче, но вскоре тон стал ровным.

— Кажется, нормально.

— Обороты?

— Двенадцать тысяч.

— Увеличь до шестнадцати и снова сбрось.

Жужжание превратилось в вой. И снова стало глуше. Потом раздался громкий скрежет, и все затихло.

Амира посмотрела на маленький светодиодный индикатор на пульте, его красные цифры застыли напротив черной риски.

— Он остановился,— сообщила Амира.

— Есть идеи почему?

— Такое впечатление, что из-за перегрева. Может быть, что-то с мотором. Но все узлы были проверены.

— Выведи и дай остыть. Затем удвой вращающий момент и снова опускай.

Они ждали, пока Амира занималась настройкой. Макферлейн не сводил взгляда с открытой двери сарая. Спустя неко-

торое время Амира что-то пробормотала и снова продвинула рычажок вперед. Жужжание возобновилось, теперь более хриплое. Неожиданно тональность понизилась, когда бур заработал под нагрузкой.

— Снова перегревается,— сказала Амира.— Будь проклята эта штука.

Упрямо выпятив подбородок, она толкнула рычажок.

Тон сверления резко изменился. Послышался взрыв, и бледные вспышки оранжевого света вырвались через дверной проем. Раздался громкий хруст, потом еще один, уже гораздо тише. Затем наступила тишина.

— Что произошло? — спросил Глинн резко.

— Я не знаю.

Повинуясь импульсу, она сделала шаг в сторону постройки, но Глинн остановил ее.

— Нет, Рейчел! Сначала определи, что произошло.

Тяжело вздохнув, Амира воззрилась на пульт.

— Здесь много всякой невнятицы, которой я раньше не видела,— сказала она, посмотрев на табло отказов.— Подождите-ка. Здесь сказано: «сбой, код сорок семь». Просто замечательно! А руководство, по-видимому, осталось в Монтане.

Словно у фокусника, в правой руке Глинна, одетой в перчатку, возникла маленькая книжечка. Он пошелестел страницами и быстро нашел нужную.

— Ты сказала «код сорок семь»?

— Да.

— Невозможно.

Наступила пауза.

— Эли, я не думаю, что когда-нибудь слышала от тебя это слово прежде,— откликнулась Амира на это заявление.

Глинн поднял голову от руководства. В своей парке и респираторе он выглядел пришельцем.

— Бур сгорел.

— Сгорел? При всех тех лошадиных силах, которые в нем заложены? Я в это не верю.

Глинн спрятал руководство в глубине куртки.

— Придется поверить.

Они смотрели друг на друга. Снег продолжал свое кружение.

— Это могло случиться, только если метеорит тверже алмаза,— констатировала Амира.

В ответ Глинн просто пошел к постройке.

Внутри воздух был насыщен запахом горящей резины. Бур оказался до половины скрыт дымом, все световые индикаторы на боковой панели погасли, ее нижняя часть подпалилась.

— Он совершенно не реагирует,— сообщила Амира, вручную манипулируя регуляторами на панели.

— По всей вероятности, сработала защита сети,— предположил Глинн.— Выведи бур вручную.

Макферлейн наблюдал, как дюйм за дюймом огромный бур поднимался из дыма. Когда показался его конец, Макферлейн увидел, что он превратился в безобразные лохмотья металла, оплавленные и обожженные.

— Боже мой! — воскликнула Амира.— И это алмазно-карборундовый бур стоимостью пять тысяч долларов.

Макферлейн посмотрел на Глинна, стоявшего в дымном облаке. Его взгляд был направлен не на бур. Казалось, Глинн пытался что-то рассмотреть вдали, затем расстегнул респиратор и снял его.

Неожиданно поднялся ветер, со стуком захлопнув дверь.

— Что теперь? — спросила Амира.

— Мы возьмем бур на «Ролвааг» для тщательной проверки,— ответил Глинн.

Амира повернулась к буру, но взгляд Глинна по-прежнему был устремлен вдаль.

— И на этот раз мы возьмем с собой еще кое-что,— добавил он тихо.

Остров Десоласьон
15 часов 5 минут

Выйдя из сарая на улицу, Макферлейн снял респиратор и надел капюшон, плотно затянув его вокруг лица. Порывистый ветер гонял по мерзлой земле снежные вихри. К этому моменту Ллойд уже сильно продвинулся на пути в Нью-Йорк. Свет, что просачивался сквозь тяжелую облачность, угасал. Через полчаса станет темно.

Заскрипел под ногами снег — это Глинн и Амира возвращались со склада. В каждой руке у Амиры было по фонарю, а Глинн тянул за собой длинные алюминиевые сани.

— Это зачем? — удивился Макферлейн, указывая на большой футляр из голубой пластмассы, лежавший на санях.

— Хранилище для вещественных доказательств,— ответил Глинн.— Для останков.

Макферлейн почувствовал нарастающее внутри неприятное ощущение.

— Это абсолютно необходимо?

— Я знаю, для вас это непросто,— сказал Глинн.— Но мы столкнулись с неведомым. А мы в ЭИР настороженно относимся к неведомому.

Когда они подошли к пирамиде из камней, отмечавшей место погребения Масангкея, метель стихла. Стала видна Пасть Генуксы, темная на фоне все более тускнеющего неба. За ней Макферлейн увидел гладь пятнистого из-за шторма залива.

У далекого горизонта карабкались к небу острые пики острова Уолластон. Просто поразительно, насколько быстро здесь менялась погода.

Ветер уже залепил снегом и льдом щели между камнями импровизированного надгробия, одев могилу в белое. Без всяких церемоний Глинн вытащил крест и положил его рядом, потом стал разбирать пирамиду смерзшихся камней, откатывая их в сторону. Он посмотрел на Макферлейна.

— Будет лучше, если вы немного отойдете.

Макферлейн сглотнул. Немногое из того, что он мог себе представить, было бы хуже, чем эта работа. Но если ее необходимо сделать, он хотел в ней участвовать.

— Нет,— ответил он.— Я помогу.

Разобрать пирамиду оказалось гораздо проще, чем построить. Вскоре стали видны останки Масаитеся. Глинн стал работать более осторожно. Макферлейн видел раздробленные кости, расщепленный череп со сломанными зубами, похожие на веревки куски сухожилий и частично мумифицированной плоти. Трудно поверить, что это когда-то было его партнером и другом. К горлу подступила тошнота, и Макферлейн задышал чаще.

Быстро темнело. Глинн откатил в сторону последний камень, включил фонари. Он поставил их по разные стороны могилы и, пользуясь пинцетом, складывал кости в разные отделения футляра. Немногие кости еще оставались соединенными вместе сухожилиями, кожей и высохшими хрящами, но большинство выглядели так, словно их в бешенстве отрывали.

— Я не патологоанатом,— сказала Амира,— но этот парень, похоже, встретился накоротке с Потрошителем.

Глинн ничего не сказал. Пинцет двигался снова и снова от могилы к футляру. Лицо Глинна было скрыто капюшоном. Потом он остановился.

— Что это? — спросила Амира.

Глинн что-то осторожно поднял пинцетом с мерзлой земли.

— Этот ботинок не просто сгнил,— сказал он.— Он обгорел. И некоторые кости тоже выглядят обгорелыми.

— Ты полагаешь, что его убили из-за снаряжения? — спросила Амира.— А тело сожгли, чтобы скрыть преступление? Это было много проще, чем копать могилу в этом грунте.

— Это означало бы, что Паппап убийца,— сказал Макферлейн, сам почувствовав жесткость в своем голосе.

Глинн держал отдельную фалангу пальца и изучал ее при свете как маленькую драгоценность.

— Очень маловероятно,— сказал он.— Однако это задача для хорошего врача.

— Самое время ему чем-нибудь заняться, кроме чтения книг и блуждания по судну как привидение,— заявила Амира.

Глинн положил косточку в футляр. Затем он повернулся к могиле и поднял пинцетом что-то еще.

— Это находилось под ботинком,— сказал он.

Он поднес предмет к свету, отряхнул приставший лед и землю и снова показал.

— Пряжка от ремня,— догадалась Амира.

— Что? — спросил Макферлейн, подходя посмотреть.

— Какой-то фиолетовый камень в серебряной оправе,— сказала Амира.— Но посмотрите, она оплавлена.

Макферлейн откачнулся назад.

Амира посмотрела на него.

— Вы в порядке?

Макферлейн просто прикрыл глаза рукой в перчатке и покачал головой. Увидеть это не где-нибудь, а именно здесь...

Много лет назад после их большого успеха с тектитами Атакамы в ознаменование их удачи в делах он сделал на заказ две пряжки для ремня, каждая с разрезанным тектитом. Свою пряжку он давным-давно потерял. Но вопреки всему Нестор хранил свою даже после смерти. Макферлейн был поражен тем, как много это для него значит.

Не разговаривая, они собрали жалкое имущество Масангкея. Глинн закрыл футляр. Амира взяла фонари. Они вдвоем устало пошли обратно. Макферлейн задержался на минуту, глядя на холодную груду камней. Потом повернулся и пошел за ними.

Пунта-Аренас
17 июля, 8 часов

Команданте Валленар стоял у крошечной металлической раковины в своей каюте, докуривая сигару до горького конца и смазывая лицо кремом для бритья с запахом сандала. Ему не нравился запах крема, как не нравилась и одноразовая бритва, лежавшая на раковине, ярко-желтая с двумя лезвиями. Типичная американская дешевка. Кто еще может делать такие бесполезные вещи? Два лезвия, когда достаточно одного. Но базы военно-морского флота привередничали, особенно когда речь шла о кораблях, которые большую часть времени находились на дальнем юге. Он с неудовольствием смотрел на бросовую вещь, одну из десятка, что ему дал утром интендант. Это не сравнить с настоящей бритвой. Но опасная бритва при качке может оказаться действительно опасной.

Валленар сполоснул лезвия и приставил к левой скуле. Он всегда начинал брить лицо с левой стороны. Ему вообще было неудобно бриться левой рукой, но с этой стороны все же удобней.

На худой конец, запах крема для бритья перебивал смрад судна. «Алмиранте Рамирес» был самым старым эсминцем флота. Его купили у Соединенного Королевства в пятидесятых. Десятилетия плохой уборки, гниющие в сыром трюме овощи, химические растворители, неисправный сброс сточных вод и пролитое дизельное топливо — все это наполняло

корабль вонью, истребить которую не могло ничто, кроме затопления.

Неожиданный гудок заглушил крики птиц и отдаленный шум транспорта. Валленар посмотрел через мутный иллюминатор на причалы и на город за ними. День был ярким, с чистым небом и резким холодным западным ветром.

Команданте продолжил бриться. Он никогда не любил стоянок в Пунта-Аренасе. Это место было плохим для судна, особенно при западном ветре. Как всегда, его окружали рыбачьи лодки, пользующиеся им как укрытием от ветра. Типичная южноамериканская анархия. Ни дисциплины, ни чувства уважения к военному кораблю.

В дверь постучали.

— Команданте! — донесся голос Тиммера, офицера-связиста.

— Войдите,— сказал команданте, не поворачиваясь.

В зеркале он увидел, как открылась дверь и вошел Тиммер, а за ним человек в штатском, сытый, благополучный, довольный собой.

Валленар еще несколько раз провел бритвой по подбородку, сполоснул бритву в раковине и повернулся.

— Благодарю вас, мистер Тиммер,— сказал он с улыбкой.— Можете идти. Будьте добры, выставьте пост снаружи.

Когда Тиммер вышел, Валленар с минуту разглядывал человека перед собой. Тот стоял около письменного стола. На губах легкая улыбка, ни малейшего намека на беспокойство. «А чего ему бояться?» — подумал Валленар без злобы. Одно название, что он начальник. У него самый старый во флоте военный корабль и самый худший пост. Кто упрекнет человека, стоящего перед ним слегка выпятив грудь, за то, что тот чувствует себя достаточно важным, чтобы смотреть сверху вниз на бесправного команданте ржавого судна?

Валленар сделал последнюю глубокую затяжку и выбросил окурок в открытый иллюминатор. Положив бритву, здоровой рукой вынул коробку сигар из ящика письменного стола и предложил незнакомцу. Человек пренебрежительно по-

смотрел на сигары и покачал головой. Валленар взял одну себе.

— Прошу прощения за сигары,— сказал команданте, убирая коробку.— Они очень плохого качества, но военному флоту приходится довольствоваться тем, что дают.

Человек снисходительно улыбнулся, глядя на парализованную руку Валленара. Валленар заметил, что волосы человека сильно напомажены, на руках маникюр.

— Садитесь, друг мой,— предложил Валленар, взяв в рот сигару.— Простите меня, я продолжу бриться, пока мы разговариваем.

Человек сел у письменного стола, элегантно положив ногу на ногу.

— Я понял, что вы торгуете бывшим в употреблении электронным оборудованием: часами, компьютерами, фотокопировальными устройствами и тому подобными вещами.

Валленар замолчал, добривая верхнюю губу.

— Новым и бывшим в употреблении оборудованием,— ответил посетитель.

— Значит, я прав,— сказал команданте. Примерно четыре или пять месяцев назад, думаю в марте, вы купили некое оборудование — томографический зонд. Этот инструмент используется геологоразведчиками. Набор длинных металлических штоков с компьютером в середине. Это так?

— Мой команданте, у меня большой бизнес. Я не могу помнить каждый кусок старья, что мне приносят.

Валленар повернулся к нему.

— Я не сказал, что это старье. Вы сказали, что продаете новое и подержанное оборудование, не так ли?

Торговец пожал плечами, поднял руки и улыбнулся. Это была улыбка, которую команданте видел раньше бессчетное число раз у мелких бюрократов, чиновников, бизнесменов. Это была улыбка, которая говорила: «Я ничего не буду знать, и я не буду тебе помогать, пока не получу ла мордида — взятку». Ту же улыбку он видел на лицах таможенников в Пуэрто-Уильямсе неделю назад. И вот сегодня вместо гнева он чув-

ствует огромную жалость к этому человеку. Этот человек не родился испорченным. Его постепенно развратили. Это был симптом серьезной болезни, которая заявляла о себе повсюду вокруг него.

Глубоко вздохнув, Валленар обошел стол и присел на ближний к торговцу край. Он улыбнулся, чувствуя, как крем для бритья высыхает на коже. Торговец наклонил голову и заговорщически подмигнул. И, сделав это, он потер большим и указательным пальцами друг о друга в интернациональном жесте, положив на стол вторую наманикюренную руку.

Со стремительностью атакующей змеи команданте выбросил руку вперед и вонзил двойное лезвие бритвы в овальный кончик ногтя среднего пальца торговца. Человек резко вздохнул и уставился на команданте глазами, полными ужаса. Тот ответил ему невозмутимым взглядом. Потом сильно дернул бритву, и человек пронзительно вскрикнул, когда ноготь оторвался.

Валленар помахал бритвой, стряхивая окровавленный ноготь в иллюминатор. Затем он вернулся к зеркалу и продолжил бриться. С минуту в маленькой каюте было слышно, как лезвия скоблили кожу да громко стонал торговец. Валленар заметил с некоторым интересом, что бритва оставляет невыбритой полоску у него на лице. По-видимому, какой-то кусочек застрял между лезвиями.

Он снова вымыл бритву и закончил бритье. Сполоснув, вытер лицо и повернулся к торговцу. Тот стоял около стола, раскачивался и стонал, нянчил свой кровоточащий палец.

Валленар достал из кармана платок, наклонился через стол и обернул пострадавший палец торговца.

— Садитесь, пожалуйста.

Торговец сел, тихонько всхлипывая, его челюсти дрожали от страха.

— Вы поможете нам обоим, если ответите на мои вопросы быстро и точно. Вы купили оборудование, о котором я говорил?

— Да, купил,— сразу ответил торговец, баюкая свой палец.— У меня был такой инструмент, команданте.

— Кто у вас его купил?

— Американский художник.

— Художник?

— Скульптор. Он хотел сделать из этого скульптуру в стиле модерн и выставить ее в Нью-Йорке. Оно было все ржавое. Больше ни на что и не годилось.

Валленар улыбнулся.

— Американский скульптор. Как его имя?

— Он не назвал своего имени.

Валленар кивнул, продолжая улыбаться. Торговец теперь очень хотел рассказать всю правду.

— Конечно не назвал. Теперь скажите мне, сеньор... Я же не спросил ваше имя. Какой я рассеянный.

— Торнеро, мой команданте, Рафаэль Торнеро Переа.

— Сеньор Торнеро, скажите мне, у кого вы купили этот инструмент?

— У метиса.

Валленар удивился.

— У метиса? Как его имя?

— Простите... Я не знаю.

Валленар нахмурился.

— Вы не знаете его имени? Осталось всего несколько метисов и еще меньше появляется их в Пунта-Аренасе.

— Я не помню, команданте. Правда, не могу вспомнить.

Страдающие глаза становились все более безумными, по мере того как торговец лихорадочно рылся в своей памяти. По напомаженному лбу стекал пот.

— Он был не из Аренаса, он был с юга.

Неожиданно Валленара осенило.

— Может быть, это был Паппап? Джон Паппап?

— Да! Спасибо! Спасибо, команданте, что напомнили мне. Паппап. Так его звали.

— Он сказал, где это нашел?

— Да. Он сказал, что нашел его на островах. Я ему не поверил. Как там можно найти что-то ценное?

Торговец говорил, захлебываясь словами, словно был не в состоянии достаточно быстро их произносить.

— Я подумал, что он просто набивает цену.— Его лицо просветлело.— Я вспомнил сейчас, что там была еще кирка и странного вида молоток.

— Странного вида молоток?

— Да, один конец у него был длинный и загнутый. И еще был кожаный мешок с камнями. Американец купил все эти вещи тоже.

Валленар наклонился к нему через стол.

— Камни? Вы на них посмотрели?

— Да, сэр. Конечно, я на них посмотрел.

— В них было золото?

— Нет-нет. Они не были ценными.

— Ага. Вы, конечно, геолог и смогли определить их ценность?

Хотя Валленар говорил спокойным голосом, торговец съежился в кресле.

— Команданте, я показал их сеньору Алонсо Торресу, у которого склад руды в Калле-Колинасе. Я подумал, что, возможно, они представляют ценную руду. Но он сказал, что они бесполезные. Сказал, чтобы я их выбросил.

— Откуда он может знать?

— Он знает, команданте. Он эксперт по рудам и минералам.

Валленар подошел к единственному иллюминатору, покрытому белым налетом и ржавчиной от соленой воды.

— Он сказал, что они такое?

— Он сказал, что они ничто.

Валленар повернулся к торговцу.

— Как они выглядели?

— Просто камни. Некрасивые камни.

Валленар прикрыл глаза, стараясь унять поднимавшийся у него внутри гнев. Было бы непристойно потерять самообладание в присутствии гостя на своем корабле.

— Возможно, у меня остался один из них в магазине, команданте.

Валленар снова открыл глаза.

— Возможно?

— Сеньор Торрес задержал один, чтобы сделать дополнительные тесты. Я получил его обратно, когда американец уже купил инструмент. Некоторое время я использовал его вместо пресс-папье. Я тоже надеялся, что он окажется ценным, несмотря на заключение сеньора Торреса. Возможно, мне удастся его найти.

Команданте Валленар вдруг улыбнулся. Он вынул изо рта незажженную сигару, взглянул на ее кончик и поджег спичкой из коробка, лежавшего на столе.

— Я бы хотел купить у вас тот камень, о котором вы говорите.

— Вас интересует камень? Я буду рад отдать его вам. Не будем говорить о покупке, команданте.

Валленар слегка поклонился.

— Тогда мне будет приятно проводить вас, сеньор, до вашего магазина, чтобы принять этот сувенир.

Он глубоко затянулся сигарой и с величайшей вежливостью вывел торговца из каюты в зловонный центральный коридор «Алмиранте Рамиреса».

«Ролвааг»
9 часов 35 минут

Буровое долото положили на стол для обследования. Его сожженная головка покоилась на белом пластике стола. Свет от верхних ламп придавал калеке голубоватый оттенок. В ряд выстроились приборы для отбора проб, каждый отдельно в запаянной пластиковой упаковке. Макферлейн в стерильной одежде надвинул на лицо хирургическую маску. Море было необычайно спокойным. В лабораторном помещении без окон с трудом верилось, что они на борту судна.

— Скальпель, доктор? — спросила Амира приглушенным маской голосом.

Макферлейн покачал головой.

— Сестра, я думаю, мы потеряли пациента.

Амира сочувственно заохала. У нее за спиной стоял Глинн, сложив руки.

Макферлейн направил электронный стереоскопический микроскоп на стол. Сильно увеличенное изображение головки долота появилось на экране ближайшего компьютера. Ландшафт после Армагеддона: заплавленные ущелья и расплавленные горные хребты.

— Давайте посмотрим поближе,— сказал Макферлейн.

— Как скажете, док,— ответила Амира, вставляя компакт-диск в дисковод системы.

Макферлейн подкатил к столу вращающийся стул, сел у микроскопа и удобно пристроил на голове сдвоенные окуляры. Очень медленно двигая окуляры, он рассматривал бур в надежде, что долото прихватило с поверхности метеорита хотя бы мельчайшие частицы. Но ни единой красной крупинки не мелькнуло на лунном ландшафте даже при переключении на ультрафиолетовое освещение. Пока Макферлейн занимался изучением поверхности головки долота, Глинн подошел ближе и стал рассматривать изображение на экране.

После нескольких бесплодных минут Макферлейн вздохнул.

— Прибавьте увеличение.

Амира отрегулировала устройство. Ландшафт придвинулся, приняв еще более гротескный вид. Снова Макферлейн изучал его сектор за сектором.

— Просто не верится,— сказала Амира, глядя на экран.— Он должен был ухватить хоть что-то.

Макферлейн со вздохом отклонился на спинку стула.

— Если это и произошло, то мощности этого микроскопа недостаточно, чтобы увидеть.

— Это наводит на предположение, что метеорит должен быть одной прочной кристаллической решеткой.

— Совершенно ясно, что это не нормальный металл,— сказал Макферлейн.

Он сложил сдвоенные окуляры вместе и вдвинул обратно в устройство.

— Что теперь? — спросил Глинн тихим голосом.

Макферлейн повернулся на стуле, стянул вниз маску и на мгновение задумался.

— Остается электронный микрозонд.

— И это...

— Любимый инструмент космических геологов. У нас он есть. Образец материала помещают в вакуумную камеру и обстреливают пучком высокоскоростных электронов. Обычно анализируют рентгеновские лучи, возникающие при этом.

Но можно нагреть электронный луч до уровня, при котором он выпаривает крошечное количество материала, и оно оседает тонкой пленкой на золотой пластинке. Так получается образец. Маленький, но жизнеспособный.

— Откуда вы знаете, что электронный пучок сможет выпарить частички камня? — спросил Глинн.

— Электроны вылетают из катода на очень большой скорости. Ее можно довести почти до скорости света и сфокусировать пучок на микроне. Поверьте мне, он выбьет хотя бы несколько атомов.

Глинн молчал, очевидно взвешивая в уме возможную опасность в сравнении с необходимостью получения информации.

— Очень хорошо,— решил он.— Действуйте. Но помните, никто не должен прикасаться к метеориту непосредственно.

Макферлейн нахмурился.

— Сложность в том, что непонятно, как это сделать. Нормально поднести образец к микрозонду. А в данном случае нужно доставить микрозонд к образцу. Но эта штука не портативная, весит примерно шестьсот фунтов. И нам придется соорудить временную вакуумную камеру над поверхностью.

Глинн снял с ремня рацию.

— Гарса? Мне нужны восемь человек на главной палубе, немедленно. Потребуются салазки и транспорт достаточно большой, чтобы перевезти инструмент весом шестьсот фунтов первым утренним рейсом.

— Скажите ему, что еще необходим источник большой мощности,— добавил Макферлейн.

— Возьмите кабель с защитой, выдерживающий до двадцати тысяч ватт.

Макферлейн тихонько присвистнул.

— Этого хватит.

— Вам дается час на получение проб. Больше времени у нас нет. Гарса скоро будет здесь. Приготовьтесь.

Эти слова были сказаны очень медленно и очень четко. Глинн резко повернулся и вышел из лаборатории. Закрываясь за ним, дверь втолкнула поток холодного воздуха.

Макферлейн взглянул на Амиру.

— Он становится раздражительным.

— Он ненавидит неизвестное,— объяснила Амира.— Неопределенность доводит его до предела.

— Должно быть, трудно так жить.

— Вам этого не представить.

В ее лице промелькнуло выражение боли.

Макферлейн с интересом посмотрел на нее. Амира стянула маску и сняла перчатки.

— Давайте готовить к транспортировке микрозонд,— сказала она.

Остров Десоласьон
13 часов 45 минут

К середине дня рабочую зону подготовили для проведения теста. Внутри маленькой постройки было очень ярко и удушливо тепло. Макферлейн стоял у раскопа, глядя вниз на поверхность роскошно глубокого красного цвета. Даже при ярком освещении она сохранила мягкий блеск. Микрозонд — длинный цилиндр из нержавеющей стали — покоился в мягком ложе. Амира раскладывала остальное оборудование, заказанное Макферлейном: стеклянный колпак толщиной в дюйм с катодом и вилкой, золотые диски, запаянные в пластик, электромагнит для фокусирования пучка электронов.

— Мне нужен квадратный фут поверхности метеорита, очищенный до полного совершенства,— сказал Макферлейн стоявшему рядом с ним Глинну.— Иначе получим примеси.

— Это мы сделаем,— ответил Глинн.— Какой у вас дальнейший план, после того как мы получим образцы?

— Мы проведем ряд исследований с ними. Если немного повезет, сможем определить основные электрические, химические и физические свойства.

— Сколько времени на это потребуется?

— Сорок восемь часов. Больше, если будем есть и спать.

Глинн поджал губы и посмотрел на свои массивные золотые часы.

— У вас есть только двенадцать часов. Ограничьтесь самыми важными тестами.

Через час все было готово. Стеклянный колпак плотно установили на поверхности метеорита — операция оказалась исключительно трудной. Под колпаком на куске стекла лежали в кружок десять крошечных дисков для образцов. Колпак окружало кольцо магнитов. Рядом лежал электронный микрозонд. Под откинутой крышкой обнажились его сложные внутренности: многоцветные провода и трубки.

— Рейчел, включите, пожалуйста, вакуумный насос,— попросил Макферлейн.

Послышалось шипение воздуха, высасываемого из колпака. Макферлейн посмотрел на экран микрозонда.

— Герметик держит. Вакуум составляет пять микробар.

Глинн придвинулся ближе, напряженно всматриваясь в маленький экран на микрозонде.

— Включайте электромагниты,— сказал Макферлейн.

— Готово,— сообщила Амира.

— Выключите свет.

Стало темно. Свет проникал только через щели в стенах наскоро собранной постройки, да светились сигнальные лампочки на управляющей панели микрозонда.

— Я включу пучок при низкой мощности,— прошептал Макферлейн.

Внутри стеклянного колпака появился слабый голубоватый луч. Он мелькал и вращался, отбрасывая призрачный свет на поверхность метеорита, меняя красный цвет на почти черный. Казалось, что стены сарая затанцевали и пошли волнами.

Макферлейн медленно повернул диск на два деления, изменяя магнитное поле вокруг колпака. Луч прекратил вращаться, начал сужаться и становиться ярче. Вскоре он стал похож на голубой карандаш, упирающийся кончиком в поверхность метеорита.

— Мы на месте,— сказал Макферлейн.— Теперь я собираюсь включить на пять секунд полную мощность.

Он затаил дыхание. Если опасения Глинна справедливы и метеорит действительно опасен, сейчас они об этом узнают.

Макферлейн нажал на таймер. Неожиданно луч в колпаке стал ярче. Там, где он касался поверхности метеорита, появилась точка интенсивного фиолетового цвета. Пять секунд прошло, и все снова стало темным.

Макферлейн почувствовал безумное облегчение:

— Свет.

Загорелся свет. Макферлейн встал на колени над метеоритом и пристально вгляделся в поверхность золотых дисков. Он затаил дыхание. На каждом диске появился тончайший налет красноты. Но это не все: в том месте, где электронный луч ударил в метеорит, он увидел — или ему показалось, что увидел,— крошечную щербинку, блестку на гладкой поверхности.

Макферлейн поднялся.

— Ну? — спросил Глинн.— Что случилось?

Макферлейн усмехнулся:

— Малютка не так уж и неприступна, как выяснилось.

Остров Десоласьон
18 июля, 9 часов

Макферлейн пересекал рабочую площадку. Рядом шла Амира. Снег скрипел у них под ногами. Площадка выглядела по-прежнему. Те же ряды контейнеров и сборных домиков из гофрированного железа, та же мерзлая земля. Только он стал другим. Макферлейн чувствовал себя смертельно уставшим, однако был в приподнятом настроении. Они шли молча. Казалось, морозный воздух усиливал все звуки: и скрип его башмаков на свежем снегу, и громыхание далеких механизмов, даже хриплый звук его собственного дыхания. Это помогало очистить голову от всех странных предположений, которые возникли в результате проведенных ночью экспериментов.

Дойдя до ряда контейнеров, Макферлейн открыл дверь в тот, где размещалась основная лаборатория, и придержал ее для Амиры. При слабом свете он увидел Стоунсайфера, второго инженера, склонившегося над компьютером со снятым кожухом, перед ним были веером разложены диски и печатные платы. Когда они вошли, Стоунсайфер выпрямился. Это был худой низкорослый человек.

— Мистер Глинн хочет видеть вас обоих,— сообщил он.

— Где он? — спросил Макферлейн.

— Под землей. Я вас провожу.

Неподалеку от сарая, прикрывающего метеорит, был воздвигнут еще один такой же, даже более неприглядный. Дверь открылась, и из сарая появился Гарса в каске, надетой под капюшон, державший в руках еще несколько касок, которые он раздал пришедшим.

— Прошу внутрь,— пригласил он.

Макферлейн оглядел темное помещение, недоумевая. Здесь ничего не было, кроме старых инструментов и нескольких бочек гвоздей.

— Что это? — поинтересовался Макферлейн.

— Увидите,— ухмыльнувшись, ответил Гарса.

Он откатил бочки с гвоздями из центра помещения, под ними обнаружился металлический лист, который он подцепил и откинул.

Макферлейн ахнул от удивления. Под крышкой люка оказалась лестница, ведущая вниз, в тоннель, прорытый в земле и надежно укрепленный сталью. Снизу шел яркий белый свет.

— Довольно таинственно,— сказал Макферлейн.

Гарса рассмеялся.

— Я называю это методом короля Тата. Вход в тоннель, ведущий к его сокровищнице, находился под жилищем простого рабочего.

Они спустились по тесной лесенке в узкую галерею, освещенную двойным рядом ламп дневного света. Тоннель так основательно был укреплен двутавровыми балками, что казался сделанным сплошь из стали. Группа двинулась друг другу в затылок. Их дыхание оставляло туманный след в морозном воздухе. С верхних распорок свисали сосульки, на стенах нарастал иней. Макферлейн затаил дыхание, когда увидел впереди пятно того цвета, который ни с чем не спутать,— ярко-красный на фоне сверкающего льда и стали.

— Вы видите маленький участок метеорита снизу,— объяснил Гарса, останавливаясь рядом с ним.

Под блестящей красной поверхностью располагался ряд домкратов, каждый в фут диаметром, похожих на приземи-

стые колонны с толстыми когтистыми лапами, вцепившимися в металлические крепи потолка и пола.

— Вот они,— сказал восхищенно Гарса, похлопывая по ближайшему домкрату рукой в перчатке.— Плохие мальчишки, которые скоро его стащат. Сначала мы поднимем камень ровно на шесть сантиметров. Закрепим его, переставим домкраты и поднимем снова. Как только получим достаточный просвет, начнем строить под ним салазки. Будет чертовски тесно и холодно, но это единственный способ.

— Мы выставили домкратов на пятьдесят процентов больше, чем необходимо,— сказал Рочфорт, чье лицо стало пятнистым от холода, а нос посинел.— Тоннель спроектирован так, что он прочней, чем сама материнская порода. Это совершенно надежно.

Он говорил очень быстро, губы складывались в неодобрительную гримасу, словно он считал, что любые проверки его работы не только напрасная трата времени, но и публичное оскорбление.

Гарса отвернулся от метеорита и повел группу по тоннелю, ответвлявшемуся вправо. Вдоль его правой стены были входы в тоннели меньшего размера, ведущие к другим обнаженным частям метеорита и дополнительным рядам домкратов. Примерно через сто футов тоннель закончился огромным подземным складским помещением. Пол в нем был земляным, но потолок выложен кессонными плитами. Внутри аккуратными штабелями лежали двутавровые балки, слоистый деревянный брус, конструкционная сталь. Здесь также было множество строительных механизмов. В дальнем конце склада стоял Глинн, тихо разговаривая с техником.

— Боже,— выдохнул Макферлейн.— Какое огромное помещение. Не верится, что вы построили все это за пару дней.

— Мы не хотим, чтобы кто-нибудь совал свой нос на наш склад,— объяснил Гарса.— Если все это увидит инженер, ему сразу станет ясно, что не руду мы здесь добываем. И не золото. Когда поставим метеорит на домкраты и будем лучше знать его контуры, начнем строить салазки шаг за шагом. Вон там

прецизионные дуговые сварочные аппараты, ацетиленовые горелки, оборудование для горячей клепки и старые добрые инструменты для работы по дереву.

Подошел Глинн, кивнул сначала Макферлейну, потом указал Амире на штабель двутавровых балок:

— Рейчел, сядь, пожалуйста. Ты выглядишь усталой.

Рейчел улыбнулась Глинну:

— Усталой и изумленной.

— С нетерпением жду вашего рапорта.

Макферлейн крепко зажмурился, потом открыл глаза.

— Еще ничего не написано. Если хотите знать сейчас, придется удовольствоваться устным сообщением.

Глинн сложил домиком кисти рук в перчатках и кивнул Макферлейну. Тот достал из кармана куртки лабораторный журнал с загнувшимися углами. Каждый выдох сопровождался облачком пара. Макферлейн пролистал тетрадь со многими рукописными страницами.

— Оговорюсь сразу, что это только самое начало. Двенадцати часов едва хватило, чтобы провести лишь поверхностные исследования.

Глинн снова молча кивнул.

— Я сообщу вам результаты тестов, но предупреждаю, в них не так уж много ясного. Мы начали с определения базовых характеристик для металлов: точка плавления, плотность, электрическое сопротивление, атомный вес, валентность и тому подобные вещи. Прежде всего мы нагревали образец, чтобы узнать точку плавления. При температуре пятьдесят тысяч градусов Кельвина испарялось золото основания, но материал метеорита остался твердым.

Глинн прикрыл глаза.

— Так вот почему он выдержал удар.

— Конечно,— сказала Амира.

— Затем мы с помощью масс-спектрометра попытались определить его атомный вес. Из-за высокой точки плавления эксперимент не удался. Даже с помощью микрозонда не удалось перевести образец в газообразное состояние.

Макферлейн порылся в тетради.

— То же самое с плотностью. Микрозонд не дал достаточно вещества, чтобы ее можно было определить. Похоже, что метеорит химически инертный. Мы травили образцы всеми растворителями, кислотами и другими реактивами, какие только нашли в лаборатории, и при комнатной температуре и давлении, а также и при высоких температурах и давлениях. Полностью нечувствителен. Он как благородный газ, только твердый. Валентные электроны отсутствуют.

— Продолжайте.

— Тогда мы поместили образец в контур для выявления его электромагнитных свойств. И вот здесь напали на жилу. По существу, метеорит, похоже, обладает сверхпроводимостью при комнатной температуре. Он проводит электричество, не оказывая сопротивления. Пустите в него заряд, и он будет циркулировать там вечно, пока что-нибудь не выбьет его оттуда.

Если Глинн и был удивлен, то никак этого не проявил.

— Потом мы бомбардировали образец пучком нейтронов — стандартный тест на неизвестных материалах. Нейтроны заставляют материал испускать рентгеновские лучи, которые говорят о его составе. Но в этом случае нейтроны просто исчезли. Были проглочены. Пропали. То же самое произошло с пучком протонов.

На этот раз Глинн поднял брови.

— Все равно что стреляешь из пистолета по бумажной мишени, а пули в ней застревают,— сказала Амира.

Глинн посмотрел на нее.

— Есть объяснения?

Она покачала головой.

— Я попыталась проанализировать возможные варианты с точки зрения квантовой механики. Без успеха. Кажется невозможным.

Макферлейн продолжал просматривать записи в тетради.

— Последнее, что мы попробовали,— посмотреть дифракцию рентгеновских лучей.

— Объясните,— пробурчал Глинн.

— Просвечивая материал рентгеновскими лучами, получаем картинку дифракционной решетки. Исходя из ее вида, компьютер строит кристаллическую решетку, генерировавшую такую дифракцию. Ну так вот, мы имеем очень странную дифракционную решетку, фактически фрактал. Рейчел написала программу, чтобы рассчитать, какого вида кристаллическая решетка соответствует такой дифракции.

— Она еще считает,— сказала Амира.— Возможно, сейчас уже зависла. Чертовски долгие вычисления, если вообще выполнимые.

— Есть еще кое-что,— продолжал Макферлейн.— Мы провели анализ следов расщепления, чтобы определить возраст коэсита на месте падения. Теперь мы знаем, когда упал метеорит: тридцать два миллиона лет назад.

Пока он говорил, взгляд Глинна медленно опускался к мерзлому земляному полу.

— Выводы? — произнес он очень тихо.

— Они только предварительные,— сказал Макферлейн.

— Понятно.

Макферлейн глубоко вздохнул.

— Вам приходилось слышать о гипотетическом «острове стабильности» в периодической системе элементов?

— Нет.

— Годами ученые ищут все более и более тяжелые элементы, наращивая периодическую систему Менделеева. Большинство из таких элементов имеют очень короткий срок существования, они живут в течение нескольких миллиардных долей секунды и распадаются на другие элементы. Но существует теория, что на этом пути по таблице может быть группа элементов, которые стабильны и не распадаются. Остров стабильности. Никто не знает, какими свойствами должны обладать эти элементы, но они будут очень необычными и очень, очень тяжелыми. Их невозможно синтезировать даже в самом большом из ныне существующих ускорителей элементарных частиц.

— И вы думаете, что это может быть такой элемент?

— В действительности я в этом почти уверен.

— Как такой элемент мог быть создан?

— Только при самом опасном событии в известной Вселенной. Гиперновая звезда.

— Гиперновая звезда?

— Да. Она гораздо больше сверхновой. Это происходит, когда гигантская звезда падает в черную дыру или когда сталкиваются две нейтронные звезды и образуется черная дыра. Примерно за десять секунд гиперновая звезда производит столько энергии, сколько вся остальная известная Вселенная. Такое событие может выделить достаточно энергии для создания этих необыкновенных элементов. Оно также может произвести достаточно энергии для придания такого ускорения метеориту в космическом пространстве, что его скорости хватит, чтобы перелететь огромное расстояние между звездами и достигнуть Земли.

— Межзвездный метеорит,— сказал Глинн ровным голосом.

Макферлейн отметил с удивлением краткий, но многозначительный обмен взглядами между Глинном и Амирой. Он сразу напрягся, но Глинн просто кивнул.

— Вы задали мне больше вопросов, чем дали ответов.

— У нас было всего двенадцать часов.

Наступило короткое молчание.

— Давайте вернемся к самому основному вопросу,— сказал Глинн.— Он опасен?

— Можно не опасаться ядовитости,— сказала Амира.— Он не радиоактивен и химически неактивен. Он совершенно инертен. Я верю, что он не опасен. Однако не следует допускать небрежного обращения с электроприборами рядом с ним. Являясь сверхпроводником при комнатной температуре, он обладает сильными и необычными электромагнитными свойствами.

Глинн обратился к Макферлейну:

— Доктор Макферлейн?

— Есть масса противоречий,— начал Макферлейн ровным голосом.— Мы не обнаружили ничего специфически опасного. Но мы и не вполне доказали его безопасность. Сейчас прогоняется следующая серия тестов. Если она прольет больше света, мы дадим вам знать. Но потребуются годы, чтобы ответить на эти вопросы, а не двенадцать часов.

— Понятно,— произнес Глинн и протяжно вздохнул с тихим шипящим звуком, который у любого другого означал бы раздражение.— Мы тоже узнали кое-что о метеорите, что будет вам интересно.

— Что такое?

— По предварительным оценкам, считалось, что его размер тысяча двести кубических метров, диаметр сорок два фута. Гарса и его команда вычертили наружный контур метеорита, когда прокладывали эти тоннели. Оказывается, он меньше, чем мы предполагали. Он всего двадцать футов в диаметре.

Мозг Макферлейна пытался принять этот факт. Почему-то он почувствовал разочарование — метеорит оказался незначительно больше Анайито, что экспонируется в нью-йоркском музее.

— На этом этапе еще трудно измерить его массу,— продолжал Глинн.— Но по всем показателям он весит, самое малое, десять тысяч тонн.

Макферлейн тут же забыл о недавнем разочаровании.

— Значит, он имеет удельную массу...

— Господи, не меньше семидесяти пяти,— подсказала Амира.

Глинн поднял брови.

— И что это означает?

— Два самых тяжелых элемента — это осмий и иридий,— объяснила Амира.— Удельная масса у обоих около двадцати двух. При удельной массе семьдесят пять этот метеорит имеет в три раза большую плотность, чем любой известный на Земле элемент.

— Вот вам и доказательство,— сказал Макферлейн.

Он почувствовал сильное сердцебиение.

— Простите? — не понял Глинн.

У Макферлейна вдруг словно гора упала с плеч. Он посмотрел Глинну в лицо.

— Не может быть никаких сомнений. Это межзвездный метеорит.

Глинн остался невозмутимым.

— Невозможно, чтобы наша Солнечная система породила что-либо с такой плотностью. Оно должно появиться откуда-то извне. Из места во Вселенной, очень отличного от нашего. Из региона гиперновой звезды.

Последовало долгое молчание. Макферлейн слышал крики рабочих в дальних тоннелях, приглушенные звуки работающих отбойных молотков и сварочных аппаратов. Наконец Глинн прочистил горло.

— Доктор Макферлейн,— начал он тихо. — Сэм. Я прошу прощения, если выгляжу сомневающимся. Поймите, мы работаем вне параметров какой-либо известной модели. Нет прецедента, на который мы могли бы опереться. Я понимаю, у вас недостаточно времени для проведения ваших тестов. Но для нас удобный момент будет вот-вот упущен. Я хочу знать ваше мнение как ученого и как человека: безопасно ли продолжать работы или следует прекратить их и отправиться домой?

Макферлейн глубоко вздохнул. Он понимал, что у него спрашивает Глинн. Но он знал и то, что он оставил несказанным. «Как ученого и как человека...» Глинн ждал его объективной оценки, а не оценки человека, предавшего своего друга пять лет назад в точно такой ситуации. У него в мозгу мелькали картинки: Ллойд, вышагивающий перед пирамидой, сверкающие черные глаза команданте эсминца, истлевшие кости его мертвого напарника.

Макферлейн начал говорить очень медленно:

— Он лежит здесь тридцать миллионов лет без видимых проблем. Но правда в том, что мы доподлинно не знаем этого. Все, что я могу сказать,— это величайшее научное открытие.

Стоит ли оно риска? Ничто действительно значительное не достигалось без риска.

Взгляд Глинна блуждал где-то далеко. Как всегда, ничего нельзя было прочесть по выражению его лица, но Макферлейн чувствовал, что он выразил словами мысли самого Глинна.

Глинн достал карманные часы, открыл их изящным жестом. Он принял решение:

— Мы поднимаем камень через тридцать минут. Рейчел, если вы с Джином протестируете следящую систему, мы будем готовы.

Макферлейна затопили эмоции. Он даже не мог разобраться, что это было — боязнь или предвкушение.

— Тесты мы должны провести наверху,— сказал Гарса, взглянув на часы.— Здесь никому находиться нельзя.

Все эмоции сразу угасли.

— Я полагал, вы говорили, что это совершенно безопасно,— сказал Макферлейн.

— Двойное обеспечение,— пробормотал Глинн и повел всех со склада по узкому тоннелю.

«Ролвааг»
9 часов 30 минут

Доктор Патрик Брамбелл, удобно устроившись на койке, читал «Королеву фей» Спенсера. Судя по звукам, танкер мирно стоял на якоре. Матрас был восхитительно мягким. Температура в медицинском отсеке поддерживалась как раз такой, как ему нравилось. Вся команда, кроме вахтенных, была на берегу занята подготовкой к подъему метеорита, и на судне стояла тишина. Мир не причинял ему неудобств, не вызывал беспокойства, исключая руку, державшую книгу у него перед носом последние полчаса, которая, по-видимому, начала уставать. Но эта проблема была легко решаемой. Он переложил книгу в другую руку, перевернул страницу и, удовлетворенно вздохнув, снова погрузился в изысканные стихи Спенсера.

Потом вспомнил кое-что, вызвавшее раздражение. С неохотой Брамбелл посмотрел через открытую дверь каюты на коридор и медицинскую лабораторию за ним. Там на блестящем металлическом столе стоял голубой ящик с вещественными доказательствами. Замки были открыты, но крышка не поднята. С этим было связано что-то жалкое, почти неприятное. Глинн хотел получить результаты обследования в конце дня.

С минуту Брамбелл смотрел на ящик, не сводя глаз. Потом отложил книгу в сторону, с сожалением встал с койки и одер-

нул на себе хирургический костюм. Хотя ему редко приходилось заниматься собственно медицинскими делами и еще реже проводить операции, он любил носить одежду хирурга и не расставался с ней, пока не ложился спать. Как униформу, он находил ее более устрашающей, чем полицейская, и только немного менее устрашающей, чем сама старуха Смерть. Костюм хирурга, особенно в пятнах крови, способствует сокращению официальных визитов и ускорению лишних разговоров.

Брамбелл вышел из своей каюты и остановился в большом коридоре медицинского отсека, изучая параллельные линии открытых дверей. В приемной никого. Десять коек, и все пустые. Просто великолепно.

Войдя в лабораторию, Брамбелл вымыл руки в большой раковине, потом стряхнул с пальцев воду короткими вращательными движениями, непочтительно пародируя священников. Включив локтем сушилку, он стал потирать свои старые шишковатые руки под струей воздуха. Занимаясь этим, он смотрел на аккуратные ряды старых книг — избыток, перекочевавший сюда из каюты. Над ними он повесил изображение Иисуса Христа и маленькую фотографию двух малышей-близнецов в матросских костюмчиках. Изображение Христа напоминало ему о многих вещах, порой внутренне противоречивых, но всегда интересных. Фотография его самого с братом-близнецом Саймоном, который был убит грабителем в городе Нью-Йорке, напоминала ему, почему он никогда не женился и не имел детей.

Брамбелл натянул резиновые перчатки, включил бестеневую лампу и повернул увеличительное стекло таким образом, чтобы оно оказалось над столом с голубым ящиком. Он открыл ящик и неодобрительно уставился на груду костей. Он сразу понял, что некоторых недостает, а остальные сложены как придется, без всякого соответствия с анатомией. Он покачал своей мудрой головой по поводу всеобщей людской некомпетентности.

Брамбелл начал вынимать кости, идентифицировать их и размещать на столе в должном порядке. Следов повреждений, нанесенных животными, немного, разве что покусы грызунов. Потом он наморщил лоб. Количество предсмертных переломов было необычным, даже поразительным. Он помедлил, задержав кусок кости на полпути от ящика к столу. Затем он осторожно положил его на металлическую поверхность. В лазарете стояла тишина. Брамбелл отошел назад, сложив руки в зеленых перчатках, и стал смотреть на останки.

С самого детства в Дублине мать лелеяла мечту, что ее мальчики-близнецы вырастут и станут врачами. Ма Брамбелл была неодолимой силой природы, поэтому, как и его брат Саймон, Патрик поступил на медицинский факультет. В то время как Саймон, получавший от работы удовольствие, стал, к величайшему удовлетворению Ма, судебно-медицинским экспертом в Нью-Йорке, Патрик обнаружил, что ненавидит отвлекаться от литературы. С годами ему понравились корабли, а в последнее время — танкеры, где команда небольшая, а условия комфортабельные. До сих пор «Ролвааг» оправдывал его ожидания. Ни переломов костей, ни мучительных лихорадок, ни случаев мокнущего триппера. Кроме нескольких приступов морской болезни, насморков и, конечно, озабоченности Глинна относительно охотника за метеоритами, ничто не отвлекало его от чтения любимых книг. До сего дня.

Пока он смотрел на коллекцию переломанных костей, Брамбелл вдруг почувствовал, что в нем просыпается нехарактерное для него любопытство. Тишину нарушила мелодия «Парень из Шилейлы». Весело насвистывая, доктор быстро закончил размещение костей на столе. Он осмотрел имущество: пуговицы, клочки одежды, старый сапог. Конечно, сапог был только один. Другого эти легкомысленные мальчишки не нашли. Как, впрочем, и правой ключицы, и части подвздошной кости, левой лучевой кости, костей запястья... Он составил мысленный список недостающего. По крайней мере череп был в комплекте, хотя и из нескольких кусков.

Брамбелл наклонился ниже. Череп тоже был испещрен предсмертными переломами. Обод глазной орбиты тяжелый, по-мужски крепкий. Несомненно, мужчина лет тридцати пяти, возможно, сорока. Небольшого роста, не больше пяти футов и семи дюймов, но мощного телосложения, с хорошо развитой мускулатурой. Многолетняя работа в поле. Никаких сомнений. Вполне соответствует описанию космического геолога Нестора Масангкея, которым снабдил Брамбелла Глинн.

Многие зубы сломаны под корень. Выглядят так, будто в предсмертных судорогах бедняга выбил все зубы и даже расколол череп. В сущности, переломана каждая кость, которая могла быть сломана. Брамбелл не мог представить, что могло привести к таким обширным повреждениям. По-видимому, это был удар спереди, нанесенный одновременно по всему телу, от головы до пальцев ног. Он вспомнил несчастного парашютиста, вскрытие которого проводил еще во время учебы. Парень неправильно упаковал свой парашют и упал с трех тысяч футов на шоссе.

Брамбелл затаил дыхание. Свист неожиданно замер у него на губах. Он был так поглощен изучением переломов костей, что не обращал внимания на другие их характеристики. Теперь, когда он это сделал, Брамбелл увидел, что проксимальные фаланги показывают отслаивание и размельчение, характеризующее сильное нагревание или горение. Почти все периферические фаланги отсутствуют, по-видимому, полностью сгорели. На ногах и на руках. Доктор наклонился еще ниже. Сломанные зубы были опалены, хрупкая эмаль развалилась.

Брамбелл обвел взглядом останки. Теменная кость сильно повреждена огнем, она мягкая и крошится. Он наклонился и понюхал. Ну да, он даже чувствует специфический запах. Что же это было? Брамбелл взял в руки пряжку. Чертова штука расплавилась. И единственный сапог не просто сгнил, он тоже обгорел. И клочки одежды тоже обгорелые. Этот дья-

вол, Глинн, ни словом не упомянул об этом, хотя наверняка заметил.

Брамбелл откачнулся назад. С едва заметным сожалением он пришел к выводу, что нет абсолютно никакой мистики. Теперь он точно знал, как умер геолог.

В слабо освещенной лаборатории снова раздалась мелодия «Парень из Шилейлы». Теперь мотив звучал немного печальней, пока Брамбелл закрывал ящик с вещественными доказательствами и возвращался в свою койку.

Остров Десоласьон
10 часов

Макферлейн стоял в центре связи у замерзшего окна и рукой протаивал на нем просвет. Над Пастью Генуксы висели тяжелые облака, набрасывавшие темный покров на острова у мыса Горн. Позади него Рочфорт, сосредоточенный больше обычного, стучал по клавиатуре графопостроителя.

В последние полчаса наблюдалась лихорадочная активность. Прикрывавшая метеорит постройка из рифленого металла была убрана в сторону, а поверхность метеорита очищена до мельчайшей соринки — темно-коричневый шрам на сказочной белой стране снегов. Занятая каким-то странным делом, там суетилась небольшая армия рабочих. Переговоры по радио, полные непонятных технических терминов, наводили на мысль о вавилонском столпотворении.

Басовито выл ветер. Макферлейн чувствовал, как у него ускоряется пульс.

Распахнулась дверь, появилась Амира с широкой улыбкой на лице. Следом за ней вошел Глинн. Он сразу подошел к Рочфорту.

— Последовательность подъема отработана? — спросил он.

— Проверь.

Глинн взял рацию:

— Мистер Гарса? Пять минут до подъема. Оставайтесь, пожалуйста, на этой частоте.

Он опустил рацию и взглянул на Амиру, занявшую место у ближайшей консоли и надевавшую наушники.

— Сервосистема?

— Он-лайн,— откликнулась она.

— Так что мы увидим? — спросил Макферлейн.

Он уже предвидел шквал вопросов, которые будет задавать Ллойд во время вечернего сеанса связи.

— Ничего,— ответил Глинн.— Мы поднимаем его всего на шесть сантиметров. Возможно, сверху на земле появятся трещины.

Он кивнул Рочфорту:

— Шестьдесят тонн на каждый домкрат.

Пальцы Рочфорта пробежались по клавиатуре.

— Домкраты под равной нагрузкой. Подвижки нет.

Появилась слабая, едва ощутимая вибрация. Глинн и Рочфорт придвинулись к экрану, считывая данные, появлявшиеся на нем. Они оба казались совершенно спокойными, даже равнодушными. Несколько ударов по клавишам, ожидание, еще несколько ударов. Это выглядело так обыденно. Совсем не та охота за метеоритом, к которой привык Макферлейн, когда лунной ночью, осторожно орудуя лопатой, копаешь на заднем дворе какой-нибудь развалюхи, а сердце бьется в горле.

— Увеличить нагрузку до семидесяти тонн на каждый домкрат,— приказал Глинн.

— Готово.

Последовало длительное, томительное ожидание.

— Проклятье,— выругался Рочфорт.— Никакого движения. Ничего.

— Подними до восьмидесяти.

Рочфорт ввел команду. Подождал и покачал головой.

— Рейчел?

— С сервосистемой все в порядке.

Снова молчание, на этот раз более длительное.

— Мы должны были заметить подвижку при шестидесяти семи тоннах на каждом домкрате,— сказал Глинн и снова замолчал.— Увеличь до ста.

Рочфорт понажимал клавиши. Макферлейн взглянул на лица, освещенные светом от монитора. Почувствовалось, что обстановка накаляется.

— Ничего? — спросил Глинн с некоторым беспокойством в голосе.

— Сидит, как сидел.

Лицо Рочфорта стало даже более измученным, чем обычно.

Глинн выпрямился и медленно подошел к окну. Он заскрипел пальцами по стеклу, расчищая просвет в инее.

Медленно текли минуты. Рочфорт сидел, уставившись в экран компьютера. Амира отслеживала сервосистему. Глинн отвернулся от окна.

— Хорошо. Опустим домкраты, проверим установочные параметры и повторим.

Вдруг комнату заполнил странный, показавшийся потусторонним стон, идущий ниоткуда и отовсюду. Макферлейн ощутил, как все тело покрылось мурашками.

Рочфорт напрягся.

— Скольжение в секторе шесть,— сообщил он, молниеносно щелкая пальцами по клавиатуре.

Звук затих.

— Что это было, черт возьми? — спросил Макферлейн.

Глинн покачал головой.

— Похоже, мы приподняли метеорит на миллиметр в секторе шесть, но потом он снова осел и примял домкраты.

— Опять подвижка,— вдруг сказал Рочфорт с тревогой в голосе.

Глинн поспешил к нему и посмотрел на экран.

— Он асимметричный. Снижай домкраты до девяноста, быстро.

Последовало щелканье клавиш. Глинн выпрямился, хмурясь.

— Что с шестым сектором?

— Похоже, домкраты заблокировались на ста тоннах,— сказал Рочфорт.— Они не снижают нагрузку.

— Что думаешь?

— Камень навалился на этот сектор. Если это так, на них переместился очень большой вес.

— Все домкраты обнулить.

Макферлейну происходящее представлялось сюрреалистическим видением: ни малейшего звука, ни пугающего подземного скрежета — только группа возбужденных людей, безмолвно застывших перед мерцающим экраном.

Рочфорт прекратил нажимать на клавиши.

— В шестом секторе все заблокировано. Домкраты зафиксировались под весом.

— Можем мы обнулить остальные?

— Если я это сделаю, метеорит может потерять устойчивость.

— Потерять устойчивость,— повторил Макферлейн.— Вы имеете в виду, что он опрокинется?

Глинн вскользь глянул на него и снова повернулся к экрану.

— Предложения, мистер Рочфорт?

Инженер откинулся на спинку стула, лизнул кончик указательного пальца левой руки и прижал его к большому пальцу правой руки.

— Вот что я думаю. Мы оставим домкраты как есть. Будем держать их в том же положении. Потом в секторе шесть выпустим из домкратов жидкость через аварийные гидравлические клапаны. Расшевелим их.

— Как? — спросил Глинн.

Подумав, Рочфорт ответил:

— Вручную.

Глинн поднял рацию.

— Гарса?

— Вас слышу.

— Ты понял.

— Вас понял.

— Твое мнение?

— Я согласен с Джином. Мы, должно быть, сильно недооценили вес крошки.

Глинн перевел взгляд на Рочфорта.

— И кому ты предлагаешь поручить осушение домкратов?

— Я бы никому этого не поручал. Сделаю сам. Тогда мы позволим метеориту занять прежнюю стабильную позицию. Установим дополнительные домкраты и повторим попытку.

— Тебе нужен напарник,— сказал по радио Гарса.— Это буду я.

Я не намерен посылать под камень обоих, и ведущего инженера, и руководителя строительства,— сказал Глинн.— Мистер Рочфорт, проанализируйте риск.

Рочфорт достал карманный калькулятор и произвел несколько вычислений.

— При максимальной нагрузке время работы домкратов до отказа составит шестнадцать часов.

— А под нагрузкой выше максимальной, допустим, вдвое?

— Временной интервал уменьшается.

Он проделал еще несколько вычислений.

— Вероятность аварии в ближайшие тридцать минут не превышает одного процента.

— Это приемлемо,— сказал Глинн.— Мистер Рочфорт, выберите себе сами напарника из членов команды. У вас тридцать минут, считая с этого мгновения. И ни минутой больше. Желаю удачи.

Рочфорт встал и посмотрел на них. Он был очень бледен.

— Помните, сэр, мы верим не в удачу,— сказал он.— Но все-таки благодарю вас.

Остров Десоласьон
10 часов 24 минуты

Рочфорт зашел в маскирующую постройку и откатил бочки с гвоздями, открыв люк в ярко освещеннный тоннель. Он ухватился за поручень лесенки и стал спускаться. На ремне у него висели портативный компьютер и рация. За ним последовал Эванс, фальшиво мурлыкающий «Muscrat Ramble».

Главной эмоцией Рочфорта в этот момент было смущение. Ему казалось, что короткий путь от центра связи занял вечность. И хотя на рабочей площадке было пусто, он тем не менее спиной чувствовал десятки направленных на него взглядов, без сомнения осуждающих.

Он установил на пятьдесят процентов больше домкратов, чем считал необходимым. Это соответствовало руководству по эксплуатации, принятому ЭИР, и казалось надежным запасом. Но он просчитался. Он должен был требовать двойное обеспечение, установить двести домкратов. Но была постоянная спешка, на всем ее отпечаток. Исходившая от Ллойда и Глинна, она влияла на все, что они делали. Рочфорт предложил сто пятьдесят домкратов, а Глинн не оспаривал его решения. Никто не усомнился, никто слова ему не сказал, что он ошибся, даже намека такого не было. Но это дела не меняло — он сделал промах, и его переполняла горечь.

Добравшись до дна, Рочфорт быстро пошел по тоннелю, инстинктивно наклоняя голову. На штангах и балках нарос-

ли похожие на перья кристаллы льда, образовавшиеся из конденсата дыхания работавших здесь людей. Эванс, шагавший следом, насвистывал и сбивал их пальцем.

Рочфорт чувствовал себя больше униженным, чем обеспокоенным. Он знал, что, даже если домкраты на шестом участке не выдержат, вероятность чего ничтожна, вряд ли с метеоритом произойдет непоправимое. Он просто сядет на прежнее место. Он пролежал там бессчетные тысячелетия, и сила тяжести и инерция требуют, чтобы он там и оставался. В худшем случае им придется все начинать сначала.

«Все начинать сначала...» Его губы сжались в прямую линию. Значит, устанавливать дополнительные домкраты, возможно, рыть дополнительные тоннели. Он настойчиво доказывал Глинну, что никто из персонала музея Ллойда не должен в этом участвовать, это должна быть экспедиция только ЭИР. Роль персонала Ллойда должна сводиться к конечному получению метеорита и оплате счетов. По причинам, ведомым только самому Глинну, он позволяет Ллойду получать ежедневный отчет. Из-за этого все и происходит.

Тоннель достиг первого сектора и повернул на девяносто градусов. Рочфорт прошел по основному тоннелю еще сорок футов и свернул в обходной тоннель, ведущий к дальней стороне метеорита. Из рации послышалось бормотание. Рочфорт снял ее с ремня и сообщил:

— Подходим к шестому сектору.

— Диагностика показывает, что в этом секторе нуждаются в разблокировании все домкраты, за исключением четвертого и шестого,— сказал Глинн.— По нашим оценкам, вы можете завершить работу за шестнадцать минут.

«Двенадцать»,— подумал Рочфорт, но ответил:

— Согласен.

Боковой тоннель обогнул фронтальную сторону метеорита и разделился на три канала доступа. Рочфорт выбрал средний канал. Впереди он видел домкраты шестого сектора, желтые на фоне кровавого метеорита. Они выстроились в длин-

ную линию в конце канала доступа. Он проверил все пятнадцать один за другим. Они выглядели совершенно надежно. Их когтистые лапы крепко держались на основаниях; спускавшиеся по вертикальным стокам кабели системы контроля вливались в общую реку проводов и кабелей. Казалось, домкраты не сдвинулись совершенно. Было трудно поверить, что каждый из них заблокирован стотонной нагрузкой.

С вздохом раздражения Рочфорт присел рядом с первым домкратом. Над ним круглилось брюхо метеорита с мягкой регулярной ребристостью, словно прошло машинную обработку. Эванс прошел вперед с небольшим ключом для открывания гидравлических клапанов.

— Он похож на громадный шар для кегельбана,— весело сказал Эванс.

Рочфорт хмыкнул и показал на шток клапана первого домкрата. Эванс встал на колени рядом с ним, зажал шток своим инструментом и стал его осторожно поворачивать.

— Не беспокойся, он не сломается,— успокоил его Рочфорт.— Давай пошевеливаться, нас ждут еще двенадцать штук.

Эванс уже быстрее повернул шток на девяносто градусов. Пользуясь маленьким молотком, Рочфорт ловкими постукиваниями по рукоятке клапана открыл спускной канал, откинув крышку на задней стороне домкрата. Загорелся красный индикатор, свидетельствуя о разблокировке клапана и готовности к открытию.

После первого домкрата Эванс стал решительнее, они начали работать тандемом, и дело пошло быстрей. Они двигались вдоль линии, пропустив только два домкрата под номерами четыре и шесть. После пятнадцатого домкрата остановились. Рочфорт посмотрел на часы. Они справились всего за восемь минут. Оставалось лишь пройти вдоль линии в обратном направлении, нажимая кнопки спуска на каждом клапане. Хотя жидкость находилась под большим давлением, внутренний регулятор обеспечит равномерный сток, посте-

пенно снимая нагрузку с домкрата. Одновременно управляющий компьютер в центре связи будет соответственно понижать нагрузку на остальных домкратах. Ситуация придет в норму. Затем им придется выставить дополнительное количество домкратов и повторить попытку. Он порадует Глинна. Поставит триста домкратов. Но для этого потребуется по меньшей мере еще день, чтобы доставить их с судна, подсоединить к системе управления и провести диагностику. Потребуются также дополнительные тоннели.

Рочфорт покачал головой. Ему следовало начинать сразу с трехсот.

— Здесь жарко,— сказал Эванс, стягивая назад капюшон.

Рочфорт не ответил. Ему было все равно — жарко здесь или холодно. Они повернулись и пошли обратно вдоль линии домкратов, останавливаясь у каждого, чтобы поднять предохранительный щиток и нажать кнопку аварийного слива жидкости. Они проделали половину пути, когда Рочфорт замер, услышав звук, похожий на писк мыши.

Хотя было важно начать спуск жидкости из всех домкратов как можно скорее, звук был настолько необычным, что Рочфорт смотрел вдоль ряда домкратов, пытаясь выяснить его источник. Пока он смотрел, звук повторился, похожий на тихий предсмертный писк. Рочфорт прищурился. Домкрат номер один выглядел странно погнутым.

Ему не потребовалось времени на раздумья.

— Уходим! — крикнул он.— Немедленно!

Рочфорт вскочил на ноги и побежал к каналу доступа. Эванс бежал по пятам. Рочфорт не сомневался, что на эти домкраты нагрузка оказалась больше, чем они предполагали в своих самых пессимистических прогнозах. Гораздо больше. Если они выберутся отсюда, можно будет определить — насколько.

Он слышал тяжелый топот и сопение Эванса у себя за спиной. Но прежде чем они добежали даже до подводящего тоннеля, первый домкрат сломался с ужасающим треском, за ним второй, третий... Затем наступила пауза, за которой последовали серии хлопков, похожие на пулеметные очереди,— это

ломались остальные домкраты. Рочфорт оказался среди слепящих фонтанов гидравлической жидкости. Появился звук, напоминающий стрекотание огромной швейной машины. Повело опорные стойки и балки. Рочфорт бежал изо всех сил сквозь струи. Бьющая под давлением жидкость в клочья рвала одежду, жгла тело. Он осознавал, что шансы выжить стремительно уменьшаются.

Он понял, что они равны нулю, когда с мощным глухим ударом на него двинулся метеорит, сбивая стальные опоры, выдавливая землю, грязь и лед. Бесконечно огромное, сияющее, неумолимое и безжалостно кровавое — это было все, что Рочфорт увидел в последний миг.

«Ролвааг»
12 часов

Когда Макферлейн появился в библиотеке «Ролваага», он застал там молчаливую группу людей, разместившихся в креслах и на диванах. Потрясенность и подавленность витали в воздухе. Гарса неподвижно стоял у окон, уставившись на воды пролива Франклина и на остров Дисит. Амира сидела в углу, подтянув колени к подбородку. Бриттон и первый помощник Хоуэлл тихо разговаривали. Даже отшельник доктор Брамбелл был здесь, барабанил пальцами по ручке кресла и нетерпеливо посматривал на часы. Из основных игроков отсутствовал один Глинн. Но только Макферлейн нашел себе место, как открылась дверь библиотеки и вошел глава ЭИР с тонкой папкой под мышкой. За ним по пятам следовал Джон Паппап. Его улыбка и пружинящая походка казались совершенно неуместными среди приунывшей группы. Макферлейн не был удивлен появлением Паппапа — тот постоянно был с Глинном рядом, ходил следом как верный пес.

Глинн вышел на середину комнаты, и все взоры приковались к нему. Макферлейн задавался вопросом, насколько это тягостно для Глинна. Двое его людей, включая ведущего инженера, мертвы. Но он выглядел, как обычно, спокойным, бесстрастным и естественным.

Глинн взглянул на группу своими серыми глазами.

— Джин Рочфорт был с ЭИР с самого ее основания. Фрэнк Эванс работал с нами сравнительно недавно, но его смерть не менее огорчительна. Это трагедия для всех нас. Однако я здесь не для славословий. Ни Джин, ни Фрэнк их не желали бы. Мы сделали важное открытие, но далось оно нам нелегко. Метеорит Десоласьон оказался гораздо тяжелей, чем любой из нас мог предположить. Тщательный анализ аварийных характеристик домкратов и нескольких высокочувствительных гравиметрических измерений дал нам новую и более точную оценку его массы. Она равна двадцати пяти тысячам тонн.

Макферлейн похолодел от этих слов. Он быстро подсчитал, что удельная масса равна 190. В сто девяносто раз плотней воды. Кубический фут будет весить... Бог мой, почти шесть тонн!

Но два человека мертвы. Еще два, поправил себя Макферлейн, думая о жалкой кучке костей, которые остались от его бывшего партнера.

— Наша политика — двойное обеспечение, продолжал Глинн.— Мы планировали вдвойне по сравнению с расчетными значениями все: затраты, усилия, груз. Значит, мы правильно считали и можем справиться с такой массой камня. Поэтому я здесь и говорю вам, что мы можем продолжать работы в соответствии с графиком. У нас есть все, чтобы достать метеорит, доставить на судно и поместить в трюм.

Макферлейну показалось, что в холодной тональности речи Глинна проскальзывала странная нотка, словно бы триумфа.

— Одну минуту,— вмешался Макферлейн.— Только что умерли два человека. Мы ответственны...

— Не вы,— мягко прервал его Глинн.— Мы ответственны. И мы полностью застрахованы.

— Я говорю не о страховке. Я говорю о двух человеческих жизнях. Два человека погибли при попытке сдвинуть эту штуку.

— Мы приняли все разумные предосторожности. Вероятность аварии равнялась одному проценту. Вы недавно сами

говорили: ничто не достигается без риска. А по нормам риска несчастных случаев мы находимся в допустимых пределах.

Макферлейн едва мог поверить, что не ослышался. Он взглянул на Амиру, потом на Гарсу и не прочитал на их лицах возмущения, которое чувствовал сам.

— В допустимых пределах? Что это значит, черт возьми?

— В любой сложной инженерной ситуации, какие бы меры предосторожности ни предпринимались, происходят несчастные случаи. На этой стадии мы ожидали два таких случая.

— Боже, что за бессердечные расчеты!

— Как раз наоборот. Когда проектировался мост Золотые Ворота, по предварительным оценкам, его сооружение могло стоить жизни тридцати рабочим. Это не было ни проявлением хладнокровия, ни бессердечия, это было составляющей планирования. Бессердечно подвергать людей опасности, не оценив риск. Рочфорт и Эванс знали, каков он, и сочли приемлемым.

Глинн смотрел прямо на Макферлейна и говорил монотонным голосом.

— Уверяю вас, вы не представляете, как я горюю. Но меня наняли откопать этот метеорит, и я намерен это сделать. Я не могу допустить, чтобы мои личные переживания повлияли на мои суждения или ослабили мою решимость.

Неожиданно заговорила Бриттон. Макферлейн видел, что ее глаза блестят от возмущения.

— Скажите, мистер Глинн, скольким еще, по вашим расчетам, нужно умереть, прежде чем мы довезем до дома метеорит Десоласьон?

На мгновение показалось, что Глинн утратил невозмутимость при этом залпе с неожиданного направления.

— Ни единому, если это в моих силах,— сказал он холодно.— Мы сделаем все возможное, чтобы предотвратить гибель и увечья. И ваш вывод, что я нахожу определенное число смертей приемлемым, свидетельствует лишь о неосведомленности

относительно оценки риска. Дело в том, что, как бы осторожны мы ни были, несчастные случаи могут происходить. Это как полеты. Самолеты падают, несмотря на все старания. Можно рассчитать вероятность смерти в каждом конкретном полете. Но мы летаем. И это решение продолжать летать не делает смерть более приемлемой. Это понятно?

Бриттон пристально посмотрела на Глинна, но ничего не сказала. Затем голос его неожиданно стал ласковым.

— Я понимаю, что вы искренне обеспокоены. Это естественно. Я это ценю.

Он повернулся и проговорил более жестко:

— Но, доктор Макферлейн, мы не можем поднять этот метеорит полумерами.

Макферлейн вспыхнул.

— Я не хочу, чтобы еще кто-то пострадал. Я так не работаю.

— Не могу ничего обещать,— сказал Глинн. — Не мне объяснять вам, как уникален этот метеорит. Его невозможно оценить в долларах и нельзя оценивать стоимостью человеческих жизней. Возникает единственный вопрос, который я задаю вам как представителю музея Ллойда: вы его еще хотите?

Макферлейн огляделся вокруг. Все взгляды были обращены к нему. В тишине, последовавшей за этим вопросом, он осознал, что не может себя заставить на него ответить.

Спустя минуту Глинн медленно кивнул.

— Мы откопаем тела и похороним их с почестями, когда вернемся в Нью-Йорк.

Доктор Брамбелл прочистил горло и проговорил ворчливым ирландским тоном:

— Боюсь, мистер Глинн, там будет нечего хоронить, кроме двух коробок влажной земли.

Глинн одарил Брамбелла ледяным взглядом:

— Хотите еще что-нибудь добавить по существу, доктор?

Брамбелл, в зеленой робе хирурга, положил ногу на ногу и сложил кисти рук домиком.

— Могу рассказать, как умер доктор Масангкей.

Все затихли.

— Продолжайте,— сказал наконец Глинн.

— Его убило молнией.

Макферлейн пытался это осознать. Его старый товарищ был убит молнией в тот самый момент, когда сделал величайшее открытие? Это казалось выдержкой из плохого романа. И тем не менее, если оглянуться назад, это похоже на правду. Фульгуриты, которые он видел на раскопе, подтверждали это. А сверх всего, метеорит является гигантским громоотводом.

— Ваши доказательства? — спросил Глинн.

— Обгоревшие кости свидетельствуют о том, что сквозь тело прошел сильный электрический ток. Мне приходилось это видеть и раньше. Только электрический разряд молнии может обусловить такого типа обгорелость и раздробленность найденных костей. Видите ли, молния не только сжигает кости. Мгновенно вскипает кровь, и происходит взрывной выброс пара. Это вызывает резкое сокращение мышц, которое дробит кости. В некоторых случаях молния бьет с такой силой, как будто в тело врезался грузовик. Тело доктора Масангкея, в сущности, взорвалось.

Врач произнес слово «взорвалось» по слогам, с удовольствием растягивая их. Макферлейна бросило в дрожь.

— Спасибо, доктор,— сказал Глинн сухо.— Я буду с нетерпением ждать результатов вашего анализа биоты в восьмидесяти мешках образцов, которые мы собрали в непосредственной близости от метеорита. Я как раз отправил их в вашу лабораторию.

Глинн открыл свою папку.

— Если метеорит притягивает молнию, тогда есть еще одна причина держать его закрытым. Давайте работать дальше. Минуту назад я сказал, что мы можем работать по графику. Однако придется внести в него некоторые поправки. К примеру, поскольку вес метеорита так огромен, нам нужно доставлять его на судно от места падения наикратчайшим путем.

Это означает перемещение метеорита через снежник, а не вокруг него. Метеорит можно перемещать только прямо по дороге с постоянным уклоном. Будет непросто, потребуется большой объем земляных работ, но это исполнимо. Кроме того, капитан Бриттон сообщила мне, что на нас движется зимний шторм. Если он не изменит направления, нам придется учитывать и этот фактор в графике. Но в некотором смысле он послужит нам прикрытием.

Он поднялся и продолжил:

— Я приготовлю письма семье Джина Рочфорта и вдове Фрэнка Эванса. Если кто-то из вас хочет добавить личное послание, пожалуйста, отдайте его мне, прежде чем мы прибудем в Нью-Йорк. Ну и последнее.— Он посмотрел на Макферлейна.— Вы сказали мне, что коэсит и импектит вокруг метеорита сформировались тридцать два миллиона лет назад.

— Да,— подтвердил Макферлейн.

— Я хочу, чтобы вы собрали образцы с потоков базальта и с вулканической вилки за лагерем и тоже определили их возраст. Очевидно, что нам необходимо знать больше о геологии острова. Вторая серия тестов позволила прийти к каким-нибудь новым выводам?

— Только к новым загадкам.

— В таком случае вашим следующим проектом будет геология острова.

Глинн обвел взглядом присутствующих:

— Есть что-нибудь еще, прежде чем мы вернемся к работе?

— Да, парень,— раздался надтреснутый голос.

Это был всеми забытый Паппап, сидевший на стуле с прямой спинкой в углу библиотеки — волосы взъерошены, тянет руку и крутит ею, как школьник.

— Слушаю,— сказал Глинн.

— Вы сказали, что умерли два человека.

Глинн промолчал. Наблюдая за ним, Макферлейн отметил, что Глинн не смотрит в глаза Паппапу, как остальным.

— Вы сказали, что могут умереть и другие люди.

— Ничего такого я не говорил,— сказал Глинн твердо.— Теперь, если мы закончили...

— А случится, что все умрут? — неожиданно громко спросил Паппап.

Повисло неловкое молчание.

— Проклятый сумасшедший,— едва слышно пробормотал Гарса.

Паппап просто указал на иллюминатор. Все взгляды обратились туда.

Сразу за скалистыми очертаниями острова Дисит, темный на фоне далекого неба, в поле зрения появился устрашающий нос эсминца. Все его орудия были направлены на танкер.

«Ролвааг»
12 часов 25 минут

Глинн вытащил из кармана маленький бинокль и посмотрел на корабль. Он ожидал, что Валленар предпримет новую попытку. Очевидно, это она.

Бриттон поднялась со своего кресла и подошла к иллюминатору.

— Похоже, он хочет нас потопить,— сказала она.

Глинн присмотрелся к мачтам, потом к четырехдюймовым пушкам и опустил бинокль.

— Это блеф.

— Откуда вы знаете?

— Проверьте.

Бриттон вопросительно взглянула на первого помощника. Хоуэлл сказал:

— Приемная антенна не улавливает активности радара наведения.

Бриттон повернулась к Глинну, и тот протянул ей бинокль.

— Он направил на нас орудия, но не собирается из них стрелять. Посмотрите — радар системы наведения не крутится.

— Да, вы правы,— подтвердила Бриттон, возвращая бинокль.— Всем по местам стоять, мистер Хоуэлл.

— Мистер Гарса, позаботьтесь подготовить гостевую каюту на всякий случай,— попросил Глинн.

Он положил бинокль в карман и посмотрел на Паппапа. Метис сидел, прислонясь к спинке стула, и поглаживал свои длинные висячие усы.

— Мистер Паппап, я бы хотел пройтись с вами по палубе, если не возражаете.

Выражение лица Паппапа не изменилось. Он встал, вышел вслед за Глинном из библиотеки и направился за ним по широкому коридору.

Снаружи через пролив задувал резкий ветер, взбивая на воде танцующие барашки. По палубе скользили куски льда. Глинн шел впереди, маленький старик за ним по пятам. Так они дошли до возвышения палубы на носу судна. Глинн остановился, прислонился к якорной лебедке и посмотрел на далекий эсминец. Теперь, когда Валленар сделал следующий шаг, проблема заключалась в том, чтобы предусмотреть его дальнейшие действия. Глинн исподтишка глянул на Паппапа, единственного человека на борту, который мог просветить его относительно Валленара. И именно этого человека он понимает хуже, чем любого другого. Глинн обнаружил, что не может предсказать или контролировать действия Паппапа, ходившего за ним как тень. Это почему-то тревожило.

— Сигареты не найдется? — спросил Паппап.

Глинн вытащил из кармана полную пачку сигарет «Мальборо» стоимостью на вес золота и подал ее Паппапу. Старик вскрыл пачку и вытащил сигарету.

— Спичка?

Глинн дал ему прикурить от своей зажигалки.

— Спасибо, парень,— поблагодарил Паппап и глубоко затянулся.— Немного холодно сегодня, да?

— Да, холодно.

Они помолчали.

— Где вы выучили английский, мистер Паппап?

— У миссионеров, где же еще? Я только у них немного и поучился.

— Один из них был не из Лондона случайно?

— Оба, сэр.

Глинн подождал немного, пока Паппап курил. Даже с учетом культурных различий этот человек был для Глинна загадкой, он в жизни не встречал такую непроницаемую и непредсказуемую личность.

Глинн начал издалека.

— Красивое кольцо,— сказал он, указывая небрежно на маленькое золотое кольцо у метиса на мизинце.

Паппап с улыбкой поднял руку вверх.

— Да, чистое золото, жемчуг, два рубина. И все.

— Подарок королевы Аделаиды, я полагаю?

Паппап вздрогнул, сигарета прыгнула во рту. Но он быстро пришел в себя.

— Вы правы.

— А что стало со шляпой королевы?

Паппап посмотрел на него с интересом.

— Похоронили вместе с хозяйкой, как было принято в старину.

— Значит, Фьюджия Баскет была вашей прапрапрабабушкой?

— В некотором смысле можно сказать и так.

Глаза Паппапа оставались прикрытыми.

— Вы выходец из выдающейся семьи.

Говоря это, Глинн пристально посмотрел в глаза Паппапу. А когда тот отвел взгляд, Глинн понял, что этим комментарием достиг ожидаемого эффекта. Тем не менее следовало действовать с величайшей хитростью. У него будет только один шанс войти в доверие к Паппапу.

— Ваша жена давно умерла.

Паппап продолжал молчать.

— Оспа?

Паппап покачал головой:

— Корь.

— Вот как,— удивился Глинн.— Мой дед тоже умер от кори.

Это было правдой. Паппап согласно кивнул.

— У нас есть еще кое-что общее,— продолжал Глинн.

Паппап посмотрел на него искоса.

— Мой прапрапрадедушка был капитан Фицрой.

Глинн произнес эту ложь очень спокойно, не моргнув глазом.

Паппап отвел взгляд от моря, но Глинн заметил у него в глазах беспокойство. Глаза всегда выдают. Если, конечно, их не тренировать.

— Странно, как история себя повторяет,— продолжал Глинн.— У меня есть гравюра, на которой ваша прапрапрабабушка еще маленькой девочкой встречается с королевой. Она висит у меня в гостиной.

Для ейган установление семейных связей имеет огромное значение, если верить прочитанной Глинном литературе по этнографии.

Чувствовалось, что Паппап испытывает все большее напряжение.

— Джон, можно мне еще раз взглянуть на кольцо?

Не глядя на него, Паппап поднял свою коричневую руку. Глинн взял ее осторожно, ласково пожимая ладонь. Кольцо он заметил в первый же раз, когда увидел пьяного Паппапа в забегаловке в Пуэрто-Уильямсе. Людям в Нью-Йорке потребовалось несколько дней, чтобы определить, что это такое и откуда взялось.

— Судьба — странная вещь, Джон. Мой прапрапрадедушка, капитан Фицрой, командовавший корветом «Бигл», похитил вашу бабушку Фьюджию Баскет и отвез ее в Лондон познакомиться с королевой. А теперь я похитил вас,— добавил он с улыбкой.— Забавно, правда? Только я не повезу вас в Лондон. Скоро вы снова будете дома.

В тридцатые годы девятнадцатого века было принято привозить с собой со всех концов света аборигенов и показывать их при английском дворе. Фьюджия Баскет через несколько лет вернулась на Огненную Землю на том же «Бигле», со шляп-

кой и кольцом, подаренными ей королевой. Другим пассажиром на этом корабле был мистер Чарльз Дарвин.

Хотя Паппап по-прежнему не смотрел на Глинна, было видно, что из глаз его уходит беспокойство.

— Что будет с кольцом? — спросил Глинн.

— Пойдет со мной в могилу.

— Нет детей?

Глинн уже знал, что Паппап — последний оставшийся ейган, но он хотел услышать ответ.

Паппап покачал головой.

Глинн кивнул, продолжая держать его за руку.

— Неужели больше никого не осталось?

— Есть несколько метисов, но я последний, кто говорит на языке.

— Должно быть, вам это очень горько.

— У ейган есть старая легенда. И чем старше я становлюсь, тем больше думаю, что она обо мне.

— Что за легенда?

— Когда придет время умирать последнему из ейган, Генукса сам заберет его под землю. И из его костей вырастет новая раса.

Глинн отпустил руку Паппапа.

— И как Генукса заберет последнего из ейган?

Паппап покачал головой:

— Это же все чертовы суеверия, разве не так? Я не помню подробностей.

Глинн не стал настаивать. Это был опять прежний Паппап. Глинн понял, что ему не узнать, удалось ли склонить старика на свою сторону.

— Джон, мне нужна ваша помощь с команданте Эмилиано Валленаром. Его присутствие здесь представляет угрозу нашей миссии. Что вы можете мне о нем сказать?

Паппап вытряхнул из пачки новую сигарету.

— Команданте Валленар появился здесь двадцать пять лет назад. После победы Пиночета.

— Почему?

— Его отец выпал из вертолета во время допроса. Он был человеком Альенде. Как и его сын. Эмилиано отправили сюда, чтобы не путался под ногами.

Глинн кивнул. Это многое объясняло. Не только его неуважение к чилийскому военному флоту, но и его ненависть к американцам и, возможно, даже презрение к самому себе как к чилийцу.

— Почему он до сих пор командует эсминцем?

— Он знает кое-что кое о ком. И что с ним делать? Он хороший офицер. Команданте Валленар очень упорный человек. И очень осторожный.

— Понятно,— сказал Глинн, отметив свойственную Паппапу проницательность.— Есть еще что-то, что мне нужно о нем знать? Он женат?

Паппап лизнул кончик новой сигареты и зажал ее губами.

— Команданте дважды убийца.

Глинн замер от удивления, давая ему прикурить.

— Он привез жену с собой в Пуэрто-Уильямс. Это плохое место для женщины. Там ей нечего делать. Ни танцев, ни праздников. Во время войны за Фолклендские острова команданте надолго отправили в Магелланов пролив помогать британцам сдерживать аргентинский флот. Когда он вернулся, то обнаружил, что его жена завела любовника.— Паппап глубоко затянулся и продолжил: — Команданте поступил умно. Он ждал, пока не застал их на месте. Он перерезал ей горло. Насколько я слышал, с мужиком он поступил еще хуже. Тот умер от потери крови по пути в госпиталь в Пунта-Аренасе.

— Почему же его не посадили?

— Здесь не принято просто говорить сопернику: убирайся. Чилийцы — древний народ чести, так? — проговорил Паппап очень спокойно, как о само собой разумеющемся.— Если бы он убил их не в спальне, тогда другое дело. Но...— Он пожал плечами.— Каждый понимает, почему человек, который увидел свою жену за таким занятием, сделал то, что он.

И это еще одна причина, почему команданте Валленар так долго остается командиром.

— Это почему же?

— Он человек, который может все.

Глинн помолчал, глядя через пролив на эсминец, неподвижный и темный.

— Я хочу вас спросить еще кое о чем,— сказал он, продолжая смотреть на боевой корабль.— Этот торговец в Пунта-Аренасе, тот, которому вы продали снаряжение геолога, он вас запомнил? Сможет он сказать, кто вы, если его будут спрашивать?

Паппап задумался, прежде чем ответить.

— Трудно сказать,— наконец произнес он.— Это был большой магазин. Но с другой стороны, не так много в Пунта-Аренасе индейцев ейган. К тому же сделка была для него выгодной.

— Понятно,— сказал Глинн.— Спасибо, Джон. Вы мне очень помогли.

— Не стоит, парень,— ответил Паппап.

Он снова искоса посмотрел на Глинна. Глаза его светились проницательностью и хитростью.

Глинн соображал быстро. Иногда лучше сразу признаться во лжи. Если это сделать умело, можно даже заработать доверие.

— Боюсь, я был не совсем с вами честен. Я очень много знаю о капитане Фицрое, но на самом деле он не был моим предком.

Паппап неприятно загоготал:

— Конечно нет. Не больше чем Фьюджия Баскет была моим.

Резкий порыв ветра поднял Глинну воротник. Он посмотрел на Паппапа.

— Откуда же у вас кольцо?

— Столько ейган умерло, что последний унаследовал много чего. Так я получил и шляпку, и кольцо, и все остальное тоже.

В глазах Паппапа промелькнуло смущение.

— Что же случилось со всем остальным?

— Продал в основном. Деньги пропил.

Глинн снова поразился прямоте ответа, осознавая, что даже приблизительно не понимает индейца.

— Когда это закончится,— добавил старик,— вам придется взять меня с собой, все равно куда. Я не могу вернуться домой.

— Почему не можете?

Задавая вопрос, Глинн уже знал ответ.

«Ролвааг»
23 часа 20 минут

Макферлейн шел по синему ковру коридора на нижней палубе. Он смертельно устал, но не мог уснуть. Слишком многое произошло за день: длинная цепь удивительных открытий, гибель Рочфорта и Эванса, новое явление эсминца. Потеряв надежду уснуть, он, подобно неугомонному привидению, слонялся по судну.

Ноги сами привели его к каюте Амиры. Стоя у двери, он с удивлением осознал, что нуждается в ее компании. Ее беззастенчивая веселость может оказаться тем возбуждающим допингом, в котором он нуждается. Время, с ней проведенное, будет благодатно свободным от кривотолков и изнуряющих объяснений. Возможно, она не откажется выпить с ним кофе в кают-компании или сыграть на бильярде.

Он постучал в дверь.

— Рейчел?

Никакого ответа. Вряд ли она уже спит. Амира утверждала, что лет десять не ложится раньше трех.

Он снова постучал. Незапертая дверь приоткрылась от ударов костяшками пальцев.

— Рейчел? Это Сэм.

Макферлейн вошел, удивляясь сам себе. Он никогда не был в каюте у Амиры. Вместо беспорядка, неразберихи разбросанной одежды и простыней, усыпанных сигарным пеплом, которые он ожидал увидеть, все выглядело особенно чистым.

Диван и кресла на своих местах, на полках расставлены научные труды и технические справочники. На мгновение он усомнился, что здесь живет именно она, но потом заметил шелуху арахиса, лежавшую полукругом под компьютерным столиком.

Он нежно улыбнулся и подошел к столу. Его взгляд остановился на экране, где он увидел свою фамилию.

Двухстраничный документ лежал на установленном рядом принтере. Схватив первую страницу, он начал читать.

«ЭИР. СЕКРЕТНО.
От: Р. Амиры
Кому: Э. Глинну.
Объект: С. Макферлейн.

С момента последнего рапорта у объекта нарастает озабоченность метеоритом и его непонятностью. Он по-прежнему испытывает двойственные чувства к проекту и к самому Ллойду. Почти против своей воли он оказался втянутым в решение проблем, связанных с метеоритом. Мы коротко разговаривали обо всем, по крайней мере до того, что произошло сегодня утром на месте падения. Я не уверена, что он был со мной совершенно откровенным, но не чувствую себя вправе лезть ему в душу.

После того как метеорит откопали в первый раз, я завела разговор о его прежней теории существования межзвездных метеоритов. Вначале с неохотой, а потом все более увлеченно он объяснил, как теория подтверждается метеоритом Десоласьон. Однако он чувствует необходимость секретности и просил меня не делиться его догадками ни с кем. Как ты должен был понять из утренней дискуссии, его вера в межзвездную природу этого метеорита только выросла».

Хлопнула дверь, послышался резкий вздох. Макферлейн повернулся. Амира стояла в проеме двери. Она все еще была одета, как на обеде,— в черное платье длиной до колена, но, когда побежала за арахисом, на плечи накинула парку. Она как раз доставала пакет орехов из кармана, когда, взглянув

на Макферлейна, увидела у него в руке лист бумаги. Амира застыла.

Некоторое время они просто смотрели друг на друга. Медленно, словно сам по себе, пакет свалился обратно в карман парки.

Макферлейн почувствовал, как его охватывает уныние. Словно после всех недавних потрясений у него не осталось в резерве других эмоций, которые он мог проявить.

— Ладно,— произнес он наконец.— Похоже, не один я на этом судне Иуда.

Амира выдержала его взгляд. Она сильно побледнела.

— Вы всегда вламываетесь в чужие комнаты и читаете частную переписку?

Макферлейн холодно улыбнулся. Он полистал бумаги у нее на столе.

— Сожалею, но эта работа выполнена неудовлетворительно. В слове «двойственные» допущена ошибка. Сегодня Эли не приклеит звездочку напротив вашего имени.

Он направился к двери, которую она загораживала.

— Отойдите, пожалуйста, в сторону.

Амира в замешательстве опустила глаза, но не отошла.

— Подождите,— проговорила она.

— Я требую, отойдите!

Она кивнула на принтер.

— Нет, пока не прочитаете до конца.

В нем вспыхнул гнев, и он поднял руку, чтобы ее оттолкнуть. Но овладел собой и отдернул руку.

— Я прочел вполне достаточно, спасибо. Теперь уйдите, черт вас дери, с дороги.

— Прочтите остальное. Тогда можете идти.

Амира моргнула и облизнула губы, но не двинулась с места.

Макферлейн смотрел ей в глаза минуту, возможно, две. Затем повернулся, взял второй лист рапорта и стал читать.

«После того, что случилось, я с ним согласна. Доказательства достаточно сильные, если не неопровержимые: метеорит прилетел далеко извне Солнечной системы. Теория Сэма

подтвердилась. Более того, я не вижу у Сэма никаких проявлений одержимости или чего бы то ни было, что может представлять угрозу для экспедиции. Как раз наоборот. Похоже, метеорит разбудил в нем ученого. Я отмечаю меньше проявлений сарказма и настороженности наемника, которые были очевидны вначале. Им на смену пришел жадный интерес, сильное желание понять природу этого странного камня.

Итак, это будет мой третий и последний рапорт. Я не могу с чистой совестью писать их. Если я почувствую проблемы, то сообщу. Как лояльный служащий ЭИР, я бы сделала это в любом случае. Факт, что этот метеорит гораздо необычней, чем можно было предполагать. Он, возможно, даже опасен. Я не могу одновременно следить за человеком и работать с ним. Ты просил меня быть ассистентом Сэма. Именно им я и собираюсь быть, для его пользы, для своей пользы и на пользу всей экспедиции».

Макферлейн отодвинул стул от стола с компьютером и опустился на него. Лист бумаги шелестел у него в руке. Он чувствовал, как уходит гнев, оставляя в душе полную неразбериху.

Долго ни один из них не мог заговорить. Макферлейн слышал отдаленный шум воды, чувствовал легкую вибрацию двигателей. Потом он посмотрел на Амиру.

— Это идея Эли. Вы были человеком Ллойда, не его,— объяснила она.— У вас сомнительное прошлое. И на первой встрече, когда вы так обошлись с сэндвичем, вы показали, что можете быть непредсказуемым. Непредсказуемые люди заставляют его нервничать. Поэтому он велел, чтобы я следила за вами. И писала рапорты.

Макферлейн продолжал сидеть и смотреть на нее.

— Мне не понравилась эта идея. Поначалу главным образом не нравилось быть вашим ассистентом. Я думала, рапорты будут просто неприятностью. Но я даже представить себе не могла, каким это будет мучением. Я чувствовала себя настоящим дерьмом, когда садилась их писать.

Она потрясла головой и глубоко вздохнула. Чувствовалось, что у нее перехватило горло.

— Эти последние пару дней... Я не знаю. А потом, когда я писала этот отчет... Я просто поняла, что больше не могу этого делать. Даже для него.

Амира внезапно замолчала, отвела взгляд от его лица, опустила глаза в пол. Макферлейн видел, что у нее дрожит подбородок, несмотря на попытки сдержаться. Единственная слеза проложила извилистую дорожку на ее щеке.

Макферлейн быстро встал, подошел к ней и стер слезу. Она взяла его за шею и, притянув к себе, уткнулась в его плечо.

— Ох, Сэм, как мне стыдно,— прошептала она.

— Все в порядке.

Вторая слеза начала свой путь по ее щеке. Макферлейн наклонился, чтобы ее стереть, но Амира повернула к нему лицо, и их губы встретились.

С тихим стоном она притянула его крепче к себе. Макферлейн, подталкиваемый к дивану, чувствовал прикосновение ее груди, ее рук, скользнувших вниз по его бедрам. Мгновение он колебался. Затем почувствовал ее руки у себя на шее, а ее ноги обвились вокруг него, и он уступил порыву страсти. Скользнул руками под платье и притянул ее к себе, поднимая ей ноги, сжимая их руками под коленками. Он стал горячо ее целовать, а она нежно гладила ему спину.

— Ох, Сэм,— повторила она и прижалась губами к его губам.

Остров Десоласьон
19 июля, 11 часов 30 минут

Макферлейн смотрел на башни черной лавы, вздымавшиеся перед ним. Вблизи громадные клыки были еще более впечатляющими. С точки зрения геологии он определил их как классическую «вулканическую вилку» — останки двойного вулкана, склоны которого осыпались, оставив торчать два заполненных базальтом жерла.

Макферлейн оглянулся через плечо. За ним на несколько миль далеко внизу была равнина, усеянная черными точками на белом фоне ландшафта, нити дорог пересекали остров. Восстановительные работы начались сразу после гибели Рочфорта и Эванса. Ими руководили Гарса и второй инженер, Стоунсайфер, лишенный чувства юмора человек, как будто унаследовавший вместе с обязанностями Рочфорта и его характер.

Подошла Рейчел Амира и встала рядом, выдыхая морозные облака. Она посмотрела на пики и нахмурилась.

— Нам еще далеко идти?

— Я хочу добраться до пласта темной породы на полпути наверх. Возможно, это следы последнего извержения. Я хочу по ним датировать поток.

— Нет проблем,— сказала Рейчел, с бравым видом поправляя снаряжение.

Она была в приподнятом настроении с той минуты, как они встретились, чтобы начать восхождение. Почти не разговаривала, но была оживленной и насвистывала про себя. Макферлейн же испытывал тревогу и нетерпение.

Он посмотрел вверх, наметил маршрут, оценив препятствия, карнизы, подвижные камни. Затем пошел дальше, снегоступы врезались в свежевыпавший снег. Они двигались медленно, поднимаясь по осыпающемуся склону. У основания вилки Макферлейн остановился около необычного камня, торчавшего из снега. Он дважды ударил по нему геологическим молотком, положил в мешок полученные образцы, сделал короткую запись.

— Играешь в камушки,— сказала Рейчел.— Как мальчишка.

— Поэтому я и стал космическим геологом.

— Уверена, у тебя в детстве была коллекция камней.

— Вообще-то нет. А что ты собирала? Кукол Барби?

Рейчел фыркнула.

— У меня была довольно разнообразная коллекция: птичьи гнезда, змеиные кожи, сушеные тарантулы, кости, бабочки, скорпионы, мертвая сова, необычная дорожная убоина.

— Сушеные тарантулы?

— Ага. Я выросла в Портале, в Аризоне, у подножия гор Чирикагуа. Осенью большие самцы тарантулов выбирались на дороги в поисках самок. У меня было их штук тридцать пришпилено на доске. Однажды проклятая псина съела всю мою коллекцию.

— Собака умерла?

— К сожалению, нет. Ее вырвало маме на кровать. Среди ночи. Было довольно весело,— захихикала она, вспоминая.

Остановились передохнуть. Дальше склон становился круче. Из-за постоянного ветра на снегу образовался толстый наст.

— Давай-ка наденем шипы,— решил Макферлейн.

Несмотря на минусовую температуру, ему было жарко, он расстегнул на парке молнию.

— Поднимемся на седловину между двумя пиками,— сказал он, пристегнул шипы к снегоступам и пошел дальше.— Что за дорожная убоина?

— Главным образом герпы.

— Герпы?

Герпетологические образцы. Амфибии, рептилии.

Почему?

Рейчел улыбнулась.

Потому что они были интересными. Сухие, плоские, их было просто сортировать и хранить. У меня были довольно редкие экземпляры.

— Вот, наверно, твоей маме это нравилось.

— А она не знала.

Они замолчали, учащенно выдыхая белые облачка пара. Спустя несколько минут они добрались до седловины, и Макферлейн снова остановился отдохнуть.

— Три недели на этом проклятом корабле, и я совсем потерял форму,— сказал он, тяжело дыша.

— Прошлой ночью вы действовали хорошо, мистер.

На ее лице начала появляться улыбка. Но вдруг она покраснела и отвернулась.

Он не ответил. Рейчел была хорошим партнером. И он чувствовал, что теперь может ей доверять. Однако случившееся прошлой ночью было неожиданным осложнением. А он сейчас меньше всего хотел осложнений.

Отдохнули несколько минут и попили воды из фляги. Макферлейн заметил далеко на западе темную линию, пересекающую горизонт,— предвестницу бури.

— Ты кажешься другой, чем остальная команда Глинна. Почему? — спросил он.

— Я другая. Это не случайно. Все в ЭИР отличаются суперосторожностью, включая самого Глинна. Ему нужен кто-то рисковый. И на случай, если ты не заметил, у меня блестящий ум.

— Я заметил,— сказал он, достал из кармана конфету и дал ей.

Они жевали молча. Потом Макферлейн убрал пустые обертки в рюкзак и закинул его на плечо. Он оценивающе посмотрел на склон над ними.

— Отсюда выглядит несколько сложно. Я пойду...

Но Рейчел уже полезла впереди него вверх по ледяной корке. Снежник доходил до подножия скалы, и, чем круче становился подъем, тем он был более голубым и ледяным.

— Будь осторожна! — крикнул Макферлейн, запрокинув голову.

Вид сверху на суровые острова группы Горн был потрясающий. Далеко, у самого горизонта, виделись вершины гор Огненной Земли. «Ролвааг» при всей своей огромности выглядел на темной воде пролива детской игрушкой в ванночке для купания. Эсминец, укрывшийся за гористым островом, едва просматривался. На границе видимости штормовой фронт вгрызался в хрусталь неба.

Он снова посмотрел наверх и почувствовал беспокойство, увидев, как быстро Рейчел лезла вперед.

— Не спеши! — крикнул он более строго на этот раз.

— Копуша! — пришел насмешливый ответ.

А затем мимо прогрохотал один камень, за ним пролетел в дюйме от его уха другой, еще большего размера. С шумом обвалилась небольшая часть крутого склона, уходя у Рейчел из-под ног, обнажая темный шрам под белым снегом. Рейчел тяжело упала на живот, ноги повисли в пространстве. Ее охватил ужас, когда она оглянулась, ища точку опоры.

— Держись! — крикнул Макферлейн.

Через минуту он был на широком карнизе прямо под ней. Он приближался с осторожностью, тщательно планируя каждый шаг по твердой поверхности. Дошел и взял ее за руку.

— Я держу тебя,— произнес он на одном дыхании.— Расслабься.

— Я не могу,— проговорила Рейчел сквозь сжатые зубы.

— Все нормально,— сказал он спокойно.— Я держу тебя.

Она тихо всхлипнула и расслабилась. Макферлейн почувствовал, как ее вес пошел на него, отклонился, направив ее

ноги на широкий карниз под собой. Она приземлилась тяжело, ноги у нее подкосились. Она стояла на коленях, и ее била дрожь.

— О боже! — выговорила Рейчел дрожащим голосом и обняла его.— Я почти упала.

— Все нормально. Ты упала бы с высоты пять футов. В сугроб.

— Правда? — Она посмотрела вниз и состроила гримасу.— А казалось, что вся гора один сплошной оползень. Я собиралась сказать, что ты спас мне жизнь, но оказывается — нет. Все равно спасибо.

Она подняла голову и легко поцеловала его в губы. Мгновение помедлила и поцеловала снова, более крепко. Затем, почувствовав сопротивление, отклонилась назад, рассматривая его внимательно своими темными глазами. Они молча смотрели друг на друга, а в тысяче футов у них под ногами простирался весь мир.

— Ты мне по-прежнему не доверяешь, Сэм?

— Я тебе доверяю.

Она снова притянула его к себе, у нее сошлись брови, придавая ей испуганный вид.

— Тогда в чем дело? У тебя кто-то есть? Может, наш красивый капитан? Даже Эли, кажется...

Она осеклась и опустила глаза.

Полдесятка ответов пришло Макферлейну в голову, но одни казались слишком фривольными, другие слишком нравоучительными. Не найдя ничего лучше для ответа, он просто взвалил на плечи рюкзак и с глупой улыбкой покачал головой.

— Хорошие образцы можно отколоть, наверное, футов на двадцать выше по склону.

Рейчел продолжала смотреть в землю.

— Ты иди собирай свои образцы. Я тебя здесь подожду.

Ему потребовалось немного времени, чтобы добраться до места, отбить полдесятка кусков темного базальта с поверх-

ности скалы и вернуться к Рейчел. Они молча спустились вниз до седловины.

— Давай передохнем,— предложил он как можно непринужденнее.

Макферлейн посмотрел на Рейчел. Им придется работать в тесном контакте до конца экспедиции. Меньше всего хотелось неловкости между ними. Он тронул ее за локоть, и она выжидающе повернулась к нему.

— Рейчел, послушай,— начал он.— Прошлая ночь была чудной. Но давай оставим все как есть. По крайней мере пока.

Она вся насторожилась.

— В каком смысле?

— В том смысле, что нам нужно работать. Вместе. Это и так достаточно сложно. Давай не будем торопить события, ладно?

Она быстро заморгала, потом наклонила голову. Легкой улыбкой постаралась скрыть разочарование, даже обиду, промелькнувшую у нее на лице.

— Ладно,— согласилась она, глядя в сторону.

Макферлейн обхватил ее рукой. Из-за толстой парки казалось, что он обнимает рекламного человечка «Мишлен». Пальцем в перчатке он осторожно поднял ей голову.

— Действительно так? — спросил он.

Она снова кивнула.

— Мне это слышать не впервой. Привыкла,— ответила она.

— Это как же понимать?

Она пожала плечами.

— Никак. Я полагаю, я просто недостаточно хороша для такого рода вещей. Вот и все.

Они стояли, обнявшись, на ледяном ветру. Макферлейн смотрел на пряди волос, выбившиеся у нее из-под капюшона парки, и вдруг, повинуясь импульсу, задал вопрос, который не давал ему покоя с первой ночи на сигнальном мостике.

— У тебя с Глинном что-нибудь было?

Она посмотрела на него и отстранилась. В лице у нее появилась настороженность. Потом она вздохнула и успокоилась.

— Какого черта не сказать тебе? Правда было. Давным-давно у нас с Эли что-то было. Совсем крохотное, я полагаю. Это было... очень хорошо.

На губах у нее появилась улыбка, потом медленно исчезла. Она отвернулась и села на снег, вытянув вперед ноги и глядя на белую ширь внизу.

Макферлейн сел рядом с ней.

Что же случилось?

Она взглянула на него.

— Тебе обязательно знать? Эли порвал отношения.— Она холодно улыбнулась.— И знаешь что? Все шло замечательно. Ничего плохого не происходило. Я никогда в жизни не была счастливей.— Она помолчала.— Я думаю, это его и испугало. Он не вынес мысли, что это не может всегда оставаться таким прекрасным. Когда что-то не может стать лучше, он это отбрасывает. Совсем как сейчас. Потому, что если что-то не может стать лучше, оно станет хуже. Это будет сбой. Правильно? Эли Глинн — человек, у которого не может быть сбоев.

Она невесело рассмеялась.

— Но вы до сих пор часто мыслите одинаково,— сказал Макферлейн.— Как вчера в библиотеке. Я ожидал, что ты что-нибудь скажешь. О том, что произошло с Рочфортом и Эвансом, я имею в виду. Но ты ничего не сказала. Это означает, что и для тебя их смерть в порядке вещей?

— Сэм, ради бога. Никакая смерть не может быть в порядке вещей. Но почти во всех проектах, где я работала для ЭИР, были несчастные случаи. Это в природе подобных дел.

Они посидели минуту, не глядя друг на друга. Потом Рейчел поднялась на ноги.

— Пошли,— сказала она тихо, отряхиваясь.— Кто придет последним, тот моет пробирки.

«Алмиранте Рамирес»
14 часов 45 минут

Команданте Эмилиано Валленар стоял на капитанском мостике эсминца и рассматривал в полевой бинокль громадный танкер. Медленно и внимательно он следовал взглядом от носа вдоль главной палубы все дальше и дальше, пока не добрался до надстройки. Как всегда, это было интересное путешествие. Он занимался этим так долго и так внимательно, что знал каждый ржавый иллюминатор, каждую шлюпбалку, каждое нефтяное пятно. Было несколько вещей на этом так называемом рудовозе, которые казались ему подозрительными. Антенны, спрятанные внизу, имеют специфический вид электронного измерительного устройства пассивной разведки. А очень длинная антенна на верхушке мачты, несмотря на то что выглядит сломанной, явно похожа на радар для обнаружения воздушных целей.

Он опустил бинокль и рукой в перчатке достал из кармана письмо геолога из Вальпараисо.

«Уважаемый сэр!

Камень, который вы были так добры мне прислать, является необычным типом кварца, а именно: диоксидом кремния, с микроскопическими включениями полевого шпата, роговой обманки и слюды. Однако, как мне ни жаль, должен сказать, он не имеет абсолютно никакой ценности ни с ком-

мерческой стороны, ни для собирателей минералов. В ответ на ваш конкретный запрос сообщаю: в нем отсутствуют следы золота, серебра или других ценных руд, минералов или их соединений. Породы такого типа не сопутствуют месторождениям нефти, газа, нефтяного сланца или другого ценного углеводородного сырья.

Еще раз я весьма сожалею, что вынужден сообщить вам эту информацию, поскольку она наверняка заставит вашего дядю отказаться от подачи заявки на разработку этого участка».

Валленар потрогал рукой рельефную печать в верхней части листа. Затем в порыве раздражения скомкал лист в кулаке и запихнул в карман. Анализ не стоил той бумаги, на которой был написан.

Он снова поднял бинокль в направлении иностранного судна. Пароходы такого размера не должны здесь швартоваться. Около мыса Горн есть только одна якорная стоянка — Серджидеро-Оттер, и она на дальней стороне острова Уолластон. В проливе Франклина вообще нет хорошо держащего грунта, за исключением неописанного шельфа, который он сам открыл. Течения сильные. Только совершенно неопытный капитан может решить здесь швартоваться. И тогда ему придется тянуть швартовые канаты на берег.

Но это судно бросило якорь на плохой грунт и торчит здесь уже много дней, качаясь на приливных волнах и под ветром, словно нашло прекрасно держащий грунт. Вначале Валленар был этим удивлен. Это выглядело чудом. Но потом он заметил маленькие редкие водовороты за кормой судна и понял, что работают его кормовые поворотные движители. Постоянно работают. Они и компенсируют снос судна, держат его на месте, независимо от постоянно меняющихся в проливе течений. Во время приливов и отливов, как Валленар понял, они использовались для разворота судна.

Это могло означать только одно: швартовочный канат является обманом. Судно оснащено системой динамического по-

зиционирования. Такой системе необходима связь со спутником геопозиционирования и мощная компьютерная система управления двигателями судна, которые работали бы совместно, обеспечивая точное положение на поверхности Земли. Это новейшая технология. Валленар читал о ней, но никогда не видел. Ни один корабль чилийского военно-морского флота не был оборудован такой системой. Даже для маленького судна ее установка и сжигание огромного количества топлива очень дорого, а на этом, с виду потрепанном переоборудованном танкере такая система все же работает.

Валленар глубоко вздохнул и перевел бинокль с судна на остров. Он посмотрел на ангар с оборудованием, на дорогу, проложенную в глубь острова к шахте. На склоне горы, где работали тяжелые машины, образовался большой обрыв. Рядом, похоже, пруд для щелочного раствора. Но и тут был обман. Нет также гидравлических промывочных насадок или работ по шлюзованию, которые бы свидетельствовали о выборке пласта. Если не считать щелочной пруд, это была очень аккуратная работа. Даже слишком аккуратная. Он вырос в поселке горняков на севере и знает, какова она на самом деле.

Нутром Валленар чуял, что американцы добывают не золото. Любому дураку было бы ясно, что и не железную руду. Больше всего это напоминало разработку алмазной трубки. Но если американцы добывают алмазы, зачем им было тащить такое огромное судно? Вся операция от начала до конца сильно попахивает обманом.

Ему приходило в голову, что эта работа может быть как-то связана с легендой индейцев ейган об этом острове. Ему вспомнилось, как однажды вечером в баре Джон Паппап что-то долго и сбивчиво рассказывал. Он пытался вспомнить, что же это было. Что-то о разгневанном боге и его сыне-братоубийце. Когда Паппап окажется у него в руках, он позаботится, чтобы метис напоследок рассказал все, что знает.

Послышались приближающиеся шаги. К нему подошел дежурный офицер.

— Команданте,— сказал офицер, салютуя.— Машинное отделение докладывает, что двигатели на ходу.

— Прекрасно. Курс ноль-девять-ноль. И пожалуйста, пришлите ко мне мистера Тиммера.

Офицер снова козырнул, повернулся и покинул мостик. Валленар хмуро смотрел ему вслед, пока тот спускался по трапу. Пришел новый приказ. Как обычно, им надлежало бессмысленно патрулировать пустынные воды.

Здоровой рукой он залез в карман кителя и вытащил камень, который вернули вместе с письмом. Размером не больше сливы, но Валленар не сомневался, что в нем кроется причина, по которой появились на острове американцы. Что-то они узнали из аппаратуры геолога и мешка с образцами. Достаточно важное, чтобы потратить огромные деньги и притащить на этот отдаленный опасный остров оборудование.

Валленар крепко сжал камень. Он должен узнать, что затеяли американцы. Если идиотский геолог из университета не смог ему помочь, он сам найдет того, кто сможет. Он слышал, что австралийские геологи одни из самых лучших в мире. Он пошлет этот камень туда экспресс-почтой. Они раскроют его секрет, и станет понятно, за чем охотятся американцы. И как ему действовать.

— Сэр! — Голос Тиммера прервал его размышления.

Валленар повернулся к стройному молодому человеку, стоявшему навытяжку. Взглянул на его голубые глаза и выгоревшие на солнце волосы, на безупречную униформу. Даже в такой вымуштрованной команде офицер связи Тиммер выделялся безусловным повиновением. Его мать перебралась в Чили из Германии в 1945 году. Прелестная женщина, развитая, материалистка. Приучила Тиммера к дисциплине. И он не колеблется, когда нужно применить силу.

— Вольно,— сказал Валленар смягчившимся голосом.

Тиммер слегка расслабился. Валленар сложил руки за спиной и посмотрел на стылое небо.

— Мы идем на восток,— сказал он.— Но вернемся сюда завтра. Ожидается плохая погода.

— Да, сэр.

Тиммер продолжал смотреть прямо перед собой.

— На этот день у меня есть для вас задание. Оно может оказаться рискованным.

— Я готов, сэр.

Команданте Валленар улыбнулся.

— Я это знал,— сказал он с едва заметным намеком на гордость в голосе.

«Ролвааг»
14 часов 50 минут

Макферлейн помедлил перед самой дверью в судовой лазарет «Ролваага». Он всегда испытывал патологический страх на пороге приемных врачей и больниц, любых мест, напоминающих о смерти. На «Ролвааге» приемная врача не вызывала даже того обманчивого чувства спокойствия, которое в подобных заведениях обычно стремятся создать. Не было ни замусоленных журналов, ни полинявших репродукций Нормана Рокуэлла. Единственная декоративная деталь — большой красочный плакат, в мельчайших подробностях демонстрировавший различные кожные болезни. Лазарет так сильно пропах спиртом и йодом, что Макферлейну подумалось, не пользуется ли странный доктор ими для чистки ковров.

Он мялся, понимая, что ведет себя глупо. «Это может подождать»,— подумал он, но, глубоко вздохнув, вошел, пересек приемную и поплелся по длинному коридору. Остановился перед последней дверью и постучал.

Внутри капитан Бриттон и врач тихо обсуждали диаграмму, лежавшую на столе между ними. Брамбелл откинулся на спинку кресла и словно невзначай закрыл папку.

— А-а, доктор Макферлейн.

В сухом голосе не чувствовалось удивления. Он не мигая смотрел на Макферлейна.

«Это может подождать»,— снова подумал Макферлейн.

Но было уже поздно. Они оба смотрели на него с интересом.

— Вещи Масангкея,— сказал он громко.— Те, что были при нем. Теперь, когда вы закончили исследование, их можно забрать?

Брамбелл продолжал смотреть на него. В его взгляде не было человеческого участия, только клинический интерес.

— Среди них нет ничего ценного,— ответил он.

Макферлейн прислонился к косяку двери и ждал с непроницаемым лицом. Наконец врач заключил:

— Поскольку они были сфотографированы, не вижу причин их держать. Что именно вас интересует?

— Просто дайте мне знать, когда они будут готовы, хорошо?

Макферлейн выпрямился, кивнул Бриттон, повернулся и направился в приемную. На выходе услышал у себя за спиной быстрые шаги.

— Доктор Макферлейн,— окликнула капитан Бриттон.— Я поднимусь с вами наверх.

— Я совсем не хотел портить вам компанию,— сказал он, выходя в холл.

— Мне пора возвращаться на мостик. Должна поступить свежая информация о приближающемся шторме.

Они пошли по широкому коридору, рассеченному косыми полосами солнечного света через круглые иллюминаторы.

— Я очень сожалею о вашем друге Масангкее, доктор Макферлейн,— сказала Бриттон неожиданно тепло.

Макферлейн взглянул на нее.

— Спасибо.

Даже в затемненном коридоре ее глаза были яркими. Интересно, не собирается ли и она выяснить, зачем ему понадобились вещи Масангкея? Но она молчала. И снова Макферлейн был поражен неясным чувством родства.

— Зовите меня Сэм.

— Хорошо, Сэм.

Они вышли на верхнюю палубу.

— Прогуляйтесь со мной,— попросила Бриттон.

Удивленный Макферлейн последовал за ней мимо надстройки к корме. Что-то в ее гордой осанке и покачивании бедрами при ходьбе напоминало Макферлейну его бывшую жену Малу. Бледный золотистый свет заливал корму судна. Вода пролива сияла насыщенной синью.

Бриттон миновала посадочную площадку, остановилась и прислонилась к перилам, жмурясь от солнца.

— Сэм, я стою перед дилеммой. Честно говоря, мне не нравится то, что я узнала о метеорите. Я боюсь, что он опасен для судна. Моряк всегда доверяет своим инстинктам. И мне очень не нравится видеть вот это,— сказала она, указывая на низкий стройный силуэт чилийского эсминца у входа в пролив.— С другой стороны, судя по тому, как работает Глинн, у меня есть все основания ожидать успешного завершения экспедиции.

Она вопросительно взглянула на Макферлейна.

— Вы поняли парадокс? Я не могу доверять одновременно и Эли Глинну, и своим инстинктам. Если пришла пора действовать, то мне нужно действовать уже сейчас. Я не намерена грузить в трюм судна что-то опасное.

При безжалостном солнечном свете Бриттон выглядела старше своих лет. «Она же думает о свертывании миссии»,— с удивлением осознал Макферлейн.

— Полагаю, Ллойду не понравится, если вы сейчас заартачитесь,— сказал он.

— Ллойд не отвечает за «Ролвааг». Я советуюсь с вами, как делала это и раньше, потому что вы единственный, с кем я могу посоветоваться.

Макферлейн в свою очередь посмотрел ей прямо в глаза.

— Как капитан, я не могу поделиться этими опасениями со своими офицерами и командой. И конечно, я не могу говорить о них со служащими ЭИР. Остаетесь вы, эксперт по метеоритам. Мне необходимо знать, не думаете ли вы, что метеорит опасно грузить на судно. Мне нужно ваше мнение, а не мистера Ллойда.

Макферлейн некоторое время смотрел ей в глаза, потом отвернулся к морю.

— Я не могу ответить на ваш вопрос,— сказал он.— Метеорит довольно опасен, мы в этом убедились. Но представляет ли он опасность конкретно для корабля? Я не знаю. Но думаю, для нас, видимо, уже слишком поздно останавливаться, даже если бы мы этого захотели.

— Но в библиотеке вы говорили о своем беспокойстве. Так же, как и я.

— Я очень обеспокоен. Но все не так просто. Этот метеорит загадочен, как сама Вселенная. Он представляет такую важность, что, я думаю, у нас нет иного выбора, кроме как продолжать. Если бы Магеллан здраво учитывал рискованность своей экспедиции, он бы никогда не отправился в плавание вокруг света, а Колумб никогда не открыл Америки.

Бриттон молча внимательно смотрела на него.

— Вы думаете, что открытие этого метеорита сродни открытиям Магеллана и Колумба?

— Да, я так считаю,— сказал он веско.

— В библиотеке Глинн задал вам вопрос, а вы на него не ответили.

— Я не мог на него ответить.

— Почему?

Он посмотрел в ее спокойные зеленые глаза.

— Я осознал, что, несмотря на Рочфорта, несмотря ни на что, хочу этот метеорит. Больше, чем когда-либо желал чего-нибудь.

После некоторой паузы Бриттон выпрямилась.

— Благодарю вас, Сэм.

Затем она изящно повернулась и пошла на мостик.

Остров Десоласьон
20 июля, 14 часов 5 минут

Солнечным холодным днем Макферлейн и Рейчел стояли на краю рабочей площадки. Небо на востоке было чистым и ярким. Детали ландшафта четко вырисовывались в морозном воздухе. Но небо на западе выглядело совсем иначе: широкая темная пелена, затянувшая горизонт, пала низко и приближалась, застилая вершины гор. Порывами ветра кружило старый снег у их ног. Шторм был теперь не просто пятном на экране, он почти их накрыл.

К ним подошел Гарса.

— Никогда не думал, что буду любоваться таким жутким штормом, как этот,— сказал он, улыбаясь и указывая на запад.

— Какой теперь план? — поинтересовался Макферлейн.

— Врубаться и засыпать, отсюда и до берега,— сказал Гарса, подмигивая.

— Врубаться и засыпать?

— Мгновенный тоннель. Тоннель с проходкой открытым способом, это простейший из способов сооружения тоннелей, известный еще со времен Вавилона. Гидравлическим экскаватором роем канал, покрываем его стальными плитами, а поверх них насыпаем грунт и снег, чтобы скрыть. По мере продвижения метеорита к берегу мы будем рыть тоннель вперед и заполнять сзади.

Рейчел кивнула на гидравлический экскаватор.

— По сравнению с этой крошкой паровой экскаватор Майка Маллигана выглядит как радиоуправляемая игрушка.

Макферлейн подумал, сколько было сделано за два дня после того, как метеорит раздавил Рочфорта и Эванса. Под камнем заново откопали тоннели и выставили вдвое больше домкратов. Метеорит подняли с их помощью без каких-либо осложнений. Под ним построили опорную конструкцию, подобную люльке, и выбрали грунт вокруг него. С судна доставили гигантскую стальную платформу и установили ее рядом с метеоритом. Теперь настало время грузить на нее метеорит. Послушать Гарсу, так все было очень просто.

Инженер снова рассмеялся. Он был разговорчивым, в хорошем настроении.

— Готовы смотреть, как самый тяжелый объект, когда-либо перемещаемый человеком, начнет двигаться?

— Конечно,— сказал Макферлейн.

— Первый шаг: установка его на платформе. Для этого нам придется открыть метеорит. Ненадолго. Поэтому мне и нравится смотреть на шторм. Не хочу, чтобы этому проклятому чилийцу удалось разглядеть наш камень.

Гарса отошел в сторону и стал говорить по рации. Вдали Стоунсайфер махнул рукой крановщику. Макферлейн наблюдал, как кран поднимал стальные плиты, покрывавшие раскоп, и складывал их штабелем рядом. Ветер усиливался, свистел между ангарами и мел по земле снег. Последнюю плиту уже отчаянно мотало в воздухе, и крановщику с трудом удавалось удерживать стрелу крана в порывах ветра.

— Левей, левей! — крикнул в рацию Стоунсайфер.— Теперь стрелу вниз, ниже, ниже. Хорош.

Еще несколько напряженных секунд, и эта плита тоже легла сбоку. Макферлейн заглянул в открытый котлован.

В первый раз он видел метеорит целиком. Тот лежал как в люльке — кроваво-красное, кривобокое яйцо в гнезде из бруса и двутавровых балок. От этого зрелища захватило дух. Амира говорила, но он слышал ее словно издали.

— Что я тебе говорила,— обратилась она к Гарсе.— Выглядит грандиозно!

Макферлейн с трудом оторвал свой взгляд от метеорита и посмотрел на нее. Огонек заразительного веселья, так явно отсутствовавший в ее глазах в последние двадцать четыре часа, вернулся. Услышав ее восторженное восклицание, все техники, ученые и строительные рабочие прервали свои занятия и зачарованно уставились на метеорит.

— Он прекрасен,— сказал Макферлейн.

Взгляд Макферлейна вернулся к открытому тоннелю, к платформе, на которой предстояло везти метеорит. Сотовидная платформа длиной сто футов из стали и керамико-углеродного композита выглядела фантастически. Хотя Макферлейн не мог этого видеть, он знал, что под ней комплект мощных авиационных колес: тридцать шесть титановых осей, и на каждой из них по сорок колес, чтобы выдержать ошеломительный вес метеорита. В дальнем конце тоннеля на дне возвышался массивный стальной ворот.

Глинн отдавал приказы темным фигурам в тоннеле, повышая голос, стараясь перекрыть нарастающее неистовство ветра. Теперь над ними проходил атмосферный фронт, и темнота пожирала свет дня. Глинн прервался и подошел к Макферлейну.

— Есть результаты новой серии тестов, доктор Макферлейн? — спросил он, наблюдая за работой внизу.

Макферлейн кивнул.

— На нескольких направлениях.

Он замолчал. Ему хотелось получить некоторое удовлетворение, вынуждая Глинна расспрашивать. Макферлейн не мог смириться с тем, что Глинн шпионил за ним. Но решил не поднимать этого вопроса, по крайней мере пока.

Глинн наклонил голову, словно собираясь с мыслями.

— Понятно. Не могли бы вы с нами поделиться?

— Разумеется. Мы теперь знаем точку плавления. Точнее, мне следует сказать, точку испарения. Поскольку он переходит из твердого состояния сразу в газообразное. Один и две десятые миллиона градусов Кельвина.

Глинн выдохнул, изумленно подняв брови.

— Боже праведный.

— Есть прогресс и в определении кристаллической структуры. Это чрезвычайно сложная асимметричная фрактальная структура из встроенных друг в друга равнобедренных треугольников. Структура повторяет себя на разных уровнях — от макроскопического до атомного. Совершенный образец фрактала. Этим объясняется исключительная твердость. Скорее всего, это элемент, а не сплав.

— Есть информация относительно его места в периодической системе?

— Очень высоко. Выше сто семьдесят седьмого. Возможно, трансурановый элемент. Единичный атом, по-видимому гигантский, с сотнями протонов и нейтронов. Почти наверняка элемент принадлежит «острову стабильности», о котором мы уже говорили.

— Что-нибудь еще?

Макферлейн вдохнул морозный воздух.

— Да. Чрезвычайно интересное. Мы с Рейчел определили возраст Пасти Генуксы. Вулканические извержения и потоки лавы датируются почти тем же временем, что и падение метеорита.

Взор Глинна мгновенно обратился к Макферлейну.

— Какие выводы?

— Мы всегда полагали, что метеорит упал около вулкана. Но теперь получается, что метеорит создал вулкан. Он был таким плотным и тяжелым и летел с такой скоростью, что, подобно пуле, глубоко пробил земную кору, вызвав вулканическое извержение. Вот почему остров Десоласьон является единственным вулканическим островом среди островов этой группы. В своем дневнике Нестор пишет о «странном коэсите» региона. И когда я еще раз посмотрел коэсит на рентгеноскопическом дифракторе, я понял, что это так. Он действительно другой. Удар метеорита был таким сильным, что окружающие скалы, которые не испарились, претерпели фазовый сдвиг. Удар химически изменил материал в такую форму коэсита, которой никогда раньше не было.

Он махнул в сторону Пасти Генуксы.

— Силой извержения, турбулентностью магмы и взрывным освобождением газов метеорит вытолкнуло снова наверх, где он и остановился на глубине нескольких сотен футов. За миллионы лет подъема и эрозии Южных Кордильер он поднимался выше и выше, пока наконец не выбрался на поверхность в долине острова. По крайней мере, эта версия удовлетворяет имеющимся фактам.

— Это же исторический момент,— запричитала Рейчел.— А я ни черта не вижу.

Макферлейн плотней затянул вокруг лица капюшон парки и наклонился вперед. Он рассмотрел, что кевларовые тросы сильно натянуты. Стропы, похожие на толстые железные прутья, звенели от напряжения. Скрипы и странное дребезжание становились все громче, перекрывая шум ветра. Камень не двигался. Напряжение росло. Дребезжание стало выше тоном, ревели генераторы, а камень оставался неподвижным. А потом, при какофонии звуков, Макферлейну показалось, что метеорит стронулся с места. Но из-за оглушающего ветра и слепящей метели он не был в этом уверен.

Гарса посмотрел на них снизу, хитро скривился и поднял большой палец.

— Он двигается! — крикнула Рейчел.

Гарса и Стоунсайфер выкрикивали приказания рабочим. Под люлькой визжали и дымились стальные шкивы. Рабочие непрерывно качали графитовую пасту на них и на платформу. Макферлейн почувствовал резкий запах горящего металла.

А потом все кончилось. Со страшным, затихающим стоном метеорит вместе с люлькой оказался на ожидавшей его платформе. Кевларовые стропы ослабли, генераторы выключились.

— Мы это сделали! — Рейчел оглушительно свистнула, вложив в рот два пальца.

Макферлейн посмотрел на метеорит, водруженный на платформу.

— Десять футов пройдено,— сказал он.— Осталось десять тысяч миль.

Над Пастью Генуксы полыхнула молния, потом еще одна. За ними последовали оглушительные раскаты грома. Ветер усилился, набрасываясь на снег, швыряя белые полотнища на землю и в траншею.

— Сделано! — крикнул Глинн группе.— Мистер Гарса, пожалуйста, закройте тоннель.

Гарса повернулся к крановщику, придерживая одной рукой в перчатке капюшон от ветра.

— Не могу этого сделать,— крикнул тот в ответ.— Слишком сильный ветер. Опрокинет кран.

Глинн кивнул.

— Тогда натяните брезент и укрепите его, пока не кончится гроза.

Макферлейн наблюдал, как по обеим сторонам траншеи побежали рабочие, раскатывая рулон брезента, стараясь удержать его на месте под шквальными порывами ветра. Брезент имел пятнистую бело-серую камуфляжную расцветку, соответствующую унылым цветам острова. Опять Макферлейн изумился способности Глинна учитывать любые вероятности, всегда иметь в готовности план при любом повороте событий.

Новая вспышка молнии, на этот раз более близкая, придала наполненному снегом воздуху странное свечение.

Удостоверившись, что брезент надежно закреплен, Глинн кивнул Макферлейну:

— Давайте вернемся в помещение.

Затем посмотрел на Гарсу:

— Я хочу, чтобы, пока не кончится гроза, на рабочей площадке не было никого из персонала. Выставьте охрану со сменой каждые четыре часа.

Затем он позвал жестом Макферлейна и Рейчел, и они, сгибаясь под ураганным ветром, пошли через рабочую площадку.

Остров Десоласьон
22 часа 40 минут

Застыв в полной неподвижности, Адольфо Тиммер лежал в темноте за большим сугробом. Он наблюдал давно, его почти полностью занесло снегом. Сквозь пургу он видел внизу мигающее тусклое свечение фонарей. К этому позднему времени на рабочей площадке прекратилось всякое движение, без сомнения, все попрятались по домикам. Пора действовать.

Тиммер поднял голову навстречу еще более усиливающемуся ветру. Он встал, и тут же шквалом сбило налипший на него снег. Вокруг бураном намело длинные косые снежные гребни высотой более десяти футов. Они служили превосходным прикрытием. Прячась за ними, Тиммер на снегоступах пошел вперед. Остановился на краю рабочей площадки. Впереди лежало тускло освещенное пространство. Подождал, присев за сугробом, потом высунул голову и огляделся вокруг. Примерно в пятидесяти ярдах от него стоял одинокий сарай, ветер завывал в щелях его рифленой крыши. На дальней стороне площадки, за сараем, он разглядел длинный ряд сборных домиков. В маленьких квадратных окнах желтел свет. Рядом — какие-то сооружения и несколько контейнеров. Чем дольше он пристально разглядывал площадку, тем больше суживались его глаза. От негодования. Пустой пруд для щелочного раствора и фальшивые отвалы для отходов обогащения на острове — действительно уловка, прикрытие чего-то другого.

Но чего?

Тиммер напрягся. Из-за угла сарая появился человек в толстой парке. Он открыл дверь сарая, заглянул внутрь и снова ее закрыл. Потом медленно пошел вдоль одной стороны расчищенной площадки, потирая руки в варежках и наклонив голову против ветра и снега.

Тиммер наблюдал за ним, притаившись. Человек вышел не для того, чтобы покурить перед сном. Он совершал обход.

Но зачем охранять старый сарай и голый участок земли?

Тиммер медленно дополз до следующего сугроба. Теперь он оказался гораздо ближе к сараю и ждал, не двигаясь. Человек вернулся к сараю, потопал ногами, согревая их, и снова пошел в обход. Если внутри сарая никого нет, тогда охранник всего один.

Тиммер вышел из-за сугроба и подошел к строению так, чтобы оно все время прикрывало его от охранника. Он пригибался ближе к земле, чтобы темнота и буран спрятали его, чтобы под освещение попадал только белый нейлон его зимнего костюма.

Прежде чем он покинул «Алмиранте Рамирес», командант велел ему не рисковать без необходимости. Он повторил это несколько раз. «Будьте осторожны, мистер Тиммер, я хочу, чтобы вы вернулись оттуда живым и невредимым».

Узнать, есть ли у охранника оружие, невозможно. Тиммер готов к тому, что тот вооружен. Присев за стеной сарая, он засунул руку внутрь костюма, взялся за рукоятку ножа и вытащил его из ножен, чтобы убедиться, что тот не примерз к ним. Стянув одну перчатку, он попробовал лезвие. Холодное как лед и острое как бритва. Великолепно. «Да, мой командант, я буду очень, очень осторожен»,— подумал Тиммер. Он сжал лезвие, не обращая внимания на холод, пронизавший пальцы. Он надеялся, что нож достаточно хорош, чтобы дело прошло без сучка и без задоринки.

Он ждал, а буря все усиливалась. Ветер, завывая и всхлипывая, хлестал голые стены сарая. Тиммер откинул капюшон, чтобы лучше слышать. Вот снова тихое шуршание и скрип приближающихся шагов по снегу.

Из-за угла домика появилась расплывчатая тень. Тиммер вжался в стену сарая. Тень приближалась. Стало слышно дыхание и шлепки — человек охлопывал себя, спасаясь от холода.

Тиммер метнулся из-за угла, выбросив резко ногу вперед. Человек упал лицом в снег. Тиммер мигом оказался сверху, уперся коленом тому в спину и рванул в тень, задрав упавшему голову. Мелькнул нож, глубоко полоснув человека по горлу. Тиммер почувствовал, как лезвие коснулось шейного позвонка. Послышалось тихое бульканье, затем хлынула горячая кровь. Тиммер продолжал держать голову поверженного, позволяя его жизни уйти в снег. Потом он ослабил хватку и опустил тело.

Тиммер перевернул убитого и посмотрел на его лицо. Это был белый, не метис, за которым его послал команданте. Он быстро похлопал человека по карманам, обнаружил рацию и маленький полуавтоматический пистолет. Положив и то и другое себе в карман, спрятал труп в ближайшем сугробе и разровнял вокруг снег. Он обтер нож и тщательно засыпал кровавое месиво. Факт, что он видел только одного охранника, вовсе не означал, что нет других.

Двигаясь позади сарая и держась все время в тени, Тиммер крался вдоль границы рабочей площадки около тропы, по которой ходил охранник. Он остановился, внимательно огляделся, но ничего не увидел, кроме снега. Тиммер снова пошел вперед, и вдруг под одним снегоступом провалилась земля. Он в удивлении отпрянул назад. Опустился на колени и стал руками осторожно обследовать. Под тонким слоем снега обнаружилось что-то странное — не земля, но и не расселина. Это была полость в земле, плотно затянутая сверху какой-то тканью.

Тиммер очень осторожно вернулся обратно в тень сарая. Прежде чем обследовать дальше, нужно удостовериться, что нет сюрпризов внутри сарая. Держа наготове нож, он прокрался к двери, приоткрыл ее и заглянул внутрь. Там никого не было. Проскользнув внутрь и закрыв за собой дверь, Тиммер

вытащил маленький фонарик и обвел им вокруг. Луч ничего не высветил, кроме бочек с гвоздями.

Зачем кому-то выставлять охрану у пустого сарая?

Затем он кое-что заметил. Тиммер быстро выключил фонарик. Полоска слабого света виднелась у края металлического листа, на котором стояла одна из бочек. Отодвинув ее в сторону, Тиммер увидел крышку люка из металла. Он встал рядом с ней на колени и прислушался. Потом ухватился за крышку и осторожно поднял.

После темени зимней ночи дневной свет, бивший снизу, показался ослепляющим. Тиммер снова опустил крышку и присел в темноте, раздумывая. Потом снял снегоступы, спрятал их и снова открыл крышку люка. Он подождал немного, давая глазам привыкнуть к свету, с ножом наготове спустился по стремянке вниз.

Тридцатью футами ниже он сошел с лестницы на дне тоннеля. Тиммер постоял. Здесь было теплей, но он это не сразу ощутил. При ярком освещении почувствовал себя незащищенным и уязвимым. Пригнувшись, Тиммер быстро пошел по тоннелю. Это не было похоже ни на одну из золотых шахт, о которых ему приходилось слышать. Это вообще было не похоже на шахту.

Дойдя до развилки, он остановился, чтобы оглядеться. Здесь было пусто. Не было слышно ни звука, ничто не двигалось. Он облизнул губы, обдумывая, что делать дальше. Потом заметил, что тоннель расширяется впереди, где открылось пространство, занятое чем-то огромным. Тиммер прокрался ближе и посветил фонариком: грандиозная платформа. Он осторожно подошел к ней, продвигаясь вдоль стены. Платформа длиной в сотню футов была смонтирована на огромных колесах, которых были сотни на блестящих осях. Его взгляд поднялся выше. На платформе стояла сложная конструкция из деревянных распорок и брусьев, в которой покоилось нечто фантастически невообразимое — огромное и светившееся при искусственном освещении тоннеля невероятно сочной краснотой.

Тиммер снова посмотрел вокруг и подошел к платформе вплотную. Поставив ногу на ближайшую шину и тяжело дыша, подтянулся и залез на нее. В своем теплом костюме он вспотел, но не обращал внимания на это неудобство. Над головой оказался брезент, плотно натянутый вместо разобранной крыши. Именно на него он и наступил сверху. Но не это сейчас интересовало Тиммера. Его глаза были прикованы к тому, что покоилось в люльке. Очень осторожно он полез вверх по деревянным перекладинам. Не могло быть никаких сомнений, за чем пришли сюда американцы. Но что же это такое?

Нельзя было терять время. Не было времени даже искать метиса. Команданте Валленар должен сразу узнать главное. Но Тиммер все же колебался, балансируя на деревянной балке.

Эта потрясающая штука была почти неземной по своей красоте. Казалось, у нее не было поверхности и можно, протянув руку, проникнуть в рубиновую глубину. Пока он смотрел, ему подумалось, что он видит внутри едва различимый рисунок, который двигается и изменяется, сверкая на свету. Он почти ощутил исходящий оттуда холод, освежающий его вспотевшее лицо. Это была самая прекрасная, неземная вещь, какую он когда-либо видел.

Не отводя от нее глаз, Тиммер опустил в карман нож, снял перчатку и медленно, почти благоговейно протянул руку к сочной и сияющей поверхности.

Остров Десоласьон
23 часа 15 минут

Сэм Макферлейн резко проснулся, сердце лихорадочно билось. Он подумал, что ему это просто приснилось, но раскат взрыва продолжал звучать в ушах. Он вскочил, за его спиной грохнулся на пол стул. Боковым зрением он видел Глинна, тоже на ногах. Слушает. Они посмотрели друг на друга. Погас свет. На мгновение стало совершенно темно, а потом включилось аварийное освещение над дверью, залив комнату слабым оранжевым светом.

— Что же это может быть, черт возьми? — сказал Макферлейн.

Его голос почти потонул в завываниях ветра. Окно было выбито, и внутрь залетел снег вперемешку с деревянными щепками и осколками стекла. Глинн подошел к окну, выглянул в штормовую тьму. Потом он взглянул на Гарсу.

— Кто дежурит?

— Хилл.

Глинн взял рацию.

— Хилл, это Глинн. Докладывайте,— потребовал он, переключил рацию на прием и стал слушать.

— Хилл! — позвал он снова.

Потом переключил частоту.

— Форпост? Томсон?

Ответом ему был громкий треск атмосферных помех. Он опустил рацию.

— Рация не работает. Никто не отвечает.

Он снова повернулся к Гарсе, который надевал теплый костюм.

— Ты куда собрался?

— На электростанцию.

— Нет. Мы пойдем вместе.

Тон Глинна стал резким, приказным.

— Слушаюсь, сэр,— откликнулся Гарса живо.

Снаружи послышался топот, и влетела Амира, прибежавшая из центра связи. На плечах у нее лежал снег.

— Питание вырубилось повсеместно,— выговорила она.— Все, что у нас осталось, это аварийный резерв.

— Понятно,— сказал Глинн.

У него в руках появился маленький пистолет. Он проверил магазин и заткнул оружие за ремень. Макферлейн потянулся за своим теплым костюмом. Когда он влезал в рукава, то увидел, что Глинн смотрит на него.

— Даже не говорите этого,— начал Макферлейн.— Я иду с вами.

Глинн колебался, но увидел его решительность и повернулся к Амире.

— Ты остаешься здесь.

— Но...

— Рейчел, нам нужно, чтобы ты была здесь. Запри за нами дверь. Мы позаботимся, чтобы скоро здесь появилась охрана.

Через несколько минут три человека из команды Глинна — Томсон, Рокко и Сандерс — появились в дверях с мощными фонарями в руках и автоматами на плечах.

— Все на месте, кроме Хилла, сэр,— доложил Томсон.

— Сандерс, выставьте охрану у каждого домика. Томсон и Рокко, вы пойдете со мной.

Глинн пристегнул снегоступы, схватил фонарь и вывел их в темную круговерть. За время, проведенное в дремоте около

печки, забылось, как холодно на улице, какими острыми кажутся снежинки, когда ветер бросает их в лицо.

Электростанция находилась всего в пятидесяти ярдах. Гарса отпер дверь, и все вошли внутрь небольшого пространства. Томсон и Рокко обшарили все вокруг лучами фонарей. Воздух был наполнен запахом сгоревшей проводки. Гарса встал на колени и открыл серую металлическую крышку главного пульта управления. Когда он это сделал, оттуда повалил едкий дым.

Гарса пробежался пальцами по панели.

— Сгорела полностью,— сказал он.

— Расчетное время восстановления? — спросил Глинн.

— Главный распределительный щит — десять минут, максимум. Потом сможем провести диагностику.

— Займись этим. А вы, парни, охраняйте снаружи.

Начальник строительства работал молча. Макферлейн наблюдал за ним. Глинн многократно пытался связаться с кем-то по рации, но по-прежнему слышны были только помехи. Он положил рацию в карман. Вскоре Гарса отступил на шаг и включил серию рубильников. Раздался щелчок, затем гудение, но света по-прежнему не было. С возгласом изумления Гарса открыл металлический шкаф рядом, достал портативный диагностический компьютер, вставил штекер в розетку на главном распределительном щите и включил компьютер. Маленький голубой экран ожил.

— Мы имеем множественные возгорания по всей линии,— сказал он через минуту.

— Что произошло с предохранителями?

— Что бы это ни было, оно вызвало дьявольский всплеск. Напряжение примерно миллиард вольт в миллисекунду и сила тока, превышающая пятьдесят тысяч ампер.

— Миллиард вольт? — не поверил Макферлейн.— Даже молния не бывает такой мощной.

— Это правда,— сказал Гарса, убирая с пульта инструменты и опуская их в карман костюма.— На фоне вспышки такой силы молния покажется непрозрачной ширмой.

— Тогда что это было?

Гарса покачал головой.

— Бог его знает.

Глинн постоял немного, глядя на оплавленные детали.

— Пойдем посмотрим на камень.

Они снова вышли в шторм, прошли мимо домиков, пробрались через рабочую площадку. Еще издали Макферлейн видел, что брезент сорван с креплений. Когда они подошли ближе, Глинн жестом приказал остановиться, потом велел Рокко и Томсону войти в сарай и спуститься в тоннель. Вытащив пистолет, Глинн осторожно двинулся вперед, Гарса рядом с ним. Макферлейн подошел к краю траншеи. Обрывки брезента взвивались вверх, словно одежды призраков. Глинн посветил фонарем вниз, в котлован.

Повсюду раскиданы земля, камни, обломки дерева. Часть платформы, скрученная и оплавленная, тихо шипела, от нее поднимались облака пара. Капли вспененного металла, теперь затвердевшего, разбрызганы вокруг. Под платформой спеклись вместе несколько рядов шин и теперь горели, извергая вверх клубы смрадного дыма.

Взгляд Глинна, следуя за лучом фонаря, быстро обшаривал место бедствия.

— Это была бомба?

— Больше похоже на гигантскую электрическую дугу.

В дальнем конце тоннеля замелькали огни, появились Томсон и Рокко, пытавшиеся разогнать вокруг себя дым. Они поливали горящие шины пеной из огнетушителей.

— Есть какие-нибудь повреждения у метеорита? — крикнул Глинн вниз.

После некоторой паузы, в течение которой люди внизу визуально обследовали метеорит, последовал ответ:

— На нем не видно ни царапины.

— Томсон,— позвал Глинн, указывая рукой на дно траншеи.— Посмотрите.

Макферлейн проследил взглядом и увидел что-то неярко горящее под тягачом. Рядом в мелькающих отсветах блестели

рваные куски плоти и костей. Томсон направил туда свет фонаря. Это оказались рука, еще кусок, который выглядел как плечо с ободранной кожей, и комок перекрученных серовато-тых внутренностей.

— Боже,— простонал Макферлейн.

— Похоже, мы нашли Хилла,— сказал Гарса.

— Это его пистолет,— показал Томсон.

Глинн крикнул вниз в тоннель:

— Томсон, я хочу, чтобы вы проверили всю систему тоннелей. Докладывайте обо всех находках. Рокко, вызывайте аварийную бригаду. Пусть соберут останки.

— Есть, сэр.

Глинн снова обратился к Гарсе.

— Обеспечьте охрану всего периметра. Опросите всех. Свяжитесь с судном и объявите общую тревогу. Я хочу, чтобы через шесть часов была установлена и пущена в действие новая энергосистема.

— Связи с судном нет,— сообщил Гарса.— По всем каналам только шумы.

Глинн снова повернулся к тоннелю.

— Томсон! Когда вы здесь закончите, отправляйтесь на снегоходе на пляж. Свяжитесь с судном оттуда. Используйте морзянку, если не будет другого выхода.

Томсон козырнул, повернулся и пошел по тоннелю. Мгновение — и он исчез в дыму и темноте.

Глинн повернулся к Макферлейну.

— Возьмите Амиру и все диагностические инструменты, которые вам могут потребоваться. Я собираюсь послать бригаду прочесать тоннели. Когда будет обеспечена безопасность рабочей площадки и убрано тело Хилла, я хочу, чтобы вы обследовали метеорит. Не досконально пока, только чтобы определить причину происшествия. И не прикасайтесь к камню.

Макферлейн посмотрел вниз. Рокко соскабливал с платформы в брезент нечто похожее на легкое. Выше, в своей деревянной люльке покрывался испариной метеорит. Макфер-

лейн не собирался к нему прикасаться, но ничего не сказал Глинну.

— Рокко! — позвал Глинн, указывая на место за искореженным концом платформы, где появилось слабое мерцание.— У вас там опять разгорается.

Рокко подошел туда с огнетушителем, остановился рядом и посмотрел на них наверх.

Я думаю, это сердце, сэр.

Глинн поджал губы.

Понятно. Погасите его, мистер Рокко, и продолжайте.

Остров Десоласьон
21 июля, 0 часов 5 минут

Макферлейн устало шел через рабочую площадку к домикам. Ветер с такой силой толкал его в спину, будто пытался поставить на колени. Шедшая рядом Рейчел споткнулась, но удержалась.

— Кончится когда-нибудь эта буря? — воскликнула она.

Макферлейн, поглощенный сумятицей мыслей, не ответил.

Через минуту они были в медицинской лаборатории. Макферлейн снял костюм. В помещении сильно пахло жареным мясом. Он увидел Гарсу, говорившего по рации.

— Давно восстановилась связь? — спросил он Глинна.

— Полчаса или около того. Все еще прерывистая, но улучшается.

— Это странно. Мы только что пытались связаться с вами из тоннеля, но ничего, кроме шумов,— начал говорить Макферлейн, но замолчал, стараясь сосредоточиться и превозмочь усталость.

Гарса опустил рацию.

— Это Томсон с пляжа. Он говорит, что капитан Бриттон отказывается отправлять кого-нибудь с оборудованием, пока не прекратится шторм. Это слишком опасно.

— Так не пойдет. Дай мне рацию,— потребовал Глинн и начал быстро давать указания: — Томсон! Объясните капитану,

что мы потеряли связь, компьютерную сеть и энергосистему. Нам необходимы генератор и оборудование, они нужны немедленно. Мы рискуем жизнью людей. Если появятся новые затруднения, дайте мне знать. Я займусь этим персонально. Возьмите с собой сюда Брамбелла тоже. Я хочу, чтобы он обследовал останки Хилла.

Макферлейн холодно наблюдал, как Рокко в толстых резиновых перчатках выше локтя доставал из брезентового кулька части тела и укладывал в морозильник.

— Есть еще кое-что, сэр,— сказал Гарса, снова слушая рацию.— Палмер Ллойд на связи с «Ролваагом». Он требует, чтобы ему обеспечили связь с Сэмом Макферлейном.

Макферлейн почувствовал себя снова в потоке событий.

— Не самое лучшее время для этого, не так ли? — сказал он, засмеявшись, и недоверчиво взглянул на Глинна.

Но выражение лица Глинна его удивило.

— Ты мог бы собрать громкоговоритель? — спросил Глинн у Гарсы.

— Я возьму его из центра связи.

Макферлейн обратился к Глинну:

— Не собираетесь же вы говорить с Ллойдом прямо сейчас?

Глинн встретился с ним взглядом.

— Лучше это, чем альтернатива,— откликнулся он.

Только гораздо позже Макферлейн понял, что Глинн имел в виду.

В считанные минуты передатчик, имевшийся в домике, был соединен с внешним громкоговорителем. Когда Гарса присоединил свою рацию, комнату наполнил шум атмосферных помех. Затем все стихло, снова стало громче, опять стихло. Макферлейн посмотрел вокруг: на Рейчел, прижавшуюся к печке, чтобы согреться, на Глинна, вышагивающего перед радиопередатчиком, на Рокко, усердно сортировавшего части тела в глубине комнаты. У Макферлейна появилась теория, вернее ее начатки. Но она еще была совсем сырой, слишком

много в ней было прорех, чтобы ее можно было обнародовать. Но он знал, что у него нет выбора.

Раздался пронзительный свист обратной связи, затем из громкоговорителя пришел прерывающийся звук.

— Привет!

Искаженный голос Ллойда было трудно узнать.

Глинн наклонился вперед.

— Это Эли Глинн, мистер Ллойд. Вы меня слышите?

— Да! Да, я вас слышу. Но вы чертовски тихо говорите, Эли.

— У нас сильные радиопомехи. Нам нужно быть краткими. У нас много работы, а ресурс батарей ограничен.

— Почему? Что у вас происходит? Какого дьявола Сэм не звонит для ежедневного сообщения? Я не смог добиться толкового ответа от вашего чертового капитана.

— У нас произошел несчастный случай. Один человек погиб.

— Два человека, вы хотели сказать. Макферлейн говорил мне об этом случае с метеоритом. Ужасный случай с Рочфортом.

— Нет, еще одна смерть. Сотрудник по фамилии Хилл.

Из громкоговорителя раздался оглушительный свист, затем вернулся голос Ллойда, еще более невнятный.

— ...случилось с ним?

— Мы не знаем,— ответил Глинн.— Макферлейн и Амира только что вернулись после обследования метеорита.

Он подозвал Макферлейна к рации. Тот с огромным нежеланием прошел вперед, нервно сглотнув.

— Мистер Ллойд, то, что я намерен вам сказать, это теоретическое заключение, основанное на том, что я видел. Но я думаю, что мы были не правы относительно того, как умер Нестор Масангкей.

— Не правы? — удивился Ллойд.— Что вы имеете в виду? И какое это имеет отношение к смерти этого Хилла?

— Если я не ошибаюсь, то самое непосредственное. Я думаю, оба они умерли потому, что прикоснулись к метеориту.

На миг в помещении стало тихо, слышалось только потрескивание радио.

— Сэм, это абсурд,— сказал Ллойд.— Я же сам трогал метеорит.

— Потерпите. Мы думали, что Нестора убила молния. Действительно, метеорит обладает мощным притяжением. Но Гарса может вам подтвердить, что взрыв в тоннеле был порядка миллиона вольт. Не бывает ударов молнии такой силы. Мы осмотрели платформу и метеорит. Характер повреждений свидетельствует, что сам метеорит послал мощный электрический разряд.

— Но я прикладывался к нему щекой и пока еще жив.

— Это я знаю. У меня нет ответа на вопрос, почему вас это миновало. Но ничто другое не подходит. Тоннель был пуст. Метеорит изолирован от всех прочих воздействий. Выглядит так, что молния вышла из камня, прошла сквозь люльку и трейлер, разбрызгивая расплавленный металл вокруг. А рядом с ним я нашел перчатку. Это единственная деталь одежды Хилла, которая не сгорела. Я думаю, он снял перчатку, чтобы потрогать метеорит.

— Зачем ему было это делать? — спросил Ллойд нетерпеливо.

Рейчел вмешалась в разговор.

— А вам зачем? — спросила она.— Это огромный, удивительного вида камень. Никто не может предсказать, как поступит человек, увидев такое в первый раз.

— Господи, невозможно в это поверить,— сказал Ллойд после паузы.— Но вы можете продолжать, так?

Макферлейн бросил взгляд на Глинна.

— Платформа и люлька повреждены,— сказал Глинн.— Но мистер Гарса говорит, что их можно восстановить в течение двадцати четырех часов. Однако вопрос вызывает сам метеорит.

— Почему? — спросил Ллойд.— Он был поврежден?

— Нет,— продолжал Глинн.— На нем ни царапинки. Я издал строжайший приказ обращаться с ним как с опасной ве-

щью. Теперь, если доктор Макферлейн прав, мы знаем, что он реально опасен. Нам необходимы дополнительные меры предосторожности при погрузке его на судно. Но приходится торопиться. Здесь оставаться дольше, чем совершенно необходимо, тоже опасно.

— Не нравится мне это. Вы должны были предусмотреть всякие предосторожности еще до выхода из Нью-Йорка.

Макферлейну показалось, что глаза Глинна сузились до щелочек.

— Мистер Ллойд, этот метеорит опроверг все наши предсказания. Мы сейчас вне параметров первоначальных исследований ЭИР. Такого никогда прежде не случалось. Вы знаете, что это обычно означает? Мы сворачиваем проект.

— Это не выход, черт возьми! — закричал вдруг Ллойд, но прием был таким слабым, что Макферлейн должен был прислушиваться, чтобы услышать.— Я не хочу даже говорить об этом. Вы меня слышите? Глинн, вы затащите камень на судно и привезете его домой.

Радио резко выключилось.

— Он прервал передачу,— сказал Гарса.

В домике стало тихо. Все взоры обратились к Глинну.

У него за спиной Макферлейн видел Рокко, по-прежнему занятого своей жуткой работой. Рукой в перчатке он держал кусок черепа с висящим из него глазным яблоком, державшимся только на ниточке нерва.

Рейчел вздохнула, покачала головой, медленно поднялась со стула.

— Итак, что нам делать?

— Пока помочь нам снова запустить электростанцию. Когда у нас будет источник энергии, вы двое вплотную займетесь вашей проблемой.

Глинн повернулся к Макферлейну.

— Где перчатка Хилла?

— Вот здесь.

Макферлейн устало дотянулся до рюкзака, вытащил запечатанный мешочек и показал его.

— Это кожаная перчатка,— сказал Гарса.— Строительная бригада пользуется перчатками из гортекса.

Наступило молчание.

— Мистер Глинн!

Голос Рокко был таким резким, удивление в нем таким явным, что все посмотрели на него.

Он держал в руке обезображенный череп прямо перед своим лицом, производя жуткое впечатление.

— Да, мистер Рокко.

— У Фрэнка Хилла были карие глаза.

Взгляд Глинна метнулся от Рокко к черепу, потом обратно. На лице читался немой вопрос.

Подняв вторую руку, Рокко манжетой рубашки дочиста вытер висящий глаз.

— Это не Хилл,— сказал он.— Этот глаз голубой.

Остров Десоласьон
0 часов 40 минут

Глинн замер, завороженный видом глаза, болтавшегося на нитке нерва.

— Мистер Гарса,— сказал он необычайно спокойным голосом.

— Сэр?

— Соберите людей. Найдите Хилла. Используйте щупы, тепловые датчики.

— Слушаюсь, сэр.

— Будьте настороже. Опасайтесь ям-ловушек, снайперов. Не исключайте ничего.

Гарса исчез в ночи. Глинн взял у Рокко вырванный глаз и повертел в руках, пристально разглядывая. Макферлейну подумалось, что Глинн изучает его, как редчайшую вещь из тонкого фарфора. Тем временем Глинн подошел к столу, где лежали части тела, еще не уложенные в морозильный ящик, и пробормотал:

— Посмотрим, что у нас здесь.

Макферлейн наблюдал, как он стал в них копаться: вынимал кусок, внимательно рассматривал и клал обратно, брал другой, словно покупатель, выбирающий кусок мяса в супермаркете.

— Блондин,— сказал он, поднеся к свету волосок.

Потом стал собирать останки головы.

— Высокие скулы... короткая стрижка... нордические черты.

Затем принялся тщательно обследовать остальное.

— Татуировка «мертвая голова» на правой руке... Молодой, по-видимому, лет двадцать пять.

Его осмотр длился минут пятнадцать, и за это время никто не произнес ни слова. Наконец он выпрямился и подошел к раковине вымыть руки. Воды не было. Он стряхнул с рук то, что к ним прилипло, и вытер руки полотенцем. После этого Глинн стал ходить по домику взад-вперед.

Неожиданно он остановился. Было похоже, что Глинн принял решение. Взял со стола рацию.

— Томсон?

— Да, сэр.

— Что там с генератором?

— Бриттон доставляет его сама. Она не хочет рисковать своей командой. Она сказала, что Брамбелл прибудет, как только это будет безопасно. Шторм к утру должен стихнуть.

Рация просигналила вызов, и Глинн переключил частоту.

— Нашли Хилла,— кратко сообщил Гарса.

— Да?

— Он был закопан в сугроб. Перерезано горло. Очень профессиональная работа.

— Спасибо, мистер Гарса.

При аварийном освещении профиль Глинна казался нечетким, но была видна блестевшая на лбу капля пота.

— Еще найдена пара снегоступов, спрятанная в сарае у входа. Как и перчатки, они не наши.

— Понятно. Принесите тело Хилла в медпункт. Не нужно, чтобы оно было замерзшим, когда прибудет доктор Брамбелл. Это будет мешать.

— Так кто же тот, другой человек? — спросил Макферлейн.

Вместо ответа Глинн отвернулся и пробормотал по-испански так, что расслышал только Макферлейн:

— Вы не умный человек, мой команданте. Совсем не умный.

Остров Десоласьон
23 июля, 12 часов 5 минут

Буря стихла. Сорок восемь часов прошли без неприятных происшествий. Система безопасности была значительно усилена. Утроено число охранников, установлены дополнительные камеры наблюдения, а по периметру рабочей площадки в снегу были расставлены детекторы движения.

Тем временем на заглубленной дороге стремительными темпами велись работы. Как только была готова новая секция, туда перемещалась платформа с метеоритом, а пройденный участок засыпали. Средства защиты вокруг метеорита усилили.

Наконец экскаваторы добрались до снежника. Здесь, скрытый двухсотфутовой толщей сплошного льда, метеорит ждал, пока бригады рабочих пробивали тоннель с разных сторон снежника навстречу друг другу.

Эли Глинн стоял в горловине ледового тоннеля, наблюдая за скоростью проходки грандиозных машин. Все шло по плану. Из холодной пещеры тянулось полдесятка толстых шлангов, отводивших выхлопные газы мощных дизельных моторов — работала временная система принудительной вентиляции, пока тяжелые машины врубались в лед. «В определенном смысле это прекрасно,— думал Глинн.— Еще одно инженерное свершение в длинном списке уже имеющихся с начала проекта». Миллион трещин и расселин разбегались по стенам тон-

неля во все стороны подобно белой паутине на фоне льда потрясающе глубокого синего цвета. Ровным было только покрытое дробленым гравием дно, по которому будет перемещаться платформа.

Тоннель освещался лампами дневного света. Глядя вглубь, Глинн видел метеорит на платформе — красную каплю внутри сверхъестественно синей трубы, которую наполнял грохот и скрежет невидимых машин. Вдалеке показался огонек, какое-то транспортное средство обогнуло метеорит и двинулось в сторону Глинна. Оказалось, это состав из вагонеток, заполненных сверкающими ледяными глыбами.

Открытие, что метеорит может убить от прикосновения, испугало Глинна сильней, чем он готов был признать. Хотя он с самого начала издал приказ никогда не прикасаться к метеориту, сам он всегда рассматривал это только как юридическую предосторожность. Он чувствовал, что Макферлейн прав, что взрыв действительно был инициирован прикосновением. Казалось, другого объяснения не может быть. Возникала необходимость оперативных перерасчетов. Это влекло за собой пересмотр соотношения «провал—удача», требующий для своего выполнения всей компьютерной мощности ЭИР в Нью-Йорке.

Глинн снова посмотрел на красный монолит, сидящий подобно драгоценному камню в оправе из проклеенного дуба. Этот камень убил человека Валленара, убил Рочфорта и Эванса, убил Масангкея. Странно, что он не убил Ллойда. Доказано, что он смертельно опасен, однако предел расчетной смертности еще не превышен. Проект вулкана стоил пятнадцати жизней, включая одного любознательного государственного министра, который настоял на своем присутствии там, где ему не следовало находиться. Глинн убеждал себя, что, несмотря на необычайность камня и проблемы, связанные с чилийским эсминцем, это, в сущности, всего лишь работа по перемещению тяжелого объекта.

Он посмотрел на часы. Макферлейн и Амира будут вовремя. Они всегда точны. Он увидел, как они слезли со снегохода в начале ледяного тоннеля. Макферлейн вытащил веще-

вой мешок с инструментами, и спустя пять минут они были рядом с Глинном. Он предупредил:

— У вас сорок минут, пока не будет закончен тоннель и снова передвинут метеорит. Используйте это время наилучшим образом.

— Так и сделаем,— сказала Амира.

Он наблюдал, как она достает аппаратуру из мешка и устанавливает измерительные приборы, пока Макферлейн снимал камень на цифровую камеру. Амира действовала очень умело.

Как Глинн и рассчитывал, Макферлейн узнал о ее рапортах. Это дало желаемый эффект: теперь он знает, что его поведение отслеживается. Одновременно Амира озабочена этической дилеммой, что помогает отвлечь ее от склонности задавать более трудные нравственные вопросы, которым не место в сухих инженерных проектах. Макферлейн принял это лучше, чем ожидалось с учетом его биографии. Сложный человек показал себя необычайно полезным.

Глинн заметил, что прибыл еще один снегоход с пассажиром. С него сошла Салли Бриттон, полы ее длинного шерстяного пальто темно-синего цвета развевались за ней на ходу. Против обыкновения она была без офицерской фуражки, и ее волосы пшеничного цвета блестели под лампами, освещавшими тоннель. Глинн улыбнулся. Он и этого тоже ждал с тех пор, как взрывом был убит чилийский шпион. И не просто ожидал, а сгорал от нетерпения.

Когда Бриттон подошла ближе, Глинн обратился к ней с искренней приветливой улыбкой, взяв ее руку:

— Рад вас видеть, капитан. Что вас привело сюда?

Бриттон посмотрела вокруг. Ее умные зеленые глаза заметили все и изумленно округлились, увидев метеорит.

— Боже праведный,— выдохнула она.

Глинн улыбнулся.

— Это всегда потрясение с первого взгляда.

Она молча кивнула.

— Ничто великое не достигается в этом мире без трудностей, капитан.— Глинн говорил тихо, но очень убедительно.— Это научное открытие века.

Глинна не особенно волновала научная значимость, его интерес лежал исключительно в инженерных аспектах. Но он сознательно подпустил драматичности, поскольку это служило его целям.

Бриттон продолжала смотреть на камень.

— Мне говорили, что он красный, но я и представить не могла...

Она смотрела минуту, другую. Ледовый тоннель полнился ревом тяжелых машин. Наконец она с видимым усилием отвела взгляд от метеорита, повернулась лицом к Глинну и вздохнула:

— Убиты еще два человека. Но эта новость пришла от вас с задержкой и возбудила тревожные слухи. Команда нервничает. Мои офицеры тоже. Мне нужно знать точно, что произошло и почему.

Глинн молча ждал.

— Метеорит не будет загружен на борт, пока я не буду убеждена, что это безопасно.

Она высказала это все одним духом. Ее стройная маленькая фигурка твердо стояла на гравии.

Глинн улыбнулся. Это была стопроцентная Салли Бриттон. Он с каждым днем все более восхищался ею.

— Я чувствую совершенно так же,— сказал Глинн.

Она посмотрела на него растерянно, очевидно настроившись на сопротивление.

— Мистер Глинн, нам предстоит объяснять властям, как погиб чилийский офицер. Где-то здесь военный корабль, которому нравится держать нас под прицелом. Трое ваших людей погибли. Мы имеем камень весом двадцать пять тысяч тонн, который то давит людей, то рвет их в клочья, а вы хотите поместить его внутрь моего судна.

Она немного помолчала, потом продолжила более тихим голосом:

— Даже самые лучшие команды впадают в подозрительность. А здесь происходит масса таинственных и необъяснимых событий.

— Вы правильно беспокоитесь. Я расскажу, что произошло. Прошу прощения, что сам не пришел на судно, но вы же знаете — мы работаем круглосуточно. Две ночи назад у нас был лазутчик с чилийского корабля. Он был убит электрическим разрядом от метеорита. К сожалению, не до того, как он убил одного из наших людей.

Бриттон пронзила его взглядом.

— Так это правда? Молнию породил метеорит? Я не поверила этому. Это совершенно выше моего понимания.

— На самом деле все просто. Он из металла, обладающего электрической сверхпроводимостью. Тело человека имеет электрический потенциал. Вы прикасаетесь к метеориту, и он высвобождает электричество, циркулирующее внутри него. Как удар молнии, только сильней. Это, по нашим предположениям, и убило чилийца, так же как и Нестора Масангкея, человека, который первым открыл метеорит.

— Почему он так делает?

— Макферлейн и Амира сейчас работают над этим вопросом. Но главное дело сейчас — транспортировка камня, и у них нет времени для дальнейших анализов.

— А что может предотвратить подобное происшествие на моем корабле?

— Еще один хороший вопрос.— Глинн улыбнулся.— Мы над этим тоже работаем. Мы принимаем величайшие предосторожности, чтобы исключить возможность прикасаться к метеориту. Конечно, мы приняли это правило даже раньше, чем поняли, что прикосновение может вызвать взрыв.

— Ясно. Откуда берется это электричество?

— Это один из вопросов, которые сейчас изучает доктор Макферлейн.

Бриттон ничего не сказала.

Совершенно неожиданно Глинн взял ее за руку и почувствовал краткое, но ощутимое сопротивление. Потом она расслабилась.

— Мне понятна ваша озабоченность, капитан,— сказал он ласково.— Поэтому мы и принимаем все возможные меры

безопасности. Но вы должны верить, что мы не потерпим неудачи. Вы должны верить в меня, как я верю в то, что вы сможете поддерживать на борту дисциплину, несмотря на нервозность и суеверие команды.

Она смотрела на Глинна, но он видел, как ее взгляд непреодолимо тянулся к огромному красному камню.

— Побудьте здесь,— сказал Глинн мягко, улыбаясь.— Посмотрите, как мы доставим на ваш корабль самый тяжелый объект, когда-либо перемещенный человеком.

Она перевела взгляд с камня на Глинна, потом обратно, колеблясь. У нее на поясе зачирикала рация. Она высвободила руку и отошла.

— Капитан Бриттон слушает,— сказала она.

Наблюдая за изменением ее лица, Глинн точно знал, что именно она слышит. Она убрала рацию.

— Эсминец. Он вернулся.

Глинн кивнул. Улыбка не покидала его лица.

— Неудивительно,— сказал он.— «Алмиранте Рамирес» потерял одного из своих. Он пришел его забрать.

«Ролвааг»
24 июля, 15 часов 45 минут

На остров Десоласьон опускалась ночь. С кофейной чашкой в руке Макферлейн наблюдал в одиночестве с верхней палубы, как густеют сумерки. Был прекрасный вечер: ясный, холодный, безветренный. Вдалеке еще виднелись остатки облаков — конские хвосты розового и персикового цвета. На этом оригинальном фоне необычайно ясно видимый и четко обрисованный остров представлялся выгравированным. За ним глянцевые воды пролива Франклина отражали последние лучи заходящего солнца. А еще дальше был виден эсминец Валленара, серый и недружелюбный. Имя «Алмиранте Рамирес» едва просматривалось на испещренных ржавчиной бортах. Днем он подошел ближе, вдвинулся носом в пролив, их единственный путь отхода. Теперь он выглядел так, словно надолго здесь обосновался.

Макферлейн сделал глоток кофе, потом импульсивно выплеснул остатки за борт. Кофеин ему сейчас был нужен меньше всего. Он и так жутко взвинчен. Интересно, как Глинн планирует договариваться с эсминцем, кроме всего прочего. Но Глинн именно сегодня выглядел спокойным на удивление. Не нервный ли срыв у мужика?

Метеорит был перевезен. Мучительно, сантиметр за сантиметром, через снежник и дальше по утрамбованной дороге его

дотащили до самого края острова Десоласьон. Метеорит наконец достиг отвесного берега пролива Франклина. Чтобы его спрятать, сверху опять поставили хибару из гофрированного металла. Макферлейн присмотрелся с палубы к сараю. Как всегда, это было мастерской подделкой: строение из ржавого, бывшего в употреблении металла, опасно скособочившееся. Вокруг разбросаны лысые шины. Интересно, как они собираются опустить метеорит в трюм? Глинн особенно скрытничал на этот счет. Макферлейн знал только, что все будет сделано за одну сегодняшнюю ночь.

Открылась дверь, Макферлейн повернулся на звук и был удивлен, увидев Глинна, который не появлялся на борту, насколько ему было известно, почти неделю. Хотя его лицо посерело от изнурительной работы, в движениях ощущалась легкость. Глинн производил впечатление человека, который просто вышел прогуляться.

— Добрый вечер,— приветствовал он Макферлейна.

— Вы выглядите совершенно спокойным.

Вместо ответа Глинн, к величайшему удивлению Макферлейна, вытащил пачку сигарет, положил в рот сигарету, прикурил от спички, ярко вспыхнувшей около его землистого лица, и глубоко затянулся.

— Не знал, что вы курите не только для маскарада.

Глинн улыбнулся.

— Я позволяю себе двенадцать сигарет в год. Это единственное мое безрассудство.

— Когда вы спали в последний раз? — спросил Макферлейн.

Глинн посмотрел на спокойную воду.

— Не могу сказать точно. Сон как пища: после нескольких дней перестаешь о них скучать.

Несколько минут он молча курил.

— Есть какие-нибудь свежие новости по результатам ваших замеров в ледовом тоннеле? — спросил он наконец.

— Дразнящие клочки и обрывки. Например, он имеет атомное число выше четырехсот.

Глинн кивнул в знак того, что понял.

— Звук проходит через камень со скоростью, равной десяти процентам скорости света. У него очень простая внутренняя структура: наружный слой, внутренний слой и небольшое ядро в центре. Большинство метеоритов являются осколками более крупных тел. Наш — прямая противоположность: он кажется возникшим посредством сращивания, возможно, в струе плазмы от гиперновой звезды. Вроде жемчужины вокруг песчинки. Вот почему он почти симметричный.

— Потрясающе. А электрический разряд?

— Пока загадка. Мы не знаем, почему его вызывает человеческое прикосновение, если не вызывает ничто другое. Мы не знаем, почему Ллойд избежал участи разлететься в клочья. У нас больше данных, чем мы можем обработать, и все они противоречивы.

— А относительно нарушения радиосвязи после взрыва. Есть этому объяснение?

— Да. По-видимому, после разряда метеорит был в возбужденном состоянии и излучал радиоволны. Длинноволновое электромагнитное излучение. Это и вызвало нарушение радиосвязи. С течением времени оно замирает, но в непосредственной близости, скажем внутри тоннеля, метеорит излучал достаточно шумов, чтобы затруднять радиосвязь по крайней мере в течение нескольких часов.

— А сейчас?

— Успокоился. Вероятно, до следующего выброса.

Глинн молча курил, наслаждаясь сигаретой. Макферлейн за ним наблюдал. Потом Глинн указал на берег, на покосившийся сарай, скрывавший метеорит.

— Через несколько часов эта штука окажется в трюме. Если у вас есть еще сомнения, я должен знать о них сейчас. От этого зависит наша выживаемость в море.

Макферлейн ответил не сразу. Он почти ощущал груз этого вопроса у себя на плечах.

— Я просто не могу предсказать, что может случиться,— ответил он в конце концов.

Глинн курил.

— Мне нужны не предсказания, а прогнозы специалиста.

— Мы наблюдали за метеоритом при различных условиях в течение двух недель. За исключением электрического разряда, инициированного, по всей вероятности, человеческим прикосновением, он представляется совершенно инертным. Он не реагирует на прикосновение металла и даже мощного электронного щупа. Пока наши меры безопасности точно соблюдаются, я не могу придумать причины, почему он может вести себя иначе в трюме «Ролваага».

Макферлейн заколебался, спрашивая себя, не страдает ли его объективность из-за очарования метеоритом. Идея оставить его была просто непредставима. Он сменил тему.

— Ллойд каждый час звонит по спутниковому телефону. Хочет все знать.

Глинн блаженно выдохнул с полузакрытыми, словно у Будды, глазами.

— Через тридцать минут, когда совсем стемнеет, мы поставим судно прямо у обрыва и начнем сгружать метеорит на опору, построенную для него в танке. Он будет там в три часа утра, а к восходу мы уже окажемся в международных водах. Можете обнадежить мистера Ллойда. Все под контролем. Работы будут проводить Гарса и Стоунсайфер. Мое участие потребуется только на последнем этапе.

— А как же это? — Макферлейн кивнул в направлении эсминца.— Во время погрузки метеорит будет открыт для общего обозрения. «Ролвааг» под ним осядет.

— Мы будем работать под покровом темноты. К тому же ожидается туман. Тем не менее в самый критический период я нанесу визит команданте Валленару.

Макферлейн не был уверен, что правильно расслышал.

— Что вы сделаете?

— Это его отвлечет,— сказал Глинн и добавил тише: — А также послужит другим целям.

— Это сумасшествие. Он может вас арестовать и даже убить.

— В это я не верю. По всему видно, что команданте Валленар жестокий человек, но не сумасшедший.

— На случай, если вы не заметили: он заблокировал нам единственный выход.

Пала ночь, укрыв темной мантией остров. Глинн посмотрел на свои золотые часы и достал из кармана рацию.

— Мануэль? Можете начинать.

Почти немедленно на обрыве зажглось множество ярких ламп, наполнивших суровый ландшафт холодным светом. Словно из ниоткуда возникла толпа рабочих. Зарычали тяжелые машины.

— Боже, почему вам просто не поставить рекламный щит: смотрите, вот он? — спросил Макферлейн.

— Этот обрыв не виден с корабля Валленара, — объяснил Глинн.— Его прикрывает вон тот мыс. Если Валленар захочет видеть, что за новые работы здесь ведутся, а он захочет, ему придется передвинуть эсминец обратно к северному концу пролива. Иногда лучшей маскировкой является отсутствие маскировки. Понимаете, Валленар не будет ожидать нашего ухода.

— Почему?

— Потому что мы в течение всей ночи будем вести фиктивные разработки на острове. Все тяжелое оборудование и два десятка людей останутся там и продолжат лихорадочно работать. Прозвучит несколько взрывов. Будут активные переговоры по радио. Перед самым рассветом что-то найдут. Во всяком случае, такое впечатление сложится на «Алмиранте Рамиресе». Наши продемонстрируют большое волнение. Рабочие сделают перерыв, чтобы обсудить находку.

Он выбросил окурок, пронаблюдал за его полетом в темноте.

— Служебный катер «Ролваага» спрятан на другой стороне острова. Как только мы уйдем, катер заберет людей и встретит нас позади острова Горн. Все остальное останется здесь.

— Все?

Макферлейн мысленно прикинул: ангары, полные оборудования, бульдозеры, лаборатории в контейнерах, громадные желтые тягачи.

— Да, генераторы будут работать, все освещение останется включенным. В прямой видимости на острове оставим оборудование многомиллионной стоимости. Когда Валленар увидит, что мы уходим, он решит, что мы вернемся.

— И не будет нас преследовать?

Глинн помедлил с ответом.

— Вполне может.

— Что тогда?

— Проанализированы все возможные пути развития событий. Учтены все случайности.

Глинн улыбнулся, поднял рацию и скомандовал:

— Подведите судно к обрыву.

После некоторой паузы Макферлейн почувствовал вибрацию больших двигателей. Медленно, очень медленно огромный корабль начал разворачиваться.

Глинн посмотрел на Макферлейна.

— Вам принадлежит в этом ключевая роль, Сэм.

— Мне? — Макферлейн удивленно посмотрел на него.

Глинн кивнул.

— Я хочу, чтобы вы оставались на связи с Ллойдом. Держите его в курсе дел и старайтесь удовлетворять любопытство. А главное, удержите его там, где он сейчас. Это может оказаться бедствием, если он явится сюда.

Он замолчал и посмотрел Макферлейну прямо в лицо.

— А теперь на прощание, так как мне пора готовиться к встрече с нашим чилийским другом, я должен попросить у вас прощения.

— За что? — спросил Макферлейн.

— Вы прекрасно знаете за что. Я не мог бы даже пожелать более последовательного и надежного ученого. По завершении экспедиции наше досье, заведенное на вас, будет уничтожено.

Макферлейн не вполне понимал, как ему относиться к этому признанию. Оно казалось искренним, но все, что делал этот человек, было настолько просчитанным, что Макферлейн не удивился бы, если бы в грандиозной схеме Глинна и оно преследовало еще какую-то цель, а может, и не одну.

Глинн протянул ему руку. Макферлейн взял ее и положил ему на плечо другую руку.

Через мгновение Глинн исчез.

Только много позже до Макферлейна дошло, что плотная подложка, которую он ощутил под пальцами, была не толстой тканью пальто, а бронежилетом.

Пролив Франклина
20 часов 40 минут

Глинн стоял на носу маленького катера, радуясь холодному воздуху, струившемуся по лицу. Еще четыре участника операции сидели на палубе темной рулевой рубки, полностью экипированные, молчаливые и скрытые от глаз. Прямо по курсу светились огни эсминца, покачивавшегося в спокойной воде пролива. Как Глинн и предсказывал, эсминец передвинулся вверх по проливу.

Глинн оглянулся на остров. Там среди моря огней шла лихорадочная работа — тяжелые машины курсировали туда и обратно. Пока он смотрел, в воздухе прокатилась слабая волна отдаленного взрыва. По сравнению с этим работы у обрыва выглядели второстепенными. Благодаря активным переговорам по радио перемещение «Ролваага» было представлено как мера предосторожности перед надвигающимся штормом: громадный корабль уйдет за подветренную сторону острова и бросит на берег причальные канаты.

Глинн вдыхал наполненный влагой обманчиво спокойный морской воздух. Определенно надвигался большой шторм. О том, каков он в реальности, знали только Глинн, Бриттон и вахтенные офицеры «Ролваага». Не стоило без надобности волновать команду и инженеров ЭИР в такой сложный момент. Однако анализ данных метеоспутника показывал, что приближающийся ураган может развиться в так называемый

«кладбищенский» ветер — пантеоньеро, который поднимется перед рассветом. Такие ветры всегда приходят с юго-запада, потом, набрав скорость, меняют направление на северо-западное. Сила ветра может достигать пятнадцати баллов. Но если к полудню «Ролвааг» пройдет пролив Ле-Мейр, они окажутся с подветренной стороны Огненной Земли раньше, чем начнется самый худший ветер. И он будет дуть им в спину — идеально для огромного танкера, но гибельно для маленького преследователя.

Глинн знал, что теперь Валленар уже должен был заметить его приближение. Катер двигался медленно, с полным комплектом включенных ходовых огней. Даже без радара он должен бросаться в глаза на фоне черной воды безлунной ночью.

Катер подошел к кораблю на расстояние двести ярдов. Глинн услышал слабый всплеск у себя за спиной, но не оглянулся. Как и полагалось, последовали еще три всплеска. Он ощущал противоестественное спокойствие, обострение всех чувств, которое всегда приходило перед операцией. Давно это было, чувство было приятным, почти ностальгическим.

На корме эсминца включился прожектор и развернулся к катеру, слепя ярким светом. Глинн остался неподвижным на носу катера, замедлившего ход. Если ему суждено получить пулю, это случится сейчас. Но Глинн был твердо убежден — орудия эсминца будут молчать. Он набрал в грудь воздуха и медленно выдохнул один раз, потом второй. Критический момент миновал.

Его встретили у борта и повели наверх по грязным коридорам и скользким металлическим трапам. Дежурный офицер доставил Глинна на мостик. Валленар был один. Он стоял у передних иллюминаторов с сигарой во рту и смотрел на остров. Было холодно. То ли отопительная система просто не работала, то ли была выключена. Как и на всем корабле, на мостике пахло машинным маслом, трюмной водой и рыбой.

Валленар не повернулся. Глинн выдержал долгую паузу, прежде чем начал говорить.

— Команданте, я пришел выразить вам свое почтение,— начал он вежливо и неторопливо по-испански.

Тихий звук, который издал Валленар, удивил Глинна. Валленар так и не повернулся. Атмосфера вокруг Глинна казалась пронизанной паранормальным полем. Глинн ощущал легкость, словно его тело было из воздуха.

Валленар достал из кармана письмо, развернул его, но продолжал молчать. Глинн разглядел печатный бланк известного австралийского университета. Наконец Валленар заговорил.

— Это метеорит,— сказал он ровным, сухим голосом.

«Итак, он знает». Это, в соответствии с их анализом, было самое маловероятное развитие событий. Но теперь следовало идти по пути, разработанному на такой случай.

— Да.

Валленар повернулся. Его толстая суконная шинель распахнулась, обнаружив заткнутый за пояс пистолет «люгер».

— Вы крадете метеорит у моей страны.

— Не крадем,— сказал Глинн.— Мы действуем в пределах международного закона.

Валленар рассмеялся. Смех прозвучал глухо.

— Я знаю. У вас операция по добыче, а он является металлом. Я был не прав. Вы и в самом деле пришли сюда за железом.

Глинн промолчал. Каждое слово Валленара содержало для него бесценную информацию об этом человеке. Информацию, которая позволит в будущем более точно предсказывать его поведение.

— Но вы, сеньор, действуете вне пределов моего закона. Закона команданте Валленара.

— Я не понимаю,— сказал Глинн, хотя прекрасно понимал.

— Вы не вывезете этот метеорит из Чили.

— Его еще нужно найти.

Валленар слегка замялся, и эта пауза показала Глинну, что Валленар не знал наверняка, что они нашли метеорит.

— Что мне может помешать сообщить об этом властям в Сантьяго? Они, по крайней мере, не получали взятку.

— Вы можете сообщать кому угодно,— сказал Глинн.— Мы не делаем ничего нелегального.

Он знал, что Валленар никому ничего не сообщит. Он был из тех людей, кто решал проблемы своими собственными методами.

Валленар сделал длинную затяжку и выпустил дым сигары в сторону Глинна.

— Скажите, сеньор... Ишмаил, кажется? Или нет?

— В действительности Глинн.

— Понятно. Скажите мне, мистер Глинн, зачем вы явились на мой корабль?

Глинн понимал, что должен очень осторожно отвечать на этот вопрос.

— Я надеялся, команданте, что мы можем с вами прийти к соглашению.

Он увидел ожидаемый гнев на лице капитана и продолжал:

— Я уполномочен дать вам миллион долларов за ваше сотрудничество.

Валленар неожиданно улыбнулся, его глаза прикрылись.

— Он у вас с собой?

— Конечно нет.

Команданте лениво пыхнул сигарой.

— По-видимому, сеньор, вы думаете, что и меня можно купить, как остальных. Потому что я южноамериканец, грязный латинос, что я всегда готов сотрудничать в обмен на подачки.

— Мой опыт показывает, что неподкупных не бывает,— сказал Глинн.— Включая американцев.

Он внимательно следил за команданте. Глинн был уверен, что тот откажется от взятки, но даже в самом отказе содержится информация.

— Если ваш опыт таков, значит, ваша жизнь порочна, вас окружают проститутки, предатели и гомосексуалисты. Вам

не удастся вывезти метеорит из Чили. Возьмите ваше золото, сеньор, и запихните его в конус своей шлюховатой матери.

Глинн не ответил на это сильнейшее испанское оскорбление. Валленар опустил сигару.

— Есть еще один вопрос. Я послал на остров человека для разведки, и он не вернулся. Его имя Тиммер. Он мой офицер-связист.

Глинн был несколько удивлен. Он не верил, что командант-те поднимет этот вопрос, да еще и признает, что его человек занимался шпионажем. Кроме того, этот человек потерпел неудачу, а Валленар был из тех, кто презирал неудачников.

— Он перерезал горло одному из наших людей. Мы его задержали.

У команданте сузились глаза, и на какой-то миг он, казалось, утратил контроль. Но потом взял себя в руки и улыбнулся.

— Верните его мне, пожалуйста.

— Я сожалею,— сказал Глинн.— Он совершил преступление.

— Вы немедленно вернете его мне, или я развею ваш корабль по волнам,— сказал Валленар, повышая голос.

И снова это вызвало удивление Глинна. Поспешная угроза была непропорциональна ситуации. Офицер-связист легко восполним, ранг его невысок. Какая собака здесь зарыта? Глинн в уме перебирал возможные объяснения, даже когда уже формулировал ответ.

— Это было бы неумно, поскольку ваш человек находится на корабельной гауптвахте.

Команданте посмотрел на Глинна тяжелым взглядом. Когда он заговорил, голос его снова звучал ровно:

— Верните мне Тиммера, и я, вероятно, разрешу вам вывезти метеорит.

Глинн знал, что это ложь. Валленар готов позволить им уйти в обмен на Тиммера не более, чем они имеют возможность его вернуть. Насколько он понял благодаря Паппапу, у команданте очень преданная команда. И сейчас, кажется,

он понял почему: Валленар завоевал ее своей неистовостью. Глинн считал команданте человеком, для которого другие люди ничего не значат. Валленар показал себя с неожиданной стороны. Его поведение расходилось с характеристиками из досье, составленного людьми Глинна в Нью-Йорке, изучавшими биографию Валленара. Тем не менее оно было полезным. Придется заново оценить Валленара. В любом случае, теперь у него есть нужная информация: он знает, что известно Валленару. А его спутники имели достаточно времени, чтобы сделать то, что нужно.

— Я передам ваше предложение нашему капитану,— сказал Глинн и слегка поклонился.— Думаю, это можно устроить. Я сообщу вам ответ в полдень. Теперь, с вашего позволения, я вернусь на свой корабль.

Валленар улыбнулся, сделав почти успешную попытку скрыть кипящий гнев.

— Сделайте это, сеньор. Потому что, если я не увижу Тиммера в полдень, я буду знать, что он мертв. И ваши жизни будут для меня не дороже собачьего дерьма, налипшего на каблук.

«Ролвааг»
23 часа 50 минут

Макферлейн отвечал на звонки в безлюдных апартаментах Ллойда. За бортом набирал силу ветер, с запада накатывали валы. Огромное судно стояло с подветренной стороны отвесных базальтовых утесов, к берегу протянулись тросы, которые крепились стальными болтами к скалам. Все было готово. Ждали тумана, который, по словам Глинна, был обещан в полночь.

Телефон на письменном столе сердито замигал, и Макферлейн со вздохом поднял трубку. Это будет третий разговор с Ллойдом за вечер. Он ненавидел эту свою новую роль посредника, секретаря.

— Мистер Ллойд?

— Да, да, это я. Глинн вернулся?

Опять слышался громкий шум, который мешал и при прошлом разговоре. Оторванному от дела Макферлейну это добавляло раздражения.

— Он вернулся два часа назад.

— Что он сказал? Валленар взятку взял?

— Нет.

— Может быть, он предложил недостаточно.

— Похоже, Глинн считает, что размер суммы не имеет значения.

— Господи Иисусе, каждый имеет цену. Полагаю, теперь уже поздно, но я бы заплатил двадцать миллионов. Скажите ему это. Двадцать миллионов золотом, посланные в любую точку мира. И американский паспорт ему и его семье. Какой у Глинна план?

Макферлейн помолчал. Почему-то ему казалось, что Валленара не заинтересовал бы американский паспорт. Макферлейн сглотнул. С каждой минутой он ненавидел это все больше.

— Он говорит, что план совершенно надежный, но он не может сейчас с нами им поделиться. Он сказал, что успех зависит от конфиденциальности...

— Что за дерьмо! Подайте мне его. Немедленно.

— Я пытался его найти, когда узнал, что вы звоните. Он не отвечает ни по телефону, ни по рации. Похоже, никто не знает, где он.

— Будь он проклят! Я знал, что не следует возлагать на него всю мою...

Голос замер в шуме радиопомех. Потом вернулся, еще более невнятный, чем раньше.

— Сэм? Сэм!

— Я здесь.

— Послушайте. Вы представляете Ллойда в экспедиции. Скажите Глинну, чтобы он немедленно мне позвонил. И скажите ему, что это приказ или я уволю его к чертовой матери и сам лично выброшу его за борт.

— Да,— устало сказал Макферлейн.

— Вы в моем офисе? Вам видно метеорит?

— Он еще спрятан на обрыве.

— Когда он будет перенесен на судно?

— Как только опустится туман. Мне сказано, что погрузка в танк займет несколько часов, еще, видимо, полчаса понадобится, чтобы его закрепить, а затем мы уйдем. Мы должны отчалить не позднее пяти утра.

— Это совсем впритык. Я слышал, надвигается новый шторм, сильней прежнего.

— Шторм? — переспросил Макферлейн.

Но ответом были только радиопомехи. Он ждал, но линия умерла. Через минуту он повесил трубку и стал смотреть в окно. Тем временем электронные часы на письменном столе пробили полночь. Макферлейну вдруг вспомнились слова: «Я сам лично выброшу его за борт». И тут до него дошло, что звук, на фоне которого он слышал голос Ллойда,— это шум реактивного двигателя.

Ллойд был в самолете.

«Алмиранте Рамирес»
25 июля, полночь

Команданте Валленар находился на мостике и смотрел в бинокль. Свой корабль он поставил в северном конце пролива, откуда ничто не мешало наблюдать за активностью на берегу. Зрелище поистине было стоящее.

Американцы подвели танкер к обрыву и протянули к берегу тросы. Капитану «Ролваага», очевидно, было кое-что известно о погоде на мысе Горн. Они не могли знать о необозначенной в лоциях подводной гряде, над которой стоял на якоре «Алмиранте Рамирес», поэтому причалили судно с подветренной стороны острова, надеясь защитить себя от ударов шторма. Если повезет, ветер с берега удержит судно на расстоянии от опасных скал. Тем не менее для такого громадного танкера маневр был очень рискованный, особенно для судна, использующего динамическое позиционирование в условиях, когда ветер может неожиданно измениться. Было бы надежней отойти от берега. Что-то заставляло их держаться поблизости.

И ему не нужно далеко ходить, чтобы узнать. Валленар перевел бинокль обратно на центр острова, где продолжались широкомасштабные поисковые работы примерно в двух милях от «Ролваага». Он внимательно следил за их развитием еще до появления на эсминце американца, этого Глинна. Несколькими часами раньше в том месте работа вдруг забурли-

ла еще сильней: раздались взрывы, неистово скрежетали машины, стремительно забегали люди, рабочую площадку осветили огромными прожекторами. Радиоперехват их переговоров показал — нашли что-то крупное. Но у них возникли большие проблемы.

Во-первых, сломался самый мощный кран при попытке находку поднять. Теперь они пытались вытащить эту штуку с помощью тяжелых машин. Но из перехваченных переговоров было ясно, что достижения их пока невелики или их вовсе нет. Без сомнения, «Ролвааг» стоял поблизости, чтобы обеспечить в случае необходимости дополнительную рабочую силу и оборудование. Валленар улыбался: американцы оказались не очень-то компетентными. При таких темпах им потребуются недели, чтобы доставить метеорит на борт.

Конечно, он никогда не позволит этому случиться. Как только Тиммер благополучно вернется, Валленар покалечит танкер, чтобы он не смог уйти, а потом обнародует новость о попытке воровства. Это спасет честь его страны. Когда политики увидят метеорит, когда они узнают, как американцы пытались его украсть, они прозреют. Благодаря этому метеориту его, возможно, даже переведут из Пуэрто-Уильямса. Пострадают продажные подонки из Пунта-Аренаса, а не он. Но важно правильно рассчитать время...

Улыбка погасла, как только он подумал о Тиммере, запертом на гауптвахте танкера. Тот факт, что Тиммер кого-то убил, Валленара не удивлял. Парень был сообразительным и жаждал произвести впечатление. Удивляло, что его поймали. Валленар с нетерпением хотел узнать подробности и не позволял себе думать о другой вероятности: американец лгал, и Тиммер уже мертв.

Послышался шорох, сзади подошел дежурный офицер.

— Команданте?

Валленар кивнул, не глядя на него.

— Мы получили второй приказ вернуться на базу, сэр.

Валленар не ответил. Он ждал, думая.

— Сэр?

Валленар снова посмотрел в темноту. Начинал клубиться ожидавшийся туман.

— Соблюдайте радиомолчание. Ничего не подтверждайте.

В глазах офицера промелькнула неуверенность, когда он выслушал это распоряжение, но выучка не позволяла ему обсуждать приказы.

— Слушаюсь, сэр.

Валленар наблюдал за туманом. Он наплывал как дым, выползал из ниоткуда, укрывал море саваном. Огни большого танкера словно подмигивали, скрываясь временами за клочьями наплывавшего тумана, пока совсем не исчезли. Посреди острова яркое освещение рабочей площадки сменилось расплывчатым свечением, а потом тоже пропало. Стена тьмы встала прямо перед мостиком. Капитан склонился над экраном радара, на котором вырисовался мутно-желтый контур танкера.

Валленар выпрямился и отошел от радара. Он подумал о Глинне. Что-то есть в нем странное, какая-то загадочность. Его посещение «Алмиранте Рамиреса» было дерзостью. Оно требовало обдумывания. Валленар не мог отделаться от порожденного им беспокойства.

Он еще немного посмотрел на туман, затем повернулся к дежурному по кораблю.

— Принять на мостике рапорты командиров о готовности к бою,— сказал он тихо, но настойчиво.

«Ролвааг»
Полночь

Когда Макферлейн прибыл на мостик, он нашел там группу взволнованных офицеров, собравшихся вокруг командного пульта. Сирена выключилась, и по системе внутреннего оповещения всей команде было приказано разойтись по своим постам. Бриттон, пославшая Макферлейну срочный вызов, казалось, не заметила его появления. За иллюминаторами стоял сплошной туман. Мощные прожектора на полубаке судна виднелись слабыми проблесками желтизны.

— Он держит нас на локаторе? — спросила Бриттон.

— На радаре наводки. Подтверждено,— ответил офицер рядом с ней.

Она приложила ко лбу тыльные стороны ладоней, подняла голову и заметила Макферлейна.

— Где мистер Глинн? — спросила она.— Почему он не отвечает?

— Я не знаю. Он исчез вскоре после возвращения от чилийца. Я и сам пытался его найти.

Бриттон повернулась к Хоуэллу.

— Может быть, он не на судне,— предположил первый помощник.

— Он на судне. Пошлите две поисковые команды: с носа и с кормы. Пусть двигаются к середине. Поиск по высшему разряду. Доставить его на мостик немедленно.

— В этом нет необходимости.

Глинн, как всегда бесшумно, материализовался около Макферлейна. С ним было два человека, которых Макферлейн до сих пор не видел на судне. На их рубашках были маленькие эмблемы ЭИР.

— Эли,— начал Макферлейн.— Мистер Ллойд снова звонил...

— Доктор Макферлейн, тишина на мостике, пожалуйста! — громко сказала Бриттон с командной интонацией в голосе.

Макферлейн замолк.

Бриттон повернулась к Глинну.

— Кто эти люди и почему они на мостике?

— Они сотрудники ЭИР.

Бриттон мгновение молчала, словно переваривая это.

— Мистер Глинн, я хочу напомнить вам и мистеру Макферлейну как представителю «Ллойд индастриз» на борту: как капитан «Ролваага» я являюсь последней инстанцией во всем, что касается управления и перемещения этого судна. И теперь я намерена осуществлять принадлежащие мне прерогативы власти.

Глинн кивнул. Или Макферлейн ошибся — кивок был таким легким, что могло и показаться. Макферлейн заметил, как окаменели лица Хоуэлла и других офицеров, находящихся на мостике. Явно что-то должно было случиться. А Глинн, казалось, спокойно выслушал это жесткое предупреждение.

— И как вы планируете осуществлять эти прерогативы власти?

— Метеорит не будет погружен на мой корабль.

Наступило молчание. Глинн посмотрел на нее снисходительно.

— Капитан, я думаю, будет лучше, если мы обсудим это наедине.

— Нет, сэр,— отрезала она и обратилась к Хоуэллу: — Начинайте приготовления к эвакуации с острова. Мы уходим через девяносто минут.

— Одну минуту, пожалуйста, мистер Хоуэлл,— остановил первого помощника Глинн, но по-прежнему глядя на капитана.— Могу я узнать, чем вызвано такое решение?

— Вам известны мои опасения относительно этого камня. Вы не даете мне никаких гарантий, кроме умозаключений, что его безопасно иметь на борту. А пять минут назад эсминец направил на нас радар наведения на цель. Мы на мушке. Даже если метеорит не опасен, условия таковыми не являются. Приближается сильный шторм. Нельзя грузить тяжелейший объект, когда-либо перемещенный людьми, под дулами четырехдюймовых орудий.

— Он не будет стрелять. По крайней мере не сейчас. Он поверил, что его человек, Тиммер, у нас на гауптвахте. Похоже, командante очень хочет получить его назад целым и невредимым.

— Понятно. И что он сделает, когда узнает, что Тиммер мертв?

Глинн не ответил на этот вопрос.

— Бежать прочь без всякого предварительного плана — значит заведомо потерпеть неудачу. Валленар не позволит нам уйти, пока не получит назад Тиммера.

— Могу только сказать, что предпочитаю бежать сейчас, пока у нас в брюхе еще нет метеорита, который будет нас тормозить.

Глинн продолжал наблюдать за ней со снисходительным, почти печальным выражением.

Техник прочистил горло.

— Я имею входящий контакт с воздуха, пеленг ноль-ноль-девять, расстояние тридцать девять миль.

— Отследите и сообщите позывные,— сказала Бриттон, не меняя позиции и не сводя глаз с Глинна.

Наступило короткое, напряженное молчание.

— Разве вы забыли о контракте, который подписали с ЭИР? — спросил Глинн.

— Я ничего не забыла, мистер Глинн. Но существует высший закон, который отменяет любые контракты: правила и

традиции моря. Капитану принадлежит последнее слово во всем, что касается корабля. И при данных обстоятельствах я не позволю грузить метеорит на корабль.

— Капитан Бриттон, если вы не хотите разговаривать с глазу на глаз, я могу только заверить вас, что нет повода для волнений.

Глинн кивнул своим людям. Один из них прошел вперед и сел у компьютерного терминала в черном футляре. Сбоку на нем было оттиснуто: «метрика безопасности». Второй человек встал у него за спиной лицом к офицерам, находящимся на мостике. Макферлейн сообразил, что этот терминал — меньший брат той загадочной машины, которую ему показывала Бриттон в грузовой аппаратной.

Бриттон смотрела на двоих сотрудников ЭИР тяжелым взглядом.

— Мистер Хоуэлл, удалите с мостика персонал ЭИР.

— Это невозможно,— сказал Глинн.

Что-то в его тоне заставило Бриттон помедлить.

— Что вы имеете в виду?

— «Ролвааг» удивительное судно, последнее слово в мореходной компьютеризации. В качестве предосторожности для разрешения такой непредвиденной ситуации, как эта, ЭИР использовала эту компьютеризацию. Видите ли, главным компьютером управляет наша система. В обычных условиях это управление было невидимым, но после того, как «Ролвааг» подошел к берегу, я активизировал альтернативный командный пункт. Теперь только мы владеем кодами доступа, чтобы управлять основными двигателями. Вы не сможете передать приказ ни машине, ни радару, пока не введете правильный код.

Бриттон смотрела на него с молчаливым бешенством на лице.

Хоуэлл снял трубку на командной консоли:

— Охрану на мостик, быстро.

Бриттон повернулась к вахтенному офицеру:

— Прикажите запустить двигатели.

Наступила пауза, пока офицер вводил последовательность команд.

— Машина не отвечает, мэм. Пульт заблокирован.

— Прогоните диагностику.

— Капитан,— продолжал Глинн,— боюсь, вам придется соблюдать условия контракта, нравится вам это или нет.

Она неожиданно повернулась, посмотрела ему прямо в глаза и сказала ему что-то так тихо, что Макферлейн не расслышал.

Глинн сделал шаг вперед.

— Нет,— почти прошептал он.— Вы обещали привести этот корабль обратно в Нью-Йорк. Я только добавил меры безопасности, чтобы предотвратить нарушение этого обещания вами или кем-либо другим.

Бриттон утратила дар речи, ее стройная фигура слегка вздрогнула, как от озноба.

— Если мы выйдем сейчас, второпях, без плана, они нас потопят.— Голос Глинна оставался тихим, напористым, убедительным.— Само наше выживание зависит сейчас от вашей готовности подчиниться мне. Я знаю, что я делаю.

Бриттон продолжала смотреть на него:

— Так не пойдет.

— Капитан, вы должны мне верить, когда я говорю, что нам суждено выжить только в одном случае. Вы должны сотрудничать со мной, или мы все умрем. Все очень просто.

— Капитан, диагностики подтверждают...— начал вахтенный офицер, но смолк, когда понял, что Бриттон его не слышит.

На мостике появилась группа офицеров безопасности.

— Вы слышали капитана,— скомандовал Хоуэлл, посылая их вперед.— Очистите мостик от персонала ЭИР.

Оперативники Глинна у монитора напряглись, готовясь к отпору.

— Капитан...— произнес Хоуэлл.

Но тут Бриттон подняла руку.

— Они могут остаться.

Хоуэлл посмотрел на нее с недоверием, но Бриттон не повернулась.

Наступило долгое напряженное молчание. Потом Глинн кивнул своей бригаде.

Человек, сидящий у терминала, снял с шеи короткий металлический ключ и вставил его в переднюю панель. Глинн прошел вперед, ввел серию команд, затем на цифровой клавишной панели набрал еще что-то короткое.

Вахтенный офицер поднял голову:

— Экран действует.

Бриттон кивнула.

— Молю бога, чтобы вы действительно знали, что делаете.— Говоря это, она не смотрела на Глинна.

— Если вы во что-то верите, капитан, я надеюсь, вы и в это поверите. Я заключил профессиональное соглашение, и личное тоже, доставить метеорит в Нью-Йорк. Вложил огромные ресурсы, чтобы иметь возможность решить любую проблему, которая встанет на пути, включая эту. Я... мы не потерпим неудачу.

Если сказанное как-то и затронуло Бриттон, Макферлейн этого не заметил. Ее взгляд остался холодным.

Глинн отошел назад.

— Капитан, последующие двенадцать часов будут самыми трудными за всю миссию. Успех теперь зависит от некоторого ограничения вашей власти как капитана. За это я прошу прощения. Но как только метеорит будет надежно установлен в танке, судно снова будет вашим. И завтра в полдень мы уже будем далеко на пути в Нью-Йорк. С бесценной долгожданной добычей.

Макферлейн заметил, что Глинн смотрел на нее и улыбался, едва заметно, но тем не менее улыбался.

Из радиорубки показался Бэнкс.

— Я получил идентификацию «птички», мэм. Вертолет «Ллойд холдингз» посылает шифрованные позывные на частоте «мостик — мостику».

Улыбка исчезла с лица Глинна. Он метнул взгляд на Макферлейна. «Нечего на меня смотреть,— чуть не сказал Макферлейн.— Вам следовало держать его в курсе».

Офицер у радарной консоли поправил наушники.

— Капитан, он просит разрешения на посадку.

— Расчетное время прибытия?

— Тридцать минут.

Глинн повернулся.

— Капитан, если вы не возражаете, я займусь неотложными делами. Сделайте все необходимые, по вашему мнению, приготовления для отплытия. Я скоро вернусь.

Он пошел к выходу, оставив на мостике двоих сотрудников ЭИР. В дверях он задержался.

— Доктор Макферлейн,— сказал он, не оборачиваясь.— Мистер Ллойд ожидает, что его встретят. Организуйте это, если вам не трудно.

«Ролвааг»
0 часов 30 минут

С угнетающим ощущением дежа-вю Макферлейн мерил шагами главную палубу, ожидая вертолет. Долго ничего не было слышно, кроме далекого гудения моторов, доносившегося из темноты. Макферлейн наблюдал лихорадочную активность, которая закипела, как только туман скрыл их судно от «Алмиранте Рамиреса». Вблизи скала казалась огромной, уступы ее сгладил туман. На вершине стоял сарай, скрывавший метеорит. Из открытого центрального танка исходило слабое свечение. Пока Макферлейн смотрел туда, множество рабочих с поразительной скоростью начали выстраивать из блестящих распорок башню. Она вырастала из нутра танкера, ее металлическое кружево мягко поблескивало в свете натриевых ламп. Два судовых крана перенесли на башню дополнительные, предварительно собранные секции. Всем этим занимались по меньшей мере десять сварщиков. На плечи и головы инженеров в касках, что находились внизу, потоками сыпались искры. Несмотря на свои размеры и массивность, в целом конструкция выглядела на редкость изящной: сложная трехмерная паутина. Макферлейн никак не мог представить, каким образом окажется в танке метеорит, если его водрузят на вершину башни.

Вскоре гудение усилилось, и Макферлейн торопливо пошел вдоль надстройки на кормовое возвышение. Из тумана

вынырнул большой «чинук», его винтами подняло с палубы вверх водяную пыль. Человек с фонарями в руках выводил вертолет на позицию. Эта посадка прошла спокойно, без тех волнений, что сопровождали первый прилет Ллойда во время шторма у мыса Горн.

Макферлейн угрюмо наблюдал, как огромные колеса вертолета опустились на площадку. Он оказался в невыигрышном положении мальчика на побегушках для Ллойда и Глинна. Он не посредник, а ученый. Его не для этого нанимали. Он это знал и злился.

Открылся люк в фюзеляже вертолета, показался Ллойд в длинном черном кашемировом пальто, развевающемся на ветру, с широкополой шляпой в руке. Посадочные огни отсвечивали на его голой макушке. Он спрыгнул, приземлившись вполне мягко для человека его комплекции, и пошел по палубе — несгибаемый, властный, не обращающий внимания на служащих, высыпавших из вертолета на гидравлический трап, спущенный позади него. Ллойд сжал руку Макферлейна стальной хваткой, улыбнулся, кивнул и пошел дальше. Макферлейн прошел за ним по ветреной палубе, подальше от шума винтов. Около переднего ограждения Ллойд остановился, осматривая фантастическую башню снизу доверху.

— Где Глинн? — крикнул он.

— Он должен быть теперь на мостике.

— Пошли.

На мостике царило напряжение. Лица терялись в слабом освещении. Ллойд помедлил в дверях, упиваясь зрелищем, затем тяжело двинулся вперед.

Глинн стоял у монитора компьютерного терминала, тихо разговаривая со своим человеком. Ллойд подошел к ним, заключил узкую руку Глинна в свою.

— Герой дня! — крикнул он.

Если он и злился во время полета, то теперь опять был в прекрасном настроении и, махнув рукой в сторону поднявшейся из танка конструкции, сказал:

— Господи, Эли, это потрясающе. Вы уверены, что она удержит камень в двадцать пять тысяч тонн?

— Двойное обеспечение,— последовал ответ Глинна.

— Ну конечно. Как это должно работать, черт возьми?

— Управляемая авария.

— Что? Авария? Из ваших уст? Спаси господи.

— Мы поместим камень на башню. Затем запустим серию взрывов. Уровни башни начнут последовательно разрушаться, опуская метеорит шаг за шагом в предназначенный для него танк.

Ллойд смотрел на конструкцию.

— Потрясающе,— изумился он.— Это когда-нибудь делалось?

— Не совсем так.

— Вы уверены, что это сработает?

На губах Глинна появилась кривая улыбка.

— Прошу прощения за такой вопрос. Это ваше ведомство, Эли, *я не собираюсь оспаривать ваши решения. Я здесь по* другой причине.

Ллойд выпрямился во весь свой рост и посмотрел вокруг.

— Не будем миндальничать. У нас здесь проблема, которая до сих пор не решена. Мы зашли слишком далеко, чтобы позволить чему-то нас теперь остановить. Поэтому я прибыл, чтобы дать под зад и узнать имена.— Он указал на плотный туман.— Прямо по носу у нас пришвартовался военный корабль. Они посылают шпионов. Они только и ждут, чтобы мы двинулись. И будь я проклят, если вы, Эли, что-то с этим сделали. Ладно, пора покончить с нерешительностью. Здесь нужны крутые меры. Начиная с этого момента, я сам этим займусь. Вернусь в Нью-Йорк с вами, на борту судна. Но вначале заставлю чилийское морское ведомство отозвать этого проклятого ковбоя.

Он направился к двери.

— Моим людям потребуется всего несколько минут, чтобы устроиться. Эли, я жду вас у себя в офисе через полчаса.

12-1240

Я собираюсь позвонить кое-кому. Мне доводилось и раньше сталкиваться с такого рода ситуациями и мелкими продажными политиканами.

В течение всей этой речи Глинн не сводил с Ллойда своих темно-зеленых глаз. Теперь он промокнул лоб платком и взглянул на Макферлейна. Как обычно, в его взгляде было трудно что-то прочесть. Усталость? Раздражение? Совсем ничего? Глинн сказал:

— Простите, мистер Ллойд, вы говорите, что связывались с чилийскими властями?

— Нет еще. Я хотел вначале узнать точно, что здесь происходит. Но у меня есть в Чили влиятельные друзья, включая вице-президента и американского посла.

Словно бы ненароком Глинн подошел ближе к консоли ЭИР.

— Боюсь, это будет невозможно.

— Что именно будет невозможно? — В голосе Ллойда смешались удивление и нетерпение.

— Ваше участие в любых аспектах этой операции. Вам лучше было бы оставаться в Нью-Йорке.

Голос Ллойда стал резким от гнева:

— Глинн, не пытайтесь мне рассказывать, что я могу делать, а что не могу. В ваших руках я оставляю решение всех технических вопросов, но здесь мы имеем дело с политической ситуацией.

— Уверяю вас, я справляюсь со всеми аспектами этой политической ситуации.

В голосе Ллойда появилась дрожь.

— Да неужели? А как быть с этим эсминцем? Может, вы не заметили, он вооружен до зубов и его орудия нацелены на нас? Вы ни черта не сделали. Ничего!

Услышав это, Бриттон посмотрела на Хоуэлла, потом, более значительно, на Глинна.

— Мистер Ллойд, я не буду больше повторять. Вы мне поручили работу. Я ее выполняю. Ваша роль сейчас очень про-

ста: дайте мне действовать в соответствии с планом. Сейчас не время для пространных объяснений.

Вместо ответа Ллойд повернулся к Пенфолду, с несчастным видом топтавшемуся у выхода с мостика.

— Свяжитесь с послом Трокмортоном и организуйте конференц-связь с офисом вице-президента в Сантьяго. Я через минуту спущусь.

Пенфолд исчез.

— Мистер Ллойд, вы можете остаться на мостике и наблюдать. Не более,— сказал Глинн тихо.

— Слишком поздно, Глинн.

Глинн повернулся к человеку у черного терминала.

— Отключите питание в расположении «Ллойд индастриз» и заблокируйте связь «корабль—берег» по всему судну.

Наступило потрясенное молчание.

— Ну вы и сукин сын! — выкрикнул Ллойд, быстро приходя в себя, и повернулся к Бриттон.— Я отменяю этот приказ. Мистер Глинн отстранен от власти.

Было такое впечатление, что Глинн этого просто не слышал. Он переключился на своей рации на другую частоту.

— Мистер Гарса? Теперь докладывайте.

Он выслушал сообщение, потом сказал:

— Превосходно. Под покровом тумана начинайте раннюю эвакуацию с острова. Прикажите вернуться на борт всему персоналу, кроме тех, без кого нельзя обойтись. Но действуйте точно по плану. Оставьте включенным освещение и оборудование. Я перевел в автоматический режим радиопередающую установку Рейчел. Приведите катер с того конца острова, но будьте осторожны. Постоянно держитесь вне досягаемости радара, в тени острова или «Ролваага».

Ллойд прервал его голосом, дрожащим от злости.

— Вы не забыли, Глинн, кто в конечном счете командует этой операцией? Я не только вас увольняю, но прекращаю ЭИР все выплаты.

Он повернулся к Бриттон:

— Восстановите питание в моем отсеке.

Несколько секунд казалось, что Глинн не слышит Ллойда. Бриттон тоже ничего не предпринимала. Глинн продолжал спокойно говорить по рации, отдавал распоряжения, интересовался продвижением работ. Неожиданный порыв ветра ударил дождем по стеклам. Лицо Ллойда побагровело, когда он окинул взглядом капитана и команду. Но никто не смотрел на него. На мостике продолжалась работа.

— Что, меня никто не слышал? — крикнул он.

И тогда наконец Глинн повернулся к нему.

— Я не забываю, что в конечном счете командуете вы, мистер Ллойд,— ответил он миролюбивым, почти дружеским тоном.

Ллойд глубоко вздохнул, моментально выбитый из колеи. Глинн продолжал говорить спокойно, убедительно, даже добродушно.

— Мистер Ллойд, в моей операции должен быть один командир. Вам это известно лучше, чем кому бы то ни было. Подписав контракт, я дал обещание и не собираюсь его нарушать. Если я не подчиняюсь, пожалуйста, имейте в виду, что я делаю это для вас. Если бы вы вступили в контакт с чилийским вице-президентом, все пропало бы. Я лично с ним знаком. Мы вместе играли в поло на его ранчо в Патагонии. Ему доставило бы огромное удовольствие врезать американцам.

Ллойд промямлил:

— Вы играли в поло с...

Глинн продолжил скороговоркой:

— Только я один знаю все факты. Только я один знаю путь к успеху. Я был скрытным не из робости, мистер Ллойд. Для этого есть важная причина. Совершенно недопустимо вмешательство и принятие решений на непрофессиональном уровне. Честно говоря, метеорит не представляет для меня значительного интереса. Но я обещал переместить эту вещь из пункта А в пункт Б, и никто, никто меня не остановит. Поэтому, я надеюсь, теперь вы понимаете, почему я не намерен передавать управление этой операцией или делиться с вами объ-

яснениями и прогнозами. Что до приостановки платежей, мы можем договориться об этом как джентльмены после возвращения на американскую почву.

— Послушайте, Глинн, все это прекрасно и хороший...

— Дискуссия окончена, и теперь, сэр, вы подчиняетесь мне.— В мягком голосе Глинна вдруг появились стальные нотки.— Или вы остаетесь здесь и молчите, или отправляетесь в свой офис, или будете отправлены на гауптвахту. Выбор за вами.

Ллойд смотрел на него ошеломленно.

— Неужели вы думаете, будто можете засадить меня на гауптвахту, вы, самоуверенный выродок?

Выражение лица Глинна не оставляло сомнений в ответе.

Ллойд замолчал, его лицо побагровело от злобы. Потом он обратился к Бриттон:

— А вы на кого работаете?

Глаза Бриттон, глубокие и зеленые, как океан, были по-прежнему прикованы к Глинну.

— Я работаю на человека, у которого ключ к машине,— ответила она наконец.

Ллойд стоял, кипя в бешенстве. Но отреагировал не сразу. Вместо этого он медленно обошел по кругу мостик, оставляя мокрые следы, потом остановился у иллюминаторов. Постоял немного, тяжело дыша, ни на кого не глядя.

— Еще раз приказываю восстановить питание и связь в моем отсеке.

Ни звука, никакого ответа. Стало понятно, что ни один, даже самый младший офицер не намерен подчиняться Ллойду.

Ллойд медленно повернулся, посмотрел прямо в глаза Макферлейну.

— А вы, Сэм? — спросил он тихим голосом.

Очередной порыв ветра набросился на стекла. Макферлейн колебался, кожей чувствуя предельный накал страстей. На мостике установилась мертвая тишина. Ему нужно было принять решение, и он нашел его — самое простое за всю его карьеру.

— Я работаю на камень,— сказал Макферлейн тихо.

Ллойд не сводил с него жесткого взгляда черных глаз. Потом он как-то сразу съежился. Бычья сила словно покинула его мощное тело. Его плечи опустились, лицо утратило огненный цвет. Он повернулся, постоял, медленно прошел к двери и покинул мостик.

Спустя мгновение Глинн снова склонился к черному монитору и зашептался с человеком у пульта.

«Ролвааг»
1 час 45 минут

Капитан Бриттон смотрела прямо перед собой, никак не выражая своих чувств. Она старалась соразмерять дыхание и ритм сердца с пульсом корабля. В течение последних нескольких часов ветер постоянно набирал силу, завывал и громыхал на открытых площадках корабля. Теперь начался сильный дождь, огромные капли вылетали из тумана подобно пулям. Пантеоньеро, «кладбищенский» ветер, был уже неподалеку.

Она переключила внимание на похожую на паутину башню, поднявшуюся из корабельного танка. Конструкция была все еще существенно ниже уровня обрыва, но вид имела вполне законченный. Бриттон не знала, каким будет следующий шаг. Это незнание было неудобным, даже оскорбительным. Она взглянула и на сотрудника ЭИР, работающего за компьютером. Ей представлялось, что она знает на борту каждого, но этот человек оказался совершенно незнакомым. А он, похоже, прекрасно владел системой управления супертанкера. Она крепко сжала губы.

Конечно, бывали моменты, когда она сдавала командование. Скажем, когда закачивалось топливо или на борт поднимался портовый лоцман. Но то были стандартные, привычные правила обслуживания корабля, освященные десятилетиями. А происходившее сейчас было оскорблением. Посторонние

управляли загрузкой судна, причалив его к берегу, превратив его в цель для военного корабля, находящегося на расстоянии трех тысяч ярдов.

Бриттон постаралась подавить гнев и обиду. В конце концов, ее чувства не имели значения, когда она задумывалась о том, что их ожидает дальше.

Гнев и обида... Ее взгляд обратился на Глинна, стоявшего рядом с черным компьютером и шептавшего что-то оператору. Он только что оскорбил, даже сокрушил самого могущественного в мире промышленника, а казался таким незначительным, таким ординарным. Она продолжала исподтишка за ним наблюдать. Происхождение своего гнева она понимала. Но была еще обида. Не однажды она, лежа без сна, пыталась понять, как работает его ум, что им движет. Ее изумляло, что такой внешне незначительный человек, мимо которого она прошла бы на улице, не оглянувшись, мог так завладеть ее воображением. Ее изумляло, как он мог быть таким безжалостным, таким невозмутимым. Есть у него реальный план или он просто хорошо прикрывается серией спонтанных действий в ответ на неожиданные события? Самые опасные люди — это те, кто всегда считает себя правым. И тем не менее Глинн всегда действительно оказывался прав. Похоже, он все знает заранее. Кажется, он всех понимает. И безусловно, он понимает ее, Салли Бриттон, по крайней мере как профессионала. «Само наше выживание зависит сейчас от вашей готовности подчиниться мне»,— говорил он. Интересно, понимает ли он, каково ей отказываться от командования, даже временно, да и есть ли ему до этого дело?

Бриттон ощутила содрогание — заработали помпы с обоих бортов судна. Струи морской воды выстрелили через выпускные трубы в море. По мере освобождения танков от балласта танкер почти незаметно стал подниматься. Ну конечно, так и будет поднята до уровня метеорита на обрыве эта башня, которая выглядит присевшей на корточки. Весь корабль поднимется навстречу ему, подставив основание для камня. И сно-

ва она почувствовала оскорбительность отстранения от командования танкером, хотя и восхищалась дерзостью плана.

Бриттон замкнулась и ни с кем не разговаривала, пока огромный корабль поднимался из воды. На судне выполнялись обычные процедуры освобождения от балласта: включение насосов, выравнивание загрузочных рукавов, открывание коллектора, но она при этом зритель, а не участник. Причем все происходит, когда шторм приближается, а судно причалено к берегу, что полностью противоречит тому, чему она научилась за время своей карьеры.

Наконец башня сравнялась с сараем, построенным на обрыве. Бриттон посмотрела на Глинна, тот пробормотал что-то оператору. Сразу отключились помпы.

От обрыва донесся громкий скрежет. Поднялось облако дыма, когда взорвался металлический сарай. Дым разлетелся, смешавшись с туманом, взорам открылся метеорит, кроваво-красный в свете натриевых ламп. Бриттон затаила дыхание. Судя по коллективному вздоху, она поняла, что взгляды всех, кто находился на мостике, тоже прикованы к метеориту.

На обрыве взревели дизельные двигатели, и пришла в движение сложная система шкивов и балок. Раздался пронзительный вой. Клубы выхлопного дыма поднимались вверх и растворялись в тумане. Дюйм за дюймом метеорит приближался к укрепленной границе обрыва. Бриттон завороженно наблюдала. Бушевавшие в ней эмоции утихли. В движении метеорита было нечто величественное: торжественность, неторопливость, равномерность. Он переполз с края обрыва на вершину башни и замер. Снова Бриттон почувствовала вибрацию всего корабля — заработали управляемые компьютером помпы, компенсируя балластом крен от нагрузки метеорита.

Бриттон наблюдала за процессом в напряженном молчании. Метеорит прополз дальше по платформе и остановился, дожидаясь ответного содрогания от балластных помп. Прерывистый танец продолжался двадцать минут. Наконец он закончился: метеорит был помещен в центр вершины башни.

Бриттон ощущала избыточную тяжесть верхней части «Ролваага», неустойчивость, вызванную массой метеорита. Но в то же время она почувствовала, что танки набирают балласт, заполняясь водой, и корабль оседает, обретая устойчивость.

Глинн снова что-то сказал оператору у компьютера. Потом, кивнув Бриттон, пошел к выходу на крыло мостика со стороны обрыва. На мостике еще минуту сохранялась тишина. Бриттон заметила старшего помощника Хоуэлла, который подошел к ней сзади. Она не обернулась, и он зашептал ей на ухо:

— Капитан, я хочу, чтобы вы знали, что нам, я имею в виду офицерам и мне самому, все это не нравится. Это неправильно, что с вами так обошлись. Мы стопроцентно за вас. Скажите только слово, и...

Нужды заканчивать предложение не было. Бриттон осталась в прежней позе.

— Благодарю вас, мистер Хоуэлл,— ответила она тихо.— Это скоро кончится.

Помедлив, Хоуэлл отступил назад. Бриттон глубоко вздохнула. Время для действий прошло. Теперь у них были связаны руки. Метеорит больше не был проблемой, которую можно оставить на берегу. Он был на судне. И единственный способ от него избавиться — привести «Ролвааг» в док Нью-Йорка. Опять она подумала о Глинне, о том, как он уговаривал ее принять командование «Ролваагом», как он знал о ней все, как он доверился ей на таможне в Пуэрто-Уильямсе. Они были хорошей командой. Интересно, правильно ли она сделала, уступив ему командование, хотя и временно? Но, собственно, и выбора у нее не было. Думая обо всем этом, Бриттон продолжала стоять не двигаясь.

Снаружи донесся резкий скрежет: в клубах дыма блестящие титановые опоры верхнего звена башни разлетелись. Они крутились, сверкая в тумане, медленно исчезая из поля зрения. Метеорит опустился на следующий уровень башни. Снова содрогнулся весь корабль, когда заработали помпы. Снова раздались взрывы, тонкое звено башни сложилось внутрь, и метеорит на несколько дюймов стал ближе к танку.

Бриттон понимала, что она наблюдает за удивительной инженерной работой, совершенно оригинальной, прекрасно спланированной, превосходно исполняемой. Но что-то внутри ее не позволяло этому радоваться. Она посмотрела вниз на всю протяженность судна. Туман становился более неоднородным. Дождь со снегом струился по иллюминаторам почти горизонтально. Скоро туман разойдется. Тогда начнется потеха. Валленар — не инженерная задача, которую Глинн может решить с помощью логарифмической линейки. А их единственный козырь находится в глубине «Ролваага», и не на гауптвахте, а в морге у доктора Брамбелла.

«Ролвааг»
2 часа 50 минут

Словно дикий зверь, посаженный в клетку, с незатихающим бешенством Ллойд мерил шагами свой темный кабинет на средней палубе мостика. Ветер набирал силу и каждые несколько минут обрушивался на корабль с такой силой, что стекла со стороны кормы дрожали и прогибались. Ллойд это едва замечал.

Он остановился, посмотрел через открытую дверь кабинета в гостиную, едва освещенную красным светом аварийных ламп. Стена телевизионных экранов, черная и унылая, словно в насмешку, беззвучно отсвечивала сотней слабых отражений его самого.

Он отвернулся, содрогнувшись. Его тело буквально разбухало от гнева, натягивая дорогую ткань. Это было непостижимо: человек, которому он заплатил триста миллионов долларов, выставил его с мостика собственного судна. Отключил питание в его личном отсеке, превратив его в глухого, немого и слепого. У него были дела в Нью-Йорке, требовавшие внимания, очень важные дела. Вынужденное молчание стоило больших денег. Но было и другое, что трогало его гораздо больше, чем финансовые потери. Глинн унизил его перед офицерами на мостике и перед его собственными людьми. Ллойд мог простить многое, но только не это. Перед Палмером Ллойдом трепетали президенты и премьер-министры, шейхи и инду-

стриальные магнаты, главари банд. Но этот человек был другим.

В приступе гнева он отшвырнул одно из вращающихся кресел, опрокинув его на пол. И вдруг замер, чутко прислушиваясь.

Завывания ветра и слабое тарахтение машин на фиктивном рабочем участке не прекращались, но появился другой, более близкий звук, который Ллойд не сразу уловил из-за клокотавшей в нем ярости. Вот снова стаккато взрывов. Совсем рядом, прямо на корабле, потому что он чувствовал легкие сотрясения палубы под ногами.

Ллойд ждал в сумеречном свете. Его мускулы напрягались. Но к гневу примешивалось теперь любопытство. Снова за звуками следует сотрясение.

Что-то происходило на главной палубе.

Он быстро прошел через гостиную по коридору в центральный офис, где его секретари и ассистенты сидели перед молчавшими телефонами и темными экранами компьютеров и тихо переговаривались. Разговоры прекратились, когда он проходил по длинному низкому помещению. Из тени бесшумно выскользнул Пенфолд и ухватил его за рукав, но Ллойд отмахнулся, прошел мимо закрытого лифта к звуконепроницаемой двери в свои личные апартаменты, открыл ее, прошагал через комнаты к наружной переборке надстройки. Рукавом пиджака протер запотевший иллюминатор и посмотрел через него.

Внизу кипела работа. Матросы закрепляли палубное оборудование, проверяли соединения, задраивали люки, занимались последними приготовлениями к выходу в море. Но его внимание было приковано к причудливой башне, торчавшей из танка. Она стала ниже, чем раньше, гораздо ниже. Она была окутана дымом и паром, которые, смешиваясь с туманом, создавали облака, медленно стелившиеся по палубе. Пока он смотрел, последовала новая серия взрывов. Метеорит немного опустился, корабль снова задрожал. Группы рабо-

чих поспешили собрать свежие обломки перед сериями новых взрывов.

Теперь Ллойд окончательно понял, что Глинн имел в виду под контролируемой аварией башни. Они взрывали ее ряд за рядом. Пока он наблюдал, Ллойд осознал, что это был лучший способ, а может, и единственный, погрузить в танк такой тяжелый объект. У него захватило дух от блистательности и дерзости такого решения. При этой мысли его охватил новый приступ гнева. Ллойд закрыл глаза, отвернулся, глубоко вздохнул, пытаясь успокоиться.

Глинн просил его не прилетать, Макферлейн просил о том же. Но он все равно прилетел. Поступил вопреки просьбам и предупреждениям, точно так же, как приник к метеориту, когда его откопали. Ллойд представил себе то, что случилось с Тиммером, и вздрогнул.

Вероятно, не следовало нестись сюда, угрожать и размахивать кулаками. Ллойд хорошо себя знал — обычно он не склонен действовать по первому побуждению. Это вышло спонтанно. Беда в том, что он принимает это дело слишком близко к сердцу, оно стало очень личным. Великий банкир Дж. Морган как-то сказал: «Если вы хотите что-то очень сильно, вы не сможете этого добиться». Ллойд всегда придерживался этой философии: никогда не боялся отказаться от сделки, какой бы прибыльной она ни была. Способность бросить карты даже при наличии четырех тузов была его самым ценным деловым качеством. Сейчас, первый раз в жизни, у него на руках такие карты, которые он не в состоянии бросить. Он должен играть до конца, сорвать куш или все потерять.

Ллойда раздирали несвойственные ему противоречия. Он пытался привести свой ум в порядок. Он говорил себе, что не сделал бы тридцати четырех миллиардов долларов, будь он безрассудным и вспыльчивым. Он всегда избегал пересматривать решения нанятых им профессионалов. В этот ужасный момент унижения, поражения и самобичевания он понял, что, отослав его с палубы и лишив связи с миром, Глинн дей-

ствовал в его же интересах наилучшим образом. Но даже эта мысль послужила запалом для новой вспышки гнева. Лучшие интересы или нет, но этот человек был высокомерным и деспотичным. Холодная расчетливость Глинна, невозмутимость, захват лидерства бесили Ллойда. Он был унижен перед всеми, и никогда этого не простит. Когда все кончится, он с Глинном рассчитается во всех смыслах, включая деньги.

Но сначала нужно вывезти метеорит отсюда. И Глинн, по-видимому, единственный человек, который может это сделать.

«Ролвааг»
3 часа 40 минут

Как и остальные, Макферлейн наблюдал за медленным последовательным погружением метеорита в чрево «Ролваага».

— Капитан Бриттон, метеорит будет в танке через десять минут. Корабль будет ваш, и мы можем отплывать.

Слова Глинна нарушили долгую тишину на мостике.

Примерно минуту или две Бриттон стояла неподвижно, подобно статуе, глядя в иллюминатор, как она стояла с момента ухода Ллойда. Наконец она повернулась и посмотрела прямо на Глинна. После долгой паузы она обратилась ко второму помощнику:

— Скорость ветра?

— Тридцать узлов с юго-запада, порывами до сорока. Усиливается.

— Течения?

Обмен репликами продолжался. А Глинн наклонился к человеку у компьютерного терминала:

— Вызовите сюда Паппапа и Амиру, пожалуйста.

Послышалась очередная серия взрывов. Корабль накренился, заработали помпы, компенсируя крен.

— Приближается грозовой фронт,— проговорил Хоуэлл.— Мы теряем туман.

— Видимость? — спросила Бриттон.

— Приближается к пятистам ярдам.

— Позиция военного корабля?

— Не изменилась, двадцать две сотни ярдов, ноль-пять-один.

Порыв ветра яростно ударил по танкеру. Затем послышался сильный глухой удар, отличный от всего, что испытывал Макферлейн раньше, содрогание прошло, казалось, по самому хребту корабля.

— Корпус ударился о скалы,— сказала тихо Бриттон.

— Мы еще не можем отойти,— откликнулся Глинн.— Корпус выдержит такое?

— Некоторое время,— ответила Бриттон ровным голосом.— Возможно.

В дальнем конце мостика открылась дверь и вошла Рейчел. Ее яркие живые глаза сразу оценили обстановку. Она посмотрела вокруг и подошла к Макферлейну.

— Хорошо бы Гарса успел опустить эту штуку в танк до того, как мы получим пробоину,— сказала она тихонько.

Опять прозвучала серия взрывов, и метеорит опустился ниже. Теперь его основание было внутри корпуса корабля.

— Доктор Макферлейн,— сказал Глинн, не обернувшись.— Как только метеорит будет надежно закреплен в танке, он к вашим услугам. Я хочу, чтобы вы с Амирой наблюдали за ним круглые сутки. Дайте мне знать, если появятся изменения в характеристиках или в положении метеорита. Я не хочу больше никаких сюрпризов от этого камня.

— Идет.

— Лаборатория готова, над танком установлена платформа наблюдения. Если вам что-нибудь потребуется, дайте мне знать.

— Грозовой фронт в десяти милях,— вмешался второй помощник.

Наступила тишина.

— Ускорьте это,— сказала неожиданно Бриттон, обращаясь к Глинну.

— Не могу,— пробормотал он почти рассеянно.

— Видимость тысяча ярдов,— доложил второй помощник.— Скорость ветра доходит до сорока узлов.

Макферлейн сглотнул. Все двигалось вперед с такой предсказуемостью, с точностью часового механизма, что, убаюканный этим, он забыл об опасности. Он вспомнил вопрос Ллойда: «Так как вы собираетесь разобраться с эсминцем?» Действительно, как? Интересно, что делает Ллойд в своих темных апартаментах? Он подумал с удивительно легким сожалением о вероятной потере семисот пятидесяти тысяч долларов из-за своего ответа Ллойду. Для него это теперь значило так мало. Теперь, когда у него был камень.

Снова раздался треск взрывов, подорванные опоры, вращаясь и подскакивая, разлетались по главной палубе, рикошетировали от ограждения. Он услышал, как дополнительные опоры переходника падали в танк. Теперь по мостику иногда било гравием, снесенным все усиливающимся ветром с близкого обрыва. Пантеоньеро задувал всерьез.

Ожила рация Глинна.

— Еще два фута, и мы спрячемся,— докладывал Гарса.

— Оставайся на этом канале, я хочу, чтобы ты сообщал о каждом продвижении.

Паппап открыл дверь и вошел на мостик, зевая и протирая глаза.

— Видимость две тысячи ярдов,— доложил второй помощник.— Туман быстро рассеивается. В любую минуту мы окажемся для эсминца в пределах видимости.

Макферлейн услышал громовой раскат. Но он потонул в звуке другого сильного удара, когда танкер снова ударился о скалу.

— Увеличить обороты главных двигателей! — крикнула Бриттон.

Вибрация судна от ударов о берег и мощных машин усилилась.

— Восемнадцать дюймов осталось,— доложил Гарса с главной палубы.

— Грозовой фронт в пяти милях. Видимость двадцать пять сотен ярдов.

— Начать затемнение,— приказал Глинн.

Ярко освещенная палуба мгновенно погрузилась в темноту. Наружная подсветка надстройки слабо освещала метеорит, вершина его была едва видимой. Весь корабль дрожал, и Макферлейн уже не мог различить, что тому причиной — опускание метеорита, удары боковых волн или порывы ветра. От новых взрывов метеорит опустился еще ниже. Бриттон и Глинн выкрикивали команды одновременно. Танкер, казалось, имеет двух командиров. Туман отступал. Макферлейн увидел, что пролив покрыт белыми гребешками, плясавшими над волнами. Он не отводил глаз от ночного моря за иллюминаторами, ожидая с минуты на минуту различить острый нос эсминца.

— Шесть дюймов,— сказал Гарса по радио.

— Готовьтесь закрыть люк,— приказал Глинн.

На юго-западе вспыхнула молния, вскоре последовал раскат грома.

— Видимость четыре тысячи ярдов. Грозовой фронт в двух милях.

Макферлейн почувствовал, что Рейчел крепко сжала ему локоть.

— Господи, это совсем близко,— пробормотала она.

И вот это произошло: эсминец проявился справа тусклой россыпью огней, видимых сквозь шторм. Макферлейн наблюдал, как туман редел вокруг эсминца. Тот был неподвижен, огни сияли, словно чилиец бравировал своим присутствием.

Еще взрывы, и снова вибрация.

— Крошка дома,— сказал голос Гарсы.

— Закрыть механические двери,— решительно скомандовала Бриттон.— Отдать концы, мистер Хоуэлл, да поскорей. Курс один-три-пять.

Прозвучали новые взрывы, и мощные стальные тросы, державшие судно у обрыва, отлетели один за другим, медленно сворачиваясь в спирали у скал.

— Право руля пятнадцать градусов, устойчивый курс один-три-пять,— отчеканил Хоуэлл рулевому.

«Алмиранте Рамирес»
3 часа 55 минут

Примерно в миле от них команданте Валленар вышагивал по своему мостику. Отопления на нем не было, как и никаких других излишеств. Так он предпочитал. Валленар старался разглядеть в передний иллюминатор надстройку танкера, но сквозь редеющий туман почти ничего не видел. Он резко повернулся к своему вахтенному помощнику, стоявшему у радара. Валленар заглянул через плечо офицера на экран впередсмотрящего теплолокатора. Силуэт танкера не добавил нового к тому, что он уже знал, и не отвечал ни на один из вопросов. Почему судно причалено к берегу? При надвигающемся шторме оставаться там все более опасно. Может быть, они пытаются доставить метеорит на корабль? Но перед тем как сел туман, он наблюдал за безуспешными попытками справиться с ним в глубине острова. Даже и сейчас он слышал яростный грохот механизмов. Продолжаются переговоры по радио на берегу. И все же это выглядит глупо — подвергать корабль опасности, причалив к берегу. А Глинн не дурак.

Что же тогда происходит?

Еще раньше он слышал сквозь ветер громкий стук винтов, когда вблизи пролетел вертолет, приземлился и снова улетел. Слышны были близкие взрывы, более слабые, чем греме-

ли в центре острова, но происходящие, по-видимому, вблизи корабля, а может, и на самом корабле. Возможно, у них какая-то авария? Есть ли жертвы? Не Тиммер ли захватил чье-то оружие и попытался сбежать?

Команданте отвернулся от экрана устаревшего радара и опять стал напряженно всматриваться в темноту. Ему казалось, что сквозь трепещущие клочья тумана и снег с дождем он видит мелькание огней. Туман рассеивается, скоро он увидит корабль. Валленар интенсивно поморгал и снова вгляделся. Огни исчезли. Ветер хлестал корабль, свистел и завывал. Ему и раньше доводилось слышать этот вой: «кладбищенский» ветер, пантеоньеро.

Валленар уже проигнорировал несколько приказов о возвращении на базу. Каждый был грознее предыдущего. Все дело в коррупции — продажные чиновники отзывают его отсюда. Но, Матерь Божия, они же сами будут ему благодарны в конце концов.

Эсминец стоял, зацепившись якорем за неописанную подводную гряду, на единственной надежной якорной стоянке в проливе Франклина. Валленар чувствовал движение корабля на тяжелой зыби. Это была противная винтовая болтанка, которую он так не любил.

Что же происходит?

Он не намерен ждать до полудня известий о Тиммере. Как только рассветет, он пошлет несколько четырехдюймовых снарядов в верхнюю часть носового отсека — мало для затопления, но достаточно, чтобы повредить судно и обратить их внимание на серьезность его намерений. Потом он предъявит ультиматум: отдайте Тиммера или умрете.

Что-то мелькнуло в прорехах тумана. Он вглядывался, приблизив лицо к стеклу. Снова появились огни, в этом не было сомнения. Он напрягался, чтобы хоть что-нибудь понять в темноте. Туман и дождь со снегом создавали плотную завесу, но он снова мимолетно их увидел, и опять мрак. Вдруг в расступившейся тьме стали видны очертания судна. Валле-

нар поднял бинокль, но судно будто исчезло. Он выругался, глядя в темноту. А потом снова увидел огни, сливающиеся и очень слабые.

Мерзавцы затемнили корабль. Что они скрывают? Валленар отошел назад, посмотрел на экран радара, пытаясь что-нибудь понять из расплывчатого зеленого пятна. Чувствовалось, что-то должно произойти. Возможно, нужно действовать сейчас.

Он повернулся к боцману.

— Объявить тревогу!

Боцман приник к устройству оповещения.

— Всем занять боевые посты!

Зазвучала сирена. Почти немедленно на мостике появился офицер-тактик и отсалютовал.

Валленар достал из оружейного шкафа объемистый прибор ночного видения советского производства. Закрепив его на голове, он подошел к иллюминатору и снова стал смотреть в темноту. Русская техника была не так хороша, как аналогичные приборы американцев, но и стоимость у них была совсем разная. Он посмотрел на танкер.

С прибором было видно гораздо лучше. На палубе суетились люди, явно готовясь к отходу. Но озадачивало то, что наибольшая активность наблюдалась вокруг огромного открытого люка в середине палубы. Что-то из него торчало, что Валленару никак не удавалось рассмотреть.

Пока он разглядывал, появились вспышки взрывов над самой палубой у открытого танка. Приборы ночного видения, не снабженные защитой от яркого света, ослепляют. Валленар отпрянул назад, вцепился в прибор и сдернул его с головы. Ругаясь, стал тереть глаза.

— Захват цели системой наводки,— приказал он тактику.— Стрельба из четырехдюймовых только по приказу.

Произошла некоторая заминка. И хотя у него перед глазами все еще мелькали пятна, Валленар резко повернулся в направлении командира вооружения.

— Есть, сэр,— пришел наконец отклик из отделения наводки.— Цель поймана. Данные введены в систему слежения.

Валленар повернулся к офицеру, управляющему кораблем.

— Подготовиться к подъему якоря.

— Есть, подготовиться к подъему якоря.

— Что у нас с топливом?

— Пятьдесят пять процентов, сэр.

Валленар закрыл глаза, чтобы затихло болезненное сияние. Он достал из кармана сигару и потратил добрые три минуты на раскуривание. Затем он снова повернулся к иллюминатору.

— Американский корабль двигается,— сказал управляющий офицер.

Валленар медленно затянулся. Важный момент. Возможно, они в конце концов решили бросить якорь в надежном месте, с подветренной стороны канала. Оттуда они смогут уйти от шторма.

— Он отошел от обрыва.

Валленар ждал.

— Разворачивается. Сейчас пеленг ноль-восемь-пять.

Неправильное направление, с учетом подветренных вод пролива. Валленар еще ждал, но в сердце у него неожиданно появился холодный ужас. Прошло пять минут.

— Пеленг тот же, ноль-восемь-пять, скорость четыре узла.

— Продолжайте отслеживать,— проговорил он.

Ужас охватил его теперь сильней.

— Цель поворачивает, скорость пять узлов, пеленг один-один-пять, один-два-ноль, один-два-пять...

«Для танкера быстро набирает скорость»,— подумал он. Но не имело значения, какие двигатели носят этот огромный корабль, уйти от эсминца он все равно не может.

Он отвернулся от иллюминатора.

— Цельтесь впереди вспомогательной мачты выше ватерлинии. Я хочу их пощекотать, а не утопить.

— Цель движется пять узлов, курсом один-три-пять.

«Держит путь в открытое море. Значит, так и есть — Тиммер мертв»,— подумал Валленар.

Доложил Кассео, офицер-тактик:

— Цель отслеживается, сэр.

Валленар старался держать себя в руках, оставаться спокойным, не показывать своих чувств окружающим. Сейчас, более чем когда-либо, ему нужно ясно мыслить.

Он опустил сигару. Облизал пересохшие губы:

— Подготовиться к ведению огня.

«Ролвааг»
3 часа 55 минут

Глинн вдохнул медленно, осознанно, чувствуя, как ровный поток воздуха наполняет легкие. Как обычно, перед началом действий на него снизошло противоестественное спокойствие. Судно было готово к выходу в открытое море, снизу доносилось урчание мощных двигателей. Эсминец сидел низко в воде бледным пятном во мраке за кормой, примерно на двадцать градусов в сторону относительно левого борта.

Через пять минут все будет кончено. Но каждая минута на счету.

Он перевел взгляд в угол мостика. Паппап стоял в тени, сложив руки на груди, ожидая. Теперь он прошел вперед, повинуясь кивку Глинна.

— Да?

— Мне нужно, чтобы вы были наготове помочь рулевому. Возможно, нам придется резко менять курс, и мы нуждаемся в ваших знаниях течений и подводной топографии.

— Подводной чего?

— Где есть рифы, где мелко, где достаточно глубоко, чтобы безопасно пройти.

Паппап, казалось, понял. Потом он взглянул на Глинна, его глаза блеснули.

— Слушай, малый, мое каноэ имеет осадку шесть дюймов. Мне никогда не приходилось беспокоиться ни о чем таком.

— Это мне понятно. Но мне известно, что приливы здесь доходят до тридцати футов, а сейчас высокий прилив. Вы помните, где лежат остовы погибших судов, где подводные хребты. Будьте готовы.

— Хорошо, парень.

Глинн наблюдал, как маленький человечек снова скрылся в тени. Потом перевел взгляд на Бриттон у командного пульта, на Хоуэлла и вахтенного офицера рядом с ней. Она и в самом деле оказалась прекрасным человеком и капитаном, как он и ожидал. Ее реакция на временное лишение власти произвела на него глубокое впечатление. Какое благородство и самообладание было в ее поведении, когда она уступила командование. Интересно, это у нее врожденное или урок от пережитого?

Повинуясь импульсу, еще в самом начале он открыл в судовой библиотеке томик поэзии Уистена Одена. Глинн не был любителем поэзии, полагая это бесполезным занятием. Внимание его привлекло название «Хвала известняку» как некий слабый намек на связь с инженерным делом. Опыт оказался обескураживающим. Он не имел представления, какой силой обладает поэзия: сколько чувств, мыслей, даже мудрости можно передать, и так немногословно. Ему подумалось, что было бы интересно поговорить об этом с Бриттон. В конце концов, он и взял в руки этот томик, потому что она цитировала Одена во время их первой встречи.

Все эти мысли занимали ум Глинна не более секунды. Они тут же исчезли при низком звуке сигнала тревоги.

Голос Бриттон был глухим, но спокойным.

— Эсминец навел на нас радар системы огневой наводки,— сказала она и повернулась к Хоуэллу: — Оповестите посты!

Хоуэлл повторил приказ по судовой связи. Зазвучала новая сирена, гораздо более мощная.

Глинн подошел ближе к своему человеку у черного компьютера.

— Подавите его,— приказал он.

Он почувствовал на себе взгляд Бриттон.

— Подавить? — повторила она с ноткой сарказма, смешанного с напряжением.— Можно узнать, чем?

— Системой широкополосного радиоэлектронного подавления Макдоннела—Дугласа, смонтированной у вас на мачте. Он собирается стрелять по нам из своих орудий, а возможно, даже выпустить ракету. У нас есть противолокационные отражатели и оружие ближнего боя, они позаботятся о любых выпущенных ракетах.

На этот раз Хоуэлл повернулся к нему с удивленным взглядом.

— Оружие ближнего боя? На нашем судне нет ничего подобного.

— Под теми крышками.

Глинн кивнул своему человеку:

— Настало время сбросить покровы.

Человек набрал несколько команд, и впереди раздался резкий щелчок. Глинн наблюдал, как отлетели крышки, обнажив шесть коротких стволов, которые способны расстрелять подлетающую ракету двадцатимиллиметровыми снарядами из истощенного урана со скоростью более трех тысяч выстрелов в минуту.

— Господи,— выдохнул Хоуэлл.— Это же секретное оружие.

— Совершенно точно.

— Полагаю, это и есть то, что он как-то назвал дополнительным оборудованием для обеспечения безопасности,— сказала Бриттон с иронией.

Глинн повернулся к ней.

— В момент, когда мы начнем подавление, я предлагаю вам резко взять право руля.

— Маневр уклонения? — поразился Хоуэлл.— С этим судном? Ему требуется три мили, только чтобы остановиться.

— Я это прекрасно знаю. Тем не менее сделайте это.

— Мистер Хоуэлл, резко право на борт,— скомандовала Бриттон.

Хоуэлл продублировал рулевому:

— Право руля. Правая машина — полный назад, левая машина — полный вперед.

Бриттон посмотрела на человека Глинна.

— Примите все контрмеры. Если он выпустит ракету, задействуйте противолокационные отражатели и при необходимости оружие ближнего боя.

Судно содрогалось, когда начало замедляться и поворачивать.

— Ничего не получится,— пробормотал Хоуэлл.

Глинн не потрудился ответить. Он знал, что на поверку эта тактика эффективна. Даже если электронные контрмеры не сработают, Валленар будет целиться высоко в носовой отсек. Это очень неприятно, но ущерб получится незначительный. Команданте не будет пытаться потопить «Ролвааг». Во всяком случае, пока не будет.

Долгие две минуты прошли в темноте. Затем борт эсминца изверг пламя, когда открыли огонь его четырехдюймовые пушки. Через несколько томительных секунд раздался взрыв слева по носу «Ролваага», потом еще два. Невысокие гейзеры воды поднялись и были унесены ветром. Глинн отметил, что снаряды, как он и ожидал, легли не кучно.

Побледневшие офицеры на мостике обменялись потрясенными взглядами. Глинн наблюдал за ними с сочувствием. Он знал, что и при лучших обстоятельствах оказаться в первый раз под огнем всегда травма.

— Вижу движение эсминца,— сказал Хоуэлл, глядя на экран радара.

— Я бы посоветовал самый полный вперед, постоянный курс один-восемь-ноль,— сказал мягко Глинн.

Рулевой не повторил приказ, вместо этого он посмотрел на капитана.

— Это выведет нас из основного пролива внутрь рифов,— сказал он слегка дрожащим голосом.— Они не описаны...

Глинн махнул Паппапу.

— Да, парень?

— Мы идем на рифовую сторону пролива.

— Хорошее дело,— одобрил Паппап и подскочил к рулевому.

Бриттон вздохнула.

— Исполняйте указания.

Волны разбивались о нос корабля, забрасывая пеной палубу. Паппап всматривался в темноту.

— Возьмите немного влево, туда.

— Сделайте так, мистер Хоуэлл,— сказала коротко Бриттон.

— Пять градусов лево руля,— сказал Хоуэлл. — Постоянный курс один-семь-пять.

Момент напряженного молчания. Затем рулевой ответил:

— Есть, сэр. Постоянный курс один-семь-пять.

Хоуэлл наклонился к экрану радара.

— Они набрали скорость двенадцать узлов при наших восьми. Какой дьявольский план у вас теперь наготове? — спросил он, глядя на Глинна тяжелым взглядом.— Вы полагаете, что мы сможем убежать от этого негодяя? Вы сумасшедший. Через несколько минут он будет достаточно близко и утопит нас своими четырехдюймовыми, несмотря на все наше подавление.

— Мистер Хоуэлл! — резко сказала Бриттон.

Первый помощник замолчал. Глинн взглянул на своего человека за компьютером.

— Готов? — спросил он.

Тот кивнул.

— Ждите моего сигнала.

Глинн посмотрел в окно на эсминец. Он тоже теперь видел, что преследователь плывет быстрее. Даже такой старый военный корабль, как этот, может делать до тридцати четырех узлов. По крайней мере, в темноте он представлял собой прекрасное зрелище: сверкающее скопление огней и, как кость

в горле,— отражение на воде нижних граней орудийных башен. Глинн подождал еще минуту, позволив эсминцу сильно продвинуться вперед.

— Дайте ему прикурить!

Было приятно видеть, как неожиданно выбросило два гейзера воды у кормы эсминца, как сильный ветер несет воду прямо через верхний мостик. И еще приятней слышать двойное эхо взрывов секунд через семь после этого. Глинн увидел, как эсминец начал поворачиваться бортом к волне.

С сорванными обоими гребными винтами команданте Валленар быстренько окажется на скалах. С некоторым изумлением Глинн задавался вопросом, как Валленар сможет объяснить потерю своего корабля. Если допустить, что сам он останется в живых.

Эсминец ответил огнем из четырехдюймовых пушек. Потом к звукам их выстрелов присоединился более высокий тон залпов сорокамиллиметрового орудия. Через минуту все орудия эсминца палили в бессильной ярости. На фоне бархатной темноты моря сверкающие вспышки были похожи на взбесившийся стробоскопический источник света. Но при бесполезности радара и потере рулевого управления эсминец переваливался с боку на бок на высоких волнах. Стреляли они наобум, и «Ролвааг» ускользнул в темноту ночи, взяв новый курс.

— Здесь еще немного левее,— сказал Паппап, поглаживая один ус и поглядывая искоса в темноте.

— Пять градусов лево руля,— приказала Бриттон, не дожидаясь Хоуэлла.

Судно чуть заметно сменило курс.

Паппап напряженно вглядывался. Шли минуты. Потом он наклонил голову к Глинну.

— Мы вышли оттуда.

Бриттон наблюдала, как он снова отошел в тень на мостике.

— Так держать,— сказала она.— Самый полный вперед.

Мощное эхо выстрелов продолжало носиться между горными пиками и безмолвными ледниками, раскатываясь и громыхая, постепенно теряя силу. Скоро им открылся выход в открытый океан.

Еще через тридцать минут на западной стороне острова Горн танкер замедлил ход ровно настолько, чтобы на ходу подобрать катер. Тогда Бриттон сказала:

— Обогните мыс Горн, мистер Хоуэлл.

В поле зрения появились неясные очертания мыса Горн, и эхо выстрелов наконец пропало, поглощенное воем ветра и плеском волн о корпус корабля. Все кончилось. Глинн ни разу не взглянул назад, на остров Десоласьон, на яркие огни рабочей площадки, на машины, продолжавшие усердно выполнять воображаемую работу. Теперь, когда операция была завершена, он чувствовал, что у него учащается дыхание, снова возрастает сердечный ритм.

— Мистер Глинн?

Это была Бриттон. Она смотрела на него сверкающими напряженными глазами.

— Да?

— Как вы собираетесь объяснять потопление иностранного военного корабля?

— Они стреляли первыми. Мы действовали в порядке самозащиты. Кроме того, наши мины только повредили их систему управления. Потопит их пантеоньеро.

— Это нам не поможет. Нам повезет, если не придется провести в тюрьме остаток жизни.

— При всем уважении, капитан, я не согласен. Все, что мы делали, было законно. Абсолютно все. Мы открыли рудное тело, метеорит, который, так случилось, подпадает под юридический язык нашего контракта с Чили на разработку месторождения. С самого начала нам мешали, вынуждали платить взятки, угрожали. Один из наших людей был убит. И наконец, при отплытии по нам открыл огонь какой-то военный корабль неизвестной принадлежности, хотя в течение всего пе-

риода работ мы не получали никаких предостережений от чилийского правительства, никаких официальных сообщений. Уверяю вас, по возвращении мы заявим серьезнейший протест через Госдепартамент. С нами обошлись возмутительно.

Он помолчал и добавил с едва заметной улыбкой:

— Не можете же вы думать, что наше правительство посмотрит на это иначе, правда?

Бриттон довольно долго рассматривала его своими прекрасными зелеными глазами. Потом подошла к нему близко и прошептала ему на ухо:

— Знаете что? Я думаю, вы невменяемы.

«В ее голосе присутствует нотка восхищения»,— подумал Глинн.

«Ролвааг»
4 часа

Палмер Ллойд сидел в своем кабинете, погрузившись в кресло и повернувшись широкой спиной к двери. Своими изготовленными на заказ английскими ботинками, теперь просохшими, он оттолкнул на угол стола бесполезный телефон и персональный компьютер. За иллюминаторами слегка фосфоресцировала поверхность бурного океана, наполняя затемненный кабинет бликами зеленого света, создававшими впечатление, что он находится на дне моря.

Ллойд смотрел, не двигаясь, на это слабое свечение. Так он и просидел без движения все время, пока стреляли пушки, пока они уходили от преследования чилийского эсминца под эхо гремевших взрывов, пока в шторм огибали мыс.

С тихим щелчком в кабинете включился свет, мгновенно превратив морской пейзаж за стеклами в непроницаемую темноту. В его личном офисе засветилась стена телеэкранов, неожиданно заполнившись десятками беззвучно говоривших голов. Еще дальше, в других офисах, зазвонил телефон, потом другой, третий. Палмер Ллойд так и сидел неподвижно.

Он не мог бы точно сказать, о чем думает. Прошли долгие часы, когда его душил гнев, чувство разочарования, унижения, протеста. Все эти переживания ему были понятны. Глинн без долгих рассуждений удалил его с мостика, подрезал ему крылья, лишил власти. Ничего подобного с ним раньше не

13-1240

случалось. Но вот что он не мог понять и объяснить, так это растущую радость, которая пробивалась сквозь все негативные эмоции, пронизывая их подобно свету. Загрузка камня, повреждение чилийского корабля были исполнены мастерски.

Оценивая себя с неожиданной ясностью, Ллойд осознал, что Глинн был прав, отослав его прочь. Его собственные методы были бы губительными по сравнению с тщательно сбалансированным планом Глинна. Он был бы как слон в посудной лавке. И теперь, когда снова включился свет, послание Глинна ему было совершенно ясным.

Он оставался неподвижным, безмолвным в центре возрождающейся активности и думал о своих прошлых успехах. Случившееся тоже будет успехом. Благодаря Глинну.

А кто нанял Глинна? Кто выбрал правильного человека, единственно пригодного человека для этой работы? Несмотря на унижение, Ллойд поздравил себя с выбором. Он сделал хорошую ставку. Он добился успеха. Метеорит в безопасности на борту. При выбывшем из игры эсминце их ничто не может остановить. Скоро они будут в международных водах. А потом — прямо в Нью-Йорк. Конечно, начнутся протесты, когда они вернутся в Штаты. Он всегда получал удовольствие от хорошей драки, особенно если выигрывал.

Он глубоко вдохнул, чувство радости продолжало расти. Начал звонить телефон у него на столе, но он не обращал на него внимания. Раздался стук в дверь, наверняка Пенфолд, но Ллойд не реагировал. Под диким порывом ветра задрожали стекла в иллюминаторах, залепленных мокрым снегом. Наконец Ллойд поднялся, отряхнул одежду и расправил плечи. Еще не сейчас, но скоро, очень скоро придет время вернуться на мостик и поздравить Глинна с успехом, с их успехом.

«Алмиранте Рамирес»
4 часа 10 минут

Команданте Валленар уставился в ночную тьму, сомкнувшуюся над мысом Горн. Он ухватился рукой за машинный телеграф и оперся на стальные перила, чтобы сохранять равновесие в сильную качку. Он понял, что произошло и почему.

Оттеснив бешенство на задворки сознания, Валленар сосредоточился на мысленных вычислениях. При скорости пантеоньеро в шестьдесят узлов парусность надводной части судна даст дрейф два узла в час, еще два добавят восточные течения, так что всего через час эсминец снесет на рифы за островом Дисит.

Спиной он ощущал молчание офицеров. Они ждали приказа покинуть корабль. Придется их разочаровать.

Валленар вздохнул, собирая железную волю в кулак. Когда он заговорил, его голос звучал твердо, без дрожи:

— Оценка повреждений, мистер Сантандер?

— Трудно сказать, команданте. По-видимому, оба гребных винта сорваны. Руль поврежден, но функционирует. Пробоин корпуса не обнаружено. Корабль потерял ход и управляемость. Мы — «мертвец в воде», сэр.

— Пошлите двух водолазов выяснить конкретные поломки гребных винтов.

Приказ был встречен глубоким молчанием. Валленар повернулся, очень медленно, обвел взглядом собравшихся офицеров.

— Сэр, посылать кого-либо за борт в такое море — значит отправить на верную смерть,— сказал дежурный офицер.

Валленар задержал на нем взгляд. В отличие от остальных Сантандер был в команде сравнительно недавно, провел здесь, на дне мира, всего лишь шесть месяцев.

— Да,— сказал Валленар.— Проблема понятна. Этого нам не нужно.

Офицер улыбнулся.

— Пошлите команду из шестерых. Тогда хотя бы один выживет и закончит работу. Это приказ. При неповиновении команду возглавите вы сами.

— Есть, сэр,— ответил дежурный офицер, и улыбка исчезла.

— В правом носовом трюме есть большой деревянный ящик. В нем запасной гребной винт.

Валленар был готов ко многим случайностям, в том числе и к потере гребного винта. Хранящиеся на борту корабля запасные части позволят обвести вокруг пальца коррумпированных чинуш военно-морской базы в Пунта-Аренасе.

— После обследования повреждений возьмете то, что нужно для ремонта. Водолазы поставят это на место, чтобы мы могли двигаться. Нас снесет на мель у острова Дисит меньше чем через шестьдесят минут. Приказа покидать корабль не будет. Не будет и вызова спасателей. Или вы обеспечиваете мне ход, или мы все пойдем ко дну вместе с кораблем.

— Есть, сэр,— ответил дежурный офицер едва слышно.

Взгляды других офицеров ясно свидетельствовали о том, что они думают об этом плане. Но Валленар их игнорировал. Ему было на это наплевать. Было важно только, чтобы они подчинились. А они пока повиновались.

«Ролвааг»
7 часов 55 минут

Мануэль Гарса стоял на узком металлическом переходном мостике, глядя на огромный красный камень, который лежал далеко внизу. С такой высоты он выглядел небольшим: экзотическое яйцо, покоящееся в гнезде из стали и дерева. Плетеная оболочка вокруг него выглядела прекрасным произведением, дьявольски прекрасным, возможно, лучшим из всего, что он сделал за всю жизнь. Сочетать невиданную прочность с ювелирной точностью было невероятно трудно. Только Рочфорт смог бы по достоинству оценить такое достижение. Гарса поймал себя на том, что сожалеет об отсутствии Рочфорта потому, что прекрасное инженерное решение было одной из немногих вещей, способных вызвать улыбку на его измученном лице.

Вскоре за Гарсой появилась бригада сварщиков, которая добралась сюда по тоннелю доступа и теперь вылезала из люка на переходной мостик, грохоча тяжелыми резиновыми сапогами. Они представляли красочное зрелище: желтые костюмы и перчатки, вычерченные красным цветом индивидуальные задания сварочных работ.

— Каждый из вас получил определенный участок,— сказал Гарса.— Вы знаете, что делать. Необходимо надежно запереть этого сукина сына. Мы должны с этим справиться, прежде чем шторм разыграется вовсю.

Бригадир весело откозырял Гарсе. Казалось, все были в приподнятом настроении: метеорит в трюме, чилийский эсминец исчез из поля зрения, а они на пути к дому.

— И еще одно: старайтесь к нему не прикасаться.

Кто-то сострил относительно достижения Тиммеровой задницей второй космической скорости и возможности самому отправиться домой в почтовой посылке. Мужчины рассмеялись шутке. Однако никто не двигался к лифту, чтобы спуститься на дно танка. Гарса видел, что, несмотря на приподнятое настроение и юмор, все очень нервничали. Метеорит, уложенный без приключений в «Ролвааг», все-таки вызывал благоговейный ужас.

Был только один способ преодолеть боязнь — поторопить.

— Ну, двигайте, парни,— ободряюще сказал Гарса, похлопав по спине бригадира.

Больше не задерживаясь, мужчины вошли в клетку лифта. Гарсе было удобнее руководить операцией с обзорной площадки в конце переходного мостика, но он решил, что это будет недостойно, вошел в лифт и задвинул решетку.

— Тоже в логово зверя, мистер Гарса? — спросил один парень.

— Приходится оберегать твою задницу от неприятностей.

Они опустились на дно танка, где ряды металлических балок были уложены поперек киля. Контрфорсы, равномерно распределявшие вес метеорита, расходились от люльки по всем направлениям. Следуя указаниям чертежей, люди разошлись в стороны, стали карабкаться по распоркам и исчезали внутри сложного кружева оплетавшей метеорит конструкции. Вскоре все заняли свои места, но еще довольно долго в танке было тихо, словно никто не хотел начинать первым. А потом яркие точки света вспыхнули в темном пространстве, порождая диковинные тени, когда сварщики приступили к работе.

Гарса сверил список распределения работ с общим чертежом и удостоверился, что каждый делает то, что должен. Раздавалось слаженное шипение электрических дуг — сварщи-

ки споро укрепляли люльку в местах критических соединений. Гарса поочередно посмотрел на всех. Маловероятно, что какой-нибудь ковбой окажется слишком близко от камня, но тем не менее он хотел быть в этом уверен. Откуда-то издалека время от времени слышалось капанье. Гарса попытался найти источник. Он смотрел на ребристые металлические переборки, поднимавшиеся на шестьдесят футов вверх. Было впечатление, будто он находится в огромном соборе. Потом осмотрел нижние балки. Корпусная сталь была влажной. Это было не удивительно, учитывая условия. Он слышал мерные удары волн по корпусу, чувствовал несильную, медленную качку. Гарсе подумалось о тонком слое металла, отделяющем его от бездны океана. Мысль была тревожащей, и он перевел взгляд на сам метеорит внутри плетеной тюрьмы.

Камень выглядел внушительно, но размеры танка скрадывали его величину. Снова Гарса попытался осмыслить, как в таком небольшом объеме уместилась столь колоссальная масса. Двадцатифутовый метеорит весил как пять башен Эйфеля. Выпуклая ровная поверхность. Нет выщербин, как на обычных метеоритах. Ошеломляющий, неописуемый цвет. Хотелось бы подарить своей девушке кольцо с таким камнем. Потом всплыло воспоминание об увиденных на командном пункте останках человека по имени Тиммер, и о кольцах думать расхотелось.

Гарса посмотрел на часы: пятнадцать минут. Согласно расчетам, работа должна была занять двадцать пять минут.

— Как идет дело? — спросил он бригадира.

— Почти закончили,— откликнулся тот.

В громадном танке голос отдавался эхом и искажался. Гарса отошел назад и стал ждать, понимая, что качка усилилась. В воздухе сильно пахло расплавленной сталью, вольфрамом и титаном.

Сварщики завершали работу. Гарса удовлетворенно кивнул: двадцать две минуты — неплохо. Еще несколько швов, и они закончат. Рочфорт проектировал так, чтобы свести к минимуму число швов. Он всегда стремился к простоте. Для

меньшей вероятности аварии. Самодовольный педант, но чертовски хороший инженер. Качка возрастала. Гарса вздохнул, снова пожалев, что Рочфорт не может видеть, как его проект воплотился в реальность здесь, в танке. Во время реализации почти каждого проекта погибают люди. Это было немного похоже на войну. Лучше не заводить слишком много друзей...

Гарса почувствовал, что крен увеличивается. «Это уже чересчур»,— подумал он. Вокруг слышалось поскрипывание и потрескивание. Судно кренилось сильней и сильней.

— Держитесь крепче! — крикнул Гарса бригаде и повернулся, пытаясь ухватиться за ограждение лифта.

Потом он обнаружил, что лежит на спине в абсолютной темноте, ощущая боль во всем теле. Как он здесь оказался? Может, прошли минуты, а может, и часы. Понять было невозможно. У него кружилась голова. Произошел взрыв. В темноте пронзительно кричал человек, страшно кричал. Сильно пахло озоном и расплавленным металлом, чувствовался слабый запах дымящегося дерева. Его лицо было покрыто чем-то теплым и липким, боль пульсировала в ритме биения сердца. Но все это начало отдаляться, уходить все дальше, и вскоре он снова отключился.

«Ролвааг»
8 часов

Палмер Ллойд не торопился появляться на мостике. Ему потребовалось для этого мобилизовать всю свою волю. Он не мог по-детски долго проявлять обиду.

Его приветствовали вежливыми, даже почтительными кивками. На мостике царила другая атмосфера, и ему потребовалось некоторое время, чтобы ее оценить. Миссия была почти завершена. Он больше не был пассажиром, помехой в критический момент. Он был Палмером Ллойдом, владельцем самого необычного из когда-либо открытых метеоритов, директором музея Ллойда, главным администратором «Ллойд холдингз», седьмым в списке самых богатых людей мира.

Он прошел и встал позади Бриттон. За ее плечами с золотыми нашивками он видел монитор, высвечивающий диаграмму глобального позиционирования. Он и раньше видел этот монитор. Их судно показано на экране в виде креста. Длинная ось указывает направление движения. Ее передний конец равномерно приближался к красной линии, которая плавной дугой пересекала диаграмму. Каждые несколько секунд при обновлении информации через спутник экран мигал. Пересечение курса корабля с красной линией будет означать, что они в международных водах. На воле.

— Долго еще? — спросил Ллойд.

— Восемь минут,— ответила Бриттон.

Ее голос, все еще холодный, утратил напряженность последних мучительных минут у острова.

Ллойд взглянул на Глинна. Он стоял рядом с Паппапом, сложив руки за спиной, лицо по-прежнему непроницаемое. Все же Ллойд был уверен, что увидит самодовольство в его бесстрастных глазах. Его не могло не быть. Их отделяли минуты от величайшего научного и инженерного достижения двадцатого века. Он ждал, не торопя событий.

Ллойд обвел взглядом остальную компанию: вахтенная команда, усталая, но довольная в предвосхищении освобождения, выдержанный первый помощник Хоуэлл, молча стоящие рядом Макферлейн и Амира. Даже хитрый старый доктор Брамбелл выбрался из своей норы под палубами. Словно по какому-то невысказанному сигналу они собрались здесь, чтобы быть свидетелями чего-то важного.

Ллойд выпрямился, привлекая к себе внимание. Подождал, пока все не посмотрели на него, затем обратился к Глинну:

— Мистер Глинн, примите мои сердечные поздравления,— сказал он.

Глинн слегка поклонился. На мостике заулыбались и стали переглядываться.

В этот момент открылась дверь, и вошел стюард, вкатив тележку из нержавеющей стали. Горлышко бутылки с шампанским торчало из ведерка с колотым льдом. Вокруг стояло десять хрустальных бокалов.

Ллойд с удовольствием потер руки.

— Эли, вы лжец. Вы, может быть, в отношении некоторых вещей просто зануда, но сегодня вы само совершенство.

— Я говорил неправду, когда сказал, что взял только одну бутылку. На самом деле я взял ящик.

— Восхитительно! Тогда давайте его сюда.

— Нам придется ограничиться одной этой бутылкой. Это мостик корабля. Не беспокойтесь, в тот момент, когда мы войдем в гавань Нью-Йорка, я сам вытащу пробки из остальных бутылок. А пока, милости прошу,— заключил Глинн, указав на тележку.

Ллойд подошел, вытащил бутылку изо льда и поднял ее с улыбкой.

— Не бросай ее в этот раз, парнишка,— сказал Паппап почти неслышно.

Ллойд посмотрел на Бриттон.

— Сколько осталось?

— Три минуты.

Пантеоньеро набирал силу, бился в иллюминаторы. Но Бриттон информировала, что они, обогнув остров Эстадос, окажутся с подветренной стороны Огненной Земли гораздо раньше, чем юго-западный ветер переменится на более опасный северо-западный. Ллойд снял с пробки проволоку и ждал с холодной бутылкой в руке.

С минуту слышен был только вой ветра да отдаленный шум океана.

Потом Бриттон посмотрела на экран и взглянула на Хоуэлла, тот утвердительно кивнул.

— «Ролвааг» только что вошел в международные воды,— сообщила она тихо.

Послышались радостные возгласы. Ллойд выдернул пробку и стал бережно разливать шампанское по бокалам.

Вдруг перед ним появилось улыбающееся лицо Паппапа, в его костлявых руках было два бокала.

— Сюда, парень! Один для меня, другой для моего друга.

Роль этого человека хоть и не была большой, но имела ключевое значение. Надо найти ему хорошую работу в музее Ллойда, в обслуживании, а возможно, в охране. Может быть, для последнего выжившего индейца ейган найдется даже что-нибудь лучше. Например, своего рода экспозиция, сделанная со вкусом и надлежащим образом, совершенно отличная от того, как показывали жизнь первобытных народов в девятнадцатом веке. Это может оказаться привлекательным. Особенно рядом с Паппапом как с последним живым примером. Да, нужно это обдумать...

Ллойд опустошил бутылку в подставленные индейцем бокалы и спросил, снисходительно улыбаясь:

— Кто ваш друг?

— Генукса,— ответил Паппап и снова улыбнулся.

Ллойд поднял голову как раз в момент, чтобы увидеть, как он быстро отступал и неуклюже пил сразу из двух бокалов.

Голос первого помощника вмешался в общий шум.

— Судно на дистанции тридцать две мили, пеленг три-один-пять, скорость двадцать узлов.

Разговоры тут же прекратились. Ллойд взглянул на Глинна как на оплот безопасности, и у него внутри возникло чувство беспокойства. На лице Глинна он увидел выражение, которого не видел у него никогда раньше: усталое удивление.

— Глинн, это какой-то торговый корабль, не так ли? — спросил Ллойд.

Не отвечая, Глинн повернулся к своему оператору у черного компьютера и сказал ему несколько слов чуть слышно.

— Это «Алмиранте Рамирес»,— сказала приглушенно Бриттон.

— Что? Как вы это можете узнать по радару? — поразился Ллойд. Раздражение сменилось недоверием.

Бриттон посмотрела на него.

— С уверенностью сказать нельзя, но это подходящее место и подходящее время. Большинство судов зимой, и особенно в такую погоду, предпочитают пролив Ле-Мейр. А этот идет за нами на всех парах.

Ллойд понаблюдал за переговорами Глинна с человеком за компьютером. Оттуда послышался тихий звук тонального вызова, быстрого набора, свист установления цифровой связи.

— Я думал, вы выбили с поля боя этого сукина сына,— сказал Ллойд.

Глинн выпрямился, и Ллойд сразу успокоился, увидев, что на его лицо вернулось выражение собранности и уверенности.

— Наш друг оказался необычайно изобретательным.

— Изобретательным?

— Команданте Валленар смог починить свой корабль, по крайней мере отчасти. Но это ничего не меняет.

— Как это не меняет? — спросила Бриттон.

— Все фиксируется компьютером. В международных водах он не посмеет нас преследовать.

— Я бы сказал, что это довольно самоуверенное заявление. Этот человек сумасшедший. Он способен сделать все, что угодно.

— Вы ошибаетесь. Команданте Валленар, кроме всего прочего, до мозга костей офицер военно-морского флота. Он гордится своей честью, преданностью и верен кодексу абстрактных военных идеалов. Поэтому он не будет нас преследовать за границей. Это навлекло бы на Чили позор, создало бы неприятный конфликт с основным поставщиком иностранной помощи для его страны. Кроме того, он не уплывет слишком далеко на покалеченном корабле при усиливающемся шторме.

— Зачем же он тогда идет?

— Причины две. Во-первых, он не знает нашего точного местонахождения и надеется нас отрезать от международных вод. Во-вторых, наш команданте человек благородных жестов. Он как собака, которая бежит до конца цепи, хотя и знает, что преследуемый вне досягаемости. Он проделает весь путь до границы территориальных вод своей страны и повернет обратно.

— Занятное рассуждение,— заметила Бриттон.— Но правильное ли?

— Да, правильное.

В голосе Глинна была спокойная убежденность.

Ллойд улыбнулся.

— Я раньше сделал ошибку, не поверив вам. Я удовлетворен. Если вы говорите, что он не пересечет линии, он ее не пересечет.

Бриттон ничего не сказала. Глинн повернулся к ней и персонально, почти интимно что-то сказал. Ллойд был удивлен, увидев, как он ласково взял ее за руки. Он не расслышал слов Глинна, но Бриттон явно покраснела.

— Хорошо,— сказала она едва слышно.

Неожиданно появился Паппап с двумя пустыми бокалами, протягивая их умоляющим жестом. Ллойд взглянул на него, отметил, как естественно он сохраняет равновесие, несмотря на необычайно сильную качку.

— Еще есть? — спросил Паппап.— Для нас с другом, я имею в виду.

Ответить ему не успели. Возникла неожиданная вибрация, низкочастотный гул, от которого содрогнулся сам остов танкера. Свет на мостике замигал, а экраны мониторов заполнились серым электронным снегом. Немедленно Бриттон и ее офицеры разошлись по своим постам.

— Что это было, черт возьми? — резко спросил Ллойд.

Ему никто не ответил. Глинн вернулся к своему оператору, и они заговорили тихими напряженными голосами. По кораблю прошла волна вибрации, похожая на стон, потом еще одна.

А затем так же неожиданно, как появилась, дрожь прекратилась. Включились экраны мониторов. Свет снова стал ярким и ровным. Многоголосие чириканья и урчания оповестило о перезагрузке устройств на мостике.

— Мы не знаем, что это было,— сказала Бриттон наконец, отвечая на вопрос Ллойда.

Ее взгляд скользил по экранам приборов. Какой-то общий сбой. Возможно, взрыв. Такое впечатление, что он затронул судовые системы.

Она повернулась к первому помощнику:

— Я хочу получить оценку повреждений немедленно.

Хоуэлл снял трубку и сделал два коротких звонка. Спустя секунду он положил трубку. Лицо его приобрело пепельный цвет.

— Это грузовой танк,— сказал он.— Тот, где камень. Там серьезная авария.

— Что за авария? — спросил Глинн.

— Разряд от метеорита.

Глинн повернулся к Макферлейну и Амире:

— Займитесь этим. Узнайте, что случилось и почему. И вам, доктор Брамбелл, лучше пойти...

Но Брамбелл уже исчез с мостика.

«Алмиранте Рамирес»
8 часов 30 минут

Валленар напряженно вглядывался в темноту, будто гипнозом пытаясь материализовать перед глазами ускользнувший танкер.

— Состояние,— буркнул он, обращаясь к вахтенному помощнику.

— При действии подавления наших радаров трудно сказать, сэр. По моему мнению, цель держит курс ноль-девять-ноль, скорость примерно шестнадцать узлов.

— Расстояние?

— Я не могу определить точно, сэр. Примерно тридцать миль. У нас бы и этих данных не было, но, похоже, несколько минут назад ненадолго отключилось подавление.

Валленар чувствовал ритмичные удары волн по кораблю. Вызывающие тошноту подъемы и падения палубы. Он только однажды попадал в такой шторм. Это случилось во время учебного похода к югу от островов Диего-Рамирес. Он знал, что означает такое движение: расстояние между гребнями волн стало вдвое превышать длину «Алмиранте Рамиреса». Из кормового иллюминатора он видел следующую волну. Длинные мощные валы воды с рваной верхней границей обрушивались сзади и пенно прокатывались вдоль корпуса, прежде чем исчезнуть впереди. Однажды корму настигнет гигантская волна — «тигрис», вода вспенится вокруг руля, управление бу-

дет потеряно, угрожая развернуть эсминец боком к ветру. Но станет еще хуже, когда они повернут на юг и волны начнут бить в борт.

Валленар машинально достал из кармана сигару и рассеянно осмотрел ее потертый наружный лист. Он думал о двух погибших водолазах, их закоченевших телах, завернутых в брезент и убранных в рундуки на корме. Думал о трех других, которые так и не поднялись на поверхность, и о последнем, исходившем сейчас дрожью в критической стадии переохлаждения. Они выполнили свои обязанности — не больше и не меньше. Корабль теперь годен для плавания. Правда, с поврежденными гребными винтами они могли делать только двадцать узлов, но танкер развивал лишь шестнадцать. И длинный переход в восточном направлении к международным водам давал командантe необходимое время для реализации его стратегии.

Валленар оглянулся на дежурного офицера. Команда была напугана штормом и погоней. Этот страх был ему на руку. Страх заставляет человека работать быстрей. Но Тиммер стоил любых десяти из них.

Он откусил кончик сигары и выплюнул. Тиммер стоил всей команды...

Чтобы овладеть собой, Валленар стал неторопливо раскуривать сигару. Яркая красная точка отразилась в чернильно-черном иллюминаторе. Теперь они точно знают, что он их снова преследует. На этот раз он будет осторожней. Однажды он попался в их ловушку, больше этого не случится. Сначала Валленар планировал только повредить танкер. Но теперь, когда стало ясно, что Тиммер мертв, он мечтал о большем.

Часа через четыре-пять американцы окажутся в пределах досягаемости четырехдюймовых пушек. Если появится малейший промежуток в подавлении радара, ракетные установки будут готовы открыть огонь в тот же момент.

На сей раз ошибок не будет.

«Ролвааг»
9 часов 20 минут

Макферлейн бежал по центральному коридору медицинского отсека, Рейчел не отставала от него. Они едва не столкнулись с врачом, выходившим из операционной. Это был совсем другой Брамбелл, не тот сухой насмешливый человек, к которому они привыкли за обеденным столом. Этот Брамбелл был мрачен, его движения отрывисты, жилистое тело напряжено.

— Мы пришли, чтобы повидать... — заговорил Макферлейн.

Но доктор пересек холл и скрылся за другой дверью, не обратив на них ни малейшего внимания. Макферлейн глянул на Рейчел. Следуя за Брамбеллом, они оказались в ярко освещенной комнате. Врач, все еще в хирургических перчатках, склонившись над столом, рассматривал неподвижного пациента. Голова человека была забинтована, простыни вокруг пропитаны кровью. Пока Макферлейн смотрел, Брамбелл резким сердитым движением натянул простыню на голову человека. Потом повернулся к умывальнику.

Макферлейн судорожно сглотнул.

— Нам необходимо поговорить с Мануэлем Гарсой, — сказал он.

— Абсолютно невозможно, — ответил Брамбелл, стянул окровавленные перчатки и начал мыть руки горячей водой.

— Доктор, мы обязаны узнать у Гарсы, что произошло. От этого зависит безопасность всего корабля.

Брамбелл прервал свое занятие и в первый раз посмотрел на Макферлейна. Его лицо было мрачным, но спокойным. С минуту он молчал, но Макферлейн видел по его глазам над маской, как лихорадочно работает его ум, принимая решение под давлением.

— В третьей палате,— сказал он, натягивая чистые хирургические перчатки.— Пять минут.

Они нашли Гарсу бодрствующим. Его лицо было в синяках, под глазами черные круги, на голове толстая повязка. Когда открылась дверь, он взглянул на них своими черными глазами и отвернулся.

— Они все погибли, да? — прошептал он, глядя в переборку.

Макферлейн помедлил.

— Все, кроме одного.

— Но он тоже умрет.

В голосе Гарсы было скорее утверждение, чем вопрос.

Рейчел подошла и положила руку ему на плечо.

— Мануэль, я знаю, как тебе тяжело, но нам необходимо знать, что произошло в грузовом танке.

Гарса не посмотрел на нее. Он поджал губы и прикрыл глаза.

— Что произошло? А как ты думаешь, что произошло? Проклятый метеорит снова выдал разряд.

— Выдал разряд? — повторил Макферлейн.

— Да. Он взорвался. Точно так, как было с этим парнем, Тиммером.

Макферлейн и Рейчел переглянулись.

— Кто из твоих людей к нему прикоснулся? — спросила Рейчел.

Гарса резко повернулся и пристально посмотрел на нее. Невозможно было понять, чего больше было в его широко открытых, обведенных фиолетовыми кругами глазах: удивления, возмущения или сомнения.

— Никто его не трогал.

— Кто-то должен был прикоснуться.

— Говорю же, никто. Я глаз с них не сводил.

— Мануэль...— начала Рейчел.

Тот сердито приподнялся.

— Ты думаешь, мои парни сумасшедшие? Да им было тошно находиться рядом с этой штукой, они ее до смерти боялись. Рейчел, говорю тебе, никого не было к ней ближе пяти футов.

Он поморщился и лег.

Заговорил Макферлейн:

— Нам нужно знать точно, что вы видели. Можете сказать, что вы запомнили перед самым взрывом? Что происходило? Вы не заметили ничего необычного?

— Нет. Парни почти закончили сваривать. Некоторые уже собирали инструменты. Работа практически была сделана. Все были еще в защитных костюмах. Корабль накренился. Похоже, прошла очень большая волна.

— Я помню эту волну,— сказала Рейчел. Ты уверен, что никто не потерял равновесия и нечаянно не оперся на метеорит?

— Ты мне не веришь, да? — воскликнул он.— Придется поверить, потому что это правда. Никто не прикасался к камню. Посмотрите записанные пленки сами.

— Было что-нибудь необычное с метеоритом? — спросил Макферлейн.— Что-нибудь странное?

Гарса подумал и покачал головой. Макферлейн наклонился ближе:

— Эта огромная волна подбросила судно. Вам не кажется, что взрыв метеорита вызвала качка?

— Почему? Его раскачивали, трясли и толкали всю дорогу с места падения до грузового танка судна. Ничего подобного не случалось.

Наступило молчание.

— Это камень,— пробормотал Гарса.

Макферлейн прищурился, сомневаясь, что расслышал правильно.

— Что? — спросил он.

— Я сказал: это проклятый камень. Он хочет, чтобы мы умерли. Все.

Он отвернулся к стенке и больше не произнес ни слова.

«Ролвааг»
10 часов

За иллюминаторами мостика рассвет занимался над раздираемым ветром морем. Череда громадных валов, крутых, безжалостных, выходила из вспыхивающего грозой западного горизонта и исчезала на востоке. «Кладбищенский» ветер продолжал крепнуть. Ревущий ураган, казалось, вырывал клочья из гребней волн и посылал их в полет, измельчая воду в белые полотнища пены. Мучительно медленно огромный корабль поднимался и опускался, переваливаясь с боку на бок.

Эли Глинн стоял один у окна, сложив руки за спиной. Он смотрел на бушующий океан, испытывая внутреннее спокойствие, которое его редко посещало с самого начала этого проекта. Проект был полон внезапных поворотов и неожиданностей. Даже здесь, на судне, метеорит продолжает сбивать их с толку. Хоуэлл вернулся из лазарета с сообщением, что шесть человек погибли, а Гарса ранен. И все же ЭИР добилась успеха. Это было одно из величайших инженерных достижений.

Он бы не отказался повторить такой проект снова. Глинн обернулся.

Бриттон и другие офицеры корабля приникли к экрану радара, отслеживая продвижение «Алмиранте Рамиреса». Позади них топтался Ллойд. Группа выглядела возбужденной. Ясно, что его уверенность относительно действий командантe

Валленара их не убедила. Естественно, если смотреть с позиций алогичности. Но его собственная патентованная программа профилирования никогда не подводила в критических прогнозах. Кроме того, он знал Валленара. Он встречался с ним на его собственной территории. Он видел, какая на корабле железная дисциплина, какой это опытный морской офицер. Видел его чрезмерную гордость, его любовь к своей стране. Этот человек не переступит черту. Ради метеорита — нет. В последний момент он повернет, кризис кончится, и они будут на пути к дому.

— Капитан, каким курсом предлагаете нам идти из пролива Дрейка? — спросил Глинн.

— Когда «Рамирес» повернет назад, я скомандую курс три-три-ноль, который приведет нас обратно под укрытие Южной Америки и прочь от этой жуткой бури. Осталось немного.

Глинн согласно кивнул. Взгляд Бриттон вернулся к экрану. Больше она ничего не сказала.

Глинн подошел к Ллойду, стоявшему за спиной капитана Бриттон. На электронной карте радара зеленая точка, обозначающая корабль Валленара, быстро приближалась к международным водам. Глинн не мог сдержать улыбки. Это было похоже на скачки, которые он смотрел по телевизору, и только он один знал результаты.

— Нет ли запросов по радио с «Рамиреса»?

— Никаких,— ответила Бриттон.— Они сохраняют радиомолчание в течение всего времени. Даже со своей базой не вступали в контакт. Бэнкс слышал, что командование приказывало им возвращаться на базу много часов назад.

«Естественно,— думал Глинн.— Так и должно быть».

Он позволил взгляду задержаться на Бриттон, на россыпи веснушек у нее на носу, на ее уверенной осанке. Она сомневается в его предвидении, но позднее убедится, что он был прав. Он подумал о ее смелости, безошибочности суждений, хладнокровии во время опасности, благородстве, даже когда мостик находился не под ее командой. Глинн чувствовал, что этой женщине он мог бы доверять. Возможно, она и есть та

женщина, которую он искал. Это повлекло за собой новые рассуждения. Он стал думать о правильной стратегии ее завоевания, потенциальной возможности неудачи, наиболее верных путях к успеху...

Глинн взглянул на экран радара. Точка-эсминец была в нескольких минутах пути от красной линии. Он почувствовал легкое волнение, нарушавшее его внутреннее спокойствие. Но все факты были учтены. Валленар повернет.

Он нехотя отвернулся от экрана и отошел к иллюминатору. Зрелище было устрашающим. Волны заливали главную палубу, расстилаясь зелеными простынями, и сливались обратно в море. «Ролваг», несмотря на качку, оставался достаточно устойчивым, подгоняемый волнами, что существенно добавляло ему устойчивости. И груз в центральном танке действовал как балласт.

Глинн посмотрел на часы. Теперь в любой момент Бриттон может сообщить, что «Рамирес» повернул назад.

Тишину нарушил общий ропот в группе вокруг радара.

— «Рамирес» меняет курс,— сообщила Бриттон, взглянув вверх.

Глинн кивнул, подавив улыбку.

— Повернул на север, идет курсом ноль-шесть-ноль.

Глинн ждал.

— Он только что пересек линию,— добавила Бриттон тихо.— Продолжает идти курсом ноль-шесть-ноль.

Глинн несколько помедлил.

— У Валленара навигационные приборы слегка расстроены. Его руль поврежден. Он наверняка в процессе разворота.

Бежали минуты. Глинн отошел от иллюминатора и снова приблизился к экрану. Зеленая точка продолжала двигаться на восток-северо-восток. Теперь он не шел точно следом за ними, но и не поворачивал назад. Странно. Глинн почувствовал новый укол беспокойства.

— Он вот-вот повернет назад,— пробормотал Глинн.

Повисло молчание. «Рамирес» продолжал двигаться тем же курсом.

— Набирает скорость,— сказал Хоуэлл.

— Поворачивай,— пробормотал Ллойд.

Но «Рамирес» не поворачивал. Вместо этого он немного скорректировал курс на ноль-пять-ноль.

— Что он делает, черт его побери? — вдруг взорвался Ллойд.

Бриттон выпрямилась и посмотрела Глинну прямо в лицо. Она ничего не сказала, но в словах и не было нужды. Глинн понял ее с кристальной ясностью.

Сомнение прошло, как спазм, и быстро сменилось уверенностью. Он знал теперь, в чем была проблема.

— Все понятно. У него проблемы не только с рулем. У него примитивная навигационная система. Она страдает от нашего подавления. Человек просто не знает, где находится.

Он обратился к оператору у черной консоли:

— Отключите подавление. Позвольте нашему другу найти правильный курс.

Оператор набрал серию команд.

— Он от нас в двадцати пяти милях,— сказал Хоуэлл.— Как раз в пределах досягаемости его ракет.

— Я это знаю,— пробормотал Глинн.

На мостике установилось полное молчание. Затем снова заговорил Хоуэлл.

— Нас высветил радар наводки. Он определил направление и расстояние.

В первый раз с его последней операции в качестве рейнджера Глинн почувствовал внутри какую-то неуверенность.

— Дайте ему еще несколько минут. Позвольте ему разобраться, что мы оба в международных водах.

Минуты шли.

— Хватит, включите снова подавление! — резко сказала Бриттон.

— Еще одну минуту. Пожалуйста.

— Произведен запуск ракет,— сказал Хоуэлл.

— Систему ближней самообороны включить на автоматический режим, привести в готовность отражатели,— приказала Бриттон.

Минуты проходили в мертвой тишине.

Неожиданно загрохотали орудия самообороны на палубе танкера, и почти в ту же минуту раздался ужасный взрыв в воздухе у правого борта. Крошечный осколок ударил в иллюминатор, оставив на нем отметину в виде звезды.

— Радар по-прежнему нацелен на нас,— сообщил Хоуэлл.

— Мистер Глинн! — крикнула Бриттон.— Прикажите вашему человеку восстановить подавление!

— Восстановить электронное подавление,— тихо сказал Глинн.

Он неотрывно смотрел на зеленую точку на экране, силясь найти ответы на вопросы, понять логику действий Валленара. Это было вполне в духе Валленара выстрелить по ним ракетой. Глинну был понятен этот жест. Он помахал оружием в бессильной ярости и теперь повернет обратно. Глинн ждал, желая этого изо всех сил.

Но зеленая точка продолжала двигаться в том же направлении, не совсем совпадавшем с их курсом, но ведущем все дальше в международные воды.

— Эли!

Это был странно спокойный голос Ллойда. Не без труда Глинн отвлекся от размышлений о причинах нового кризиса и встретил суровый взгляд Ллойда.

— Он не намерен поворачивать,— сказал Ллойд.— Он идет за нами. Чтобы убить.

«Ролвааг»
10 часов 20 минут

Салли Бриттон призвала все свое хладнокровие, сразу выбросив из головы все лишнее, сосредоточившись на том, что их ожидало. Один взгляд на бледное расстроенное лицо Глинна усмирил ее гнев и открыл всю серьезность его просчета. Бриттон испытывала симпатию к этому человеку, несмотря на допущенную им непростительную недооценку происходящего, которая навлекла смертельную угрозу жизни всех. Она и сама совсем недавно ошибалась в оценке ситуации.

Бриттон обратила внимание на заднюю переборку мостика, где висела морская карта региона мыса Горн. Пока она смотрела на карту, машинально прослеживая знакомые маршруты, почувствовала, что напряжение немного отпустило. Она увидела несколько возможных решений. Может быть, не все потеряно.

Она почувствовала присутствие Глинна у себя за спиной. Повернувшись к нему, она увидела, что краски возвращаются на его лицо и из глаз уходят потрясение и беспомощность. С удивлением Бриттон осознала, что этот человек не чувствует себя побежденным.

— Капитан, могу я с вами посоветоваться? — спросил он.

Бриттон кивнула.

Он встал рядом с ней, доставая из кармана жилета листок бумаги.

— У меня здесь полная спецификация «Алмиранте Рамиреса». Данные соответствуют его состоянию три недели назад.

Бриттон взглянула на него.

— Где вы это взяли?

— Получил из дома.

— Давайте послушаем.

— «Алмиранте Рамирес», эсминец класса «Алмиранте», был построен для чилийского военного флота компанией «Викерс-Армстронг» в Соединенном Королевстве. В тысяча девятьсот пятьдесят седьмом году было начато строительство, а в тысяча девятьсот шестидесятом корабль был укомплектован личным составом и был готов к плаванию. Его команда состоит из двухсот шестидесяти шести человек с семнадцатью офицерами. Уволены...

— Мне не нужно знать, на сколько человек они готовят. Переходите к системе вооружения.

Глинн быстро опустил глаза.

— Она была модифицирована в семидесятых. Включает четыре скользящие над поверхностью моря ракеты с дальностью полета двадцать пять морских миль. К счастью для нас, они пользуются устаревшей системой активного радиолокационного наведения, которая не может противостоять нашей новейшей системе подавления. Так что эти ракеты для него бесполезны, даже в пределах прямой видимости.

— Что еще у него есть?

— Четыре четырехдюймовых орудия Викерса. Два впереди, два сзади. Они способны на сорок выстрелов в минуту, дальность — десять морских миль. Наводка осуществляется обычно двумя радарами управления огнем, но при необходимости могут наводиться и визуально.

— Боже милостивый. Сорок выстрелов в минуту каждое?

— Кроме того, есть еще четыре сорокамиллиметровых орудия Бофорса с дальностью стрельбы шесть с половиной миль. Триста снарядов в минуту.

Бриттон почувствовала, как у нее кровь отливает от лица.

— Любое из этих орудий может уничтожить нас за считанные минуты. Мы не должны оказаться в пределах их досягаемости.

— Визуальная наводка в условиях бурного моря затруднительна. Но вы правы, мы недолго продержимся при атаке. Нам необходимо увеличить скорость.

Бриттон ответила не сразу.

— Вы же знаете, мы уже на пределе — шестнадцать узлов.

Она повернулась к первому помощнику:

— Мистер Хоуэлл, можем мы каким-то образом увеличить скорость?

— Может быть, мне удастся вытянуть еще узел.

— Очень хорошо. Сделайте это.

Бриттон почувствовала разгон, когда обороты двигателей были подняты. Это даст — она быстро подсчитала в уме — четыре с половиной часа, может быть, чуть меньше, до того как они окажутся в пределах досягаемости «викерсов».

Бриттон повернулась снова к Глинну и к карте.

— Я все продумала,— сказала она.— Лучший выход для нас идти на северо-восток, чтобы возможно быстрей оказаться в территориальных водах Аргентины. Аргентина злейший враг Чили. Они не потерпят, чтобы чилийский эсминец преследовал нас в их территориальных водах. Они сочтут это враждебным актом.

Она посмотрела на Глинна, но ничего не могла прочесть по его лицу.

— Альтернативный вариант: идти к британской военно-морской базе на Фолклендских островах. Кроме того, нам необходимо оповестить по радио наше правительство, что нас атакует чилийский военный корабль. Возможно, удастся урезонить сумасшедшего сукина сына.

Она ждала реакции Глинна. Наконец он сказал:

— Я понял, что означает незначительное отклонение курса Валленара.

— Что?

— Он нас отрезал.

Бриттон быстро взглянула на карту. «Рамирес» был сейчас в двадцати милях к северо-западу от них, истинный пеленг триста градусов. Вдруг она поняла.

— Черт! — выдохнула она.

Он обвел пальцем кружок на карте и констатировал:

— Если мы сейчас возьмем курс на Аргентину или Фолкленды, он догонит нас вот здесь.

— Тогда мы пойдем обратно к Чили,— сказала быстро Бриттон.— Не будет же он нас топить в гавани Пуэрто-Уильямса.

— Несомненно. Но если мы сейчас повернем обратно, он встретит нас вот здесь,— ответил Глинн и обвел на карте другой кружок.

— Можно пойти к британской научной станции на острове Южная Георгия.

— Тогда он встретит нас вот здесь.

Бриттон смотрела на карту и чувствовала, как по позвоночнику расползается парализующий холод.

— Видите ли, Салли,— могу я вас называть Салли? Когда он изменил свой курс на северо-восток, он уже учитывал наши возможные пути отхода. Если бы мы догадались об этом и действовали без промедления, мы бы, по крайней мере, имели шанс дойти до Аргентины. Но сейчас и этот курс для нас закрыт.

Бриттон почувствовала, как ей сдавило грудь.

— Американский военный флот...

— Мой человек уже проверил: ближе двадцатичетырехчасового перехода эффективной военной помощи нет.

— Но есть же британская военно-морская база на Фолклендах, вооруженная до зубов!

— Этот вариант мы тоже рассматривали. Чили была союзницей Англии в войне за Фолкленды. Для Штатов запрос помощи у англичан против их бывшего союзника с той самой базы, за которую они вместе воевали, потребует больше времени, чем у нас осталось. Даже при влиянии Ллойда и моих связях. К сожалению, крайние регионы Южной Атлантики

не то место, где можно надеяться на покровительство военных. Мы предоставлены самим себе.

Бриттон посмотрела на Глинна. Он встретил ее взгляд своими серыми глазами, которые, казалось, стали более глубокими, почти в цвет окружающего их океана. И по этим глазам она поняла, что у него есть план. Но она боялась спрашивать, что это за план.

— Мы пойдем на юг,— сказал Глинн просто.— К границе льдов.

Бриттон едва могла поверить этому.

— Идти на юг, в ревущие шестидесятые, в лед, в такой шторм, как сейчас? Это не выход.

— Вы правы,— сказал Глинн тихо.— Это не выход, а единственный шанс.

«Алмиранте Рамирес»
11 часов

После рассвета Валленар заметил, что ветер начал неотвратимое смещение к западу. Его план работал. Американцы слишком поздно сообразили, что оказались отрезанными. Им было некуда идти, кроме шестидесятых. Они уже взяли курс на юг. Там он их и встретит, там состоится последняя игра, у границы льдов — в темных замерзающих водах Атлантического океана.

Он сказал тихо и четко:

— С этого момента беру командование на себя.

— Есть, сэр,— откозырял вахтенный помощник и громко оповестил находящихся на мостике офицеров:

— Командантe принял командование!

— Взять курс один-восемь-ноль,— приказал Валленар штурману.

Этот приказ означал разворот в самое опасное положение для эсминца, когда бурное море будет обрушивать свою мощь в борт. Офицеры на мостике это знали. Он ждал, что штурман повторит его приказ и даст указания рулевому. Но тот промолчал.

— Сэр? — обратился к капитану вахтенный помощник.

Валленар не повернулся, чтобы на него взглянуть. Ему не нужно было этого делать — он и так предчувствовал, что должно произойти. Краем глаза Валленар видел, как замерли в напряженном ожидании штурман и рулевой.

Итак, это произошло. Лучше сейчас, чем потом.

Он поднял брови, не взглянув на помощника.

— Мистер Сантандер, у нас на мостике проблемы с прохождением команд? — спросил он как можно более спокойно.

— Офицеры «Алмиранте Рамиреса» хотели бы знать нашу задачу, сэр.

Валленар ждал, все еще не глядя на вахтенного помощника. Он хорошо уяснил, что молчание действует более устрашающе, чем слова. Прошла минута, прежде чем он заговорил.

— Это в традициях чилийских военных морских офицеров задавать вопросы своему командиру?

— Нет, сэр.

Валленар медленно достал сигару, покатал ее между пальцами, откусил кончик, осторожно взял ее губами, вдохнул аромат...

— Тогда почему вы меня спрашиваете?

— Сэр... очень необычные обстоятельства...

Валленар вынул изо рта сигару.

— Необычные? Чем?

Наступило неловкое молчание.

— Нам было приказано вернуться на базу прошлой ночью. Но мы не знаем о приказе преследовать это гражданское судно.

Валленар оценил термин «гражданское». Это был хорошо обдуманный намек, предположение, что Валленар занялся трусливым преследованием безоружного соперника. Он еще раз затянулся незажженной сигарой.

— Скажите мне, мистер Сантандер, когда вы на борту судна, вы получаете приказы от вашего команданте или от командира береговой базы?

— От команданте, сэр.

— Ваш команданте — я?

— Да, сэр.

— Больше нам нечего обсуждать.

Валленар достал из кармана кителя коробок спичек, открыл его, вынул одну спичку, медленно провел по коробку, пока она не загорелась, зажег сигару.

— Сэр, прошу прощения, то, что вы сказали, недостаточно. Ремонтируя гребной винт, погибли люди. Мы почтительно просим информировать нас относительно этой миссии.

Наконец Валленар повернулся. Он чувствовал, как в нем поднимается ярость. Ярость на американцев, на этого человека, Глинна, который пришел поболтать, пока его водолазы минировали гребные винты, на смерть Тиммера, на все, что привело к неповиновению на борту. Он затянулся, наполняя легкие дымом, чувствуя приток никотина в кровь. Овладев собой, Валленар бросил спичку на мокрую палубу и опустил сигару. Вахтенный помощник был зеленым глупым парнем, да и его попытка не была неожиданностью. Команданте обвел взглядом офицеров на мостике. Все немедленно опустили глаза.

Одним ловким движением Валленар вытащил из кобуры оружие и приставил дуло к груди офицера. Как только Сантандер открыл рот, чтобы протестовать, раздался выстрел. Пуля как ударом кулака отбросила офицера, сильно ударив о переборку. Вахтенный помощник капитана, не веря своим глазам, смотрел на свою пробитую грудь, на горизонтальный фонтанчик крови, ритмично бивший из нее. Воздух с шипением вошел и вышел из раны, потом еще раз. Офицер упал на колени, затем вперед на локти, удивленные глаза стали стекленеть, рот оставался широко открытым.

Валленар убрал пистолет в кобуру. Тишину на мостике нарушало только трудное дыхание Сантандера.

Валленар взглянул на штурмана.

— Мистер Олер. Приступайте немедленно, вы — дежурный офицер. А вы, мистер Ломас,— за штурмана. Курс дан. Выполняйте!

Он отвернулся, затянулся сигарой, снова посмотрел на штормящий океан. Его обезображенная правая рука покоилась на «люгере». Он ждал, не будет ли продолжения зародившегося мятежа. Жаль потерять и Олера тоже.

Олер посмотрел на нового штурмана и слегка кивнул. Тот скомандовал рулевому:

— Право руля. Постоянный курс один-восемь-ноль.

Рулевой повторил:

— Есть, сэр, право руля, перехожу на курс один-восемь-ноль.

Валленар убрал руку с оружия. Вот и все. Отрежь голову, и тело умрет.

Корабль начал разворачиваться, подгоняемый мощными толчками набегающих волн. Когда содрогания и качка усилились, все находившиеся на мостике хватались за что попало, чтобы устоять на ногах.

— Есть курс один-восемь-ноль,— сказал рулевой дрожащим голосом.

— Очень хорошо,— откликнулся штурман.

Валленар наклонился к переговорному устройству:

— На радаре, определите, когда американский корабль будет в пределах досягаемости орудий Викерса.

Спустя минуту пришел ответ:

— Сэр, при этом курсе и скорости расчетное время три часа тридцать минут.

— Очень хорошо.— Валленар выпрямился и указал пальцем на умирающего человека у своих ног.— Мистер Санчес, уберите это отсюда, организуйте уборку.

И снова повернулся к бушующему морю.

«Ролвааг»
11 часов 30 минут

Глинн неподвижно стоял рядом с Бриттон у штурвала. Убегая на юг к шестидесятой параллели, «Ролвааг» неизбежно оказывался во власти западных ветров, которые буйствовали у подножия мира, бесконечно циркулируя, образуя величайшие в мире волны. Насколько хватало взора, на восток несло вереницы ужасающих водяных гор. В течение последнего часа, когда интенсивность шторма возросла, океан словно утратил сплошную поверхность, больше не существовало линии раздела между водой и воздухом. Ревущие ветры и бушующие волны соединялись в неистовстве брызг и пены. Когда танкер оказывался у подошвы волны, наступало короткое зловещее спокойствие, а затем огромный корабль, содрогаясь, поднимался навстречу клокочущей буре.

Но Глинн не замечал шторма. В течение некоторого времени его мысли были заняты другим. Ради этого преследования Валленар рисковал всем: своей карьерой, командой, кораблем, честью страны, своей жизнью. Он знал, что они везут только камень, огромный камень, но всего лишь камень. В таком преследовании не было смысла.

Но он просчитался. Непростительно ошибся. На краткий миг Глинна посетила мысль о провале, он покатал на языке это слово, словно пробуя на вкус, и, содрогнувшись, выбросил из головы. Провала не будет, не может быть.

Проблема не в компьютерной характеристике и не в толстенном досье Валленара, имеющемся в Нью-Йорке. Проблема в нем самом. Упущен какой-то ключевой фрагмент. Его нужно искать в собственной голове, он где-то близко — только и ждет, чтобы его разгадали. Если понять, что вынуждает Валленара продолжать это сумасшедшее преследование, тогда он будет знать, как действовать. Насколько далеко зайдет Валленар? Будет ли он преследовать их за границей льдов? Глинн мотнул головой, словно хотел вытряхнуть из нее ответ, но безуспешно. Не поняв, что движет Валленаром, он не может строить никаких планов.

Глинн взглянул на Бриттон. Она неотрывно смотрела на экран радара, на зеленую точку, представлявшую эсминец.

— Последние полчаса «Рамирес» идет нашим курсом,— сказала она, не поднимая головы.— Один-восемь-ноль. Прямо у нас за кормой. Держит двадцать узлов. Пеленг постоянный, дистанция сокращается.

Глинн ничего не сказал. Ему казалось немыслимым, что Валленар поведет корабль под такой боковой волной. «Ролваагу» это стоило больших усилий, а он гораздо лучше переносил шторм, чем эсминец с высотой бортов не больше сорока футов. Поистине это походило на сумасшествие. Существовала большая вероятность, что «Алмиранте Рамирес» опрокинется. Но и самая большая вероятность — всего лишь вероятность. А Глинн не имел представления, сколь искусен Валленар в кораблевождении. Однако он подозревал, что тот является превосходным мореходом.

— С учетом скорости течения и расстояния он нагонит нас у кромки льдов,— сказала Бриттон.— Но на огневом рубеже мы окажемся задолго до этого.

— Через три часа,— уточнил Глинн.— Перед заходом солнца.

— Вы думаете, он будет стрелять, как только мы окажемся в пределах досягаемости?

— Не имею в том ни малейших сомнений.

— Нам нечем защищаться. Нас разорвет на куски.

— Если нам не удастся уйти от него в темноте, это, к сожалению, правда.

Бриттон посмотрела на него.

— А как же метеорит? — спросила она тихо.

— А что с ним?

Она еще понизила голос, взглянув на Ллойда.

— Если мы сбросим камень, можно увеличить скорость.

Глинн напрягся и посмотрел на Ллойда. Нахмурясь, тот стоял у окна, широко расставив массивные ноги. Судя по всему, он не слышал. Глинн стал говорить медленно, убедительно:

— Чтобы его сбросить, нам необходимо полностью остановить судно. Это как раз даст Валленару время подойти на дистанцию огня. Мы утонем раньше, чем остановимся.

— Следовательно, вы исчерпали все ответы? — спросила она совсем тихо.

Он посмотрел в ее зеленые глаза. Они были ясными и спокойными и очень красивыми.

— Такой вещи, как проблема без решения, не существует,— ответил Глинн.— Просто нам нужно его найти.

Бриттон помолчала.

— Перед отходом с острова вы просили меня вам доверять. Я надеюсь, что я могу это сделать. Мне бы очень хотелось.

Глинн отвел глаза, испытывая неожиданный всплеск эмоций. На мгновение задержал взгляд на экране системы глобальной навигации, на обозначенной зелеными точками границе льдов. Потом снова посмотрел ей в глаза.

— Вы можете мне доверять. Я найду решение. Я обещаю.

Бриттон медленно кивнула.

— Я не считаю вас человеком, который не держит своего слова. Надеюсь, я права. Мистер Глинн. Эли, сейчас я хочу в жизни только одного: увидеть свою дочь.

Глинн начал отвечать, но вместо слов удивленно присвистнул. Он невольно сделал шаг назад. Последняя фраза Бриттон принесла озарение. Он понял, что движет Валленаром. Он повернулся и, не сказав ни слова, покинул мостик.

«Ролвааг»
12 часов 30 минут

Ллойд неустанно вышагивал по просторному мостику. Шторм свирепо бился в стекло, но он отводил глаза от рваных волн. За всю свою жизнь Ллойд не видел ничего более ужасного. Это походило скорее не на воду, а на горы — зеленые, серые и черные, они вздымались и рушились, оползали и обваливались гигантскими лавинами. Он с трудом понимал, как их судно, как любое судно, могло уцелеть в таком море больше пяти секунд. Тем не менее «Ролвааг» продолжал плавание. Ходить было трудно, но Ллойду требовалось отвлечь себя физической активностью. Дойдя до двери на правое крыло мостика, он резко разворачивался и продолжал шагать. Так он провел шестьдесят минут с того момента, как Глинн исчез, не сказав ни слова.

У Ллойда болела голова из-за того, что удача так неожиданно их покинула, из-за невыносимого напряжения последних двенадцати часов, из-за резкой смены настроения. Измотали сильнейшие эмоции: озлобление, унижение, триумф, мрачные предчувствия. Он взглянул на часы на переборке, потом на лица находившихся на мостике офицеров. У Хоуэлла в лице собранность. У Бриттон — невозмутимость: спокойно переводит взгляд с экрана радара на экран системы глобального позиционирования. Бэнкс стоит в дверях радиорубки, словно в раме. Ллойду хотелось вытрясти из всех них

ответы на некоторые вопросы. Но они уже сказали ему все, что нужно знать. Осталось два часа до того, как они окажутся в пределах досягаемости орудий эсминца.

Ллойд чувствовал, как тяжелеют члены от поднимающейся в нем волны гнева. Виноват Глинн, его тщеславная самонадеянность: он так долго изучал варианты, что уверовал в свою непогрешимость. Кто-то сказал: долго думать — себе вредить. Если бы ему, Ллойду, дали позвонить кое-кому, они бы не остались беспомощными, подобно мыши под носом у кота.

Открылась дверь, и на мостике появился Глинн.

— Добрый день, капитан,— сказал он бесстрастно.

Эта бесстрастность более чем обычно взбесила Ллойда.

— Будьте вы прокляты, Глинн! — воскликнул он.— Где вы были, черт побери?

Глинн обратил на него свой взор.

— Я изучал досье Валленара. Теперь я знаю, что им движет.

— На кой черт нам это знать? Хватит и того, что он гонит нас прямо в Антарктику.

— Тиммер — сын Валленара.

Ллойд остановился как вкопанный.

— Тиммер? — спросил он, не понимая.

— Офицер связи Валленара. Человек, убитый метеоритом.

— Это абсурд. Разве Тиммер не был блондином с голубыми глазами?

— Он сын Валленара от немецкой любовницы.

— Это очередное предположение или вы располагаете доказательствами?

— В его досье нет записи о сыне, но это единственное объяснение. Поэтому он так хотел получить Тиммера обратно, когда я его посещал. Поэтому он не сразу атаковал судно. Я ему сказал, что Тиммер на гауптвахте. Но когда мы ушли с острова, он понял, что Тиммер мертв. Я полагаю, он думает, что мы его убили. Поэтому он преследует нас в международных водах. Поэтому он не отступится, пока не погибнет. Или пока мы не погибнем.

Приступ бешенства миновал. Ллойд чувствовал себя опустошенным, измученным. Теперь гнев был бесполезен. Он контролировал свой голос.

— И как, скажите на милость, это понимание психологии может нам помочь?

Вместо ответа Глинн обратился к Бриттон:

— Как далеко от нас кромка льдов?

— В семидесяти семи морских милях к югу отсюда.

— Какие-нибудь льдины уже видны на радаре?

— Мистер Хоуэлл?

— Несколько дрейфующих льдин в десяти милях. Небольшие айсберги. У самой кромки поля действия радара улавливается массивный ледовый остров. Точнее, два ледовых острова. Похоже, это расколовшийся на две части айсберг.

— Пеленг?

— Один-девять-один.

— Я предлагаю идти к ним. Поворачивать очень медленно. Если Валленар заметит это не сразу, одну-две мили мы выиграем,— сказал Глинн.

Хоуэлл вопросительно посмотрел на Бриттон.

— Мистер Глинн,— возразила Бриттон.— Это самоубийство — вести такое крупное судно за границу льдов. Особенно в такую погоду.

— Есть тому причины,— ответил Глинн.

— Не поделитесь ли с нами? — спросил Ллойд.— Или будете по-прежнему держать нас в неведении? Может быть, мы могли бы принять согласованное решение.

Глинн посмотрел сначала на Ллойда, потом на Бриттон, затем на Хоуэлла.

— Справедливо,— согласился он.— У нас осталось всего два пути: повернуть и постараться убежать от эсминца или идти этим курсом и попытаться скрыться от него за границей льдов. Первый имеет вероятность неудачи, близкую к ста процентам. Второй — немного меньшую. Есть и дополнительное преимущество: эсминцу придется идти по морю с боковой волной.

— Что за граница льдов? — спросил Ллойд.

— Это там, где замерзающие воды вокруг Антарктиды встречаются с теплыми северными водами Атлантики и Тихого океана. Океанографы называют это антарктической конвергенцией. Там непроглядные туманы и, конечно, очень опасные льды.

— Вы предлагаете вести «Ролвааг» в тумане среди льдов? Звучит и впрямь самоубийственно.

— Сейчас нам нужно укрытие от эсминца на некоторое время, чтобы изменить курс. Мы можем сбежать только в темноте, в тумане, во льдах.

— Мы можем просто утонуть тоже.

— Вероятность наскочить на айсберг меньше, чем вероятность быть потопленными эсминцем.

— Что, если тумана не будет? — спросил Хоуэлл.

— Тогда у нас будет проблема.

Все замолчали. Потом Бриттон сказала:

— Мистер Хоуэлл, переходите на курс один-девять-ноль. Поворачивайте очень медленно.

После едва заметного колебания Хоуэлл негромко передал приказ рулевому. И пока говорил, не сводил взгляда с Глинна.

«Ролвааг»
14 часов

Макферлейн резко откинулся назад на неудобном пластиковом стуле, вздыхая и протирая глаза. Рейчел сидела рядом с ним, лущила арахис, роняя кожуру на металлический настил наблюдательного поста. Источником света был одинокий фонарь высоко под потолком.

— Неужели тебе никогда не надоедают эти проклятые орехи? — спросил Макферлейн.

Рейчел вроде бы удивилась.

— Нет.

Оба замолчали. Чувствуя признаки приближения головной боли и легкую тошноту, Макферлейн закрыл глаза. Как только он это сделал, стало казаться, что раскачивание судна существенно усилилось. Он слышал металлические скрипы, время от времени падали капли воды. Кроме этих звуков в грузовом танке, простершемся под ними, было тихо.

Макферлейн с трудом открыл глаза.

— Прогоним еще разок,— сказал он.

— Мы просматривали уже пять раз,— возразила Рейчел.

Когда Макферлейн не ответил, она недовольно фыркнула и наклонилась вперед к пульту дистанционного управления. Из трех камер наблюдения, установленных в грузовом танке, взрыв пережила только одна. Макферлейн наблюдал, как Рейчел прогоняла ленту вперед на большой скорости. Когда до момента взрыва осталась минута, она замедлила скорость просмотра до нормальной. Они всматривались молча. Ниче-

го нового. Гарса был прав: никто к камню не прикасался. Никто даже не был вблизи его.

Выругавшись, Макферлейн снова откинулся на стуле, глянул вдоль мостков, словно пытаясь найти ответ на стенах танка. Затем медленно опустил взгляд вниз на сорок футов к вершине метеорита. Взрыв произошел сбоку, уничтожил большинство осветительных ламп, повредил системы связи по всему кораблю, но мостки и наблюдательный пост в верхней части танка остались целыми. Крепления выглядят в основном нетронутыми, хотя ясно, что некоторые распорки выбиты. Расплавленная сталь расплескалась по стенам танка пенными полосами, некоторые из массивных дубовых балок обуглились. Здесь и там можно было заметить пятна крови и красной субстанции, пропущенные уборочными командами. Сам метеорит выглядел совершенно не изменившимся.

«В чем тут секрет? — думал Макферлейн.— Что мы упускаем?»

— Давай вернемся к тому, что нам известно,— предложил он.— Взрыв был, видимо, такой же, что убил Тиммера.

— Может быть, даже сильней,— сказала Рейчел.— Проклятая электрическая дуга. Если бы вокруг не было так много металла, чтобы поглотить заряд, могла бы всю судовую электронику загубить.

— А потом метеорит излучал много радиопомех,— продолжал Макферлейн.— Так же, как в случае с Тиммером.

Рейчел взяла рацию, включила, состроила гримасу из-за треска в динамике, снова выключила.

— Излучает все еще,— сообщила она.

Они снова замолчали.

— Интересно, а было ли что-то, вызвавшее разряд? — сказала Рейчел, перематывая ленту.— Может, это случайный выброс.

Макферлейн не ответил. Это не может быть случайностью. Что-то должно было его запустить. Несмотря на замечания Гарсы и на растущее беспокойство команды, он не мог поверить, что метеорит является какой-то злодейской штукой, действительно стремящейся их погубить.

Макферлейну иногда приходило в голову, что Тиммер и Масангкей, возможно, и не касались метеорита. Но нет, он уверен, что трогали. Значит, разгадка тайны заключена в Палмере Ллойде. Он приложился щекой к метеориту и выжил. Двое других были взорваны.

Какая разница в их прикосновениях?

Он выпрямился на стуле.

— Давай прокрутим еще.

Рейчел безмолвно нажала на кнопку, и монитор ожил.

Сохранившаяся камера была установлена почти над самым камнем, под постом наблюдения. В стороне стоял Гарса с развернутым планом сварочных работ. Сварщики были равномерно распределены вокруг камня и работали на разных узлах. Они стояли на коленях, яркое пламя сварки оставляло красные следы на экране. В нижнем правом углу на указателе времени быстро бежали секунды.

— Прибавь звук,— сказал Макферлейн.

Он закрыл глаза. Подступали головная боль и тошнота — усиливалась морская болезнь.

Голос Гарсы стал хорошо слышен.

«Как дела?» — крикнул он. Последовал ответный крик: «Почти закончили». Молчание и царапающие звуки, капель, щелчок включившегося фонарика. Ровный тон, потом множество скрипов и стонов, когда судно накренилось. Он услышал крик Гарсы: «Держитесь!»

На этом запись кончалась: экран видеомагнитофона излучал ослепительно белый свет, сопровождаемый свистящим шумом.

Макферлейн открыл глаза.

— Последние десять секунд.

Они снова смотрели запись.

— Это произошло на самом гребне волны,— сказала Рейчел.

— Но Гарса прав. Эту штуку тащили к берегу без особой осторожности.— Макферлейн помолчал.— Мог быть еще человек, которого не видно за камнем?

— Я об этом думала. Вниз спустились шесть сварщиков и Гарса. Посмотри, они все ясно видны на последнем кадре. Все далеко от метеорита.

Макферлейн уперся подбородком в руки. Что-то в этой ленте его притягивало, но он никак не мог указать, что именно. Возможно, там ничего и нет. Он просто смертельно устал.

Рейчел потянулась, стряхнула с коленей шелуху.

— Ну вот, мы пытаемся проверять Гарсу. А что, если все правы?

Макферлейн взглянул на нее.

— Ты о чем?

— Что, если никто не прикасался к метеориту? Что, если к метеориту прикоснулось что-то другое?

— Что-то другое? — откликнулся он.— Но в этом помещении больше ничто не двигалось...

Он резко оборвал себя, вспомнив, что его беспокоило: звук капели.

— Дай мне последние шестьдесят секунд,— сказал он.— Быстрей!

Он поднял голову к экрану, пытаясь обнаружить на нем источник звука, который он слышит. Вот он, очень слабый. Тоненький ручеек, падающий сверху и исчезающий в глубине танка. Он пристально смотрел на него. Когда корабль накренился сильней, ручеек оторвался от переборки и переместился ближе к метеориту.

— Вода,— громко сказал Макферлейн.

Рейчел посмотрела на него удивленно.

— Ручеек струится по стенке танка. Возможно, есть протечка в механической двери. Смотри, его еще видно.

Он указал на узкий ручей, стекающий по длинной продольной переборке.

— Метеорит взорвался, когда при большом крене на него попала вода.

— Это абсурд. Камень сидел в пропитанной водой почве миллионы лет. Его поливали дожди, и заваливало снегом. Он инертен. Как может он реагировать на воду?

— Не знаю, но смотри сама.

Он перемотал ленту, демонстрируя, как в момент, когда вода коснулась метеорита, экран заполнил электронный снег.

— Совпадение? — спросила она.

Макферлейн покачал головой.

— Нет.

Рейчел посмотрела на него.

— Сэм, как может эта вода отличаться от всей той воды, что касалась метеорита?

Вот он — момент откровения: все стало ясно!

— Соль! — воскликнул Макферлейн.— В танк попадает соленая вода.

После мгновенного шока Рейчел вдруг осенило.

— Точно. Поэтому Тиммер и Масангкей спровоцировали разряд руками, своими солеными руками. У них на руках была соль. Но Ллойд приложился к нему щекой в очень холодный день, в его прикосновении не было пота. Камень, должно быть, активно реагирует с хлоридом натрия. Но почему, Сэм? Чего он этим достигает?

— Мы будем беспокоиться об этом потом,— сказал Макферлейн.

Он взял свою рацию, включил и услышал шум помех.

— Проклятье! — выругался он, прицепив рацию на место.

— Сэм...— начала Рейчел.

— Нам нужно убираться отсюда,— прервал он ее.— А то при следующей большой волне мы поджаримся.

Он поднялся, но Рейчел схватила его за руку.

— Мы можем не уходить,— сказала она.— Еще один такой взрыв, и метеорит прорвет оплетку. Если он двинется, мы все умрем.

— Тогда нам нужно держать воду подальше от камня.

Минуту они смотрели друг на друга, а потом с единственной мыслью в голове бросились по мосткам к тоннелю доступа.

«Алмиранте Рамирес»
14 часов 45 минут

Валленар стоял на мостике со старым биноклем в руке и всматривался в южный горизонт бушующего океана. Офицеры вокруг него старались удержаться на ногах, несмотря на жестокую качку. Их безучастные лица были маской страха. Введенный капитаном режим абсолютного подчинения принес плоды: проверка пройдена, они подчинились. Если понадобится, они последуют за ним в ад. Команданте взглянул на карту и подумал: «Мы как раз туда и держим путь».

Снег и дождь прекратились. Небо прояснилось. Видимость была прекрасной. Но ветер все равно усиливался, и волны вздымались все выше. Когда корабль падал в провалы между валов, он оказывался в полночной темноте — стены черной воды поднимались с обеих сторон, и тогда казалось, что он на дне огромного каньона. Гребни волн находились на двадцать метров выше уровня мостика. Валленар ни разу в жизни не видел такого моря, и увеличение видимости, хотя и полезное для его плана, делало окружающий вид еще более ужасным. Разумно было бы повернуть нос корабля к ветру и переждать шторм. Но для него такого выбора не существовало. Ему придется идти этим курсом, принимая ветер и волну почти в борт, иначе тяжелому американскому судну удастся уйти.

Валленар наблюдал, как нос эсминца зарылся в подошву длинной волны и медленно пошел вверх, опасно загребая во-

ду. Корабль кренился на правый борт, пока мостик, залепленный пеной, не навис над открытым океаном. Каждый ухватился за что-нибудь. Мостик повисел в течение нескольких страшных секунд, медленно выпрямился и в силу инерции стал крениться на левый борт. Эта качка была особенно ужасной.

Валленар знал свой корабль. Знал, что он может делать, а что не может. Он был способен чувствовать, когда власть брали ветер и вода. Этого не произошло. Пока. Нужна бдительность и высокое мастерство кораблевождения, чтобы не отправиться ко дну. Он сам его поведет, не доверит помощнику.

Он издали заметил пенный вал, возвышавшийся над остальными, принимавший угрожающие размеры, несшийся сквозь шторм подобно киту. Валленар произнес спокойно, почти безразлично:

— Слабина на руль до левого стандарта, правый двигатель назад одна треть, левый двигатель вперед две трети. Докладывай направление.

— Разворот со слабиной, сэр,— откликнулся Олер.— Направление один-семь-пять, один-семь-ноль...

— Держать один-шесть-пять.

Волна начала затягивать корабль в свои объятия. «Рамирес» поднялся, напрягся, накренился. Валленар ждал у машинного телеграфа, а корабль опасно кренился, судя по показателям креномера, почти на сорок градусов, пока волна наконец не достигла своей вершины. На мгновение Валленару представилась возможность обозреть южный океан на большое расстояние, до самого горизонта. Он сразу приставил к глазам бинокль и стал осматривать просторы бурного моря, пока эсминец снова не рухнул к подошве следующей волны. Зрелище было апокалиптическим: монументальные водные вершины и широкие долины, абсолютная беспорядочность хаоса. На некоторое время это зрелище лишило Валленара присутствия духа.

Судно опустилось, и он заставил себя успокоиться. Опять они всплыли, снова Валленар поднял к глазам бинокль. Он

почувствовал в груди неожиданный трепет. Американцы были здесь. Темный силуэт в белом обрамлении пенного моря был больше и ближе, чем Валленар ожидал. Он держал бинокль наведенным, стараясь меньше мигать, пока судно опускалось, а потом стало медленно подниматься на следующую водяную гору. Когда оно оказалось на вершине и гребень перелился через ограждение левого борта, Валленар вновь увидел танкер.

— Левый двигатель назад одна треть. Руль к правому стандарту. Держать один-восемь-ноль. Сколько у нас горючего?

— Тридцать процентов.

Валленар повернулся к вахтенному инженеру:

— Взять балласт.

Заполнение опустевших танков морской водой снизит скорость хода на пол-узла, но добавит стабильности, которая им потребуется в будущем.

— Беру балласт,— доложил инженер с видимым облегчением.

Валленар обратился к старшине рулевых:

— Барометр?

— Двадцать девять ниже восьми. Падает.

Валленар вызвал на мостик офицера-тактика.

— Мы имеем визуальный контакт с американским судном,— сказал он, подавая офицеру бинокль.

Офицер приник к окулярам.

— Я вижу его, сэр,— сказал он через минуту.

Валленар повернулся к штурману:

— Его курс один-девять-ноль или около этого. Дайте мне направление для перехвата.

Приказ был исполнен, новый курс установлен. Все четко и правильно.

Валленар повернулся к офицеру-тактику:

— Доложите, когда мы окажемся в диапазоне дальности огня. Без моего приказа не стрелять.

— Есть, сэр,— ответил офицер, нарочито нейтральным тоном.

Эсминец начал менять курс, переждав ужасную волну. Под грохот воды нос погрузился в следующую низину. Палуба накренилась вправо. Передняя часть тяжелым и бесконтрольным движением пошла влево.

— Не могу держать один-девять-ноль.

— Используйте полный руль, держать курс.

Корабль выпрямился. Валленар заметил, что с запада приближается «тигровая волна».

— Слабина на руль до стандарта. Быстро!

Корабль начал замедляться, зависнув на громадной водяной горе. Когда волна разбилась, по палубе прокатились вихревые потоки. Словно сам мостик мчался по воде.

— Право руля, резко! Право, резко!

Судно пошло боком.

— Руль вне воды, сэр! — крикнул рулевой, почувствовав руками свободу рулевого колеса.

— Левый двигатель назад две трети. Правый полный вперед.

Оператор передал приказ по машинному телеграфу. Судно продолжало сползать вбок.

— Не реагирует...

Валленар почувствовал страх, не за себя, за неоконченную миссию, но вдруг ощутил, что корма осела на волну и гребные винты вгрызлись в воду.

Он медленно выдохнул, затем наклонился к переговорному устройству, словно ничего не произошло.

— Доложите о воздушных контактах.

В такую погоду ни один корабль не придет на помощь американцам. В этом Валленар был совершенно уверен. Но относительно помощи с воздуха такой уверенности не было.

— Ни одного контакта в пределах двухсот миль,— пришел ответ из командно-информационного центра.— На юге лед.

— Какой лед?

— Два крупных ледовых острова, несколько небольших айсбергов и дрейфующая льдина.

«Они идут в лед»,— подумал с удовлетворением Валленар. Рискованно вести танкер за границу льда, сознательно уходить туда, да еще в такой шторм. Но это был их единственный шанс, и Валленар ожидал, что они им воспользуются. Видимо, они думают, что смогут сыграть с ним в прятки среди льдов или уйти под покровом темноты. Возможно, американцы рассчитывают на туман. Но надежды не оправдаются. Напротив, лед будет работать ему на пользу, усмиряя море. Среди льдин эсминец гораздо маневренней, чем танкер. Он убьет их там, если льды не сделают это раньше.

— Входим в зону дальнобойности орудий,— доложил офицер-тактик.

Валленар посмотрел на взбаламученный штормом океан. Теперь даже без бинокля он мог время от времени видеть темное пятно американского корабля. До него, по-видимому, было миль восемь, но даже на таком расстоянии он представлял большую, завидную мишень.

— Прицельная стрельба возможна? — спросил Валленар.

— Нет еще, сэр. Визуальная наводка затруднена при такой волне с такого расстояния.

— Тогда подождем. Подойдем поближе.

Минуты тянулись, пока они очень медленно приближались к американскому судну. Небо темнело, ветер оставался неизменным, восемь узлов. Страх, который охватил стоявших на мостике, остался и прекрасно их тонизировал. Солнце садилось. Валленар продолжал отдавать тщательно продуманные приказы рулевому и в машинное отделение, в соответствии с поведением моря. Отремонтированные гребные винты работали исправно. Люди хорошо сделали свою работу. Жаль, что так много их умерло при этом.

Скоро наступит ночь, и «Ролвааг» скроется в темноте. Ждать больше нельзя.

— Мистер Кассио, установите пристрелочную дистанцию до цели. Только трассирующими.

— Есть, сэр,— ответил офицер-тактик.— Зарядить трассирующими.

Валленар посмотрел вниз на носовые орудия. Спустя минуту он увидел, как они повернулись, поднялись примерно на сорок пять градусов и последовательно выстрелили двумя светящимися снарядами. Стволы дернулись назад в языках пламени, мостик содрогнулся от отдачи. Валленар приставил к глазам бинокль и следил за траекторией полета снарядов над штормовым морем. Оба упали в море, не долетев до танкера.

Корабль опустился, потом снова поднялся. В момент остановки на гребне волны снова выстрелили трассирующими снарядами носовые орудия. Опять недолет, но уже меньше.

Офицер-тактик подгадывал следующий выстрел в момент, когда корабль оказывался на вершине волны, и постепенно вводил корректировки. Вскоре он доложил:

— Команданте, у нас достаточно данных по дальности, чтобы положить серию снарядов в цель.

— Очень хорошо. Огонь на поражение. Я хочу повредить судно, чтобы замедлить его, но не потопить. Потом мы подойдем ближе, чтобы его убить.

После едва заметного колебания офицер-тактик сказал:

— Есть, сэр.

Когда эсминец поднялся, орудия снова выстрелили. Теперь из стволов вылетели настоящие снаряды и понеслись с воем к югу.

«Ролвааг»
15 часов 30 минут

Макферлейн сидел на посту наблюдения, прислонившись спиной к переборке прямо на металлическом помосте, игнорируя стоявший рядом стул. Он чувствовал себя совершенно измученным. В руках и ногах конвульсивно дрожали мышцы. Он почувствовал, что Рейчел опустилась рядом, но он слишком устал, чтобы даже повернуть голову.

Поскольку помехи, создаваемые метеоритом, лишили их радиосвязи, а времени бежать за помощью у них просто не было, им пришлось искать решение проблемы самим. Стоя в тоннеле доступа за тщательно задраенной дверью, они нашли наконец рабочую схему. На складе у них за спиной лежали десятки водонепроницаемых полотнищ, наброшенных на штабеля грузов. Они накинули покрывала сверху на оплетку метеорита, чтобы защитить его от соленой воды. Для этого потребовалось полчаса лихорадочной работы при постоянной угрозе нового взрыва.

Макферлейн проверил рацию. Обнаружил, что она по-прежнему не работает, и снова закрепил ее на ремне. Неужели Глинн не знает об отсутствии связи? Макферлейну казалось странным, что Бриттон и Глинн, находившиеся все это время на мостике и занятые своим делом, не имеют ни малейшего представления о кризисе, который разыгрался пятью палубами ниже. Интересно, что творится наверху? Похоже, шторм продолжает усиливаться.

Макферлейн почувствовал, как он заваливается назад вместе с кораблем. Это только дело времени — рано или поздно ручеек соленой воды снова прольется на метеорит.

Они сидели молча. Макферлейн увидел, как Рейчел залезла в нагрудный карман рубашки, вытащила футлярчик с компакт-диском и внимательно осмотрела. Потом облегченно вздохнула и убрала его обратно.

— Я в суете совсем о нем забыла,— сказала она.— Слава богу, он цел и невредим.

— Что там?

— Перед посадкой на корабль я сбросила на него все результаты тестирования метеорита,— объяснила Рейчел.— Хочу снова с ними поработать. Если мы выйдем отсюда живыми. Камень должен иметь внутренний источник энергии, иначе как он может генерировать столько электричества? Если бы он был простым конденсатором, то разрядился от любого запаса энергии миллионы лет назад. Он генерирует заряд внутри.— Она похлопала по карману с диском.— Ответ лежит где-то в этих результатах измерений.

— Я хочу знать только одно: из какой среды он явился, чтобы так бешено реагировать на соленую воду и больше ни на что.— Макферлейн вздохнул.— К дьяволу! Пусть проклятый камень отдохнет.

— В том-то и проблема,— сказала Рейчел.— Может, он и не камень вовсе.

— Только не нужно снова о космических кораблях.

— Не буду. Может, это гораздо проще, чем космический корабль.

Макферлейн хотел что-то сказать и остановился. Судно качало все сильней.

Рейчел тоже замолчала. Было понятно, о чем он думает.

— Там, должно быть, светопреставление,— сказал он.

Рейчел кивнула:

— Теперь в любую минуту.

Они в молчании ждали. Качка усилилась еще больше. Наконец на самом гребне огромного вала ручеек воды снова от-

делился от переборки и полился прямо на полотнище. Макферлейн поднялся и стал смотреть через окно поста наблюдения. Сквозь шум воды и отдаленный вой ветра он расслышал стук капели по покрышке. Он видел, как вода безопасно скатывается по пластику вниз, в промежутки между балками полового настила.

Они ждали с замиранием сердца. Потом Рейчел облегченно выдохнула.

— Похоже, это работает,— сказала она.— Поздравляю.

— Поздравляешь меня? — удивился Макферлейн.— Это же была твоя идея.

— Да, я знаю. Но ты распознал влияние солености.

— Только с твоей подачи.— Макферлейн помедлил.— Послушать нас, так мы общество взаимопризнательности.

Несмотря на усталость, он поймал себя на том, что улыбается. У него было ощущение, что он сбросил с плеч тяжкий груз. Теперь он знал, что вызывает разряды. Они могут предпринять необходимые шаги, чтобы больше этого не случалось. Они на пути домой.

Макферлейн посмотрел на Рейчел. Ее темные волосы поблескивали при слабом свете. Еще несколько недель назад было невозможно подумать о таком легком, удобном молчании вдвоем. Однако теперь было трудно представить, что когда-то ее не было рядом, работающей с ним бок о бок, заканчивающей начатые им предложения, насмешничающей, поставляющей идеи, язвительные замечания и намеки, независимо от того, желательны они или нет.

Она сидела, прислонясь к переборке, смотрела в никуда, пока судно кренилось все больше, и знать не знала, что он на нее смотрит.

— Ты слышал что-нибудь? — спросила она.— Могу поклясться, что слышала далекий взрыв.

Но Макферлейну было не до того. К своему удивлению, он опустился рядом с ней на колени и притянул к себе с совершенно иным чувством, чем та страсть, которая наполняла его тогда в каюте.

Рейчел положила голову ему на плечо.

— Знаешь что,— сказал Макферлейн.— Ты милейший, умнейший, зловреднейший помощник из всех, что у меня были за всю мою жизнь.

— М-да? Ты наверняка говоришь то же самое всем девушкам.

Он ласково погладил ее по щеке, потом поднял ее голову и поцеловал в губы. В этот момент прошла еще одна большая волна, и вода громко застучала по покрышке.

— Значит ли это, что ты дашь мне поносить твое кольцо с эмблемой? — пробормотала она.

— Нет. Но ты можешь взять мой геологический молоток.

Они снова поцеловались. Судно медленно выпрямилось и сразу стало крениться на другую сторону.

Внезапно Макферлейн отодвинулся назад. На фоне обычных скрипов и стуков танка и отдаленного грохота моря он услышал новый звук — странный пронзительный скрип, закончившийся металлическим скрежетом, громким как выстрел. Потом еще один и еще.

Он быстро взглянул на Рейчел. Она смотрела на него широко открытыми ясными глазами. Громкий звук заглох, но его эхо продолжало звучать в ушах. Потрясенные, они молча ждали. С каждым новым креном судна теперь возникал целый хор новых звуков: трение стали, треск и скрип ломающегося дерева, рвущихся заклепок и сварных соединений.

«Ролвааг»
15 часов 30 минут

Бриттон следила взглядом, как первый трассирующий снаряд лениво поднялся над неровной поверхностью моря, а потом, вспыхивая, погрузился в него. Сразу прилетел второй снаряд, тоже плюхнувшийся довольно далеко от судна.

Ллойд мигом оказался у иллюминатора.

— Господи, просто не верится. Этот сукин сын нас обстреливает.

— Трассирующие. Они определяют расстояние до танкера,— объяснил Глинн.

Бриттон заметила, как затвердела у Ллойда линия подбородка.

— Мистер Хоуэлл, резко лево руля,— приказала Бриттон, когда очередная пара снарядов прочертила над морем дуги и приводнилась несколько ближе к ним.

Они молча смотрели, как снаряды ложились все ближе, а потом один пролетел у них над головой вспышкой света на фоне темного неба.

— Нас взяли в вилку,— сказал Глинн шепотом.— Теперь они откроют огонь боевыми снарядами.

Ллойд повернулся к нему.

— Вы кто, спортивный комментатор? Нам нужен план, а не комментарий. Просто не верится. Триста миллионов, и вот куда вы нас привели.

Бриттон приказала быстро, но четко:

— Прекратить разговоры на мостике! Мистер Хоуэлл, весь руль право! Двигатели экстренно назад.

В кризисных ситуациях ее мысли обретали кристальную ясность. Словно кто-то другой думал за нее. Она взглянула на Ллойда, стоявшего у центрального иллюминатора мостика, сцепившего в узел мощные пальцы рук и смотревшего на юг, на безжалостное море. Как, наверно, трудно смириться с тем, что не все можно купить за деньги. Не купишь даже свою собственную жизнь. Чем он, по большому счету, отличается от человека, стоящего с ним рядом?

Бриттон перевела взгляд на Глинна. Она верила ему так, как никогда и никому до того момента, пока он не ошибся. «Оказалось, что и он — просто человек», — подумала она.

За иллюминаторами, около которых стояли двое мужчин, простирался штормовой океан. С наступлением ночи на судне устроили затемнение, стараясь ускользнуть из-под огня Валленаровых орудий. Но надежда на это рухнула — на ясное ночное небо выкатилась огромная южная луна, которой до полной фазы оставались всего сутки. Бриттон не могла отделаться от впечатления, что луна насмешливо улыбается, глядя на них. Пантеоньеро был странной разновидностью бури. Обычно под конец именно в ясную ночь он достигал сводящей с ума, убийственной силы. Под лунным светом разрушенная водная поверхность призрачно светилась. Сюрреалистический океан продолжал насылать на танкер процессию гигантских волн, вздымавшихся выше судна, периодически погружая его в темноту чернее ночи и с ревом откатываясь, когда корабль снова вырывался к лунному сиянию, к бурлящей воде и воющему ветру.

От резкого удара, негромкого, но различимого на фоне шторма затряслись стекла на мостике. За первым ударом с равными промежутками последовали другие. Бриттон увидела ряд гейзеров, сползавших один за другим по фронтальной поверхности волны, шедшей с севера в направлении «Ролваага», как раз когда она пересекала их прежний курс.

Массивный нос судна зарывался и подскакивал на волнах.

«Поворачивай, сука!» — мысленно воскликнула Бриттон.

Вдруг судно вздыбилось и содрогнулось. Столб отвратительного желтого дыма поднялся на носу, горячий металл полетел вверх, прочерчивая в воздухе светящиеся полосы. Сразу последовал громоподобный удар. Взлетела вверх одна из грузовых стрел и, вращаясь, упала обратно, хлестнув по палубе металлическими тросами. Потом впереди судна взметнулись гейзеры от снарядов, не попавших в цель.

Все замерли, пораженные смертельным страхом. Первой пришла в себя Бриттон. Она подняла бинокль и обследовала носовую часть. По меньшей мере один снаряд попал в полубак. Когда огромный корабль поднимался на следующую волну, она увидела в ярком лунном свете, что вода вливается в открытый ящик для якорной цепи и выливается из рваного отверстия довольно высоко над ватерлинией.

— Общая тревога,— скомандовала она.— Мистер Хоуэлл, пошлите на нос команду для оценки повреждений. Соберите пожарную команду с пенными огнетушителями и с детектором метана. Натянуть спасательный трос на главной палубе от носа до кормы.

— Есть, мэм.

Почти непроизвольно она взглянула на Глинна.

— Заглушите двигатели,— сказал он тихо.— Развернитесь от ветра. Отключите подавление. Сделайте вид, что судно сильно повреждено. Это остановит стрельбу, по крайней мере на ближайшее время. Всего на пять минут, а потом продолжим путь. Это заставит его повторить пристрелку. Нам необходимо дойти до этих ледовых островов.

Бриттон следила, как он подошел к своему оператору и стал с ним тихо совещаться.

— Мистер Хоуэлл, стоп машина. Лево руля тридцать градусов.

В силу огромной инерционности судно продолжало двигаться вперед, медленно поворачивая. Бриттон посмотрела на Ллойда. Его лицо стало серого цвета, словно обстрел потряс

его до самых глубин. Возможно, он поверил, что пришло его время умирать. Возможно, он думал о том, как будет тонуть в холодной черной воде глубиной в две мили. Ей и раньше доводилось видеть такие лица на других кораблях, в другие шторма. Зрелище непривлекательное.

Бриттон перевела взгляд на радар. На экране было множество отражений в море, но они тут же исчезали, как только «Ролвааг» поднимался на волне. Они были теперь в двадцати пяти милях от границы льдов и от пары ледовых островов. Боковая волна замедляла движение чилийца примерно на один узел, но тем не менее он продолжал постоянно и непреклонно сокращать расстояние между ними. Глядя на бушующие волны, Бриттон удивлялась, как удается эсминцу оставаться на плаву.

Вдруг дверь на мостик распахнулась, и в проеме появился Макферлейн. Он сделал шаг вперед, следом вошла Рейчел.

— Метеорит,— проговорил, с трудом переводя дух, Макферлейн, лицо которого выражало сильное волнение.

— Что с метеоритом? — резко спросил Глинн.

— Он высвобождается.

«Ролвааг»
15 часов 55 минут

Глинн слушал, как Макферлейн, задыхаясь, рассказывал свою историю, и испытывал незнакомое и неприятное чувство недоумения. Но он повернулся к телефону, как всегда неторопливым и экономным движением.

— Лазарет? Дайте Гарсу.

Через минуту послышался ослабевший голос Гарсы:

— Да?

— Это Глинн. Метеорит разорвал путы. Возьми Стоунсайфера с аварийной командой и сразу сам веди их вниз.

— Понял, сэр.

— Есть кое-что еще,— сказал Макферлейн, все еще прерывисто дыша.

Глинн повернулся к нему.

— Камень реагирует на соль. На соль, не на прикосновение. Это соль вызвала разряд, погубивший команду Гарсы. Мы с Рейчел покрыли оплетку метеорита непромокаемым материалом. И что бы вы ни делали, ради бога, не позволяйте попадать на него соленой воде. Он до сих пор излучает радиопомехи. Радиосвязь будет нестабильной еще около часа.

Глинн выслушал это, поднял трубку телефона и снова стал говорить с Гарсой. Когда он уже заканчивал разговор, то услы-

шал невнятное бормотание на другом конце провода, которое оборвалось гнусавым возмущенным голосом Брамбелла:

— Что за дьявольщина? Я запрещаю этому человеку покидать лазарет. У него травма головы, сотрясение мозга, растяжение запястья и...

— Довольно разговоров, доктор. Мне необходим опыт Гарсы, чего бы это ни стоило.

— Мистер Глинн...

— От этого зависит выживание судна.

Он положил трубку и взглянул на Бриттон.

— Есть какая-нибудь возможность уменьшить крен судна при такой волне?

Бриттон покачала головой.

— Перемещение балласта увеличит нестабильность судна.

«Ролвааг» продолжал продвижение на юг. Яростное море попеременно закапывало его в воду с главной палубой, а потом выкидывало ввысь, и вода с палубы неслась вниз. Два контейнера сорвались с креплений и были смыты за борт, ослабло крепление еще нескольких, и они обрели подвижность.

— Что это были за взрывы, черт побери? — спросил Глинна Макферлейн.

— Нас обстрелял чилийский корабль.

Он посмотрел на Макферлейна, потом на Амиру.

— Есть идеи, почему соль воздействует на метеорит?

— Это не выглядит как химическая реакция,— сказал Макферлейн.— Вещество метеорита не поглощается при взрывах. И уж точно там не было столько соли, чтобы генерировать такой взрыв.

Глинн посмотрел на Амиру.

— Взрыв был слишком сильным для результата химической или каталитической реакции,— объяснила она.

— Какие еще реакции могут быть? Ядерная?

— Это тоже маловероятно. Мне кажется, что мы смотрим на проблему не под тем углом.

Глинну это было не впервой. Ум Амиры имел тенденцию совершать неожиданные кульбиты, что свойственно гениям

или идиотам. Это было одной из причин, почему он нанял Амиру на работу. И даже в таких экстремальных условиях осмотрительность не позволила ему игнорировать ее замечание.

— Как это? — спросил он.

— Это только ощущение. Мы все пытаемся понять его, думая о нем как о метеорите. Нам нужно на него посмотреть с его точки зрения. Соль ему нужна для чего-то опасного или... просто необходимого.

Голос Хоуэлла прервал наступившее молчание.

— Капитан, с «Рамиреса» сделано несколько пристрелочных выстрелов,— сообщил первый помощник, склонившийся над экраном радара.

Все остолбенели. Но он поднял голову и улыбнулся.

— Нас закрывает от «Рамиреса» снежный заряд. Мерзавцы нас не видят, капитан. Они действуют вслепую.

— Право руля, курс один-девять-ноль,— скомандовала Бриттон.

Глинн подошел к карте глобальной системы навигации и стал изучать размещение на ней зеленых точек. Шахматная игра подошла к концу. На доске осталось лишь несколько фигур. И их судьбу определяли всего четыре фактора: два судна, шторм и лед. Глинн интенсивно изучал их в течение тридцати минут. Позиции двух кораблей за это время изменились незначительно. Он сконцентрировал свой ум, закрыл глаза, мысленно восстановил картину расположения зеленых точек. Простота влекла за собой убийственную нехватку вариантов. Как шахматист Глинн мысленно проигрывал каждую из возможных последовательностей действий. Все, кроме одной, вели к неминуемой гибели. Вероятность успеха в этой единственной была ничтожно малой. Чтобы игра удалась, все должно быть сделано безупречно. И еще необходима удача. Глинн ненавидел полагаться на авось. Стратегия, которая рассчитана на везение, часто оказывается пагубной. А теперь ему больше всего нужно то, что он больше всего ненавидел.

Он открыл глаза и сразу сфокусировал взгляд на карте. Зеленая точка, обозначавшая «Ролвааг», находилась в тридцати минутах пути от границы льдов и еще на несколько минут дальше от двух гигантских ледовых островов.

Раздалось чириканье из рации Глинна, и он ее включил.

— Это Гарса,— пришел слабый голос на фоне радиопомех.— Нахожусь в танке. Сильные помехи. Не знаю, долго ли мы сможем говорить.

— Продолжай.

— При каждом крене судна рвутся новые сварные соединения.

— Причина?

— Разрядом метеорита разрушено несколько критических узлов оплетки, а другие ослаблены. Рочфорт проектировал люльку в расчете на максимальный крен в тридцать пять градусов, мы пока на десять градусов ниже предела. На мгновение радио замолчало.— Но нельзя забывать, что метеорит на двести пятьдесят процентов тяжелей, чем Рочфорт первоначально предполагал. Возможно, конструкция слабовата.

— Насколько слабовата?

— Трудно сказать без...— Голос снова пропал.— Тем не менее в конструкцию был заложен избыточный запас прочности, даже выше двойного обеспечения. Стоунсайфер думает, что мы можем еще долго продержаться в таких условиях. Но с другой стороны, если полетят ключевые узлы, вся конструкция может быстро рассыпаться.

— Я не люблю все эти «может, не может».

— Невозможно сказать точно.

— Быстро — это как быстро?

— Я бы сказал, минут пять, десять. Может быть, больше.

— А потом?

— Метеорит станет подвижным. Смещение даже на несколько дюймов, вероятно, окажется фатальным и разрушит корпус.

— Усильте сварку критических узлов.

Наступила пауза, сопровождаемая треском помех. Глинн знал, что Гарса думает о том, что произошло, когда он в прошлый раз руководил сварочными работами в танке.

— Есть, сэр,— прозвучал наконец ответ.

— И держите подальше от него соленую воду.

Ответом ему были только радиопомехи.

Великолепный корабль «Ролвааг» шел на юг. Наперекор всему он шел на юг.

«Ролвааг»
17 часов

В задней части мостика был пост наблюдателя — маленькое пространство, зажатое между радиорубкой и штурманской рубкой. Здесь не было ни мебели, ни декоративных украшений, ничего, кроме высоких иллюминаторов. У одного из них стоял Глинн с биноклем и смотрел на корму между труб. Снежный заряд — колеблющаяся серая полоса на севере — рассеивался. Буран подарил им шестьдесят минут. Им нужно еще двадцать. Но когда яркий лунный свет снова озарил бушующие волны, стало ясно, что у них этих минут не будет.

Как по сигналу, из далекой снежной завесы выплыл «Рамирес». Он оказался ужасающе близко, не больше чем в четырех милях, и весь в огнях. Его нос поднимался и опускался в бурное море. Глинну показалось, что на фоне неба он различает направленные на них носовые орудия эсминца. «Ролвааг» виден так же ясно, как он видит «Рамирес». На мостике заговорили и вдруг смолкли в тревожном ожидании. Валленар не терял времени. Носовые орудия быстро скорректировали наводку. Но что еще хуже, с «Рамиреса» выпустили серию снарядов с белым фосфором, которые взлетали ввысь, а потом медленно опускались, ярко освещая «Ролвааг» и море вокруг него.

Валленар был методичен и нетороплив. И очень осторожен. Знал, что он их достанет. Глинн взглянул на золотые кар-

15-1240

манные часы. С четырех миль «Рамирес» мог просто их расстрелять, не обременяя себя пристрелкой. «Ролваагу» оставалось двадцать минут хода до ледовых островов. Им нужно двадцать минут везения.

— Пересекаем границу льдов, мэм,— доложил Хоуэлл.

Глинн посмотрел на море. Даже при лунном свете было заметно резкое изменение цвета воды от темно-зеленого к чистому, почти синевато-черному. Глинн перешел к передним иллюминаторам мостика и стал рассматривать в бинокль южный горизонт. Он видел, как поднимаются и опускаются пятна тонкого льда, а когда корабль в очередной раз вынесло на гребень волны, успел увидеть два ледовых острова — две низкие ровные полосы бирюзового цвета. Он присмотрелся к ним более внимательно. Тот, что лежал восточнее, был огромным, возможно, миль двадцать в длину. Западный — меньше, всего миль пять. Они оставались неподвижными в постоянно изменявшемся вокруг них море. Такие массивные, что даже беснующемуся океану было не под силу их поднимать и опускать. Между ними был промежуток примерно в тысячу ярдов.

— Никаких признаков тумана,— сказала Бриттон, встав с ним рядом и глядя в свой бинокль.

Глинн продолжал вглядываться в горизонт, превозмогая резкую боль в области солнечного сплетения, которая пронизывала его с такой силой, как никогда раньше. Граница льдов не давала им укрытия. Во всяком случае, небо на юге было совершенно ясным. Яркий лунный свет, серебривший громадные волны, был похож на свет поискового прожектора. Фосфорные снаряды, медленно опускавшиеся неподалеку, освещали все вокруг как днем. Спрятаться было негде. Они оказались совершенно беззащитными. Глинн испытывал невыносимую, ни с чем не сравнимую, совершенно ему не знакомую боль.

С потрясающим самообладанием он снова поднял бинокль и стал рассматривать острова. «Рамирес» не стрелял, не спешил, уверенный, что им конец. Шли минуты. Его ум возвращался ко всем тупикам, которые отверг раньше. Снова и сно-

ва его ум исследовал глубже и дальше все грани возможностей, пытаясь найти новое решение их проблемы. Но других решений не было. Был только один сомнительный план. Все молчали.

С воем низко над надстройкой пронесся снаряд, вызвав легкий фонтан брызг. Еще один, еще. Все ближе.

Глинн быстро обернулся к Бриттон:

— Капитан, пройдите между двух островов, как можно ближе к большому. Поймите меня: как только сможете ближе к большому! Потом отведите судно к его подветренной стороне и ложитесь в дрейф,— тихо сказал он.

Бриттон не опустила бинокль.

— Это превратит нас в легкую мишень, когда он обогнет остров. Этот план не жизнеспособный, Эли.

— Это наш единственный шанс,— ответил он.— Поверьте мне.

Слева по борту взорвался гейзер, снаряды снова нащупывали цель. Поворачивать уже не было времени, не было смысла в хитроумных действиях. Глинн взял себя в руки. Высокие фонтаны воды взмывали вокруг судна все ближе. Наступило короткое затишье, насыщенное и жуткое. А потом Глинна сбило взрывом с ног и бросило на палубу. Несколько стекол на мостике вылетели, усеяв палубу блестящими черепками и впустив вой ветра.

Глинн лежал почти оглохший, но услышал, вернее, почувствовал второй взрыв. После этого погас свет.

«Ролвааг»
17 часов 10 минут

Обстрел прекратился. Бриттон, лежа среди осколков стекол, инстинктивно прислушивалась к двигателям. Они еще работали, но вибрация стала иной. Иной и зловещей. Она неуверенно поднялась. Включилось оранжевое аварийное освещение. Судно раскачивалось на страшных волнах. Рев ветра и океана врывался через разбитые иллюминаторы вместе с жалящими брызгами соленой воды и потоками морозного воздуха. Теперь шторм был на самом мостике. Нетвердой походкой она пошла к главному пульту с мигающими лампочками, стряхивая с волос осколки.

Бриттон обрела голос:

— Состояние, мистер Хоуэлл?

Он тоже был на ногах. Стучал по клавишам на пульте, одновременно говорил по телефону.

— Теряем мощность на левой турбине.

— Десять градусов лево руля.

— Десять градусов лево руля, есть, мэм.

Хоуэлл коротко переговорил по внутренней связи и доложил:

— Капитан, похоже, мы получили две пробоины. Одна в шестом отсеке по правому борту, а вторая вблизи машинного отделения.

— Организуйте ремонтно-восстановительные работы. Мне нужна оценка повреждений и число жертв. Мистер Уорнер, включите трюмные помпы.

Сильный порыв ветра ворвался на мостик, принеся новый заряд влаги. С падением температуры палуба и аппаратура стали покрываться изморозью. Но Бриттон едва замечала холод.

Подошел Ллойд, отряхивая с одежды осколки стекла. На лбу у него был глубокий порез, который сильно кровоточил.

— Мистер Ллойд, пойдите в лазарет...— начала Бриттон автоматически.

— Не смешите,— нетерпеливо прервал ее Ллойд и стер со лба кровь.— Я здесь, чтобы помочь.

Похоже, взрыв вернул его к жизни.

— Тогда вы могли бы обеспечить всех нас штормовками,— сказала Бриттон, указывая на кладовку в задней части мостика.

Щелкнуло радио, Хоуэлл выслушал и обернулся к капитану:

— Жду список жертв, мэм. Ремонтники сообщают о пожаре в машинном отделении. Было прямое попадание.

— Можно справиться портативными огнетушителями?

— Нет. Слишком быстро распространяется.

— Используйте стационарную систему. Нужно дать водяной туман на внутренние переборки.

Она взглянула на Глинна. Он взволнованно говорил что-то оператору у пульта ЭИР. Человек поднялся и испарился с мостика.

— Мистер Глинн, мне нужен рапорт из грузового отсека,— сказала она.

Глинн обратился к Хоуэллу.

— Свяжите меня с Гарсой.

Минутой позже ожил динамик над головой.

— Господи, что происходит? — спросил Гарса.

— В нас попали еще дважды. Что у тебя?

— Взрывы пришлись на волну и дополнительно порвали узлы. Мы работаем со всей возможной скоростью, но метеорит...

— Продолжай, Мануэль. Аккуратно.

Из кладовки вернулся Ллойд и стал раздавать штормовки команде на мостике. Бриттон взяла, оделась и посмотрела вперед. Там громоздились ледовые острова, бледно-синие в лунном свете. Не далее чем в двух милях они поднимались из воды на двести футов или даже выше, у их основания ревел неистовый прибой.

— Мистер Хоуэлл, позиция вражеского корабля?

— Всего три мили и конец. Они снова открыли огонь.

Новый взрыв, и водяной гейзер, едва взмывший у левого борта, был немедленно распластан «кладбищенским» ветром почти горизонтально. Только после этого Бриттон услышала отдаленный грохот самих орудий, странно обособленный от близких взрывов. Новое попадание, сотрясение. Бриттон пригнулась, когда мимо окон мостика со свистом пронеслись раскаленные добела куски металла.

— Скользящее попадание в верхнюю палубу,— констатировал Хоуэлл и сообщил Бриттон: — Пожар локализован, но обе турбины сильно повреждены. Взрывом разбиты насосы высокого и низкого давления. Мы стремительно теряем мощность.

Бриттон перевела взгляд на пульт, где цифровые датчики высвечивали скорость судна. Она упала до четырнадцати узлов, потом до тринадцати. С падением скорости ухудшалось поведение судна. Бриттон чувствовала, как шторм овладевает танкером, подчиняя своей анархической власти. Десять узлов. Корабль швыряло на огромных волнах вбок, вверх и вниз как игрушку. Она бы никогда не поверила, что судно таких размеров может так кидать в море. Она сосредоточила внимание на пульте.

Включилась предупредительная сигнализация машинного отделения. Она не принесла новой информации: Бриттон чувствовала под ногами отдаленный стук поврежденных дви-

гателей, напряженный, захлебывающийся, скачкообразный. Лампочки мигнули, когда отключилось питание, и заработала аварийная система энергообеспечения.

Никто не разговаривал. Огромная инерция судна продолжала нести его вперед по волнам, но каждая из этих волн, разбиваясь, отбирала у этого движения узел. «Рамирес» их стремительно настигал.

Бриттон обвела взглядом офицеров на мостике и увидела бледные застывшие лица. Охота окончилась.

Молчание нарушил Ллойд. Кровь с рассеченного лба затекла ему в правый глаз, и он рассеянно сморгнул ее.

— Полагаю, вот и все,— сказал он.

Бриттон кивнула.

Ллойд повернулся к Макферлейну:

— Знаешь, Сэм, я бы хотел быть сейчас там, внизу, в трюме. Я бы хотел попрощаться с ним. Полагаю, это похоже на сумасшествие. Тебе это не кажется безумием?

— Нет,— откликнулся Макферлейн.— Не кажется.

Угловым зрением Бриттон заметила, что Глинн повернулся к ним при этих словах, но ничего не сказал. Темные силуэты ледовых островов придвинулись ближе.

«Алмиранте Рамирес»
17 часов 15 минут

— Прекратить огонь,— приказал Валленар, обращаясь к офицеру-тактику.

Он поднял бинокль и пригляделся к раненому кораблю. Черный дым плотными и низкими шлейфами стекал с кормы танкера и разлетался над залитыми лунным светом волнами. По меньшей мере два прямых попадания, в том числе одно, похоже, точно в машинное отделение, основательно повреждена мачта системы связи. Для такого моря это была просто великолепная стрельба. То, что он и хотел: оставить судно беспомощным на плаву. Он уже видел, что они теряют ход. Реально теряют ход. На сей раз это уже не уловка.

Американский корабль продолжал идти к ледовым островам, которые станут жалкой и временной защитой от его орудий. Но женщина-капитан проявила большую смелость. Она не сдаст корабль, пока не будут использованы все возможности. Валленар мог понять такого капитана. Попытка спрятаться за островом была доблестной, но тщетной. И конечно, для них не будет никакой сдачи, только смерть.

Валленар взглянул на часы. Через двадцать минут он пройдет расселиной и подойдет к «Ролваагу». Более спокойная вода с подветренной стороны островов даст ему прочную платформу для прицельной стрельбы.

Он мысленно проигрывал убийство. Ни ошибок, ни возможности отступить. Он поставит «Рамирес» не ближе чем в миле

от танкера, чтобы предотвратить новые подводные экскурсии. Он устроит иллюминацию фосфорными осветительными ракетами. Но он не будет дразнить, слишком тянуть время. Он не садист, и женщина-капитан особенно заслуживает достойной смерти.

Лучше всего бить по корме, решил он. У ватерлинии. Чтобы танкер пошел вниз кормой. Было особенно важно, чтобы не осталось живых свидетелей того, что здесь произошло. Он расстреляет из сорокамиллиметровых пушек первую спасательную шлюпку, тогда остальные останутся на борту до конца. Когда судно начнет погружаться, все, кто жив, столпятся на полубаке, где ему их будет хорошо видно. Ему особенно необходимо видеть, как умрет та вежливая, лживая сволочь. Это он во всем виноват. Если кто и мог приказать убить его сына, так только он.

Танкер замедлил движение до пяти узлов и теперь шел между островами, очень близко к большему из них. Даже чересчур близко. Вероятно, поврежден руль. Острова были такими высокими, такими отвесными, что казалось, будто танкер вплывает в чудовищное укрытие из сверкающей лазури. Он успел заметить, что танкер, исчезая из его поля зрения, начал поворачивать влево. Это позволит ему скрыться с подветренной стороны большого острова, временно уйти из-под огня его орудий. Печальная и бесполезная попытка.

— Гидролокатор? — спросил Валленар, опустив бинокль.

— Чисто, сэр.

Вот так. Никаких неожиданных подводных льдин. Чисто до самого ледового острова. Время закончить работу.

— Прямо через проход. Следуйте их курсом.

Он обернулся к тактику.

— Приготовьтесь к ведению огня по моему приказу.

— Есть, сэр.

Валленар снова повернулся к иллюминаторам и приставил к глазам бинокль.

«Ролвааг»
17 часов 20 минут

«Ролвааг» прошел между островами, проскользнув в спокойный сумеречный мир. Ветер стих, больше не рвался в разбитые стекла. Внезапно шторм выпустил судно из своих объятий. Этот неожиданный покой среди бури очень тревожил Бриттон. Она смотрела на обрывы с обеих сторон, такие отвесные, словно обрубленные топором. Ниже ватерлинии с наветренной стороны прибой сформировал резные, фантастические по виду пещеры. В лунном свете лед светился чистой глубокой синевой, и ей подумалось, что она никогда в жизни не видела ничего прекрасней. «Забавно, что близость смерти так обостряет восприятие красоты»,— подумала она.

Глинн, уходивший на левое крыло мостика, теперь вернулся оттуда и плотно закрыл за собой дверь. Он подошел к Бриттон, стряхивая с плеч брызги.

— Так держать,— сказал он тихо.— Держите нос танкера под этим углом.

Она даже не позаботилась переадресовать Хоуэллу бесполезное и загадочное указание.

Судно почти потеряло ход, выполняя поворот на девяносто градусов позади острова. Теперь они скользили параллельно льду со скоростью в один узел и продолжали замедляться. Когда они остановятся, им уже будет не сдвинуться с места.

Бриттон взглянула на каменный профиль Глинна. Она едва не спросила, не думает ли он, что им удастся спрятать от

эсминца судно длиной в четверть мили. Но промолчала. Глинн предпринял невероятные усилия. Больше он уже ничего не мог сделать. Через несколько минут «Рамирес» появится из-за ледового острова, и все будет кончено. Она старалась не думать о дочери. Это будет самое трудное — уйти от дочки.

Под защитой острова все казалось странно тихим. На мостике стояла мертвая тишина: больше не было приказов, которые следовало бы отдать или получить. Пропал ветер, и прибой у острова был низким и не сильным. Ледяная стена возвышалась так близко, что можно было видеть на ней трещины и глубокие промоины — результат таяния и дождей. Бриттон разглядела маленькие водопады, льющиеся в море, и слышала треск и стук льда. В зубчатых утесах на вершине ледового острова свистел ветер. Место было нереальным, потусторонним. Она последила за айсбергом, недавно отколовшимся от острова и дрейфующим в западном направлении. Ей бы хотелось быть там, когда он медленно исчезнет вдали. Ей хотелось быть где угодно, только не здесь.

— Не все еще кончено, Салли,— сказал Глинн так тихо, что слышала только она.

Он очень внимательно за ней наблюдал.

— Нет, кончено. Эсминец угробил наши машины.

— Вы снова увидите свою дочь.

— Пожалуйста, не говорите так,— ответила она упавшим голосом, стирая навернувшуюся слезу.

К ее удивлению, Глинн взял ее руку.

— Если мы выберемся отсюда, я хотел бы снова вас увидеть. Можно? — начал он с несвойственной ему нерешительностью.— Хочу больше узнать о поэзии. Возможно, вы сможете меня научить.

Она слегка пожала ему руку.

— Пожалуйста, Эли, лучше помолчим.

А затем они увидели выплывающий нос «Рамиреса».

Он был меньше чем в двух милях, крался вблизи синей стены ледового острова, следуя у них в кильватере, приближался, как акула к беспомощной жертве. Орудийные башни следили за ними с холодной внимательностью.

Время словно остановилось, пока Бриттон смотрела через задний иллюминатор на пушки, ожидая из их жерл последнего смертельного огня. Казалось, что интервал между ударами сердца удлинился. Она огляделась вокруг себя: Ллойд, Макферлейн, Хоуэлл, вахтенные офицеры молча ждали. Ждали смерти в темной холодной воде.

Со стороны эсминца раздались хлопки, и в воздух поднялось множество осветительных ракет, прочертивших в небе яркие кривые линии. Бриттон заслонила глаза. Поверхность воды, палуба танкера, стенка ледового острова утратили свои цвета при этом невыносимом освещении. Когда яркость освещения немного уменьшилась, Бриттон снова посмотрела в иллюминатор. Орудия «Рамиреса» уменьшали угол наклона, пока не стали видны только их жерла. Эсминец наполовину выдвинулся из прохода и начал быстро сбрасывать ход. Стрелять он будет почти в упор.

Воздух разорвал звук взрыва. Он оглушительно раскатился в проходе между островами. Бриттон инстинктивно дернулась назад и почувствовала на своей руке руку Глинна. Вот оно. Она начала молча молиться о своей дочери и чтобы смерть была легкой и быстрой.

Но из орудий эсминца не появилось языков пламени. Она смотрела вокруг, не понимая. Потом заметила движение далеко наверху.

На вершине ледяного обрыва над «Рамиресом» над четырьмя развеивающимися столбами дыма в воздухе лениво кувыркались осколки и глыбы льда. Эхо умерло, и на мгновение наступила тишина. А потом ледовый остров, казалось, сдвинулся с места. Его лицевая стена начала сползать над «Рамиресом», между ней и массивом острова образовалась быстро расширявшаяся трещина. И теперь Бриттон видела, что ку-

сок льда высотой почти двести футов отделяется. Громадная ледяная плита откололась от обрыва и начала падать, разваливаясь при этом на несколько кусков. Это напоминало медленный величественный танец. Когда гигантские глыбы погрузились в море, стала подниматься стена воды, сначала черная, потом зеленая и белая. Вода поднималась выше и выше, выталкиваемая огромной массой льда. Теперь до Бриттон дошел звук, какофония шумов, которая становилась все громче. А волна все росла так круто, что стала обрушиваться, еще формируясь, и двинулась на «Рамиреса».

Раздался вой турбин, эсминец попытался маневрировать, но волна тут же накрыла его. Эсминец дернулся, поднимаясь все выше и кренясь. Стали видны красные от ржавчины листы носовой обшивки. На мгновение показалось, что он замер, сильно завалившись на правый борт. Две его мачты оказались почти параллельны поверхности воды, когда гребень громадной волны укрыл его пеной. Шли секунды, а корабль так и висел, прилепившись к волне в неустойчивом состоянии, когда он мог или обрести равновесие, или пойти ко дну. Бриттон чувствовала, как у нее в груди бешено колотится сердце. Затем корабль покачнулся и начал выпрямляться. Вода сливалась с его палубы. «Не сработало,— подумала Бриттон.— Господи, ничего не вышло».

Движение эсминца замедлилось, он снова замер, а потом лег обратно на воду. Словно вздохнула надстройка, струи воды ударили во всех направлениях, и корабль опрокинулся, его киль тяжело повернулся к небу. Раздался еще один, более громкий вздох, вокруг корпуса закружились пенные водовороты, всплыли пузыри воздуха, а потом почти без воронки он исчез в ледяной глубине. Произошел второй короткий взрыв пузырей, но и они скоро пропали, оставив только темную воду.

Это длилось всего девяносто секунд.

Бриттон увидела, что теперь волна несется на них, стремительно расширяясь, но теряя высоту.

— Держись,— прошептал Глинн.

Стоявший продольно к волне, танкер резко поднялся, накренился и легко выпрямился.

Бриттон отпустила руку Глинна и подняла к глазам бинокль, ощутив на лице холод резины. Она с трудом могла осознать, что эсминца больше нет. Ни человека, ни спасательного плота, ни даже подушки или бутылки не появилось на поверхности. «Алмиранте Рамирес» исчез без следа.

Взгляд Глинна был устремлен на остров, и, проследив за ним, она увидела у края плато четыре темных пятна. Четыре человека в гидрокостюмах стояли, подняв соединенные над головой руки. Одна за другой с тихим шипением в море опустились осветительные ракеты. Возвратилась темнота.

Глинн поднял рацию.

— Операция завершена,— сказал он тихо.— Готовьтесь к приему катера.

«Ролвааг»
17 часов 40 минут

Палмер Ллойд обнаружил, что моментально лишился дара речи. Он был настолько уверен в неминуемости близкой смерти, что возможность дышать и стоять здесь, на мостике, воспринималась как чудо. Когда он наконец обрел голос, то спросил Глинна:

— Почему вы мне не сказали?

— Вероятность успеха была слишком мала. Я сам не верил в такую возможность.— Его губы сложились в ироническую улыбку.— Нужно было, чтобы повезло.

В неожиданном эмоциональном порыве Ллойд бросился вперед и схватил Глинна в свои медвежьи объятия.

— Господи, я чувствую себя как приговоренный, получивший помилование. Эли, могу я что-нибудь сделать?

Он плакал и не стеснялся этого.

— Это еще не конец.

Ллойд просто усмехнулся в ответ на напускную скромность этого человека.

Бриттон обратилась к Хоуэллу:

— Мы черпаем бортом?

— Трюмные помпы справляются, капитан. Пока работает аварийная система подачи энергии.

— Сколько это продлится?

— Если отключить все, кроме совершенно необходимого, с аварийным дизелем продержимся больше двадцати пяти часов.

— Потрясающе! — воскликнул Ллойд. — Мы в прекрасной форме. Отремонтируем двигатели и в путь.

Он радостно улыбнулся Глинну, потом Бриттон и несколько приуныл, не понимая, почему они смотрят так мрачно.

— Что-нибудь неладно?

— Мы лишились хода, мистер Ллойд. Нас сносит течением обратно в шторм.

— Потеряли ход?

— Силовая установка разбита.

— Мы же справлялись до сих пор. Хуже-то быть не может. Или может?

Никто не ответил ему на этот вопрос.

Бриттон обратилась к Хоуэллу:

— Состояние систем связи?

— Нет дальней и спутниковой связи.

— Включите сигнал бедствия. Свяжитесь с Южной Георгией на аварийном канале шестнадцать.

Ллойд ощутил озноб.

— А зачем сигнал бедствия?

Снова ему никто не ответил.

— Мистер Хоуэлл, уточните состояние поврежденных двигателей.

Спустя минуту Хоуэлл доложил:

— Обе турбины ремонту не подлежат, мэм.

— Подготовиться к возможной эвакуации судна.

Ллойд не мог поверить, что не ослышался.

— О чем вы говорите, черт побери? Разве судно тонет? Здесь мой метеорит. Я не брошу танкер.

Бриттон обратила к нему холодный взгляд зеленых глаз.

— Никто не бросает судно, мистер Ллойд. Мы покинем его только в самом крайнем случае. Возможно, спуск на воду спасательных шлюпок в такой шторм будет не менее самоубийственным решением.

— Ради бога, зачем тогда такая суета? Мы можем переждать шторм и запросить буксир до Фолклендов. Все не так уж скверно.

— Мы потеряли ход и маневренность. Когда нас вынесет в шторм, мы получим ветер восемьдесят узлов, стофутовые волны и течение шесть узлов. Все это вместе будет толкать нас в одном направлении — к проливу Брансфилда. Это Антарктика, мистер Ллойд. Плохи наши дела.

Ллойд был потрясен. Он уже чувствовал, что зыбь начинает раскачивать судно. Порыв ветра ворвался на мостик.

— Слушайте меня,— сказал он тихо.— Мне плевать, что вам придется сделать и как вы это сделаете, но вы не потеряете мой метеорит. Понятно?

Бриттон неприязненно посмотрела на него в упор:

— Мистер Ллойд, сейчас мне совершенно плевать на ваш метеорит. Меня беспокоит только мое судно и команда. Это понятно?

Ллойд повернулся за поддержкой к Глинну. Но Глинн остался безмолвным и совершенно спокойным, сохраняя на лице обычную маску.

— Когда мы можем получить буксир?

— Большинство электроники отказало, но мы пытаемся связаться с Южной Георгией. Все зависит от шторма.

Ллойд нетерпеливо прервал, обращаясь к Глинну:

— Что происходит в танке?

— Гарса усиливает оплетку дополнительной сваркой.

— И сколько времени это займет?

Глинн не ответил. Этого не требовалось. Теперь и Ллойд почувствовал. Движение корабля стало хуже: наводящим ужас водяным валам, казалось, требовалась вечность, чтобы пройти. А на гребне каждого из них «Ролвааг» словно кричал от боли. Это был какой-то приглушенный звук — не то вибрация, не то скрежет.

Это была мертвая рука метеорита.

«Ролвааг»
17 часов 45 минут

Из радиорубки появился Хоуэлл и сообщил Бриттон:

— На связи Южная Георгия, мэм.

— Очень хорошо. Переключите их на громкую связь, пожалуйста.

Ожил громкоговоритель.

— Южная Георгия танкеру «Ролвааг», прием.

Голос был металлическим и тусклым, но Бриттон распознала в нем среди шумов едва заметный акцент родных мест. Она взяла микрофон передатчика.

— Южная Георгия, у нас авария. Мы серьезно повреждены. Без тяги, повторяю, без тяги. Дрейфуем в направлении зюйд-зюйд-ост со скоростью девять узлов.

— Принято, «Ролвааг». Ваши координаты? Какой у вас груз? Балласт или нефть?

Глинн взглянул на нее острым взглядом. Бриттон выключила микрофон.

— С этого момента мы начинаем говорить правду,— сказал Глинн.— Нашу правду.

Бриттон снова включила передатчик:

— Южная Георгия, мы переоборудованы под рудовоз. Мы имеем полную загрузку в виде метеорита, выкопанного на одном из островов у мыса Горн.

— Подтвердите. Вы сказали «метеорит»?

— Подтверждаю. Наш груз — это метеорит весом двадцать пять тысяч тонн.

— Метеорит весом двадцать пять тысяч тонн,— невозмутимо повторил голос.— «Ролвааг», пожалуйста, назовите ваш предполагавшийся порт назначения.

Бриттон понимала, что за этим скрывался тонкий вопрос: почему вы там оказались?

— Мы направлялись в Порт-Элизабет в Нью-Джерси.

Снова пауза. Бриттон ждала, внутренне сжавшись. Любому опытному мореходу сразу понятно, что история очень странная. Они находятся в двухстах милях от пролива Брансфилда, давно в зоне сильнейшего шторма, и это их первый сигнал бедствия.

— «Ролвааг», могу я спросить, вам известен последний прогноз погоды?

— Да, известен,— подтвердила Бриттон, зная, что ей все равно его сообщат.

— К полуночи ветер усилится до ста узлов, высота волн до сорока метров, везде в проливе Дрейка штормовое предупреждение пятнадцать баллов.

— Сейчас почти тринадцать,— откликнулась Бриттон.

— Понятно. Пожалуйста, сообщите характер ваших повреждений.

— Сделай это хорошо,— пробормотал Глинн.

— Южная Георгия, мы были атакованы без предупреждения чилийским военным кораблем в международных водах. Снарядами повреждено машинное отделение, полубак и главная палуба. Мы потеряли ход и маневренность. Мы — «мертвец в воде».

— Боже милостивый! Вы еще под огнем?

— Эсминец зацепил айсберг и затонул полчаса назад.

— Невероятно. Почему...

Неподходящий вопрос при сигнале бедствия. Но надо сказать, и бедствие очень необычное. Времени оставалось в обрез, и Бриттон опередила вопрос своим ответом:

— Мы не имеем представления почему. Чилийский капитан, похоже, действовал самоуправно, без приказа.

— Вы идентифицировали военный корабль?

— «Алмиранте Рамирес», командир Эмилиано Валленар.

— Вы черпаете воду?

— Наши помпы справляются.

— Вам угрожает немедленная опасность?

— Да. Наш груз может сместиться в любой момент, судно может опрокинуться.

— «Ролвааг», оставайтесь на связи.

Наступило шестидесятисекундное молчание.

— «Ролвааг», мы полностью понимаем ваше положение. Мы имеем наготове спасательные средства здесь и на Фолклендах. Но мы не можем, повторяю, не можем начинать поиск и эвакуацию, пока шторм не утихнет по крайней мере до десяти баллов. «Ролвааг», у вас есть спутниковая связь?

— Нет. Большая часть электроники отказала.

— Мы сообщим вашему правительству о вашем положении. Можем мы еще чем-нибудь помочь?

— Только буксиром и как можно скорей. Прежде чем мы разобьемся о рифы Брансфилда.

После шороха помех голос вернулся.

— Желаю удачи, «Ролвааг». Храни вас Бог.

— Спасибо, Южная Георгия.

Бриттон положила микрофон, прислонилась к пульту и стала пристально вглядываться в ночь.

«Ролвааг»
18 часов 40 минут

Как только «Ролвааг» вынесло из-под прикрытия ледового острова, его подхватило ветром и потащило в шторм. Ветер набирал силу, в считанные минуты они снова промокли от ледяных брызг. Салли Бриттон чувствовала, что судно находится целиком во власти бури, и испытывала отвратительную беспомощность.

Шторм усиливался с методичностью часового механизма. Бриттон замечала, как он нарастает от минуты к минуте, достигая силы, которая казалась ей невероятной. Луна скрылась за плотными облаками, и за пределами мостика ничего не было видно. Шторм был здесь, на самом мостике, вокруг них. Он был в обилии брызг и секущих, острых как бритва, осколках льда, в крепнущем предчувствии смерти в море. Но больше всего лишал ее присутствия духа звук: постоянный глухой рев, приходивший, казалось, сразу со всех направлений. Температура на мостике упала до девятнадцати градусов Фаренгейта, и Бриттон ощущала, как ее волосы покрываются льдом.

Она продолжала регулярно получать рапорт о состоянии судна, но обнаружила, что почти не отдает приказов. Без силовой установки и рулевого управления она мало что могла сделать. Оставалось ждать. Чувство беспомощности было по-

чти невыносимым. Основываясь на движении судна, она прикинула, что высота волн сто футов. Их мощность не уступает мощности товарного состава. Эти волны, обегающие земной шар по воле ветра, нигде не разбиваются о берега, поэтому растут, растут и растут. Волны «ревущих шестидесятых» — самые громадные на земле. «Ролвааг» пока спасали только его собственные огромные размеры. Каждый раз, когда судно поднималось на гребень, ветер достигал оглушительного воя. Вся надстройка вибрировала и дребезжала, словно ветер пытался обезглавить корабль. Он содрогался и начинал заваливаться набок медленно, мучительно. Эта битва волна за волной фиксировалась креномером: десять, двадцать, двадцать пять градусов. Когда угол становился критическим, все взоры были прикованы к этому обычно не очень важному инструменту. Когда гребень волны проходил, Бриттон ждала выравнивания судна, и это был самый страшный момент. Но каждый раз судно выравнивалось. Начиналось это незаметно, потом процесс ускорялся. Громадная инерция постепенно выпрямившегося судна заставляла его на миг прислониться к волне. Что вызывало не меньший ужас. Оно соскальзывало к подошве волны, окруженное водяными горами, в зловещую тишину, которая казалась еще более устрашающей, чем шторм наверху. Процесс повторялся снова и снова, бесконечно, с жестокой размеренностью. И на всем его протяжении ни она, ни кто-либо другой ничего не могли сделать.

Бриттон включила прожектора носовой надстройки, чтобы увидеть главную палубу. Большинство контейнеров и несколько шлюпбалок сорвало с креплений и смыло за борт, но люки танков уцелели. Судно продолжало черпать воду через пробоину, однако трюмные помпы с ней справлялись. «Ролвааг» был крепким мореходным судном, он прекрасно выдержал бы шторм, если бы не сокрушительный груз у него в трюме.

К семи часам шторм достиг пятнадцати баллов с порывами ветра до ста узлов. Когда судно поднималось на вершину волны, врывавшийся в разбитые иллюминаторы ветер грозил выдуть их всех с мостика в темноту. Ни один шторм не мог

долго так бесноваться. Бриттон надеялась, что он начнет стихать. Должен.

Она регулярно смотрела показания локаторов, безнадежно пытаясь увидеть контакт, который мог означать спасение. Но экран был испещрен шумовыми дорожками, создаваемыми в основном отражениями от поверхности моря. С гребня каждой волны им удавалось ясно рассмотреть поле гроулеров — скопление небольших айсбергов — на расстоянии около восьми миль впереди. А между ними и судном лежал одинокий ледовый остров, меньшего размера, чем те, что они миновали, но все же длиной в несколько миль. По мере продвижения во льды волны будут уменьшаться, но, конечно, и льда будет все больше.

По крайней мере, глобальная навигационная система работала стабильно и четко. Они находились в ста пятидесяти милях северо-западнее Южных Шетландских островов, необитаемой гряды похожих на клыки гор, торчащих из моря и окруженных рифами и водоворотами. За ними лежал пролив Брансфилда, а дальше — паковый лед и побережье безжалостной Антарктиды. С приближением к побережью волны станут меньше, но усилятся течения. Если Южная Георгия начнет спасательную миссию в шесть утра... Все зависит от этой штуки в трюме.

Судно устрашающе накренилось. И когда оно оказалось на вершине волны, Бриттон ощутила странную заминку, задержку в этом положении. В этот самый момент Глинн поднял рацию и очень внимательно слушал. Заметив ее взгляд, он объяснил:

— Это Гарса, но я не слышу его из-за шторма.

Бриттон обратилась к Хоуэллу:

— Соединитесь с ним. Максимальное усиление.

Неожиданно на мостике загремел голос Гарсы:

— Эли!

Усиление придало паническую интонацию этому бесконечно усталому голосу. На заднем плане Бриттон слышала скрип и визг измученного металла.

— Слушаю.

— Подались основные крестовины!

— Продолжай работать.

Бриттон удивил спокойный, ровный голос Глинна. Корабль снова накренился.

— Эли, эта штука выпутывается быстрей, чем мы успеваем...

Судно накренилось еще сильней, и голос Гарсы утонул в новом взвизге металла.

— Мануэль, Рочфорт знал, что делал, когда проектировал оплетку,— сказал Глинн.— Она гораздо прочней, чем ты думаешь. Действуй последовательно, шаг за шагом.

Крен судна еще сохранялся.

— Эли, камень... Камень двинулся! Я не могу...

Динамик смолк.

Судно прекратило движение, потом содрогнулось всем корпусом и стало медленно выпрямляться. И снова Бриттон ощутила ту же заминку, похожую на остановку, как будто танкер за что-то зацепился.

Глинн не отрывал глаз от динамика. Через секунду в нем щелкнуло и вернулся голос Гарсы:

— Эли, ты слушаешь?

— Да.

— Я думаю, штука немного двинулась, но снова встала на место.

Глинн почти улыбнулся.

— Мануэль, видишь, ты напрасно беспокоился. Не паникуй. Сосредоточь внимание на критических узлах, остальные пусть летят. Разберись в ситуации. Эта оплетка построена с огромной избыточностью. Двойное обеспечение. Помни это.

— Есть, сэр.

Корабль начал снова крениться. Медленное мучительное движение, сопровождаемое скрипами. И опять Бриттон уловила паузу, а потом что-то новое, какое-то изменение в характере движения. Нечто неприятное.

Бриттон взглянула на Глинна, потом на Ллойда. Она поняла, что они ничего не заметили. Когда метеорит сдвинулся, она почувствовала, что на это отреагировало все судно. «Ролвааг» всей своей массой почти повернулся на гребне последней волны. Может, ей это показалось? Она ждала, пока судно опускалось в неестественное спокойствие у подошвы волны, а когда снова начало подъем, включила освещение главной палубы и поисковые прожектора. Бриттон хотела видеть, как судно адаптируется к волне. Оно поднималось, содрогаясь, словно бы пытаясь сбросить с себя ношу. Тяжелая темная вода сливалась с бортов и через шпигаты. С началом подъема снова застонала конструкция в трюме. Дрожа под ударами ветра, судно медленно поднималось по широкой поверхности волны. Нос зарылся в самый гребень вала, стон перешел в пронзительный визг протестующего металла и дерева, которому вторил весь остов судна. И вот оно: на вершине «Ролвааг» совершил то же самое рыскающее движение, почти поворот на месте, а потом опять лег на воду. Снова замешкался перед выравниванием, и это было хуже всего.

Однажды во время сильнейшего шторма у Гранд-Бэнкс Бриттон довелось увидеть, как корабль сломался пополам. Со страшным шумом развалился корпус, черная вода закипела внутри, мгновенно заполняя самые глубокие отсеки. Ни у кого не было шанса спастись, все были затянуты в пучину. Это зрелище до сих пор часто тревожило ее по ночам.

Бриттон взглянула на Хоуэлла. Он тоже заметил замедленность выравнивания и смотрел на нее побелевшими глазами на смертельно бледном лице. Бриттон никогда не видела его таким испуганным.

— Капитан...— начал он дрогнувшим голосом.

Она жестом призвала его к молчанию, поскольку знала, что он хочет сказать. Но это была ее обязанность.

Она взглянула на Глинна. Его лицо сохраняло на удивление уверенное и спокойное выражение. Она отвела от него взгляд. При всех его знаниях он не мог чувствовать корабля.

«Ролвааг» был готов развалиться.

Они снова опускались к подошве волны, ветер упал до нуля. Она воспользовалась этим, чтобы оглядеться вокруг. Ллойд, Макферлейн, Амира, Глинн, Хоуэлл, Бэнкс, вахтенные офицеры — все молчали и смотрели на нее. Все ждали от нее действий, которые спасут им жизнь.

— Мистер Ллойд,— сказала она.

Он подался к ней, готовый помочь.

— Да?

Корабль проходил вершину волны, от внутреннего сотрясения задребезжали стекла и пульты. Только когда танкер снова пошел вниз, Бриттон смогла вздохнуть.

— Мистер Ллойд,— сказала она снова.— Метеорит необходимо сбросить.

«Ролвааг»
19 часов

При этих словах у Макферлейна внутри возникло странное ощущение. Словно гальванический ток пробежал по телу. Это невозможно. Никогда. Он попытался стряхнуть с себя морскую болезнь и страх последних мучительных минут. Он услышал ответ Ллойда. Хотя слова были произнесены негромко, едва слышно в реве моря, в них была огромная сила убежденности.

— Только не это.

Судно опускалось вниз в сверхъестественное спокойствие у подошвы волны, на мостике стало тихо.

— Я капитан этого судна,— сказала Бриттон.— От этого зависит жизнь команды. Мистер Глинн, я приказываю вам привести в действие аварийный сброс. Я это приказываю.

После некоторого колебания Глинн повернулся к пульту ЭИР.

— Нет! — крикнул Ллойд, крепко схватив его за руку.— Только троньте этот компьютер, и я убью вас голыми руками.

Коротким резким движением Глинн высвободился из захвата, лишив при этом Ллойда равновесия. Гигант оступился, но смог удержаться и тяжело задышал. Судно снова накренилось, и по всей длине корпуса прокатился металлический

вопль. Всякое движение прекратилось. Каждый уцепился за что-то, чтобы устоять.

— Вы это слышали, мистер Ллойд? — крикнула Бриттон, перекрывая голосом вопль протестующего металла.— Этот сукин сын внизу убивает мой корабль!

— Глинн, не подходите к компьютеру.

— Капитаном отдан приказ! — прокричал Хоуэлл высоким голосом.

— Нет! Ключ знает только Глинн, он этого не сделает! Он не может без моего разрешения! Эли, вы меня слышите? Я приказываю не включать аварийный сброс!

Ллойд бросился к пульту ЭИР и загородил его своим телом.

Хоуэлл крикнул:

— Охрана! Взять этого человека и удалить с мостика!

Но Бриттон подняла руку.

— Мистер Ллойд, отойдите от компьютера. Мистер Глинн, исполняйте мою команду.

Судно накренилось сильней, раздался треск корабельной стали, который перешел в стон раздираемого металла, прекратившийся, когда судно стало выпрямляться.

Ллойд ухватился за пульт, глаза у него стали дикими.

— Сэм!

Он плакал, остановив взгляд на Макферлейне.

Макферлейн смотрел на него, онемевший, почти парализованный противоречивыми эмоциями: он испытывал страх за свою жизнь и страстное желание сохранить метеорит с его бесконечными загадками. Кажется, легче пойти вместе с ним на дно, чем отказаться от него сейчас. Или нет?

— Сэм! — Ллойд почти умолял, бессвязно выкрикивая слова.— Вы же ученый. Скажите им о ваших исследованиях. Об острове стабильности. Новый элемент... Скажите им, почему это так важно. Скажите им, что они не могут сбросить камень!

Макферлейн чувствовал, как у него сжалось горло. Он осознал впервые, как безответственно было брать камень в море. Если он утонет, то уйдет на абиссальную глубину океан-

ского дна, больше чем на две мили, и никто никогда его не увидит. Потеря для науки будет катастрофической. Трудно себе представить.

Макферлейн услышал свой голос:

— Ллойд прав. Это, возможно, самое важное научное открытие, когда-либо сделанное. Вы не должны его выбросить.

Бриттон повернулась к нему.

— У нас больше нет выбора. Метеорит идет на дно независимо от наших действий. Так что остается только один вопрос: позволим ли мы ему взять нас с собой?

«Ролвааг»
19 часов 10 минут

Макферлейн посмотрел на лица вокруг него. У Ллойда — напряженное и ожидающее; у Глинна — непроницаемое; у Рейчел — раздираемое теми же сомнениями, что и у него. У Бриттон в лице читалась абсолютная убежденность. Это была группа измученных людей: их волосы покрывал иней, красные от холода и ветра лица иссечены до крови летящими льдинками.

— Мы можем вместо этого оставить судно,— сказал Ллойд. В его голосе звучала паника.

— Черт, пусть оно дрейфует без нас. Оно все равно дрейфует. Может быть, оно выживет само. Нам не обязательно сбрасывать камень.

— Это почти самоубийство — высаживаться на спасательные шлюпки в такую погоду,— возразила Бриттон.— Там мороз, знаете ли.

— Мы не можем его просто сбросить,— продолжал Ллойд с отчаянием.— Это будет преступлением перед наукой. Не нужно резких движений. Мы уже столько перенесли. Глинн, скажите ей, что не нужно так суетиться.

Но Глинн промолчал.

— Я знаю мой корабль,— только и сказала Бриттон.

Ллойд перемежал угрозы мольбами. Теперь он снова взывал к Макферлейну:

— Должно же что-то быть. Какой-то способ. Скажи им еще раз о научной значимости метеорита, о его уникальности...

Макферлейн взглянул на лицо Ллойда. Оно казалось призрачным при оранжевом аварийном освещении. Он и сам страдал от тошноты, страха и холода. Но нельзя позволить сбросить камень. Он находился в состоянии тревожного ожидания. Думал о Несторе, о том, что значит умереть, представил, как будет тонуть в холодной темной бездне, и вдруг очень, очень испугался смерти. На него накатил страх, парализующий разум.

— Сэм! Ради бога, скажите им!

Макферлейн заговорил, но его голос потонул в вое ветра.

— Что? — крикнул Ллойд.— Все, слушайте Сэма! Сэм...

— Выпустите его,— сказал Макферлейн.

На лице Ллойда отразилось изумление, он временно утратил дар речи.

— Вы же слышали ее,— продолжал Макферлейн.— Он пойдет на дно все равно. Битва окончена.

Его охватило чувство безнадежности. Он почувствовал теплую влагу в уголках глаз и понял, что это слезы. Какая утрата. Какая утрата...

Ллойд резко повернулся, обратив свое внимание к Глинну.

— Эли! Эли! Вы никогда меня раньше не подводили. Всегда был еще какой-то трюк. Умоляю, помогите мне. Не позволяйте им сбросить камень.

Его голос стал жалобным, молящим. Человек терял свой облик у них на глазах.

Глинн ничего не ответил. Судно снова начало наклоняться. Макферлейн вслед за Бриттон перевел взгляд на креномер. Все разговоры прекратились, когда ветер снова ворвался в окна мостика. Опять появился ужасный звук. «Ролваг» замер при крене в тридцать градусов. Каждый лихорадочно вцепился во что-то. Судно валилось набок. Макферлейн схватился за поручень у переборки. Испытываемый им ужас теперь помог очистить мозг, избавиться от сожалений. Все, что он хотел,— избавиться от этой штуки.

— Поднимись,— услышал он бормотание Бриттон.— Поднимись.

Но судно упрямо сохраняло крен на левый борт. Мостик так далеко наклонился, что Макферлейн видел под окнами только черную воду. У него началось головокружение. А потом, чудовищно содрогнувшись, судно стало постепенно выпрямляться.

Как только палуба выровнялась, Ллойд отошел от пульта, раздираемый ужасом, гневом и обидой. Макферлейн видел, что и с ним поработал тот же страх, прояснив ум, высветив единственный рациональный выбор, который у них остался.

— Ладно, выпустите его,— сказал наконец Ллойд и закрыл лицо руками.

Бриттон обратилась к Глинну:

— Вы слышали его. Избавьтесь от камня немедленно.

Сквозь напряжение в ее голосе явно слышалось облегчение.

Медленно, почти механически Глинн сел за пульт ЭИР. Поставил пальцы на клавиатуру компьютера. Потом посмотрел на Макферлейна.

— Скажите, Сэм, если метеорит реагирует на соленость, что произойдет, когда он окажется в открытом океане, под судном?

Макферлейн вздрогнул. Он не прекращал думать об этом с тех пор, как начались беды.

— Морская вода является проводником,— начал он.— Она смягчит разряд метеорита.

— Вы уверены, что он не взорвет судно?

Макферлейн помедлил.

— Нет.

Глинн кивнул.

— Понятно.

Они ждали. Не было слышно и щелканья клавиш. Глинн сидел без движения, сгорбившись над пультом.

Снова стало тихо, когда судно опустилось к подошве волны.

Глинн повернул голову, пальцы рук оставались на клавиатуре.

— В этом шаге нет необходимости,— сказал он тихо.— К тому же он тоже представляет огромную опасность.

Он снял свои длинные белые пальцы с пульта, медленно поднялся и повернулся к ним лицом.

— Судно выживет. С конструкциями Рочфорта никогда не бывает аварий. Нет необходимости использовать аварийный сброс. В этом я согласен с мистером Ллойдом.

Все в шоке молчали.

— Когда метеорит войдет в контакт с соленой водой, взрыв может потопить судно,— продолжал Глинн.

— Я же сказал, что заряд рассеется в воде,— сказал Макферлейн.

Глинн поджал губы.

— Вы так думаете. Мы не можем рисковать створками сбросового люка. Если они будут повреждены и не закроются, танк наполнится водой.

Заговорила Бриттон:

— Если метеорит не будет сброшен, «Ролвааг» однозначно пойдет на дно. Эли, вы не понимаете? Мы не продержимся и десяти волн.

Судно начало взбираться на следующий вал.

— Салли, вы последний человек, от которого я мог ожидать панических настроений.— Голос Глинна был спокойным и уверенным.— Мы сможем его вывезти.

Бриттон громко вздохнула.

— Эли, я знаю свой корабль. Это конец. Неужели вы этого не видите?

— Не вижу,— сказал Глинн.— Худшее миновало. Верьте мне.

Слово «верьте» висело в воздухе, а крен все увеличивался и увеличивался. Всех словно парализовало. Все взгляды были устремлены на Глинна. А судно все наклонялось.

Из динамика послышался голос Гарсы, тихий, прерывающийся:

— Эли, оплетка рвется! Ты меня слышишь? Рвется!

Глин подбежал к микрофону:

— Оставайся там, я спущусь через минуту.

— Эли, основание люльки разрывается на куски. Всюду летит металл. Я должен увести отсюда людей.

— Мистер Гарса! — обратилась к нему Бриттон по внутренней связи.— Говорит капитан. Вы знакомы с устройством аварийного сброса?

— Я его построил.

— Тогда, задействуйте его.

Глинн стоял с невозмутимым видом. Макферлейн наблюдал за ним, пытаясь понять эту неожиданную перемену. Неужели Глинн прав? Неужели корабль и метеорит могут выжить? Потом он взглянул на лица офицеров. Откровенный ужас в их глазах говорил о другом. Судно застыло на вершине волны, повернулось, затрещало, снова пошло вниз.

— Аварийный сброс запускается с пульта ЭИР на мостике,— сообщил Гарса.— У Эли есть коды...

— Можете вы это сделать вручную? — спросила Бриттон.

— Нет. Эли, бога ради, поторопись. Совсем немного времени, и эта штука выкатится прямо сквозь борт судна.

— Мистер Гарса,— сказала Бриттон.— Прикажите вашим людям покинуть свои посты.

Заговорил Глинн:

— Гарса, я отменяю этот приказ. У нас не бывает аварий. Продолжайте работу.

— Ни в коем случае, сэр. Мы эвакуируемся.

Радио замолчало.

Глинн побледнел. Он оглядел мостик. Корабль был в волновой яме, и наступила тишина.

Бриттон подошла и положила Глинну руку на плечо.

— Эли,— сказала она.— Я знаю, вы внутренне уже признали поражение. Я знаю, вам достанет мужества это сделать. Сейчас только вы обладаете возможностью спасти нас и это судно. Пожалуйста, включите сброс.

Макферлейн наблюдал, как она протянула другую руку и сжала руку Глинна. Он, казалось, дрогнул.

Неожиданно на мостике появился Паппап. С него текло, и он был снова в своих отрепьях. На его лице отражалось стран-

ное возбуждение, ожидание, от которого Макферлейн похолодел.

Глинн улыбнулся и сжал Бриттон руку.

— Какая чепуха. Салли, я действительно ожидал от вас большего. Неужели вы не понимаете, что мы не можем потерпеть неудачу. Для этого мы слишком тщательно все спланировали. Нет нужды производить сброс. При данных обстоятельствах это делать было бы опасно.— Он огляделся.— Я никого из вас не виню. Ситуация сложная, и страх является естественной реакцией. Но подумайте, через какие испытания я вас провел практически единолично. Могу обещать: оплетка выдержит, и корабль выдержит шторм. Мы совершенно определенно не здесь встретим свой конец. И совсем не потому, что, как это ни прискорбно, сдали нервы.

Макферлейн заколебался, в нем всколыхнулась надежда. Возможно, Глинн прав. Этот человек так убедителен, так уверен в себе. Он добивался успеха при самых невыгодных обстоятельствах. Макферлейн заметил, что и оживившийся опять Ллойд готов быть убежденным.

Судно поднялось и наклонилось. Все разговоры прекратились, каждый спасал жизнь, вцепившись во что-то крепкое. Какофония визга и скрипа деформирующегося, рвущегося металла возобновилась и все усиливалась, пока не заглушила рев бури. В этот момент Макферлейн осознал полностью и бесповоротно, что Глинн ошибается. На гребне корабль завибрировал так, словно он попал в землетрясение. Замигали аварийные лампочки.

Прошло несколько мучительных мгновений, прежде чем судно выпрямилось и перевалилось через гребень волны. На мостике снова стал слышен вой ветра, а потом он стих.

— На этот раз вы, Глинн, ошибаетесь,— сказал Ллойд с перекошенным от ужаса лицом.— Откройте сброс, вы, сукин сын.

Глинн улыбнулся почти презрительно.

— Сожалею, мистер Ллойд. Коды знаю только я, и я снова спасу для вас ваш метеорит, даже вопреки вашему желанию.

Неожиданно Ллойд с рвущимся из горла криком бросился к Глинну. Глинн слегка отступил в сторону и нанес резкий удар ребром ладони, обрушив задыхающегося Ллойда на палубу.

Макферлейн сделал шаг по направлению к Глинну, тот повернулся к нему и принял стойку. Его глаза остались непроницаемыми, как тьма. Макферлейн понял, что Глинн не намерен изменять свое решение. Это был человек, который не мог потерпеть неудачу, который готов был умереть, доказывая это.

Бриттон взглянула на первого помощника. Одного взгляда на нее было Макферлейну достаточно, чтобы понять — она пришла к тому же выводу.

— Мистер Хоуэлл,— сказала она.— Всем оставить свои посты. Мы покидаем судно.

От удивления у Глинна сузились глаза, но он продолжал молчать.

Хоуэлл повернулся к Глинну:

— Вы приговариваете нас к смерти, вынуждая покинуть судно в такой шторм на спасательных шлюпках. Вы сумасшедший ублюдок.

— Возможно, на этом мостике я единственный, кто сохранил здравый ум.

Ллойд, превозмогая боль, с трудом вставал с палубы, пока поднималось судно. Он не взглянул на Глинна. Глинн повернулся и, не сказав ни слова, покинул наклоняющийся мостик.

— Мистер Хоуэлл, включите радиомаяк. Всем грузиться в шлюпки. Если я не вернусь через пять минут, вы примете командование,— распорядилась Бриттон и решительно вышла.

«Ролвааг»
19 часов 35 минут

Эли Глинн стоял на металлическом мостике над центральным танком. Он слышал лязганье, это Паппап задраивал переходной люк из коридора. Глинн почувствовал нечто вроде признательности индейцу. Тот до конца остался ему верным, когда все, даже Салли, обманули его ожидания.

Истерия, свидетелем которой он был на мостике, очень его расстроила. Он же преуспел на каждом этапе, они должны были ему доверять. Издали доносился вой сирены, отдававшийся эхом в пространстве. Зловещий, неприятный звук. В ближайшие часы многим суждено погибнуть в бушующем море. Все это совершенно лишнее. Великолепный «Ролвааг» выживет, он в этом совершенно уверен. Он выживет вместе со своим грузом и с теми, кто на нем останется. А к утру, когда шторм будет уже только воспоминанием, придет буксир из Южной Георгии. «Ролвааг» вернется в Нью-Йорк с метеоритом. Жаль, что столь многим это не удастся.

Глинн снова подумал о Бриттон. Потрясающая женщина. Очень печально, что она не хочет довериться ему до конца. Ему уж никогда не найти такой женщины, это наверняка. Он спасет для нее ее корабль, но, конечно, ни о каких личных отношениях больше не может быть и речи.

Он прислонился к переборке, немного удивляясь, что ему так долго приходится восстанавливать дыхание. Он держался,

пока судно наклонялось. Следует признать: опасный угол, но меньше критического, равного тридцати пяти градусам. Глинн слышал скольжение цепей и скрежет металла у него под ногами. Наконец судно со стоном стало выравниваться. Это трагедия — после всего, что он сделал, добился такого выдающегося успеха, они не пожелали ему поверить в последний раз. Никто, кроме Паппапа. Он взглянул на старика, и тот спросил:

— Пойдем туда вниз, парень?

Глинн кивнул:

— Мне потребуется ваша помощь.

— Именно для этого я здесь.

Они подошли к краю мостков. Верхняя часть окружавшей метеорит оплетки была закрыта непромокаемыми покрышками. Аварийные лампы давали слабый свет. Танк все еще прекрасно держался и оставался сухим. Великолепный корабль. Усиленная обшивка корпуса оправдала себя. Камень — эпицентр их страхов и надежд,— даже укрытый брезентом, выглядел потрясающе. Он мирно покоился в своей люльке, в чем Глинн и не сомневался.

Глинн перевел взгляд вниз к распоркам и фиксаторам. Приходилось признать, что там были значительные повреждения: погнутые балки и переломы. Поперечные распорки люльки вдоль дна танка были завалены сорванными заклепками, обрывками цепей, обломками дерева. Глинн слышал треск и скрежет, но первичная оплетка была, по существу, нетронутой.

Лифт, однако, оказался сломанным, и Глинн стал спускаться вниз.

Корабль поднялся, снова стал наклоняться.

Глинн нашел устойчивое положение и продолжил спуск. Судно кренилось дольше, чем должно было бы по его расчетам. Глинн чувствовал себя скорей в горизонтальном положении, чем в вертикальном. Приходилось отстраняться от лесенки, а не прижиматься к ней. Зацепившись за перекладину локтем, он стал ждать конца этого процесса. Отсюда он

уже видел выглядывающий из-под покрышек красный бок метеорита. Какофония звуков в танке становилась все громче, напоминая некую адскую симфонию металла, но Глинн не обращал на нее внимания. Он достал карманные часы и, взяв за цепочку, подержал их в вытянутой руке, измеряя угол наклона. Двадцать пять градусов: гораздо меньше критического значения.

Внезапно возник глухой скрипучий шум, и массивный алый бок метеорита, казалось, пошевелился. Судно наклонилось еще больше, и метеорит двинулся с ним вместе. Глинн уже не был уверен, корабль ли задает движение метеориту или наоборот. Метеорит сместился к краю люльки, рискуя перевалиться через него. Слышался треск ломающегося, расщепляющегося дерева. Двадцать семь градусов. Двадцать восемь.

Корабль вздрогнул, замер и стал выпрямляться. Глинн облегченно перевел дух. Двадцать восемь градусов. Вполне в пределах допустимого. Метеорит вернулся на свое место в люльке, вызвав чудовищное содрогание. Скрежет металла мгновенно прекратился. Смолк вой ветра и грохот воды за корпусом. Корабль спускался к подошве волны.

Глинн обежал взглядом танк. Первое, что здесь необходимо сделать,— подтянуть цепи, ближайшие к метеориту. Они были так спроектированы, что с этим мог справиться один человек, используя снабженные моторами натяжные устройства, подсоединенные к каждому узлу, где предусмотрена возможность подтягивания. Он был удивлен, что Гарса не сделал этого до сих пор.

Глинн быстро вскарабкался к основному узлу подтяжки и включил механизм. Индикатор загорелся нормально, устройство было в прекрасном рабочем состоянии. Судно продолжало опускаться к подошве приближающейся волны, что давало покой и устойчивость для выполнения необходимой работы.

Глинн двинул рычаг вперед и с удовольствием увидел, как снова натянулись провисшие при сдвиге метеорита большие обрезиненные цепи. Почему Гарса этого не сделал? Причина проста: он запаниковал. На миг Глинн почувствовал разоча-

рование в своем доверенном начальнике строительства. Это не похоже на Гарсу, совсем не похоже. Как много людей его подвели. По крайней мере, он сам никого не подвел.

Все цепи натягивались с легкостью, и он обратился к Паппапу:

— Возьмите инструменты,— сказал он, указывая на ящик, оставшийся после ухода Гарсы.

Корабль поднимался и снова наклонялся. Цепи напряглись и потом с резким бренчанием ослабли. Глинн присмотрелся к ним при тусклом освещении и увидел, что на самом деле Гарса уже пытался их подтянуть. Зубья на шестернях механизма выкрошились, а четырехдюймовый стальной храповик обломился. Механизм стал бесполезен.

Корабль начал подъем. Глинн услышал голос сверху. Он выбрался из-под оплетки и посмотрел наверх.

Салли Бриттон вышла на мостки. Она сохраняла естественное благородство осанки, которое так его поразило, когда он ее увидел впервые, спускавшейся по залитой солнцем лестнице вечность назад. Его сердце дало неожиданный сбой. Она передумала. Она решила остаться с кораблем.

Бриттон вынуждена была переждать долгий подъем танкера, сопровождаемый скрежетом. Они смотрели друг на друга, пока метеорит качался в своей люльке, а корабль словно выл от боли. Когда это закончилось, Бриттон крикнула:

— Эли! Корабль разваливается!

Глинн почувствовал острое разочарование, она вовсе не передумала. Это только отвлекало его. Он снова сосредоточил внимание на люльке. Теперь он видел: чтобы закрепить камень, нужно подтянуть болт на цепи над верхушкой метеорита. Придется сделать вырез в покрышке. Это простое дело. Нужно вручную подтянуть всего шесть дюймов. Он начал карабкаться наверх по ближайшей цепи.

— Эли, пожалуйста! Нам оставили спасательную шлюпку. Бросьте эту штуку и пойдемте со мной!

Глинн забрался наверх, Паппап с инструментами влез следом за ним. Нужно сосредоточиться на деле, не позволять себя отвлекать.

Добравшись до верхушки метеорита, он с удивлением увидел небольшой прикрытый вырез в брезенте. Как он и ожидал, болт верхней цепи затянут не был. Когда корабль стал снова подниматься на волну и наклоняться, он попытался завернуть гайку.

Никакого движения. Он не понимал, не мог понять, под каким колоссальным, невообразимым напряжением находится болт.

— Подержите этот ключ,— сказал он.

Паппап с готовностью схватил инструмент своими жилистыми руками.

Судно еще наклонилось.

— Вернитесь на мостик, Эли,— сказала Бриттон.— Еще есть время открыть сброс. Мы оба можем выжить.

Глинн взглянул наверх, отвлекшись от борьбы с болтом. В ее голосе не было мольбы, это было бы не в стиле Салли Бриттон. В нем звучала терпеливость, благоразумие и убежденность. Он был огорчен.

— Салли,— сказал он.— Умрут только те, кто достаточно глуп, чтобы пересесть в спасательные шлюпки. Если вы останетесь здесь, вы останетесь живы.

— Я знаю свой корабль, Эли,— ответила Бриттон.

Встав на колени, он еще раз попытался затянуть гайку. Кто-то уже хотел сделать это до него — на металле были свежие царапины. Когда корабль наклонился, он почувствовал, что метеорит сдвинулся. Глинн устроился более надежно, вставив обе ноги в звенья цепи. Он до предела напряг все свои силы, но гайка не двигалась. Передохнув, вновь принялся за дело.

Крен все возрастал.

Бриттон заговорила из темноты наверху, повысив голос, чтобы он мог ее слышать сквозь шум.

— Эли, мне хотелось бы с вами пообедать. О поэзии я знаю не так уж много, но я поделюсь с вами всем, что знаю. Мне бы этого очень хотелось.

Метеорит дрогнул, и Глинн держался обеими руками, когда тот стал опрокидываться вместе с кораблем. Сверху свиса-

ли веревки, прикрепленные к пластине фильтра-пресса танка. Глинн быстро обвязал одну из них вокруг пояса, чтобы удержаться на месте. Он опять вооружился инструментом. Четверть оборота — все, что ему нужно. Крен корабля замедлился.

— И я могла бы полюбить вас, Эли...

Глинн неожиданно остановился и посмотрел наверх, на Бриттон. Она пыталась что-то еще сказать, но ее голос тонул в нараставшем визге измученного металла, резонирующем в огромном пространстве танка. Ему хотелось смотреть бесконечно на ее миниатюрную фигуру на верхних мостках. Ее прическа развалилась, золотистые волосы небрежно рассыпались по плечам и блестели даже при слабом освещении.

Глядя на нее, он вдруг осознал, что корабль не выравнивается. Отвел от нее взгляд, посмотрел сначала на болт, потом на Паппапа. Старик улыбался, с его длинных тонких усов капала вода. Глинн разозлился на себя за то, что позволил себе отвлечься от проблемы, которая требует решения.

— Плоскогубцы! — крикнул он Паппапу, перекрывая вопли металла.

Судно очень сильно накренилось, звуки рвущегося металла оглушали. Рукой, дрожащей от усталости, Глинн вытащил карманные часы, чтобы в который раз определить угол наклона. Он держал их за цепочку, а они не прекращали раскачиваться взад-вперед. Глинн попытался остановить колебания, но часы проскользнули у него между пальцев, полетели вниз и вдребезги разбились о бок камня. Он видел, как маленькие блестящие кусочки золота и стекла брызнули по красной поверхности и исчезли в глубине танка.

С пугающей неотвратимостью опрокидывание судна ускорилось. Или это ему кажется? Ничего подобного просто не может быть. Чтобы конструкция выдержала, было заложено двойное обеспечение. Расчеты не раз проверялись и перепроверялись, все, что могло привести к неудаче, было учтено.

Тут он почувствовал, что метеорит под ним двинулся. С треском разорвался брезент, оплетка стремительно разлеталась.

Внезапно все поле зрения Глинна заполнил своей краснотой метеорит, похожий на огромную кровавую рану, и поехал мимо, опутанный веревками и кабелями, срывая заклепки, которые летели, как пули, и рикошетили от переборок. Корабль все круче и круче заваливался набок. Глинн стал карабкаться изо всех сил, пытаясь развязать веревку на поясе, но узел был таким тугим, таким прочным...

Возник неописуемый звук, словно разверзлись одновременно небеса и бездна внизу. В мощном искровом ливне разорвался танк, и метеорит — неуклюжий гигант, похожий на осторожного зверя,— покатился в темноту, утаскивая с собой Глинна. Мгновенно стало темно, и он почувствовал поток холодного воздуха...

Тонко звенел хрусталь, слышались голоса. В зале было многолюдно в этот благоуханный вечер четверга. Здесь собрались любители искусства и богатые парижане. По другую сторону скромного фасада ресторана затянутая дымкой осенняя луна изливала легкое мерцание на округ Маре. Глинн улыбнулся Салли Бриттон, сидевшей напротив него за столом, покрытым скатертью из белого дамаста.

— Попробуйте это,— сказал он, когда официант откупорил бутылку «Вдовы Клико» и наполнил их бокалы.

Глинн взял бокал и поднял его. Бриттон улыбнулась...

Внезапно чудное видение потонуло в жутком хохоте Паппапа, и все испарилось от чистой вспышки яркого прекрасного света.

Пролив Дрейка
19 часов 55 минут

Макферлейн вцепился мертвой хваткой в петли безопасности на спасательной шлюпке, прокладывающей себе дорогу через громадные пики и каньоны бушующего моря. Рейчел крепко держалась за его руку. Последние двадцать минут прошли в суете и смятении: неожиданный уход Бриттон с мостика, принятие Хоуэллом на себя командования и его приказ покинуть судно, сбор у спасательных шлюпок и кошмарный спуск в лодках на беснующиеся волны. После изнурительных часов преследования, борьбы со штормом и с метеоритом финал катастрофы произошел так быстро, что казался нереальным. Он в первый раз оглядел внутренность спасательной шлюпки. Из-за целикового корпуса, маленького входного люка и крошечных окошек она выглядела большой торпедой. У руля стоял Хоуэлл, он распоряжался всеми, кто был внутри лодки. Здесь находился Ллойд и еще человек двадцать, включая полдесятка тех, чья шлюпка сорвалась со шлюпбалки во время спуска на воду, их подобрали уже из ледяных волн.

Макферлейн хватался еще крепче, когда шлюпка срывалась в свободное падение, обрушивалась и резко взмывала вверх. Миниатюрное суденышко не рассекало волны, как «Ролвааг», а плясало на них подобно щепке. Ошеломительные провалы, мучительные подъемы на водяные горы изматывали и вселяли ужас. Они все промокли еще на палубе тан-

кера, но Макферлейн видел, что те, кого выловили из моря, находились теперь без сознания. Брамбелл прилагал все силы, чтобы им помочь.

Офицер на носу шлюпки обеспечивал сохранность провизии и средств безопасности. Все мучились от морской болезни, и некоторых неудержимо рвало. Никто из команды не произносил ни слова. Плотно закрытый корпус спасательной шлюпки предохранял их от стихий, но Макферлейн чувствовал, как волны безжалостно бьют судно.

Наконец Хоуэлл заговорил. Среди шума ветра и воды его голос звучал хрипло. Он поднес рацию к самому рту, но говорил так, что его слышали все, кто был на борту.

— Всем внимание! У нас есть единственный шанс: дойти до ледового острова на юго-востоке и спрятаться от шторма на подветренной стороне. Держать курс один-два-ноль, скорость десять узлов, постоянно держать визуальный контакт. Держать открытым канал три. Включить радиомаяк бедствия.

Было трудно понять, двигались ли они куда-то направленно. Луна то появлялась, то исчезала в маленьких иллюминаторах. Макферлейну удалось рассмотреть на пенных волнах огни двух других спасательных шлюпок, уменьшивших обороты двигателей, чтобы сохранять визуальный контакт. Когда они оказывались на гребне огромной волны, Макферлейну удавалось рассмотреть «Ролвааг» на полмили позади них. Он раскачивался, словно медленно плыл. Аварийные огни мигали. После того как три шлюпки отошли от судна несколько минут назад, больше ни одной спущено не было.

Новый вал попытался поднять танкер, но на этот раз «Ролвааг» не поддавался, словно был привязан снизу. Он все больше и больше кренился и, когда его захлестнуло гребнем волны, медленно лег набок. Макферлейн взглянул на осунувшееся лицо Ллойда, который отвернулся и от Макферлейна, и от «Ролваага». При очередном падении шлюпка полностью погрузилась в волны и потом с трудом выбралась на поверхность. Хотя ему тоже было невыносимо смотреть, огромный корабль притягивал взгляд Макферлейна. Танкер лежал на боку и не

двигался. Даже когда прокатился гребень, он продолжал оседать, затягиваемый все ниже и ниже губительной тяжестью. Из отступавшей волны начала подниматься корма, оголяя неподвижные гребные винты. Пронзительный визг, напоминающий женский, прорвался сквозь завывание бури. Внезапно нос и корма разделились и поднялись из белого кипения пены. В центре катаклизма возникло интенсивное темно-голубое свечение, такое яркое, что, казалось, оно зажгло море изнутри, посылая через воду неземной свет. Огромное облако пара прорвалось на поверхность и поднялось вверх, обволакивая обреченный корабль. Полыхающие в разломе молнии вырывались через торчащие из пучины обломки и зигзагами вонзались в ночь. В этот момент спасательная шлюпка снова погрузилась в бушующую стихию воды, заслонившей ужасное зрелище. Когда они выбрались на поверхность, океан был пустынным и темным. Корабль исчез.

Макферлейн дрожал и чувствовал подкатывающую тошноту. Он не осмеливался посмотреть на Ллойда. Глинн, Бриттон, три десятка членов команды, служащие ЭИР и рабочие «Ллойд индастриз», которые пошли на дно вместе с кораблем, погружающийся на двухмильную глубину метеорит... Он закрыл глаза и крепче прижал к себе Рейчел. Никогда в жизни ему не было так холодно, так тошно, так страшно.

Рейчел пробормотала что-то невнятное, и он наклонился к ней ближе:

— Что ты сказала?

Она прижимала к нему какую-то вещь.

— Возьми это,— сказала она.— Возьми.

В ее руке был компакт-диск с результатами тестирования метеорита.

— Почему? — удивился он.

— Я хочу, чтобы ты его сохранил. Всегда его храни. В нем есть все ответы, Сэм. Обещай, что ты их найдешь.

Он опустил диск в карман куртки. Это все, что у них осталось,— несколько сотен мегабайт данных. Метеорит был навсегда потерян для мира. Он уже зарылся глубоко в ил океанского дна.

— Обещай,— повторила Рейчел.

Ее голос звучал невнятно, заторможенно.

— Обещаю.

Он прижал ее крепче, чувствуя на руках теплые струйки слез. Метеорит потерян. Столько людей погибло. Но они остались живы и будут жить.

— Мы вместе найдем ответы,— сказал он.

Разбившийся гребень волны опрокинул лодку набок, их всех сбросило на дно шлюпки. Макферлейн слышал, как Хоуэлл выкрикивал команды, когда ударила следующая волна, едва не перевернув их. С грохотом шлюпка опрокинулась обратно.

— Рука! — раздался крик.— Я сломал руку!

Макферлейн помог Рейчел снова сесть на мягкое сиденье, вставил ее руки в петли. Вокруг них ревели волны, иногда лодка полностью скрывалась под водой.

— Еще далеко? — крикнул кто-то.

— Две мили,— откликнулся Хоуэлл, стараясь удержать курс.— Примерно.

Вода потоком заливала иллюминаторы, позволяя только изредка увидеть, что вокруг по-прежнему ничего, кроме черной ночи. У Макферлейна стали болеть локти, колени и плечи, избитые о борта и крышу маленького судна. Он ощущал себя шариком для пинг-понга в стиральной машине. Было так холодно, что он перестал чувствовать ноги. Реальность начинала отступать. Вспоминалось лето, проведенное на озере в Мичигане, пляж, где он часами сидел на песке, держа ноги в мелкой воде. Но та вода никогда не бывала такой холодной. Он осознал, что на дне лодки поднимается ледяная вода. Под ударами безжалостной бури корпус лодки треснул.

Он посмотрел в иллюминатор и на расстоянии нескольких сотен ярдов увидел тусклые огоньки двух других лодок, выскакивающих из моря и ныряющих обратно. На них снижалась огромная волна, и они пробивались через нее, выделывая крутые спирали, когда рулевые выполняли маневры, чтобы предотвратить опрокидывание. Гребные винты дико завывали, оказываясь над поверхностью воды.

А потом одна из лодок исчезла. Только что была здесь, мигала ходовыми огнями, взбираясь на очередную волну, и вдруг исчезла, погребенная ею. Ее огни пропали так резко, словно их просто выключили.

— Мы потеряли маяк на шлюпке номер три, сэр,— сказал человек на носу.

Макферлейн опустил голову на грудь. Кто был в той лодке? Гарса? Стоунсайфер? Его разум отказывался работать. Какая-то его часть теперь надеялась, что они тоже пойдут на дно так же мгновенно. Он предпочел бы быстрый конец этой агонии. Вода в лодке прибавлялась. Он смутно понимал, что они тонут.

Но вот волны стали затихать. Судно продолжало падать и подскакивать, но водяные горы уменьшились и упал ветер.

— Мы под защитой,— сказал Хоуэлл.

Его волосы стали тусклыми и прилизанными, форма под штормовкой намокла. По лицу розовыми ручейками струилась кровь, смешавшаяся с водой. И все же его хриплый голос оставался твердым. Он снова взял рацию.

— Всем внимание! Обе лодки черпают воду и не могут долго оставаться на плаву. Для нас есть только один выход: переправиться на ледовый остров, взяв с собой столько провизии, сколько сможем унести. Понятно?

Совсем немногие подняли головы. Казалось, их это не беспокоит. Слабый сигнальный фонарь у них на борту шарил по ледяной стенке.

— Впереди маленький карниз. Подводим лодки прямо к нему. Льюис на носу раздаст вам продукты и высадит по двое за раз. Быстро. Если вы упадете в воду, немедленно выбирайтесь из нее, она убьет вас в пять минут. Теперь, друзья, подъем.

Макферлейн заботливо прижал к себе Рейчел и обернулся посмотреть на Ллойда. На этот раз тот тоже посмотрел на него. В его темных запавших глазах была мука.

— Что я наделал? — хрипло прошептал он.— Боже, что я наделал?

Пролив Дрейка
26 июля, 11 часов

Над ледовым островом светало. Макферлейн, пребывавший в прерывистом полусне, медленно просыпался. Наконец он поднял голову, при этом у него на куртке треснул лед. Около него держались тесной группой ради тепла все те, кто выжил. Рядом несколько человек лежали на спине. Их лица с открытыми глазами покрывал лед. Другие стояли на коленях, не двигаясь. «Они, должно быть, умерли»,— подумал Макферлейн, словно еще во сне. Сто человек вышли в плавание, а теперь он видел не больше двух десятков.

Рейчел лежала около него, закрыв глаза. Он попытался сесть, с него осыпался снег. Ветер совершенно стих, мертвую тишину нарушали всплески прибоя внизу ледового острова. Вокруг расстилалось плато бирюзового льда, изрезанное ручьями, которые промыли извилистые ущелья на пути к краям острова.

На восточном горизонте появилась красная полоса, словно из него сочилась кровь и окрашивала вздымавшиеся волны. Горизонт был испещрен голубыми и зелеными точками сотен айсбергов. Неподвижные среди волн, они сверкали при утреннем свете вершинами, похожими на драгоценности. В этом ландшафте воды и льдов ощущалась беспредельность.

Макферлейну ужасно хотелось спать. Странно, что ему больше не было холодно. Он заставлял себя проснуться. По-

степенно он приходил в себя, вспомнил высадку, как они в темноте карабкались по расселине во льду на вершину острова, их жалкие попытки развести огонь, медленное сползание в летаргию. Была жизнь и до этого, но он не хотел о ней думать. Сейчас его мир сжался до пределов этого странного острова. Здесь не было впечатления движения. Он был прочным, как земля. Нескончаемая процессия валов продолжала катиться на восток, но волнение стало меньше. После черноты штормовой ночи все выглядело окрашенным пастелью: голубой лед, розовое море, красное с персиковым небо. Это было прекрасно, странно, сверхъестественно.

Макферлейн попытался встать, но ноги его не слушались. Ему удалось только подняться на колени, прежде чем снова упасть. Он испытывал такую усталость, что потребовалось безмерное усилие воли, чтобы не остаться лежать. Частицей притупленного сознания он понимал, что это не просто усталость, а переохлаждение, влекущее к смерти.

Им необходимо встать, двигаться. Он должен их поднять.

Макферлейн повернулся к Рейчел и резко тряхнул. Ее прикрытые глаза обратились к нему. У нее посинели губы, в черных волосах застыл лед.

— Рейчел,— прохрипел он.— Рейчел, вставай, пожалуйста.

Ее губы двигались и что-то говорили, но результатом был только беззвучный поток воздуха.

— Рейчел?

Он наклонился к ней и смог разобрать свистящее, едва слышное слово:

— Метеорит...

— Он пошел ко дну,— сказал Макферлейн.— Не думай сейчас об этом. С этим покончено.

Она покачала головой.

— Нет... не то, что ты думаешь. Так хочется спать...

Она закрыла глаза и опять покачала головой.

— Рейчел, не засыпай. О чем ты говоришь?

Она путалась в словах, галлюцинируя, а он понимал, как важно разговорить ее, чтобы не заснула. Он снова встряхнул ее.

— Метеорит? Рейчел, о чем ты?

Она приоткрыла глаза и слегка пошевелила рукой. Макферлейн проследил за ее взглядом.

— Там,— сказала она.

Макферлейн взял ее руку, стянул заледеневшую перчатку. Рука была совершенно холодной, пальцы побелели. Он понял: пальцы у нее отморожены — и попытался помассировать их. Рука расслабилась, в ней был арахис.

— Ты голодна? — спросил Макферлейн.

Орех скатился в снег. Рейчел закрыла глаза. Он попытался ее поднять и не смог сдвинуть закоченевшее тяжелое тело. Он прижался к ней, повернулся в поисках помощи и увидел Ллойда, лежавшего на льду рядом с ними.

— Ллойд! — позвал он.

— Да,— ответил слабый мрачный голос.

— Нам нужно двигаться.

— Не хочу.

Макферлейн обнаружил, что ему становится трудно дышать. Он снова попытался встряхнуть Рейчел, но теперь и сам едва мог двигать руками, не говоря уж о приложении какого-то усилия. Он посмотрел на тесную группу неподвижных фигур, блестевших из-за покрывавшего их льда. Среди них был доктор Брамбелл с зажатой под мышкой, такой неуместной книгой. Был Гарса с белой повязкой на голове, покрытой льдом. Был Хоуэлл. Два, может быть, три десятка других. Никто не двигался. Неожиданно он осознал, что его это волнует. Очень волнует. Ему хотелось кричать, встать и растолкать этих людей, поставить на ноги, но он не нашел в себе энергии даже заговорить. Их слишком много, ему не согреть всех. Ему и самому-то никак не согреться.

У него поплыло в голове, появилось странное ощущение наползающей черноты, полной апатии. «Мы все здесь умрем,— подумал он.— Ну и ладно». Он посмотрел на Рейчел, стара-

ясь стряхнуть с себя черноту. Ее полуоткрытые глаза закатились, были видны только белки. Лицо стало серым. Он пойдет туда, куда ушла она. Это нормально. Единственная снежинка опустилась с неба на ее губы. И долго там не таяла.

Чернота вернулась. Теперь это оказалось приятно, словно засыпаешь на руках у своей матери. Когда он уже отдался приятнейшему сну, в уме продолжал звучать голос Рейчел: «Не то, что ты думаешь. Не то, что ты думаешь».

А потом голос изменился, стал громче, более металлическим:

— Южная Георгия-браво... Вижу... Захожу для эвакуации...

Над головой появился свет. Послышался гул, ритмичное биение. Голоса по радио. Все сопротивлялось этому: «Нет, нет, дайте мне спать! Не мешайте мне!»

А потом пришла боль.

Остров Южная Георгия
29 июля, 12 часов 20 минут

Палмер Ллойд лежал в двухъярусной кровати из клееной фанеры в лазарете британской научной станции. Он смотрел на фанерный потолок, на бесконечные петли темной и светлой древесины, на узоры, которые он прослеживал взглядом тысячи раз в последние дни. Он чувствовал запах остывшей еды, которая стояла у его кровати. Слышал шум ветра за крошечным окном, которое смотрело на снежники, голубые горы и голубые ледники острова.

Миновало три дня после их спасения. Умерли очень многие: кто на корабле, кто на спасательных шлюпках, кто уже на ледовом острове. «Но один из команды остался жив, тот, что вышел в море с семьюдесятью пятью...» Старая морская песенка из «Острова сокровищ» вертелась у него в голове снова и снова с того самого момента, как он пришел в сознание здесь, на этой кровати.

Он остался жив. Завтра вертолетом его отправят на Фолкленды. Оттуда он вернется в Нью-Йорк. Он с безразличием думал о реакции прессы на случившееся. Столь немногое казалось теперь важным. С ним покончено. Покончено с музеем, с бизнесом, с наукой. Все его мечты, представлявшиеся теперь бесконечно далекими, пошли ко дну вместе с камнем.

Все, чего ему хотелось,— добраться до своей фермы на севере штата Нью-Йорк, сесть в качалку на крыльце и смотреть, как олень ест яблоки в саду.

Вошел санитар, убрал поднос со старой едой и поставил новый. Ллойд покачал головой.

— Это моя работа, приятель,— сказал санитар.

— Пусть стоит.

В этот момент раздался стук в дверь.

Вошел Макферлейн: темные очки, левая рука и часть лица забинтованы. Выглядел он ужасно и, похоже, нетвердо держался на ногах. Макферлейн сел на складной металлический стул и занял почти все свободное пространство в маленькой комнате. Стул заскрипел.

Ллойд удивился его появлению. Они не виделись с Макферлейном в течение всех этих трех дней. Он полагал, что Макферлейн порвал с ним, что естественно, так как с ним никто не разговаривал. Единственным посетителем из членов экспедиции был Хоуэлл, но и тот заходил, только чтобы подписать какие-то бумаги. Теперь они все его ненавидят.

Ллойд думал, что Макферлейн не говорит, потому что ждет, пока уйдет санитар. Но дверь за санитаром уже закрылась, а молчание продолжалось еще долго. Наконец охотник за метеоритами снял темные очки и наклонился вперед.

Перемена испугала Ллойда. Глаза Макферлейна, красные и воспаленные, горели огнем. Под глазами виднелись темные круги. Сам Макферлейн был грязным и нечесаным. Потеря метеорита и смерть Амиры сильно ударили по нему.

— Послушайте,— начал Макферлейн напряженным голосом.— Мне нужно вам кое-что сказать.

Ллойд ждал. Макферлейн наклонился еще ближе и проговорил Ллойду прямо в ухо:

— Координаты места, где «Ролвааг» пошел ко дну...

— Пожалуйста, Сэм, не надо об этом. Не сейчас.

— Именно сейчас,— сказал Макферлейн с неожиданной горячностью.

Он залез в карман и вытащил компакт-диск, поднял его вверх к свету, и тот заиграл всеми цветами радуги.

— На этом диске...

Ллойд отвернулся к фанерной стене.

— Сэм, с этим покончено. Метеорита нет. Бросьте это.

— На этом диске последние экспериментальные данные, полученные с метеорита. Я обещал. Я был занят их... изучением.

Ллойд устал, очень устал. Его взгляд упал на маленькое окно, за которым видны были горы, одетые ледниками, их белые вершины вонзались в облака. Вид льда вызывал у него ненависть. Он больше не хочет видеть лед. Никогда.

— Вчера,— безжалостно продолжал Макферлейн,— один из местных ученых здесь, на станции, сказал мне, что они зафиксировали десятки очень необычных, придонных моретрясений силой меньше трех баллов по шкале Рихтера.

Ллойд ждал продолжения, хотя все это было так неуместно.

— Эпицентр моретрясений находится в точке с координатами гибели танкера.

У Ллойда заблестели глаза. Он повернул голову, чтобы встретиться взглядом с ученым.

— Я анализировал эти данные,— продолжал Макферлейн.— Они в основном связаны с формой и внутренней структурой метеорита. Она очень необычна. Она слоистая. Она почти симметричная. Это неестественно.

Ллойд сел.

— Неестественно?

Он встревожился. У Макферлейна психологический срыв. Ему нужна помощь.

— Я сказал — слоистая. Он имеет кожуру, толстый внутренний слой и маленькое круглое ядро в самом центре. Это не случайно. Подумайте об этом. Что еще имеет такую структуру? Это совершенно обычно. Это должно быть универсальной структурой.

— Сэм, вы устали. Позвольте мне вызвать вам сестру. Она...

Но Макферлейн прервал его.

— Амира догадалась. Перед самой смертью. Она это ухватила. Помните, она сказала, что нам нужно прекратить рассматривать его с наших позиций и начать думать с позиций метеорита? Под конец Амира догадалась. Он взаимодействовал с соленой водой. Он ждал соленую воду. Ждал миллионы лет.

Ллойд взглянул на кнопку экстренного вызова рядом со своей кроватью. Охотник за метеоритами был в гораздо худшем состоянии, чем он вначале подумал.

Глаза Макферлейна лихорадочно блестели.

— Понимаете, Ллойд, это был вовсе не метеорит.

Ллойд чувствовал странное беспокойство, безмолвие в комнате. Если бы только ему удалось нажать кнопку незаметно, чтобы не встревожить парня.

Лицо Макферлейна горело, вспотело. Дыхание стало быстрым и неглубоким. Потеря камня, гибель «Ролваага», смерти в воде и на ледовом острове — все это, видимо, привело к нервному расстройству. Ллойд почувствовал новый приступ вины: пострадали даже те, кто выжил.

— Вы меня слышите, Ллойд? Я сказал, что это не метеорит.

— Что же это тогда, Сэм? — постарался спросить спокойным голосом Ллойд, словно случайно придвигая руку к кнопке.

— Все эти придонные колебания, прямо там, где затонул метеорит...

— Что же это, Сэм?

— А вот что. Вам известна теория панспермии? Что жизнь на земле была посеяна первоначально спорами, дрейфующими в космосе?

— Конечно, Сэм, конечно,— сказал Ллойд успокаивающим голосом.

Он нажал на кнопку один раз, потом второй и третий. Сестра будет здесь моментально. Макферлейн нуждается в помощи.

— Так вот, это больше чем панспермия.

Обведенные красным глаза буравили Ллойда.

— Что это за штука, которую мы только что посеяли на дне моря? Мне неизвестно точно, что это было. Но одно я знаю.

— Что, Сэм?

Ллойд старался, чтобы его голос звучал нормально. Слава богу, уже слышались торопливые шаги сестры в коридоре.

— Она прорастает!

Благодарность

Авторы выражают признательность командору Стефану Литтфину, резервисту Военно-морского флота США, за неоценимую помощь в аспектах, касающихся кораблевождения в «Границе льдов». Искренняя благодарность Майклу Тазиани и капитану Эмилио Фернандесу Сьерре за корректировку в рукописи элементов, относящихся к танкерам. Мы благодарны Тиму Тирнану за его советы по металлургии и физике, охотнику за метеоритами Чарли Снеллу из Санта-Фе за информацию о том, как это происходит в действительности, и Франку Райли, старшему инженеру-строителю компании «Ове Аруп и партнеры». Мы хотим поблагодарить многих других инженеров, которые поделились с нами малодоступной технической информацией, относящейся к способам перемещения сверхтяжелых объектов.

Линкольн Чайлд благодарит свою жену Лючию просто за все; Сонни Баулу за переводы с тагальского языка, Грега Тира за компетентную и заинтересованную критику; свою дочь Веронику, делавшую каждый день драгоценным. Спасибо Денису Келли, Малою Бауле и Хуанито «Хозяину» Непомусино за их разнообразную помощь. Искренняя благодарность Лиз Синер, Роджеру Лесли и особенно Джорджу Соули, моему наставнику (мне ли этого не знать!) последние четверть

века. Пусть горячее солнце просвещения всегда светит Карлтон-колледжу и его питомцам.

Дуглас Престон благодарит свою жену Кристину и троих своих детей, Селин, Алисию и Айзека, за их любовь и поддержку.

Мы также хотим поблагодарить Бетси Митчелл и Хайме Левина из «Уорнер букс», Эрика Симонофф из «Джанклоу и Несбит ассошиэйтс» и Мэтью Снайдера из Си-эй-эй.

Литературно-художественное издание

Дуглас Престон
Линкольн Чайлд

ГРАНИЦА ЛЬДОВ

Ответственный редактор *Е. Гуляева*
Редактор *А. Турундаевский*
Художественный редактор *А. Сауков*
Иллюстрация на переплете *С. Григорьев*
Технический редактор *О. Шубик*
Компьютерная верстка *А. Скурихина*
Корректоры *В. Дроздова, М. Ахметова*

ООО «Издательский дом «Домино».
191028, Санкт-Петербург, Моховая ул., д. 32.
Тел./факс: (812) 329-55-33. E-mail: dominospb@hotbox.ru

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: **www.eksmo.ru** E-mail: **info@eksmo.ru**

Подписано в печать 27.07.2007.
Формат 60x90$^{1}/_{16}$. Печать офсетная. Бумага тип. Усл. печ. л. 32,0.
Тираж 10 100 экз. Заказ 1240.

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:
ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное, Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: **reception@eksmo-sale.ru**

По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми покупателями *обращаться в отдел зарубежных продаж ООО «ТД «Эксмо»*
E-mail: **foreignseller@eksmo-sale.ru**

International Sales:
For Foreign wholesale orders, please contact International Sales Department at
foreignseller@eksmo-sale.ru

По вопросам заказа книг «Эксмо» в специальном оформлении
обращаться в отдел корпоративных продаж ООО «ТД «Эксмо»
E-mail: **project@eksmo-sale.ru**

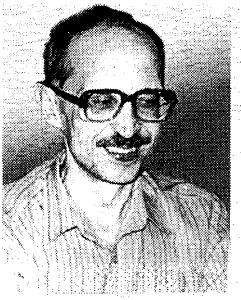
Оптовая торговля бумажно-беловыми и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:
Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2, Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).
e-mail: **kanc@eksmo-sale.ru**, сайт: **www.kanc-eksmo.ru**

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:
В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. (812) 365-46-03/04.
В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.
Тел. (8312) 72-36-70.
В Казани: ООО «НКП Казань», ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (843) 570-40-45/46.
В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А.
Тел. (863) 268-83-59/60.
В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е».
Тел. (846) 269-66-70.
В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел. (343) 378-49-45.
В Киеве: ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Луговая, д. 9.
Тел./факс: (044) 537-35-52.
Во Львове: ТП ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Бузкова, д. 2.
Тел./факс (032) 245-00-19.
В Симферополе: ООО «Эксмо-Крым» ул. Киевская, д. 153.
Тел./факс (0652) 22-90-03, 54-32-99.

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и канцтоварами «Канц-Эксмо»:
117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (495) 411-50-76.
127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел.: (495) 780-58-34.

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»:
В Москве в сети магазинов «Новый книжный»:
Центральный магазин — Москва, Сухаревская пл., 12. Тел. 937-85-81.
Волгоградский пр-т, д. 78, тел. 177-22-11; ул. Братиславская, д. 12, тел. 346-99-95.
Информация о магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.
В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:
«Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо» обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.

Сборники
афоризмов и цитат
от Константина Душенко –
незаменимые книги в вашей домашней библиотеке

Константин Васильевич Душенко – историк, культуролог, переводчик. Сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН. Над каждой книгой К. В. Душенко работает очень тщательно. Вот почему его сборники получают самые высокие оценки журналистов, историков, культурологов, литературоведов и считаются лучшими в своем жанре.

За последние годы продано свыше 1,5 млн. экз. его книг.

Самая лучшая коллекция афоризмов – остроумных, деликатных и изысканных

Незаменимое справочное пособие журналистов, политиков, писателей и других профессионалов слова

Книги современны, так как содержат высказывания и афоризмы не только деятелей прошлого, но и наших современников – Владимира Путина, Михаила Жванецкого, Алисы Фрейндлих, Барбары Стрейзанд, Иоанны Хмелевской, Елены Яковлевой, Татьяны Догилевой, Ирины Хакамады и др.

КОНСТАНТИН ДУШЕНКО СОСТАВЛЕНО

www.eksmo.ru

Д. ПРЕСТОН,
Л. ЧАЙЛД

ГРАНИЦА ЛЬДОВ

На пустынном острове у границы антарктических льдов уже несколько миллионов лет лежит самый большой из когда-либо упавших на Землю метеоритов. Палмер Ллойд, нью-йоркский миллиардер и известный собиратель редкостей, решает пополнить свою коллекцию этим таинственным пришельцем из глубин Вселенной. Вся операция по перевозке глыбы весом в четыре тысячи тонн должна проводиться в обстановке строжайшей секретности, чтобы ничто не помешало Ллойду завладеть вожделенным раритетом. Однако опасность угрожает не только извне, она таится в самом метеорите. Постепенно члены экспедиции начинают понимать, что не они захватили этот таинственный древний объект, а он захватил их и не собирается отпускать живыми.

ISBN 978-5-699-23182-9

Эксмо